

пушкин

борис
годунов

пушкин
сочинения
комментированное издание
под общей редакцией
дэвида м. бетеа
выпуск 2

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

пушкин

университет висконсин-мэдисон
пушкинский центр

российская академия наук
институт русской литературы
(пушкинский дом)

борис
годунов

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
П91

Комментарии
Сергей Фомичев,
Мария Виरोлайнен
(История замысла и текста;
Примечания к Приложению II),
Лидия Лотман (Исторические
источники «Бориса Годунова»;
Литературный фон трагедии
«Борис Годунов»; Проблема
сценичности «Бориса Годунова»;
Ранняя рецепция «Бориса Годунова»
[при участии Татьяны Китаниной]);
Построчные примечания;
Примечания к Приложению I),
Елена Хворостьянова
(Стих «Бориса Годунова»)

Подготовка текстов
Сергей Фомичев (Приложение I),
Мария Виरोлайнен (Приложение II)

Редакторы Мария Виरोлайнен
и Александр Долинин

Указатель Алина Бодрова

Рецензенты Екатерина Ларионова,
Стефани Сандлер и Кэрил Эмерсон

Издание осуществлено при
поддержке Пушкинского центра,
Университет Висконсин-Мэдисон

Издатель Андрей Курилкин

Дизайн Анатолий Гусев

В оформлении авантюла
использована гравюра
Николая Уткина
с оригинала Ореста Кипренского

Пушкин А.С.
П91 Сочинения: Комментированное издание /
Под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 2: Борис Годунов.
М.: Новое издательство, 2008. — 4 + 150 + 422 с.

ISBN 978-5-98379-107-7

В настоящей книге репринтное воспроизведение прижизненного издания трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (СПб., 1831) сопровождается фундаментальными историко-литературными комментариями.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-98379-107-7

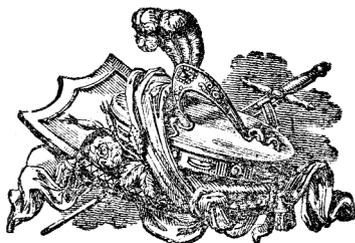
© Коллектив авторов, составление,
подготовка текста, комментарии, 2008

© Новое издательство, 2008

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ,

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1831.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

1831.

С ъ д о з в о л е н і я п р а в и т е л ь с т в а .

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛЯ РОССІАНЪ

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА

СЕЙ ТРУДЪ, ГЕНИЕМЪ ЕГО ВДОХНОВЕННЫЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТІЮ ПОСВЯЩАЕТЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 Февраля.)

КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

В о р о т ы н с к і й.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдашь,
Но, кажешся, намъ не за кѣмъ смошрѣшь:
Москва пуща; во слѣдъ за Пашріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончишся шревога?

Ш у й с к і й.

Чѣмъ кончишся? Узнашь немудрено:

Народъ еще повоешь , да поплачешь ,
 Борисъ еще поморщится немного ,
 Чшо пьяница предъ чаркою вина ,
 И наконецъ по милоспи своей
 Приняшь вѣнецъ смиренно согласися ,
 А шамъ — а шамъ онъ будешь нами править
 По прежнему.

В о р о т ы н с к і й.

Но мѣсяць ужъ прошекъ ,
 Какъ , зашворясь въ монастырьъ съ сестрою ,
 Онъ , кажешся , покинулъ все мірское.
 Ни Папріархъ , ни Думные Бояре
 Склонить его доселѣ не могли ;
 Не внемлешь онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ ,
 Ни ихъ мольбамъ , ни волю всей Москвы ,
 Ни голосу Великаго Собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословишь Бориса на державу ;
 Печальная Монахиня - Царица ,
 Какъ онъ шверда , какъ онъ неумолима :

Знашь самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Чшо ежели Правипель, въ самомъ дѣлѣ,
 Державными забопами наскучиль
 И на пресполь безвласный не взоидеть?
 Чшо скажешь ты?

Ш у й с к и й.

Скажу, чшо понапрасну
 Лилася кровь Царевича - младенца;
 Чшо если шакъ, Димитрій могъ бы жить.

В о р о т ы н с к и й.

Ужасное злодѣйство! Полно шочно ль
 Царевича стубиль Борисъ?

Ш у й с к и й.

А кшо же?

Кшо подкупаль напрасно Чепчугова?
 Кшо подосмалъ обоихъ Бипяговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
 Ислѣдовашъ на мѣспѣ это дѣло:
 Набхаль я на свѣжіе слѣды;
 Весь городъ былъ свидѣшель злодѣянья;

* * *

Всѣ граждане согласно показали :
 И, возвращаясь, я могъ единымъ словомъ
 Изобличить сокрышаго злодѣя.

В о р о т ы н с к і й.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Ш у й с к і й.

Онъ, признаюсь, тогда меня смушилъ
 Спокойствіемъ, беспыдносною нежданой;
 Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будшо правый :
 Разспрашивалъ, въ подробностяхъ входилъ —
 И передъ нимъ я повспорилъ нелѣпность,
 Которую мнѣ самъ онъ напечаталъ.

В о р о т ы н с к і й.

Нечисто, Князь.

Ш у й с к і й.

А что мнѣ было дѣлать?

Все объявишь Феодору? Но Царь
 На все глядѣлъ очами Годунова,
 Всему внималъ ушами Годунова :
 Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ ;

Борисъ шопчасъ его бы разувѣрилъ,
 А шамь меня жь сослали бь въ започенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой шюрмѣ шихонько бь задавили.
 Не хвасшаюсь, а въ случаѣ конечно
 Никая казнь меня не успрашишь;
 Я самъ не прусь, но шакже не глупецъ,
 И въ пешлю лѣзшь не соглашуся даромъ.

В о р о т ы н с к і й.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губишеля раскаянье шревожишь:
 Конечно кровь невиннаго младенца
 Ему спушишь мѣшаешь на пресполь.

Ш у й с к і й.

Перешагнешь; Борисъ не шакъ - шо робокъ!
 Какая честь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, Тапаринъ, зяшь Малюшы,
 Зяшь палача и самъ въ душѣ палачъ,
 Возмешь вѣнецъ и бармы Мономаха...

В о р о т ы н с к и й.

Такъ, родомъ онь незнапень; мы знапнѣ.

Ш у й с к и й.

Да, кажешся.

В о р о т ы н с к и й.

Вѣдь Шуйскій, Воропынскій...

Легко сказать, природные Князья.

Ш у й с к и й.

Природные, и Рюриковой крови.

В о р о т ы н с к и й.

А слушай, Князь, вѣдь мы бѣ имѣли право

Наслѣдовашь Θεодору.

Ш у й с к и й.

Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

В о р о т ы н с к и й.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Ш у й с к и й.

Что жъ?

Когда Борисъ хипришь не переспанешъ,

Давай народъ искусно волновашь;
 Пускай они оставяшть Годунова,
 Своихъ Князей у нихъ довольно; пущь
 Себѣ въ Цари любаго изберушъ.

Воротынскій.

Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга,
 Да шрудно намъ пиягашься съ Годуновымъ:
 Народъ опвыкъ въ насъ видѣшь древню опрасль
 Воинспвенныхъ власпшителей своихъ.
 Уже давно лишились мы удѣловъ,
 Давно Царямъ подручниками служимъ,
 А онъ умѣль и спрахомъ и любовью
 И славою народъ очаровашь.

Шуйскій (*глядить въ окно*).

Онъ смѣль, вошъ все — а мы... Но полно. Видишь,
 Народъ идешъ, разсыпавшись, назадъ —
 Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Н А Р О Д Ъ.

О д и н ъ.

Неумолимъ! Онъ ошь себя прогналь
 Свяшителей, Бояръ и Папріарха.
 Они предъ нимъ напрасно пали ниць;
 Его спрашитъ сіяніе престола.

Д р у г о й.

О Боже мой, кшо будешь нами править?
 О горе намъ!

Т р е т і й.

Да вошь Верховный Дьякъ
 Выходить намъ сказать рѣшенье Думы.

Н А Р О Д Ъ.

Молчашь! молчашь! Дьякъ Думной говоришь;

Ш ш — слушайте!

Щелкловъ (*съ Краснаго Крыльца*).

Соборомъ положили

Въ послѣдній разъ ошвѣдашь силу просьбы

Надъ скорбною Правителя душой.

Заупра вновь Святейшій Патриархъ,

Въ Кремль опивъ порожесивенно молебень,

Предшесшвуемъ хоругвями святыми,

Съ Иконами Владимірской, Донской,

Воздвигешся, а съ нимъ Синклишь, Бояре,

Да сонмъ Дворянь, да Выборные Люди

И весь народъ Московскій православный,

Мы всѣ поидемъ молишь Царицу вновь,

Да сжалишся надъ сирою Москвой

И на вѣнецъ благословишь Бориса.

Идите же вы съ Богомъ по домамъ,

Молишесь, да въздешъ къ небесамъ

Усердная молишва православныхъ.

(*Народъ разходится*).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРИАРХЪ, БОЯРЕ.

Б о р и с ъ.

Ты, опче Патріархъ, вы всѣ, Бояре,
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я приѣмлю власшь
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и Ангелу - Царю!..
О праведникъ, о мой опецъ державный!
Возри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И низпошли шому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь шоль дивно возвеличилъ,

Священное на власть благословенье :
 Да правлю я во славу свой народъ,
 Да буду благу и праведенъ, какъ ты.

Ошь васъ я жду содѣйствія, Бояре.
 Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
 Когда шруды я ваши раздѣлялъ,
 Не избранный еще народной волей.

Б о я р е.

Не измѣнимъ присягу, нами данной.

Б о р и с ъ.

Теперь пойдѣмъ, поклонимся гробамъ
 Почюющихъ властителей Россіи,
 А памь — сзывашъ весь нашъ народъ на пирь,
 Всѣхъ, ошь вельможъ до нищаго слѣща;
 Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дороге.

(Уходитъ, за нимъ и Бояре).

Князь Воротынский, *останавливая Шуйскаго.*

Ты угадалъ.

Ш у й с к і й.

А что?

В о р о т ы н с к і й.

Да здѣсь, намедни,

Ты помнишь?

Ш у й с к і й.

Нѣшь, не помню ничего.

В о р о т ы н с к і й.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,

Ты говорилъ —

Ш у й с к і й.

Теперь не время помнишь,

Совѣшую порой и забывашь,

А впрочемъ я злословіемъ припворнымъ

Тогда желалъ тебя лишь испытать,

Вѣрнѣй узнашь швой шайный образъ, мыслей;

Но вошь — народъ привѣшшвуешъ Царя —

Ошсупшшвіе мое замѣшишь могушь —

Иду за нимъ.

В о р о т ы н с к і й.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЪЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ.

(1603 года.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЬ, ГРИГОРІЙ спящій.

Пимень (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье —
И Лѣпопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣпъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый

Найдесть мой прудъ усердный, безымянный;
Засвѣшпшь онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ опъ харпій опряхнувь,
Правдивыя сказанья перепишеть,
Да вѣдаютъ попомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминають
За ихъ пруды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за шемныя дѣянья,
Спасишеля смиренно умоляютъ.

На спаросши я сьзнова живу;
Минувшее проходишь предо мною —
Давно ль оно неслось собыпшй полно,
Волнуясь, какъ море - окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходишь до меня,
А прочее погнбло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догараетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій пробуждается.

Все шопъ же сонъ! Возможно ль? въ шрепій разъ!
 Прокляшый сонъ!.. А все передъ лампадой
 Шарикъ сидишь, да пишешь — и дремопой
 Знашь во всю ночь онъ не смыкаль очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ Лѣпопись свою ведешь; и часпо
 Я угадашь хопѣль, о чемъ онъ пишешь:
 О шемномъ ли владычествѣ Ташаръ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Юанна?
 О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчѣ?
 О славѣ ли опечесшва? напрасно:
 Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочешь его сокрышыхъ думъ;
 Все шопъ же видъ смиренный, величавый.
 Такъ шочно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,
 Спокойно зришь на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалосши, ни гнѣва.

П и м е н ь .

Проснулся , брашь .

Г р и г о р и й .

Благослови меня ,

Чеспный отецъ .

П и м е н ь .

Благослови , Господь ,

Тебя и днесъ и присно и вовьки .

Г р и г о р и й .

Ты все писалъ и сномъ не позабылся ,

А мой покой бѣсовское мечпанье

Тревожило , и врагъ меня мушилъ :

Мнѣ снилося , что лѣспница крушая

Меня вела на башню ; съ высокошы

Мнѣ видѣлась Москва , что муравейникъ ;

Внизу народъ на площади кипѣль

И на меня указываль со смѣхомъ ;

И спыдно мнѣ и спрашно спановилось —

И падая спремглавь , я пробуждался

И при раза мнѣ снился пошь же сонъ.
Не чудно ли?

П и м е н ь.

Младая кровь играетъ ;
Смирй себя молишвой и поспомъ ,
И сны швои видѣній легкихъ будущъ
Исполнены. Донынѣ — если я ,
Невольною дремошой обезсиленъ ,
Не сошворю молишвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не шихъ и не безгрѣшенъ ;
Мнѣ чюдятся шо шумные пиры ,
То ранний спанъ , шо схвапки боевыя ,
Безумныя пошѣхи юныхъ лѣшъ !

Г р и г о р и й.

Какъ весело провель свою шы младосшь !
Ты воеваль подъ башнями Казани ,
Ты рашъ Липвы при Шуйскомъ опражалъ ,
Ты видѣль Дворъ и роскошь Иоанна !
Щаспливь ! а я ошь опроческихъ лѣшъ
По келямъ скишаюсь , бѣдный инокъ !

Зачѣмъ и мнѣ не пѣшишься въ бояхъ,
 Не пировать за Царскою прапезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на спаросъ лѣтъ,
 Ошь суеши, ошь міра опложись,
 Произнеси монашества обѣтъ,
 И въ тихую обитель затворишься.

П и м е н ь.

Не сътуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
 Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали плѣniają слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
 Прошиву ихъ? Никто. А что же? Часто
 Злашой вѣнецъ тяжель имъ спановился:
 Они его мѣняли на клобукъ.

Царь Иоаннъ искалъ успокоенья
 Въ подобіи монашескихъ шрудовъ.
 Его дворець , любимцевъ гордыхъ полный ,
 Монашья видъ новый принималъ :
 Кромешники въ пафьяхъ и власяницахъ
 Послушными являлись чернецами ,
 А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ.
 Я видѣлъ здѣсь , вопь въ эпой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ шогда Кирилль многоспрадальный ,
 Мужъ праведный ; шогда ужъ и меня
 Сподобилъ Богъ уразумѣшь ничшожность
 Мірскихъ суешъ) , здѣсь видѣлъ я Царя ,
 Успалого ошъ гнѣвныхъ думъ и казней :
 Задумчивъ , шихъ сидѣлъ межъ нами Грозный ;
 Мы передъ нимъ недвижимо спояли ,
 И шихо онъ бесѣду съ нами вель.
 Онъ говорилъ Игумну и всей брашъ :
 « Ошцы мои , желанный день придетъ ,
 « Предшану здѣсь алкающій спасенья ;
 « Ты , Никодимъ , шы , Сергій , шы , Кирилль ,

« Вы всё — объять примите мой духовный ,
 « Прииду къ вамъ пресупникъ окаянный
 « И схиму здѣсь чешную восприму,
 « Къ снопамъ швоимъ, свяшый Опець, припадши.»
 Такъ говорилъ державный Государь ,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася ,
 И плакаль онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспослеть Господь любовь и миръ
 Его душъ , спрадающей и бурной.
 А сынъ его Феодоръ ? На пресполѣ
 Онъ въздыхаль о мирномъ жишii
 Молчальника. Онъ Царскіе чершogi
 Преобрашилъ въ молишвенную келью ;
 Тамъ шяжкія , державныя печали
 Свяшой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе Царя ,
 И Русь при немъ во славъ безмяшежной
 Ушѣшилась — а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо :
 Къ его одру, Царю едино зримый,

Явился мужъ необычайно свѣшель,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Теодоръ
 И называшъ великимъ Папріархомъ,
 И всѣ кругомъ объяшы были спрахомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане свяшый Владыка предъ Царемъ
 Во храминѣ шогда не находился.
 Когда же онъ преспавился, палашы
 Исполнились свяшымъ благоуханьемъ
 И ликъ его какъ солнце просіялъ —
 Ужь не видашь шакого намъ Царя.
 О спрашное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ цареубійцу
 Мы нарекли.

Г р и г о р і й.

Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ себя спросить о смерти
 Димитрія Царевича; въ шо время
 Ты, говоряшь, былъ въ Угличѣ.

П и м е н ь.

Охъ , помню !

Привель меня Богъ видѣшь злое дѣло ,
 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ посланъ послушанье ;
 Пришелъ я въ ночь. Наушро въ часъ обѣдни
 Вдругъ слышу звонъ ; ударили въ набашъ ;
 Крикъ , шумъ. Бѣгушь на дворъ Царицы. Я
 Спѣшу спуда жъ — а шамъ уже весь городъ.
 Гляжу : лежишь зарѣзанный Царевичъ ;
 Царица машъ въ безпамятствѣ надъ нимъ ,
 Кормилица въ опчаяньи рыдаешъ ,
 А шушь народъ осшервенясь волочишь
 Безбожную предашельницу - мамку . . .
 Вдругъ между нихъ , свирѣтъ , ошь злоспи блѣдень ,
 Является Іуда - Бишиговскій.
 « Вошь , вошь злодѣй ! » раздался общій вопль ,
 И вмигъ его не спало. Тушь народъ
 Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ премъ убійцамъ ;
 Укрывшихся злодѣвѣвъ захвашили

И привели предъ теплый пруть младенца,
 И чудо — вдругъ мершвецъ запрепешаль.
 « Покайшеса! » народъ имъ загремѣль:
 И въ ужасѣ подъ шопоромъ злодѣи
 Покаялись — и назвали Бориса.

Г р и г о р и й.

Какихъ былъ лѣшь Царевичъ убѣнный?

П и м е н ь.

Да лѣшь семи; ему бы нынѣ было —
 (Тому прошло ужъ десяшь лѣшь... нѣшь, больше:
 Двѣнадцашъ лѣшь) — онъ былъ бы швой ровесникъ
 И царшвоваль; но Богъ судиль иное.

Сей повѣспью плачевной заключу
 Я лѣшопись свою; съ шѣхъ поръ я мало
 Вникаль въ дѣла мірскія. Брашь Григорій,
 Ты грамошой свой разумъ просвѣшилъ,
 Тебѣ свой шрудъ передаю. Въ часы
 Свободные опъ подвиговъ духовныхъ,
 Описывай, не мудршвуя лукаво,
 Все шо, чему свидѣшель въ жизни будешъ:

Войну и миръ , управу Государей ,
 Угодниковъ свяшья чудеса ,
 Пророчества и знаменья небесны —
 А мнѣ пора , пора ужь опдохнушь
 И погасишь лампаду... Но звоняшь
 Къ зашренѣ... благослови , Господь ,
 Своихъ рабовъ!... подай коспыль , Григорій.

(Уходитъ).

Г р и г о р і й.

Борисъ , Борисъ ! все предъ шобой шрепещеть ,
 Никшо тебѣ не смѣешь и напомнишь
 О жребіи несчастнаго младенца —
 А между пѣмъ опшельникъ въ темной кельѣ
 Здѣсь на тебѣ доносъ ужасный пишеть :
 И не уйдешь ты опъ суда мірскаго ,
 Какъ не уйдешь опъ Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЬ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, ошець Игумень?

ИГУМЕНЬ.

Убѣжалъ, свяшый Владыка, вошь ужъ шому
шрешій день.

ПАТРИАРХЪ.

Поспрѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЬ.

Изъ роду Ошрепьевыхъ, Галицкихъ Боярскихъ
Дѣшей; смолоду поспригся невѣдомо гдѣ, жиль
въ Суздаль, въ Ефимьевскомъ монаспырѣ, ушель
опшуда, шашался по разнымъ обиселямъ, на-

конецъ пришелъ къ моей Чудовской брашні; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, опдалъ его подъ началъ опцу Пимену, спарцу крошкому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, чипалъ наши лѣпописи, сочинялъ каноны святымъ; но знашь грамота далася ему не отъ Господа Бога...

ПАТРИАРХЪ.

Ужь эши мнѣ грамотѣ! что еще выдумаль! *буду Царемъ на Москвѣ!* ахъ, онъ сосудъ дѣвольскій! Однако нечего Царю и докладывать объ эшомъ; что превожись Опца-Государя? Довольно будешь объявишь о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Эшака ересь! *буду Царемъ на Москвѣ!*.... Поймашь, поймашь врагогодника, да и сослашь въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь эшо ересь, ошець Игумень?

ИГУМЕНЬ.

Ересь, свяшый Владыка, суцая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ Государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-шо колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ, вошь его любимая бесѣда:

Кудесники, гадашели, колдуньи.

Все ворожишь, что красная невѣста.

Желалъ бы знашь, о чемъ гадаешь онъ?

ВТОРОЙ.

Вошь онъ идешь. Угодно ли спросишь?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ! (*Уходятъ*).

ЦАРЬ, *входитъ*.

Доспигъ я высшей власпи;

Шестой ужъ годъ я царспвую спокойно :
 Но щасья нѣтъ моей душъ. Не шакъ ли
 Мы смолоду влюбляемъ и алчемъ
 Ушѣхъ любви, но шолько ушолимъ
 Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
 Ужъ охладѣвъ скучаемъ и шомимся?...
 Напрасно мнѣ кудесники суляшъ
 Дни долгіе, дни власпи безмяшежной —
 Ни власпъ, ни жизнь меня не веселяшъ;
 Предчувспвую небесный громъ и горе.
 Мнѣ щасья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
 Въ довольствіи, во славѣ успокоишъ,
 Щедрошами любовь его снискашъ —
 Но опложилъ пусное попеченье :
 Живая власпъ для черни ненависпна.
 Они любипъ умѣюшъ шолько мершвыхъ.

Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль превожидъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я ошворилъ имъ жишницы; я злошо
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснудя, проклинали!
Пожарный огонь ихъ дома испребилъ;
Я выспроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вопъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найши ошраду,
Я дочь мою мнилъ ошаспливишь бракомъ;
Какъ буря, смерть уносишь жениха....
И шущъ молва лукаво нарекаешъ
Виновникомъ дочерняго вдовшва
Меня, меня несчастнаго ошца!...
Кпо ни умрешъ, я всѣхъ убійца шайный:
Я ускорилъ Феодора кончину,
Я ошправилъ свою сестру Царицу,

Монахиню смиренную все я!
Ахъ, чувствую : ничто не можешь насъ
Среди мірскихъ печалей успокоишь ;
Ничто, ничто едина развѣ совѣсть —
Такъ, здравая, она воспоржествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветною.
Но если въ ней единое пьяно,
Единое случайно завелось ;
Тогда бѣда : какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молошкомъ спучитъ въ ухахъ упрекомъ,
И все пошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ
И радъ бѣжать, да некуда ужасно !
Да, жалокъ пошъ, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЬ и ВАРЛААМЪ , БРОДЯГИ въ видѣ чер-
нецѣвъ ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ миряниномъ ;
ХОЗЯЙКА.

Х о з я й к а .

Чѣмъ-по мнѣ васъ подчивашь, спарцы честные?

В а р л а а м ъ .

Чѣмъ Богъ пошлеть, хозяйюшка. Нѣтъ ли вина?

Х о з я й к а .

Какъ не бытъ, опцы мои! сей часъ вынесу.

(Уходитъ.)

М и с а и л ь .

Чшо жъ ты закручинился, поварищъ? Вотъ и
граница Литовская, до кошорой такъ хошѣлось
тебѣ добраться.

Григорій.

Пока не буду въ Липвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ.

Что тебѣ Липва шакъ слюбилась? Вошь мы, опець Мисаиль, да я грѣшный, какъ ушekli изъ монашья, шакъ ни о чемъ ужъ и не думаемъ: Липва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вошь и оно!...

Мисаиль.

Складно сказано, опець Варлаамъ.

Хозяйка, *входитъ*.

Вошь вамъ, опцы мои. Пейше на здоровье.

Мисаиль.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (*Поетъ*.)

Какъ во городѣ было во Казани...

Что же шы не подпягиваешь, да и не попягиваешь?

Григорій.

Не хочу.

Мисаиль.

Вольному воля....

Варлаамъ.

А пьяному рай, отецъ Мисаиль! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку....

Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, шакъ презвухъ не люблю : ино дѣло пьянштво, а иное чванштво; хочешъ жишь какъ мы, милоспи просимъ — нѣшь, шакъ убирайся, проваливай: скоророхъ попу не шоварищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!... Видишь и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣшь?

Мисаиль.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да чшо онъ за поспникъ? Самъ же къ намъ
назвался въ поварищи, невѣдомо кшо, невѣдомо
опкуда — да еще и спѣсивишся. (*Пьетъ и поетъ.*)

Молодой Чернецъ постригся.

Григорій, *хозяйка.*

Куда ведешь эша дорога?

Хозяйка.

Въ Липву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно бы шуда поспѣшь,
кабы не засшавы Царскія, да спорожевые при-
сшавы.

Григорій.

Какъ, засшавы! чшо эшо значишь?

Хозяйка.

Кшо-шо бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всёхъ
задерживашъ, да осмашривашъ.

Григорій, *про себя.*

Вопь шебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (*Вслухъ.*)
Да кого жь имъ надобно? Кшо бѣжалъ изъ Мос-
квы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаешъ, воръ ли, разбойникъ,
шолько здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода
нѣшъ. А чшо изъ шого будешъ? ничего, ни
лысаго бѣса не поймаюшъ: будшо въ Липву нѣшъ
и другаго пуши, какъ шполбовая дорога! Вопь
хопь опсюда свороши влѣво, да боромъ иди по
шропинкѣ до часовни, чшо на Чеканскомъ ручью,
а шамъ прямо черезъ болошо на Хлопино, а оп-
шуда на Захарьево, а шупь ужъ всякой маль-
чишка доведешъ до Луёвыхъ горь. Опъ эшихъ
присшавовъ шолько и шолку, чшо пришѣсняюшъ
прохожихъ, да обираюшъ насъ бѣдныхъ. (*Слы-
шень шумъ*). Чшо шамъ еще? Ахъ, вопь они
прокляшые! дозоромъ идушъ.

Григорій.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

Хозяйка.

Нѣшу, родимый, рада бы сама спряпашься. Только слава, что дозоромъ ходяшь, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чшобъ имъ издохнушь окааннымъ! чшобъ имъ... (*Входятъ Приставы.*)

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловашь, госпи дороге, милосши просимъ.

Одинъ Приставъ другому.

Ба! да здѣсь попойка идешь; будешь чѣмъ поживишься. (*Монахамъ.*) Вы чшо за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи спарцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милоспыню Хриспіанскую на монашпырь.

Приставъ, Григорью.

А шы?

Мисаиль.

Нашъ товарищъ....

Григорій.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ спарцевъ до рубежа; ошселъ иду восвояси.

Мисаиль.

Такъ шы раздумаль....

Григорій, тихо.

Молчи.

Приставъ.

Хозяйка, выспавъ-ко еще вина— а мы здѣсь со спарцами поъемъ, да побесѣдуемъ.

Другой Приставъ, тихо.

Парень-шо, кажешся, голь; съ него взяшь нечего; за шо спарцы....

Первый.

Молчи, сей часъ до нихъ доберемся.—Что, опцы мои, каково промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! нынѣ Христіане спали скупы; деньгу любящъ, деньгу прячущъ. Мало Богу дающъ. Приде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустилися въ шорги, въ мыпарешва; думаютъ о мірскомъ богашествѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ при дни шрехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдешъ недѣля, другая, заглянешъ въ мошѣнку, анъ въ ней пакъ мало, чпо совѣсно въ монастырь показашъ; чпо дѣлашь? съ горя и оспальное прошьешъ; бѣда да и шолько. — Охъ, плохо, знашь пришли наши послѣднія времена....

Хозяйка, плазеть.

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый Приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алѣха! при шебѣ ли Царскій Указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ко сюда.

МИСАИЛЬ.

Чшо ты на меня шакъ приспально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вопшь чшо: изъ Москвы бѣжалъ нѣкопорый злой ерешикъ, Гришка Опреньевъ, слыхаль ли ты эшо?

МИСАИЛЬ.

Не слыхаль.

ПРИСТАВЪ.

Не слыхаль? ладно. А шого бѣлаго ерешика Царь приказаль изловить и повѣсить. Знаешь ли ты эшо?

МИСАИЛЬ.

Не знаю.

П р и с т а в ь , *Варлааму.*

Умѣешь ли ты чипашь?

В а р л а а м ь .

Смолоду зналъ, да разучился.

П р и с т а в ь , *Мисаилу.*

А ты?

М и с а и л ь .

Не умудрилъ Господь.

П р и с т а в ь .

Такъ вошь шебъ Царскій Указъ.

М и с а и л ь .

На что мнѣ его?

П р и с т а в ь .

Мнѣ сдаешся, что эшошь бѣглый ерешикъ,
воръ, мошенникъ — ты.

М и с а и л ь .

Я? помилуй! что ты!

П р и с т а в ь .

Поспой! держи двери. Вошь мы сей часъ и
справимся.

Хозяйка.

Ахъ они окаянные мучители! и спарца-по въ покоѣ не оставяшь!

Приставъ.

Кшо здѣсь грамошный?

Григорій, *выступаетъ впередъ.*

Я грамошный.

Приставъ.

Вошь на... А у кого же шы научился?

Григорій.

У нашего пономаря.

Приставъ, *даетъ ему Указъ.*

Чишай же вслухъ.

Григорій, *читаетъ.*

« Чудова монастыря недоспойный чернецъ Григорій, изъ роду Ошрепьевыхъ, впаль въ ересь
« и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущашъ
« свяшую брашю всякими соблазнами и безза-
« коніями. А по справкамъ оказалось, опбѣжалъ

« онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Липов-
« ской.... »

Приставъ, *Мисанлу*.

Какъ же не шы?

Григорій.

« И Царь повелѣлъ изловить его.... »

Приставъ.

И повѣсись!

Григорій.

Тутъ не сказано повѣсись.

Приставъ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется.

Читай: изловить и повѣсись.

Григорій.

« И повѣсись. А лѣшь ему вору Гришкѣ отъ ро-
« ду.... (*смотря на Варлаама*) за бо, а росшу
« онъ средняго, лобъ имѣешь плѣшивый, бороду
« сѣдую, брюхо полстное.

(*Всѣ глядятъ на Варлаама.*)

Ребяша! здѣсь Гришка! держите, вяжите его!
 Вошь ужъ не думаль, не гадалъ!

Варлаамъ, *вырываетъ бумагу.*

Опсшаньше, посшрѣмы! чшо я за Гришка?
 какъ! 5о лѣшь, борода сѣдая, брюхо шолсное!
 нѣшь, брашь! молодъ еще надо мною шупки
 шупишь. Я давно не чипываль и худо разбираю,
 а шупъ ужъ разберу, какъ дѣло до пешли дохо-
 дишь. (*Читаетъ по складамъ.*) «А лѣшь е-му
 «ошъ ро-ду... 20.»—Чшо брашь, гдѣ шупъ 5о?
 видишь 20?

Второй Приставъ.

Да, помнишь, 20; шакъ и намъ было сказано.

Первый Приставъ, *Григорію.*

Да шы, брашь, видно забавникъ.

(*Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя
 голову, съ рукою за пазухой.*)

Варлаамъ, *продолжаетъ.*

«А роспомъ онъ малъ, грудь широкая, одна
 «рука короче другой, глаза голубые, волосы ры-

« жіе , на щекѣ бородавка , на лбу другая. Да
эшо другъ ужъ не шы ли ?

*(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ ; всѣ
передъ нимъ разступаются , онъ бросается
въ окно.)*

П Р И С Т А В Ы .

Держи ! держи !

(Всѣ бѣгутъ въ беспорядкѣ.)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей. Ужинъ.

Шуи с к і й.

Вина еще. (*Встаетъ, за нимъ и всѣ.*)

Ну, госпи дорогіе,

Послѣдній ковшъ! Чипай молишву, мальчикъ.

М а л ь ч и к ъ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,

Своихъ рабовъ моленію внемли:

Помолимся о нашемъ Государѣ,

Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,

Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палахахъ, въ полѣ рашномъ,

И на пусяхъ, и на одрѣ ночлега.

Подай ему побѣду на враги,
 Да славился онъ ошъ моря до моря.
 Да здравіемъ цвѣшеть его семья,
 Да осѣняшь ея драгія вѣшви
 Весь міръ земной — а къ намъ, своимъ рабамъ,
 Да будешь онъ, какъ прежде благодашень,
 И милоспивъ и долгошерпѣливъ,
 Да мудросни его неиспощимой
 Произшекушь испочники на насъ;
 И, Царскую на шо воздвигнувъ чашу,
 Мы молимся Тебъ, Царю небесь.

Шуи скій, *пѣеть.*

Да здравшвуешь Великій Государь!
 Проспшите же вы, госпи дорогіе;
 Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
 Не презрѣли. Проспшите, добрый сонъ.
(Гости уходятъ, онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ.

Насилу убрались; ну, Князь Василій Ивановичъ, я
 ужъ думаль, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій, *слугамъ.*

Вы, что рошь разинули? Все бы вамъ господь
подслушивашь. Сбирайше со стола, да спупай-
ше вонь. — Чшо шакое, Аѳанасій Михайловичь?

Пушкинъ.

Чудеса да и полько.

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Ну.

Пушкинъ.

Спранную племянникъ пишешъ новосшь.
Сынъ Грознаго . . . посшой. (*Идетъ къ дверямъ*
и осматриваетъ.) Державный опрокъ,
По манію Бориса убіенный . . .

Шуйскій.

Да эшо ужь не ново.

Пушкинъ.

Погоди:

Димишрій живъ.

Ш у й с к и й.

Вошь на! какая вѣспь!

Царевичъ живъ! ну подлинно чудесно.

И шолько-шо.

П у ш к и н ь.

Послушай до конца :

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,

Иль нѣкій духъ во образъ его,

Иль смѣлый плутъ, безспыдный самозванецъ,

Но шолько шамъ Димитрій появился.

Ш у й с к и й.

Не можешъ бышь.

П у ш к и н ь.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,

Какъ прїѣзжалъ впервой онъ во дворець

И сквозь ряды Лишовскихъ Пановъ прямо

Шель въ шайную палашу Короля.

Ш у й с к и й.

Кто жъ онъ шакой? ошкуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаюшь,

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному опцу,
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ шайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра
И съ нимъ пошомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жъ говоряшь объ эшомъ удалецѣ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣпливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецѣвъ
Обворожилъ. Лашинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И говоряшь, помогу обѣцать.

Шуйскій.

Все это, брашь, такая куперма,
Что голова кругомъ пойдешь невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,

Но признаюсь, опасность не мала.
 Вѣсь важная! и если до народа
 Она дойдетъ, то бытъ грозѣ великой!

Пушк ин ъ.

Такой грозѣ, что врьдъ Царю Борису
 Сдержашъ вѣнецъ на умной головѣ.
 И подѣломъ ему: онъ править нами,
 Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянушь)
 Чшо пользы въ шомъ, чшо явныхъ казней нѣтъ,
 Чшо на полу кровавомъ всенародно
 Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
 Чшо насъ не жгутъ на площади, а Царь
 Своимъ жезломъ не подгребаешъ углей?
 Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
 Насъ каждый день опала ожидаешъ,
 Тюрма, Сибирь, кlobукъ, иль кандалы,
 А шамъ въ глуши голодна смершь, иль пепля.
 Знашнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
 Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
 Романовы, опечесства надежда?

Заточены, замучены въ изгнанъ.
 Дай срокъ: шебъ шакая жь будешъ учашъ.
 Легко ль, скажи: мы дома, какъ Липвой,
 Осаждены невѣрными рабами:
 Все языки, гошовые продашь,
 Правительствомъ подкупленные воры.
 Зависимъ мы опъ перваго холопа,
 Кошораго захочемъ наказашъ.
 Вошъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
 Не власны мы въ помѣстїяхъ своихъ.
 Не смѣй согнашь лънивца! Радъ не радъ,
 Корми его. Не смѣй переманишь
 Рабошника! Не шо, въ Приказъ Холопей.
 Ну, слыхано ль хошъ при Царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулишь спаринный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдешъ пошѣха.

Ш у й с к и й.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣспимо,

Знай про себя. Ты человекъ разумный;
Всегда съ побой бесѣдовашъ я радъ,
И если что меня подчасъ превожипшъ,
Не вышерплю, чшобъ не сказапъ шебъ;
Къ шому жъ швой медъ, да бархашное пиво
Сегодня шакъ языкъ мнѣ развязаи....
Прощай же, Князь.

Шуйскій.

Прощай, брашъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина.)

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ, *тертитъ Географическую карту.*

ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

К с е н я, *цалуеть портретъ.*

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты доспался, не своей невѣстѣ, а шемной могилкѣ, на чужой споронкѣ: никогда не ушъщусь, вѣчно по шебѣ буду плакать.

М а м к а.

И, Царевна! дѣвица плачешь, что роса падепъ: взойдепъ солнце, росу засушипъ. Будепъ у шебя другой женихъ и прекрасный и привѣпливый.

Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

К с е н и я .

Нѣтъ, мамушка, я и мершвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ.)

Ц а р ь .

Что, Ксенія? что, милая моя?

Въ невѣспахъ ужь печальная вдовица!

Все плачешь ты о мершвомъ женихъ.

Дитя мое! судьба мнѣ не судила

Виновникомъ бышь вашего блаженства.

Я, можешь бышь, прогнѣваль небеса,

Я счастье швое не могъ успроить;

Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?

А ты, мой сынъ, чѣмъ заняшь? Эшо что?

Ф е о д о р ь .

Чершежь земли Московской; наше царство

Изъ края въ край. Вошь видишь: шущь Москва,

Тущь Новгородъ, шущь Астрахань. Вошь море,

Вошь Пермскіе дремучіе лѣса,
А вошь Сибирь.

Ц А Р Ъ.

А эшо чшо такое

Узоромъ здѣсь вѣшся?

Т Е О Д О Р Ъ.

Эшо Волга.

Ц А Р Ъ.

Какъ хорошо! вошь сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣшь
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быспропекущей жизни —
Когда нибудь, и скоро, можешь быть,
Всѣ обласи, кошорья ты нынѣ
Изобразилъ шакъ хипро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку доспанушя швою —
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣ
Державный шрудъ ты будешь постигашъ.

(Входитъ Семень Годуновъ.)

Вопть Годуновъ идешь ко мнѣ съ докладомъ.

(Ксенія) Душа моя, поди въ свою свѣплицу;

Прости, мой другъ; ушъшь шебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходитъ.)

Что скажешь мнѣ, Семень Никишичь?

С Е М Е Н Ъ Г О Д У Н О В Ъ .

Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣшь, дворецкій Князь-Василья

И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Ц А Р Ъ .

Ну.

С Е М Е Н Ъ Г О Д У Н О В Ъ .

Пушкина слуга донесъ сперва,

Что поушпру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхаль

Изъ Кракова гонецъ — и черезъ часъ

Безъ грамошы опосланъ былъ обрашно.

Ц А Р Ъ .

Гонца схвашишь.

С Е М Е Н Ъ Г О Д У Н О В Ъ .

Ужъ послано въ догоню.

Ц А Р Ь.

О Шуйскомъ что?

С Е М Е Н Ъ Г О Д У Н О В Ъ.

Вечёръ онъ угощаль
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бушурлиныхъ, Михаила Салшыкова,
Да Пушкина — да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ осшался
И долго съ нимъ бесѣдоваль еще.

Ц А Р Ь.

Сей часъ послашь за Шуйскимъ.

С Е М Е Н Ъ Г О Д У Н О В Ъ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

Ц А Р Ь.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ.)

Ц А Р Ь.

Сношенія съ Литвою! эшо что?..

Прошивень мнѣ родъ Пушкиныхъ мяшежный,
 А Шуйскому не должно довѣрять.
 Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, Князь, съ побою говоришь.
 Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
 И выслушать хочу себя сперва.

Шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдашь
 Вѣсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій, *тихо указывая на Теодора.*

Но, Государь....

Царь.

Царевичъ можешь знать,

Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Ливны пришла намъ вѣсть....

Ц А Р Ь.

Не ша ли,

Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ.

Ш у й с к и й.

Все знаешь онъ!... Я думаль, Государь,

Что ты еще не въдаешь сей шайны.

Ц А Р Ь.

Нѣшь нужды, Князь: хочу сообразить

Извѣспія; иначе не узнаемъ

Мы испины.

Ш у й с к и й.

Я знаю шолько шо,

Что въ Краковѣ явился самозванецъ,

И что Король и Паны за него.

Ц А Р Ь.

Что жь говорятъ? Кто эшошь самозванецъ?

Ш у й с к и й.

Не въдаю.

Ц А Р Ь.

Но... чѣмъ опасень онъ.

Ш у й с к и й.

Конечно, Царь: сильна швоя держава,
 Ты милосшью, радѣньемъ и щедрой
 Усыновиль сердца своихъ рабовъ.
 Но знаешь самъ: бессмысленная чернь
 Измѣнчива, мяшежна, суевѣрна,
 Легко пуспой надеждѣ предана,
 Мгновенному внушенію послушна,
 Для истины глуха и равнодушна,
 А баснями пишаея она.
 Ей нравися безспыдная опвага;
 Такъ если сей невѣдомый бродяга
 Липовскую границу перейдешъ,
 Къ нему шолпу безумцевъ привлечешъ
 Димитрія воскреснувшее имя.

Ц а р ь.

Димитрія!... какъ? эшого младенца?
 Димитрія!... Царевичъ, удались.

Ш у й с к и й.

Онъ покраснѣлъ: бышь бурѣ!...

Өвөдорь.

Государь,

Дозволишь ли

Ц а р ь.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Өвөдорь уходитъ.)

Димитрiя!

Ш у й с к i й.

Онъ ничего не зналъ.

Ц а р ь.

Послушай, Князь: взяшь мѣры сей же часъ;

Чшобъ ошь Липвы Россiя оградилась

Заспавами; чшобъ ни одна душа

Не перешла за эшу грань; чшобъ заяць

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чшобъ воронь

Не прилештъ изъ Кракова. Спущай.

Ш у й с к i й.

Иду.

Ц а р ь.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть

Запѣйлива? Слыхаль ли ты когда,
 Чшобъ мершвые изъ гроба выходили
 Допрашивашь Царей, Царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣнчанныхъ великимъ Паптріархомъ?
 Смѣшно? а? чшо? чшо жъ не смѣешься ты?

Ш у и с к и й.

Я, Государь?...

Ц а р ь.

Послушай, Князь Василій:

Какъ я узналъ, чшо опрока сего....
 Чшо опрокъ сей лишился какъ-шо жизни,
 Ты посланъ былъ на слѣдсвѣіе: шеперь
 Тебя Крешомъ и Богомъ заклинаю,
 По совѣспи мнѣ правду объяви:
 Узналъ ли ты убишаго младенца
 И не было ль подмѣна? Ошвѣчай.

Ш у и с к и й.

Клянусь тебѣ....

Ц А Р Ъ.

Нѣшь, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: по былъ Царевичъ!

Ш у й с к і й.

Онъ.

Ц А Р Ъ.

Подумай, Князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, по головою сына
Клянусь — тебя поспигнешь злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

Ш у й с к і й.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Передъ побой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я шруть его въ Соборъ посѣщаль,
Всѣмъ Угличемъ шуда сопровождаемый.

Вокругъ него принадлецашъ шѣль лежало,
 Расшерзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужь шлѣніе примѣпно просупало,
 Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
 И свѣжъ и пихъ, какъ будно усыпленный;
 Глубокая не запекалась язва,
 Черты жь лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣшь, Государь, сомнѣнья нѣшь: Димитрій
 Во гробъ спишь.

Ц А Р Ъ.

Довольно, удались. (*Шуйскій уходитъ.*)

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу —
 Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицѣ
 Миѣ кинулась и шяжко опускалась....
 Такъ вошь зачѣмъ принадлецашъ лѣшь миѣ сряду
 Все снилося убивое дитя!
 Да, да — вошь чшо! шеперь я понимаю.
 Но кшо же онъ, мой грозный супоспашъ?
 Кшо на меня? Пустое имя, шѣнь —
 Уже ли шѣнь сорвешъ съ меня порфиру,

Иль звукъ лишипь дѣшей моихъ наследства?
Безумецъ я! чего жь я испугался?
На призракъ сей подуи — и нѣшь его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха —
Но презиратьъ не должно ничего....
Охъ, шяжела шы, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ, ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ и РАТЕР ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣшь, мой ошець, не будешь запрудненій;
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаешь изсупленья:
Ему священъ примѣръ Царя его.
Всегда, къ тому жь, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся Воспочно Церковь
Признають власнь Намѣшника Пешра.

РАТЕР.

Вспомоществуй тебѣ свяшій Игнашій,
Когда придуть инья времена.

А между тѣмъ небесной благодати
 Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмена ;
 Пришворсповавъ предъ оглашеннымъ свѣпомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велишь ;
 Твои слова, дѣянья судяшь люди ,
 Намъ реня единый видишь Богъ.

С а м о з в а н е ц ь .

Атеп. Кшо шамъ ! (*Входитъ слуга.*) Сказашъ :

Мы принимаемъ.

(*Отворяются двери, входитъ толпа Рускихъ и
 Поляковъ*).

Товарищи ! мы высупаемъ завпра
 Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у себя
 Остановлюсь въ Самборъ на три дня.
 Я знаю : швой гостепрімный замокъ
 И пышностью блискаетъ благородной
 И славится хозяйкой молодой.
 Прелеспную Марину я надѣюсь
 Увидѣшь шамъ. А вы, мои друзья,
 Липва и Русь, вы, брашскія знамена

Поднявшіе на общаго врага ,
 На моего коварнаго злодѣя ,
 Сыны Славянъ , я скоро поведу
 Въ желанный бой дружины ваши грозны ,
 Но между васъ я вижу новы лица .

Гаврила Пушкинъ .

Они пришли у милости швоей
 Просишь меча и службы .

Самозванецъ .

Радъ вамъ , дѣши .

Ко мнѣ друзья . Но кто скажи мнѣ , Пушкинъ ,
 Красавецъ сей ?

Пушкинъ .

Князь Курбскій .

Самозванецъ , *Курбскому* .

Имя громко !

Ты родственикъ Казанскому Герою ?

Курбскій .

Я сынъ его .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРЬСКІЙ.

Нѣтъ, умеръ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ бешвы и совѣща!
 Но съ той поры, когда являлся онъ,
 Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
 Съ Липовцами подъ вѣхій городъ Ольгинъ,
 Молва объ немъ умолкла.

КУРЬСКІЙ.

Мой отецъ

Въ Волынѣ провелъ ошачокъ жизни,
 Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
 Башоріемъ. Уединень и шихъ,
 Въ наукахъ онъ искалъ себѣ оправды;
 Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
 Онъ юноши своей отчизну помнилъ
 И до конца по ней онъ шосковалъ.

С а м о з в а н е ц ь .

Нещасный вождь! какъ ярко просіялъ
 Восходъ его шумящей, бурной жизни.
 Я радуюсь, великородный випязь,
 Что кровь его съ опечесствомъ мирится;
 Вины опцевъ не должно воспоминашь;
 Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... Руку!
 Не спранно ли? сынъ Курбскаго ведешь
 На пронъ, кого? да — сына Иоанна!...
 Все за меня: и люди и судьба.
 Ты кто шакой?

П о л я к ь .

Собанскій, шляхпичь вольный.

С а м о з в а н е ц ь .

Хвала и честь шебъ, свободы чадо!
 Впередь ему преть жалованья выдашь.
 Но эши кто? я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Эшо наши.

Х р у щ о в ь *бьетъ теломъ.*

Такъ, Государь, опецъ нашъ. Мы швои

Усердные , гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы , опальные , бѣжали
 Къ тебѣ , нашъ Царь — и за тебѣя гошovy
 Главами лечь , да будущъ наши шрупы
 На Царской шронѣ спупениями тебѣ.

С а м о з в а н е ц ъ .

Мужайшеса , безвинные спрадальцы —
 Лишь дайше мнѣ добрашся до Москвы ,
 А шамъ Борисъ разлашишся во всемъ .
 Ты кшо ?

К а р е л а .

Козакъ ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
 Опъ вольныхъ войскъ , опъ храбрыхъ Ашамановъ ,
 Опъ Козаковъ верховыхъ и низовыхъ
 Узрѣшь швои Царевы ясны очи
 И кланяшся тебѣ ихъ головами .

С а м о з в а н е ц ъ .

Я зналъ Донцевъ : не сомнѣвался видѣшь
 Въ своихъ рядахъ Козачьи бунчуки .
 Благодаримъ Донское наше войско .

Мы вѣдаемъ, что нынѣ Козаки
 Неправедно прищѣнены, гонимы;
 Но если Богъ поможетъ намъ всшупишь
 На шронъ опщѣвъ, шо мы по спаринѣ
 Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ (*приближается, кланяясь низко
 и хватал Гришку за полу*).

Великій Принцъ, Свѣплыйшій Королевичъ!

С а м о з в а н е ц ь .

Что хочешь ты?

Поэтъ *подаетъ ему бумагу*.

Примише благосклонно

Сей бѣдный плодъ усерднаго шруда.

С а м о з в а н е ц ь .

Что вижу я? Лашинскіе стихи!

Сшократъ священъ союзъ меча и лиры;

Единый лавръ ихъ дружно обвиваешь.

Родился я подъ небомъ полунощнымъ ,

Но мнѣ знакомъ Лашинской Музы голосъ ,

И я люблю Парнасскіе цвѣшы.

Я вѣрую въ пророчества Піпшовъ.
 Нѣшь, не вошце въ ихъ пламенной груди
 Кипись въспоргъ : благословишся подвигъ,
 Его жь они прославили заранѣ!
 Приблѣжся, другъ. Въ мое воспоминање
 Прими сей даръ. (*Дастъ ему перстень*).

Когда со мной свершится

Судьбы завѣшь, когда корону предковъ
 Надѣну я; надѣюсь вновь услышашъ
 Твой сладкій гласъ, пвой вдохновенный гимнь.

Musa gloriâ coronat, gloriâque musam.

И шакъ, друзья, до завшра, до свиданья.

В с ѣ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравшвуешь Димитрій,
 Да здравшвуешь Великій Князь Московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРЪ.

(Рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Музыка).

В И Ш Н Е В Е Ц К І Й, М Н И Ш Е К Ъ.

Мнишекъ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ...

А дѣло-то на свадьбу спрахъ похоже.

Ну — думаль ты, признайся, Вишневецкій,

Чшо дочь моя Царицей будешь? а?

Вишневецкій.

Да, чудеса... и думаль ли ты, Мнишекъ,

Чшо мой слуга взойдешъ на пронь Московской?

Мнишекъ.

А какова, скажи, моя Марина?

Я шолько ей промолвилъ: ну, смотри!

Не упускай Димитрія!... и вошь

Все кончено, ужь онъ въ ея сѣсяхъ.

*(Музыка играетъ Польской. Самозванецъ
идетъ съ Мариною въ первой парѣ).*

МАРИНА тихо Димитрію.

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,

Въ аллеѣ липъ, я завтра у фоншана.

(Расходятся. Другая пара).

КАВАЛЕРЬ.

Чшо въ ней нашель Димитрій?

ДАМА.

Какъ! она

Красавица.

КАВАЛЕРЬ.

Да, мраморная Нимфа:

Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...

(Новая пара).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятень,
И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

ДАМА.

Когда жь похоть?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велишь Царевичъ,
Гоповы мы; но видно, Панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ удержишь насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнь.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустѣютъ).

МНИШЕКЪ.

Мы шарикъ ужь нынче не панцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелесныхъ рукъ не жмемъ и не цалуемъ,

Охъ, не забыль спаринныхъ я проказъ!
Теперь не по, не по, что прежде было!
И молодежь ей ей не шакъ смѣла
И красоша не шакъ ужъ весела,
Признайся, другъ: все какъ-то пріуныло.
Оспавимъ ихъ; пойдемъ, поварищъ мой,
Венгерскаго, обросшую правой,
Велимъ опрышь бупылку въковую,
Да въ уголку пошянемъ - ко вдвоемъ
Душиспый покъ, спрую, какъ жиръ, гусшую,
А между шѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ же, брашъ.

В и ш н е в е ц к и й.

И дѣло, другъ, пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЬ.

С а м о з в а н е ц ь *входитъ*.

В о ш ь и ф о н ш а н ь ; о н а с ю д а п р и д е т ь .
 Я , к а ж е т с я , р о ж д е н ь н е б о я з л и в ы м ь ;
 П е р е д ь с о б о й в б л и з и в и д а л ь я с м е р т ь ;
 П р е д ь с м е р т ь ю д у ш а н е с о д р а г а л а с ь .
 М н ь в ь ч н а я н е в о л я у г р о ж а л а ,
 З а м н о й г н а л и с ь — я д у х о м ь н е с м у ш и л с я
 И д е р з о с т ь ю н е в о л и и з б ь ж а л ь .
 Н о ч т о ж ь п е п е р ь п ь с н и ш ь м о е д ы х а н ь е ?
 Ч т о з н а ч и ш ь с е й н е о д о л и м ы й п р е п е ш ь ?
 И л ь э т о д р о ж ь ж е л а н и й н а п р я ж е н н ы х ь ?
 Н ь ш ь , э т о с п р а х ь . Д е н ь ц ь л ы й о ж и д а л ь
 Я ш а й н а г о с в и д а н и я с ь М а р и н о й ,
 О б д у м ы в а л ь в с е ш о , ч т о е й с к а ж у ,
 К а к ь о б о л ь щ у е я н а д м е н н ы й у м ь ,
 К а к ь н а з о в у М о с к о в с к о ю Ц а р и ц е й —

Но часъ насталь — и ничего не помню ;
 Не нахожу зашверженныхъ рѣчей ;
 Любовь мушпшъ мое воображенье . . .
 Но что - то вдругъ мелькнуло . . шорохъ . . шише . .
 Нѣшь , эшо свѣшь обманчивой луны ,
 И прошумѣль здѣсь въперокъ .

М а р и н а *входитъ* .

Царевичъ !

С а м о з в а н е ц ъ .

Она ! . . Вся кровь во мнѣ оспановилась .

М а р и н а .

Димитрій ! Вы ?

С а м о з в а н е ц ъ .

Волшебный , сладкій голосъ !

(*Идетъ къ ней*) Ты ль наконецъ ? Тебя ли вижу я ,
 Одну со мной , подъ сѣнью шихой ночи ?
 Какъ медленно кашился скучный день !
 Какъ медленно заря вечерня гасла !
 Какъ долго ждалъ во мракъ я ночью !

М а р и н а.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —
 Я здѣсь шебѣ назначила свиданье
 Не для того, чѣшобъ слушашь нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Чѣшобъ любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ пвоей судьбой и бурной и невѣрной
 Соединишь судьбу мою; по вправѣ
 Я требовать, Димишрїй, одного:
 Я пребую, чѣшобъ ты души своей
 Мнѣ шайныя опкрыль шеперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья;
 Чѣшобъ объ руку съ шобой могла я смѣло
 Пусшиться въ жизнь — не съ дѣшской слѣпошой,
 Не какъ раба желанїй легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная швоя;
 Но какъ тебя досшойная супруга,
 Помощница Московскаго Царя.

С а м о з в а н е ц ъ.

О, дай забышь хошь на единый часъ

Моей судьбы заботы и превоги!
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избраннаго шобою,
 Щаспливаго швоимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви!
 Дай высказашь все шо, чѣмъ сердце полно!

М а р и н а.

Не время, Князь: шы медлишь, и межъ шѣмъ
 Приверженность швоихъ клеветешовъ спынешь;
 Чась ошъ часу опасность и шруды
 Шпановяшся опаснѣй и шруднѣе;
 Ужь носяшся сомнишельные слухи,
 Ужь новизна смѣняешь новизну;
 А Годуновъ свои приемлешь мѣры....

С а м о з в а н е ц ь.

Что Годуновъ? во власши ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣшь, нѣшь. Теперь гляжу я равнодушно
 На шронъ его, на Царешвенную власшь.

Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и Русская держава?
 Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
 Твоя любовь...

М а р и н а.

Спыдись! не забывай

Высокаго, свяпаго назначенья:
 Тебѣ пвой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не юношѣ кипящему, безумно
 Пльненному моею красошой,
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику Московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

С а м о з в а н е ц ъ.

Не мучь меня, прелеспная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 Избрала ты. Марина! ты не знаешь,

Какъ больно стѣмъ ты сердце мнѣ язвишь —
 Какъ! ежели... о спрашное сомнѣнье!
 Скажи: когда бѣ не Царское рожденье
 Назначила слѣпая мнѣ судьба,
 Когда бѣ я былъ не Иоанновъ сынъ,
 Не сей, давно забышый міромъ опрокъ;
 Тогда бѣ... тогда бѣ любила ль ты меня?

М а р и н а.

Димитрій, ты и бышь инымъ не можешь;
 Другаго мнѣ любишь нельзя.

С а м о з в а н е ц ъ.

Нѣтъ! полно:

Я не хочу дѣлиться съ мершвецемъ
 Любовницей, ему принадлежащей:
 Нѣтъ, полно мнѣ пришворсвовать! скажу
 Всю испину; шакъ знай же: швой Димитрій
 Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
 А хочешь ли ты знать, кто я шакоевъ?
 Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
 Монашеской неволею скучая,

★ ★

Подъ клобукомъ свой замысль отважный
 Обдумаль я; гошовиль міру чудо —
 И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
 Къ Украинцамъ въ ихъ буйные курени;
 Владѣшь конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
 И Поляковъ безмозглыхъ обмануль.
 Чшо скажешь шы, надменная Марина?
 Довольна ль шы признаніемъ моимъ?
 Чшо жъ шы молчишь?

М а р и н а.

О спыдь! о горе мнѣ!

(*Молганіе*).

С а м о з в а н е ц ь (*тихо*).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
 Съ шакимъ шрудомъ усшроенное щасшьє
 Я, можешъ бышь, навѣки погубиль.
 Чшо сдѣлаль я, безумецъ? (*Вслушь*). Вижу, вижу:
 Спыдишься шы не Княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;

Въ швоихъ рукахъ шеперь моя судьба,
Рыши: я жду (*бросается на колѣна*).

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ.

Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки доврчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно ошвергала
Не для шого, чшобъ бѣлаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ (*встаетъ*).

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблесши шаяпся, можешь бышь,
Досшойныя Московскаго престола,
Досшойныя руки швоей безцѣнной...

МАРИНА.

Досшойныя позорной пешли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновень я; гордыней обуянный,

Обманываль я Бога и Царей,
 Я міру лгаль: но не шебъ, Марина,
 Меня казнишь; я правъ передъ шобою.
 Нытъ, я не могъ обманывашъ шебя.
 Ты мнѣ была единшвенной свяшыней,
 Предъ ней же я пришворшвовашъ не смѣлъ:
 Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
 Одна любовь принудила меня
 Все высказашъ.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалишся, безумецъ!

Кшо шребоваль признанья швоего?
 Ужь если ты, бродяга безымянный,
 Могъ ослѣпишь чудесно два народа;
 Такъ долженъ ужъ, покрайней мѣрѣ, ты
 Достоинъ бышь успѣха своего
 И свой обманъ опважный обезпечить
 Упорною, глубокою, вѣчной шайной.
 Могу ль, скажи, предашься я шебъ,
 Могу ль, забывъ свой родъ и спыдъ дѣвичій,

Соединишь судьбу мою съ твоею,
 Когда ты самъ съ такою проспошой,
 Такъ въпрено позоръ свой обличаешь?
 Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ моимъ опцемъ
 Изъ дружбы ты досель не открылся,
 Опъ радости предъ нашимъ Королемъ,
 Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

С а м о з в а н е ц ь .

Клянусь тебѣ, что сердца моего
 Ты вымучишь одна могла признанье.
 Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
 Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ завѣшномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ испязаній,
 Сихъ тяжкихъ пайнъ не выдасть мой языкъ.

М а р и н а .

Клянешься ты! и такъ должна я вѣришь.
 О вѣрю я! Но чѣмъ, не лзя ль узнатьъ,

Клянешься пы? не именемъ ли Бога ,
 Какъ набожный пріемышь Езуишовъ ?
 Иль чесшю , какъ вишиязь благородный ,
 Иль , можешь бышь , единымъ Царскимъ словомъ ,
 Какъ Царскій сынъ ? не шакъ ли ? говори .

Д и м и т р і й , *гордо* .

Тѣнь Грознаго меня усыновила ,
 Димишрiемъ изъ гроба нарекла ,
 Вокругъ меня народы возмушила
 И въ жершву мнѣ Бориса обрекла .
 Царевичъ я . Довольно , спыдно мнѣ
 Предъ гордою Полячкою унижашься .
 Прощай на вѣкъ : игра войны кровавой ,
 Судьбы моеи обширныя заботы
 Тоску любви , надѣюсь , заглушапъ .
 О , какъ шебя я спану ненавиждъшь ,
 Когда пройдешь поспыдной спраспи жаръ .
 Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
 Мою главу въ Россiи ожидаешъ ,
 Найду ли смершь , какъ воинъ въ бишвѣ чесшной ,

Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
 Не будешь ты подругою моей,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
 Но, можешь быть, ты будешь сожалѣшь
 Объ участи, ошвергнушой шобою.

МАРИНА.

А если я швой дерзоспный обманъ
 Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
 Что болѣе повѣряпъ Польской дѣвѣ,
 Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
 Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
 Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны.
 Имъ эшо лишъ и нужно: и шебя,
 Мяшежница, повѣрь, молчапъ заспавяпъ.
 Прощай.

МАРИНА.

Постой, Царевичъ. Наконецъ

Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
 Съ побою, Князь, она меня миришь.
 Безумный швой порывъ я забываю
 И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
 Пора, пора! проснись, не медли болю,
 Веди полки скорѣе на Москву;
 Очисти Кремль, садись на пронь Московскій —
 Тогда за мной шли брачнаго посла;
 Но, слышишь Богъ, пока швоя нога
 Но оперлась на пронныя ступени,
 Пока шобой не свержень Годуновъ,
 Любви рѣчей не буду слушаешь я. (*Уходитъ*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣшь — легче мнѣ сражашься съ Годуновымъ,
 Или хипришь съ придворнымъ Езуишомъ,
 Чѣшь съ женщиной. Чѣршь съ ними; мочи нѣшь:
 И пушаешь, и вьешся, и ползешъ,
 Скользишь изъ рукъ, шипишь, грозить и жалишь.

Змѣя! змѣя!... Недаромъ я дрожалъ.

Она меня чуть чуть не погубила.

Но рѣшено : заупра двину рашь.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ , *оба вер-*
хами. Полки приближаются къ границѣ.

Курбскій, прискакавъ первый.

Вошь, вошь она, вошь Русская граница!
Свяшая Русь! Опечесшво! я швой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ опряхаю
Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! шеперь швоя душа,
О мой опецъ, ушѣшилась и въ гробъ.
Опальные возрадуюшся кости!
Блеснулъ опяшь наслѣдшвенный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани шемной,
Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ!

Въ своемъ пиру шеперь онъ загуляешь
 За своего надѣжу - Государя!...

Самозванецъ, ѣдетъ тихо съ поникшей головой.

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
 Въ немъ радостью и славой разыгралась!

О випязь мой, завидую шебъ!

Сынъ Курбскаго, воспишанный въ изгнаньи,
 Забывъ, опцемъ снесенныя обиды,

Его вину за гробомъ искупивъ,

Ты кровь излишь за сына Юанна

Гошовишься, законнаго Царя

Ты возврашишь опечеспву... шы правъ,

Душа швоя должна пылашь весельемъ.

Курьскій.

Уже ль и шы не веселишься духомъ?

Вопъ наша Русь: она швоя, Царевичъ.

Тамъ ждушъ шебя сердца швоихъ людей:

Твоя Москва, швой Кремль, швоя держава.

Самозванецъ.

Кровь Русская, о Курбскій, пошечеть!

Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на брашьевъ; я Липву
Позваль на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣшную дорогу!
Но пусшь мой грѣхъ падешъ не на меня,
А на шебя, Борисъ-цареубійца!
Впередь!

Курьскій.

Впередь! и горе Годунову!

(Скажутъ. Полки переходятъ черезъ границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ и БОЯРЕ.

Ц А Р Ъ.

Возможно ли? разсприга, бѣглый инокъ
 На насъ ведепъ злодѣйскія дружины,
 Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
 Пора смиришь безумца! Поѣзжайше,
 Ты, Трубецкой, и шы, Басмановъ; помощь
 Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
 Буншовщикомъ Черниговъ осажденъ.
 Спасайте градъ и гражданъ.

Б А С М А Н О В Ъ.

Государь,

Трехъ мѣсяцевъ опнынѣ не пройдешь,
 И замолчишь и слухъ о самозванцѣ;

Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
 Заморскаго, въ желѣзной клѣшкѣ. Богомъ
 Тебѣ клянусь. (*Уходитъ съ Трубецкимъ*).

Ц А Р Ъ.

Мнѣ Свейскій Государь
 Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
 Но не нужна намъ чуждая помога;
 Своихъ людей у насъ довольно рашныхъ,
 Чшобъ опрашишь измѣнниковъ и Ляха.
 Я ошказаль.

Щелкаловъ! разослашь
 Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
 Чшобъ на коня сядились, и людей
 По спаринѣ на службу высмали;
 Въ монастыряхъ подобно ошобращъ
 Служиселей причешныхъ. Въ прежни годы,
 Когда бѣдой ошечешву грозило,
 Ошшельники на бшшву сами шли;
 Но не хопимъ шревожись нынѣ ихъ;
 Пушь моляшся за насъ они: шаковъ

Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
 Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ :
 Вы знаете, что наглый Самозванецъ
 Коварные промчалъ повсюду слухи ;
 Повсюду имъ разосланныя письма
 Посѣяли шревогу и сомнѣнне ;
 На площадяхъ мятежный бродить шѣпотъ ,
 Умы кипящъ . . . ихъ нужно осудить ;
 Предупредишь желалъ бы казни я ,
 Но чѣмъ и какъ ? рѣшимъ теперь . Ты первый ,
 Свяшый Опець , свою повѣдай мысль .

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній , поселившій
 Духъ милоспи и кропкаго перпѣнья
 Въ душъ швоей , великій Государь ;
 Ты грѣшному погибели не хочешь ,
 Ты шихо ждешь , да пройдешь заблужденье :
 Оно пройдешь и солнце правды вѣчной
 Всѣхъ озаришь .

Твой вѣрный богомолецъ ,

Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подашь шебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, расприга окаянный,
Прослышь умѣль Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именовъ Царевича, какъ ризою
Украденной, безсмыдно облачился:
Но споишь лишь ее раздрапъ — и самъ
Онъ нагошой своею посрамишь.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, Государь, шому прошло шесть лѣтъ,
Въ шопъ самый годъ, когда шебя Господь
Благословилъ на Царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой паспухъ, уже маспипый спарець,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ шайну:

« Въ младыхъ лѣшахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
« И съ шой поры не зналъ ни дня, ни ночи
« До спаросши: напрасно я лечился
« И зеліемъ и шайнымъ нащепшаньемъ
« Напрасно я ходилъ на поклоненье

- « Въ обихели къ великимъ Чудошворцамъ ;
 « Напрасно я изъ кладязей свяшыхъ
 « Кропиль водой цѣлебной шемны очи —
 « Не посыламъ Господь мнѣ изцѣленья.
 « Вошь наконецъ ушрашилъ я надежду,
 « И къ шмѣ своей привыкъ, и даже сны
 « Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
 « А снилися мнѣ шолько звуки. Разъ
 « Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣшскій голось
 « Мнѣ говорить: всшань, дѣдушка, поди
 « Ты въ Угличь-градъ, въ Соборъ Преображенья;
 « Тамъ помолись шы надъ моей могилой,
 « Богъ милосшивъ — и я шебя прощу.
 « Но кшо же шы? спросимъ я дѣшскій голось.
 « Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
 « Пріяль меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
 « И я шеперь великій Чудошворецъ.
 « Иди, старикъ. — Проснулся я и думаль:
 « Чшо жъ? можешъ бышь и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
 « Мнѣ позднее даруешъ изцѣленье.

* *

« Пойду — и въ пущь отправился далекій.
 « Вошь Углича достигъ я, прихожу
 « Въ свяшый Соборъ, и слушаю обѣдню,
 « И, разгорясь душѣй усердной, плачу,
 « Такъ сладосно, какъ будшо слѣпоша
 « Изъ глазъ моихъ слезами вышекала.
 « Когда народъ спаль выходилъ, я внуку
 « Сказаль: Иванъ, веди меня на гробъ
 « Царевича Димитрія. И мальчикъ
 « Повель меня — и шолько передъ гробомъ
 « Я шихую молишву сошворилъ,
 « Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 « И Божій свѣшъ, и внука, и могилку. »

Вошь, Государь, чшо мнѣ повѣдалъ спарець.

*(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ
 нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ.)*

Я посылалъ погда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдано, чшо многіе спрадальцы
 Спасеніе подобно обрѣшали
 У гробовой Царевича доски.

Вошь мой совѣшь : во Кремль свяшья мощи
 Перенесли , поставишь ихъ въ Соборъ
 Архангельскомъ ; народъ увидишь ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя ,
 И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ .

(Молганіе.)

Князь Шуйскій.

Свяшый Опець , кпо вѣдаешь пуши
 Всевышняго ? Не мнѣ его судишь .
 Нешлѣнный сонъ и силу чудотворства
 Онъ можешь дать младенческимъ оспанкамъ ,
 Но надлежишь народную молву
 Изслѣдовать прилѣжно и безспрастно ;
 А въ бурныя ль смященій времена
 Намъ помышлять о споль великомъ дѣлѣ ?
 Не скажешь ли , что мы свяшынню дерзко
 Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ пворимъ ?
 Народъ и пакъ колеблется безумно ,
 И пакъ ужъ ешь довольно шумныхъ шолковъ :
 Умы людей не время волновать

Нежданую, споль важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ
 Разсѣянный разспригой уничпожишь;
 Но ешь на шо инья средешва — проще.
 Такъ, Государь, когда изволишь шы,
 Я самъ явлюсь на площади народной,
 Уговорю, усовѣщу безумешво
 И злой обманъ бродяги обнаружу.

Ц а р ь.

Да будешь шакъ! Владыка Паптріархъ,
 Прошу шебя пожаловашь въ палату:
 Сегодня мнѣ нужна швоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ бояре.)

Одинъ Бояринъ, тихо другому.
 Замѣшили шы, какъ Государь блѣднѣлъ
 И крупный пошь съ лица его закапалъ?

Другой.

Я — признаюсь — не смѣлъ поднйшь очей,
 Не смѣлъ вздохнушь, не шолько шевелишься.

П Е Р В Ы Й.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ !

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СБВЕРСКАГО.

(1604 года, 21 Декабря.)

Б И Т В А.

Воины, бѣгутъ въ безпорядкѣ.

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вошь они! вошь
они!

*(Входятъ Капитаны: Маржереть и Вальтеръ
Розень.)*

МАРЖЕРЕТЬ.

Куда, куда? Allons... пошѣль назадъ!

Одинъ изъ вѣглецѣвъ.

Самъ пошѣлъ, коли ешь охоша, прокляшый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЬ.

Quoi? quoi?

ДРУГОЙ.

Ква! ква! шебъ любо, лягушка заморская, квакашь на Русскаго Царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЬ.

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: en dirait que ca n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЬ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЬ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЬ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЬ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЬ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЬ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЬ.

Sich glaube das.

(Входятъ Нѣмцы.)

МАРЖЕРЕТЬ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЬ.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся.)

March!

НѢМЦЫ, идутъ.

Hilf Gott!

(Сраженіе. Рускіе снова бѣгутъ.)

Л я х и.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Димитрію!

Д и м и т р і й, верхомъ.

Ударить опбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Опбой!

(Трубятъ ; бьютъ барабаны.)

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Скоро ли Царь выйдеть изъ Собора?

Другой.

Обѣдня кончилась; теперь идеть молебствіе.

Первый.

Что? ужь проклинали шого?

Другой.

Я споялъ на паперши и слышалъ, какъ Дьяконъ завопилъ: Гришка Опретьевъ — анаема!

Первый.

Пускай себѣ проклинаяють; Царевичу дѣла нѣтъ до Опретьева.

Д р у г о й.

А Царевичу поюшь шеперь вѣчную памяшь.

П е р в ы й.

Вѣчную памяшь живому! Вошь ужё имъ будешь
безбожникамъ.

Т р е т ı й.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

Ч е т в е р т ы й.

Нѣшь, эшо Юродивый.

*(Входитъ Юродивый въ желѣзной шапкъ, об-
вѣщенный веригами, окруженный мальчиш-
ками.)*

М а л ь ч и ш к и.

Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ!... шр
р р р...

С т а р у х а.

Ошвяжишесь опъ него, бѣсеняша. Помолишь,
блаженный, за меня грѣшную:

Ю р о д и в ы й.

Дай, дай, дай копѣчку.

СТАРУХА.

Вопшь шебъ кофѣчка ; помяни же меня.

Юродивый, садится на землю и поеть.

Мѣсяць ѣдешъ ,
 Кошенокъ плачешъ ,
 Юродивый, всшавай ,
 Богу помолися !

(Мальчишки окружають его снова.)

Одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, Юродивый, чшо же ты шапки не снимаешь? *(Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.)* Экъ она звонитъ !

Юродивый.

А у меня кофѣчка ешь.

Мальчишка.

Неправда, ну, покажи.

(Вырываетъ кофѣчку и убѣгаетъ.)

Юродивый, плагеть.

Взяли мою кофѣчку, обижаютъ Юродиваго.

Н А Р О Д Ъ.

Царь, Царь идешь.

*(Царь выходитъ изъ Собора; Бояринъ впереди
раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)*

Ю р о д и в ы й.

Борись, Борисъ! мальчишки обижаютъ Юродиваго.

Ц а р ь.

Подашь ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Ю р о д и в ы й.

Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзали ты маленькаго Царевича.

Б о я р е.

Поди прочь, дуракъ! схвашишь дурака!

Ц а р ь.

Оспавыше его. Молись за меня, Юродивый.

(Уходитъ.)

Ю р о д и в ы й, *ему вслѣдъ.*

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молишься за Царя Ирода — Богородица не велишь.

С Ъ В С К Ъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, *окруженный своими.*

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

Л я х ъ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвашь его ко мнѣ.

(Входитъ Русскій плѣнникъ.)

Кшо шы?

П л ѣ н н и к ъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли шы на службѣ?

Плѣнникъ.

Съ мѣсяць будешь.

Самозванецъ.

Не совѣшно, Рожновъ, что на меня

Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ.

Какъ бытъ, не наша воля.

Самозванецъ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ.

Я прибылъ

Недѣли двѣ по бѣгѣ изъ Москвы.

Самозванецъ.

Что Годуновъ?

Плѣнникъ.

Онъ очень былъ встревоженъ

Потерею сраженія и раной

Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ

Начальствовашъ надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ

Онъ опозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ.

Царь наградилъ его заслуги чesшью

И золошомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ

Теперь сидишь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ.

Все, слава Богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что? ждешь меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаешь; о тебѣ

Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣюшь.

Кому языкъ опрѣжешь, а кому

И голову. Такая право прищца,

Что день, то казнь. Тюрмы бешкомъ набишы.

На площади, гдѣ челоѡка при
 Сойдешся — глядь — лазупчикъ ужъ и вѣшся,
 А Государь досужною порою
 Доносчиковъ допрашиваешь самъ.
 Какъ разъ бѣда; шакъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
 Ну, войско чшо?

Плѣнникъ.

Чшо съ нимъ? одѣшо, сышо,
 Довольно всѣмъ.

Самозванецъ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ.

А будетъ штысячъ штыдцать?

Плѣнникъ.

Да наберешь и штысячъ штышдешать.

*(Самозванецъ задумывается; окружающіе
смотрятъ другъ на друга.)*

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судяшь въ вашемъ спанѣ?

Плѣнникъ.

А говоряшь о милосши швоей,
Чшо ты-дескашь (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодець.

САМОЗВАНЕЦЪ, смѣясь.

Такъ эшо я на дѣлѣ

Имъ докажу: друзья, не спанемъ ждашь

Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:

Назавтра бой. *(Уходитъ.)*

В с ѣ.

Да здравствуетъ Димитрій!

Л я х ъ.

Назавтра бой! ихъ шысячь пятьдесять,

А насъ всего едва ль пяпнадцать шысячь:

Съ ума сошель.

Другой.

Пустое, другъ: Полякъ

Одинъ пять сошь Москалей вызвашь можешь.

Плѣнникъ.

Да, вызовешь! а какъ дойдешь до драки,

Такъ убъжишь ошь одного, хваспунъ.

Ля хъ.

Когда бь ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,

То я шебя (*указывая на свою саблю*)

Вошь эшимъ бы смирилъ

Плѣнникъ.

Нашъ брашь Русакъ безъ сабли обойдется:

Не хочешь ли вошь эшаго (*показывая кулакъ*),

Безмозглый.

(*Ля хъ гордо смотритъ на него и молча от-
ходитъ. Всѣ смѣются.*)

Л Ъ С Ъ.

ЛЖЕДИМИТРИЙ, ПУШКИНЪ.

(*Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.*)

Л ж е д и м и т р и й.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакаль
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быспро несъ меня.
Мой бѣдный конь.

Пушкинъ, *про себя.*

Ну, вошь о чемъ жалѣешь,
Объ лошади! когда все наше войско
Побито въ прахъ!

Самозванецъ.

Послушай, можешь бышь,
Ошь раны онъ лишь полько заморился
И ошдохнешь.

Пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ, *идеть къ своему коню.*
Мой бѣдный конь!... чпо дѣлашь? сняшь узду,
Да ошсегнушь подпругу. Пустьъ на волю
Издохнешь онъ.

*(Разуздываетъ и разсѣдываетъ коня. Вхо-
дитъ нѣсколько Ляховъ.)*

Здорово, господа!

Чшо жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣль, какъ сегодня въ гушу боя
Онъ врѣзался; шмы сабель молодца,
Чшо зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ:
Гдѣ жъ вишязь мой?

Л я х ъ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

С а м о з в а н е ц ъ.

Чесль храброму и миръ его душѣ!
 Какъ мало насъ ошь бишвы уцѣлѣло!
 Измѣнники, злодѣи Запорожцы,
 Проклятые! вы, вы стубили насъ.
 Не выдержашъ и прехъ минушь опшора!
 Я ихъ ужё: десяпаго повѣшу,
 Разбойники!

П у ш к и н ъ.

Кшо шамъ ни виновашъ,
 Но все шаки мы начиспо разбишы,
 Ишреблены.

С а м о з в а н е ц ъ.

А дѣло было наше,
 Я было снялъ передовую рашъ —
 Да Нѣмцы насъ порядкомъ опразили;
 А молодцы! ей Богу, молодцы!
 Люблю за шо; изъ нихъ ужъ непремѣнно

Составлю я почешную дружину.

Пушкинъ.

А гдѣ-шо намъ сегодня ночевашь?

Самозванецъ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ эшо не ночлегъ?

Чѣмъ свѣшъ, мы въ пущь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.

Спокойна ночь. *(Ложится, кладетъ сѣдло подъ
голову и засыпаетъ.)*

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!

Разбитый впрахъ, спасаяся побѣгомъ,

Безпечень онъ, какъ глупое дитя:

Хранишь его конечно Провидѣнье;

И мы друзья не спанемъ унывашь.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

Ц А Р Ъ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ шомъ?
Мы щещною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсыянное войско
И намъ со спѣнь Пушивля угрожаешь.
Чшо дѣлаюшь межъ шѣмъ герои наши?
Спояшь у Кромъ, гдѣ кучка Козаковъ
Смѣшеса имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вошь слава! нѣшь, я ими не доволенъ;
Пошлю шебя начальствовашъ надъ ними;
Не родъ, а умъ посшавлю въ Воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣшничесшвѣ шужить;

Пора презрѣть мнѣ ропотъ знашной черни
И гибельный обычай уничижить.

Б а с м а н о в ъ .

Ахъ , Государь , спокрашъ благословенъ
Тотъ будеть день , когда Разрядны книги
Съ раздорами , съ гордыней родословной
Пожрешъ огонь !

Ц а р ь .

День эшотъ недалѣкъ ;
Лишь дай сперва смяшеніе народа
Мнѣ усмиришь .

Б а с м а н о в ъ .

Чшо на него смошрѣшь ;
Всегда народъ къ смяшенью шайно склоненъ :
Такъ борзый конь грызешъ свои бразды ;
На влась опща такъ опрокъ негодуешъ :
Но чшо жъ ? конемъ спокойно всадникъ править ,
И опрокомъ ошець повелѣваешъ .

Ц а р ь .

Конь иногда сбиваетъ сѣдока ,

Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
 Лишь спрогоспью мы можемъ неусыпной
 Сдержашь народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
 Смиришель бурь, разумный Самодержецъ,
 Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
 Нышъ, милоспи не чувспвущешь народъ:
 Твори добро — не скажешь онъ спасибо;
 Грабъ и казни — шебъ не будешь хуже.
 (*Входитъ Бояринъ.*)

Чшо?

Б о я р и н ъ.

Привели госпей иноплеменныхъ?

Ц а р ъ.

Иду приняшь; Басмановъ, погоди,
 Оспанься здѣсь: съ шобой еще мнѣ нужно
 Поговорить. (*Уходитъ.*)

Б а с м а н о в ъ.

Высокій духъ державный.

Дай Богъ ему съ Ошрепьевымъ прокляпымъ
 Управисься; и много, много онъ

Еще добра въ Россіи сотворишь.
 Мысль важная въ умъ его родилась.
 Не надобно ей дашь оспышь. Какое
 Мнѣ поприще опкроешься, когда
 Онъ сломилъ рогъ Боярству родовому.
 Соперниковъ во брани я не знаю;
 У Царскаго престола спану первый....
 И можешь быть.... Но что за чудный шумъ?

*(Тревога. Болре, придворные служители съ
 безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣгаются и шепгуть.)*

Одинъ.

За лекаремъ!

Другой.

Скорѣ къ Патріарху.

Третій.

Царевича, Царевича зовешь!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, Царь умираешъ.

Б а с м а н о в ъ.

Боже!

Пятый.

На тронъ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;

Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

*(Царя выносятъ на стулъ; все Царское се-
мейство; всѣ Бояре.)*

Ц а р ь.

Подише всѣ — оставьте одного

Царевича со мною. *(Всѣ удаляются.)* Умираю;

Обнимемся; прощай, мой сынъ: сей часъ

Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!

Сей часъ явлюсь передъ Тобой — и душу

Мнѣ некогда очистишь покаяньемъ.

Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже

Душевнаго спасенья... шакъ и бышь!

Я поданнымъ рожденъ, и умерешъ

Мнѣ поданнымъ во мракъ бѣ надлежало;

Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
 Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
 Ты царствовашъ шеперь по праву спанешъ,
 А я за все одинъ ошвѣчу Богу.
 О милый сынъ, не обольщайся ложно,
 Не ослѣпляй себя ты добровольно.
 Въ дни бурные державу ты приѣмлешъ:
 Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ.
 Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
 Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
 Могъ удержашъ смятенье и мяшежъ;
 Передо мной они дрожали въ страхахъ;
 Возвысишь гласъ измѣна не дерзала:
 Но ты молодой, неопытной властитель,
 Какъ управляшъ ты будешь подъ грозой,
 Тушишъ мяшежъ, опушывашъ измѣну!
 Но Богъ великъ! Онъ умудряешъ юность,
 Онъ слабости даруешъ силу... слушай:
 Совѣтника во-первыхъ избери
 Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,

Любимаго народомъ — а въ Боярахъ
 Почтеннаго породой или славой —
 Хошь Шуйскаго. Для войска нынѣ нужень
 Искусный вождь: Басманова пошли
 И съ швердосью снеси Боярскій ропоть.
 Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
 Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
 Не измѣняй шеченья дѣлъ. Привычка
 Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
 Возшановишь опалы, казни — можешь
 Ихъ опмѣнишь; себя благословяшь,
 Какъ швоего благословляли дядю,
 Когда прешоль онъ Грознаго пріямъ.
 Со временемъ и понемногу снова
 Запягивай державныя бразды.
 Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская —
 Будь милосшивъ, досшупень къ иноземцамъ,
 Довѣрчиво ихъ службу принимай.
 Со спрогоспью храни успавъ церковный;
 Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голосъ

На воздухъ шеряшься попустому;
 Какъ звонъ свяшой, онъ долженъ лишь вѣщашь
 Велику скорбь или великій праздникъ.
 О милый сынъ! ты приходишь въ тѣ лѣта,
 Когда намъ кровь волнуешь женскій ликъ.
 Храни, храни свящую чистоту
 Невинности и гордую спыдливость:
 Кпо чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
 Въ молодые дни привыкнуль упопашь;
 Топь, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
 И умъ его безвременно шемнѣешь.
 Въ семьѣ своей будь всегда главой;
 Мать почитай, но власшвуй самъ собою —
 Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
 Ты ей одинъ хранишель остаешься.

Феодоръ *(на колѣнахъ)*.

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
 Народъ и мы погибли безъ тебя.

Ц А Р Ъ.

Все кончено — глаза мои шемнѣюшь,
 9

Я чувствую могильный хладъ... (*Входитъ Па-
тріархъ, Святители, за ними всѣ Бояре.
Царицу ведутъ подѣ руки, Царевна ры-
даетъ*).

Кто шамъ?

А! схима... шакъ! свяшое посприженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идешь:
И темный гробъ моею будешь кельей.
Повремени, Владыка Паптріархъ,
Я Царь еще: внимлите вы, Бояре:
Се шопъ, кому приказываю царство;
Цалуйше крещъ Θεодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробъ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ шакъ еще и младъ и непорочень.
Клянешесь ли?

Б о я р е.

Клянемся.

Ц а р ь.

Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи

И вольныя и шайныя обиды...

Свяшый ошець, приближься, я гошовъ.

(Начинается обрядъ постриженія.

Женщинъ въ обморокъ выносятъ).

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ.

Войди сюда и говори свободно.

И шакъ шебя ко мнѣ онъ посылаешь?

Пушкинъ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаешь

И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

Басмановъ.

Но я и шакъ Феодоромъ высоко

Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ:

Онъ для меня презрѣль и чинъ разрядный,

И гнѣвъ Боярь — я присягалъ ему.

Пушкинъ.

Ты присягалъ наследнику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

Басмановъ.

Послушай, Пушкинъ, полно,
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кшо онъ шакой.

Пушкинъ.

Россія и Липва

Димитріемъ давно его признали,
Но впрочемъ я за эшо не спою.
Бышь можешъ, онъ Димитрій настоящій,
Бышь можешъ, онъ и самозванецъ; шолько
Я вѣдаю, чшо рано или поздно
Ему Москву усшупишь сынъ Борисовъ.

Басмановъ.

Пока спою за юнаго Царя,
Дополь онъ престола не оставишь;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!

Побѣдою я ихъ одушевлею,
 А вы кого прошивъ меня пошлете:
 Не Козака ль Карелу, али Мнишка?
 Да много ль васъ? всего - по восемь пысячь.

Пушкинъ.

Ошибся пы: и шѣхъ не наберешь.
 Я самъ скажу, чшо войско наше дрянъ,
 Чшо Козаки лишь полько села грабяшь,
 Чшо Поляки лишь хваспаюшь, да пьюшь,
 А Русскіе... да чшо и говорись —
 Передъ побой не сшану я лукавись;
 Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
 Не войскомъ, нѣшь, не Польскою помощью,
 А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
 Димитрія пы помнишь поржештво
 И мирныя его завоеванья,
 Когда вездѣ безъ выспрѣла ему
 Послушные сдавались города,
 А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
 Ты видѣль самъ: охошно ль ваши рати

Сражались съ нимъ? Когда же? при Борисѣ.
 А нынче ль?... нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
 И раздувать холодный пепель брани :
 Со всѣмъ своимъ умомъ и твердой волей
 Не устоишь; не лучше ли тебѣ
 Дать первому примѣръ благоразумной,
 Димитрія Царемъ провозгласишь
 И шѣмъ ему навѣки удружишь?
 Какъ думаешь?

Б а с м а н о в ъ .

Узнаете вы завтра.

П у ш к и н ъ .

Рѣшишь.

Б а с м а н о в ъ .

Прощай.

П у ш к и н ъ .

Подумай же , Басмановъ.

(Уходитъ).

Б а с м а н о в ъ .

Онъ правъ , онъ правъ , вездѣ измѣна зрѣеть :

Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду ждать,
Чтобъ и меня буншовщики связали
И выдали Опрещеву? Не лучше ль
Предупредишь разрывъ попока бурный,
И самому... Но измѣнишь присягѣ!
Но заслужишь безчестье въ родѣ и родѣ!
Довѣренность младаго Вѣщеносца
Предательствомъ ужаснымъ заплашишь!
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія народны...
(Задумывается).
Сюда! кто тамъ? (Свищетъ) Коня! прубише сборъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ ИДЕТЬ ОКРУЖЕННЫЙ НАРОДОМЪ.

Н а р о д ъ.

Царевичь намъ Боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажеть намъ Бояринь.
Сюда! сюда!

Пушкинъ *(на амвонѣ)*.

Московскіе граждане,
Вамъ кланяшся Царевичь приказалъ. *(Кланяется)*.
Вы знаете, какъ промысль небесный
Царевича опъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шель казнишь злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;

Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
 Свои полки привель ему къ присягѣ.
 Димитрій къ вамъ идеть съ любовью, съ миромъ.
 Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
 Подымеше вы руку на Царя
 Законнаго, на внука Мономаха?

Н а р о д ъ .

Вѣспимо, нѣтъ.

П у ш к и н ъ .

Московскіе гражданае,
 Міръ вѣдаешъ, сколь много вы шерпѣли
 Подъ властію жестокаго пришельца:
 Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
 И шрудъ, и гладъ, все испытали вы.
 Димитрій же васъ жаловашъ намѣрень,
 Боярь, дворянъ, людей приказныхъ, рапныхъ,
 Гостей, купцѣвъ — и весь честный народъ.
 Вы ль станете упрямышься безумно
 И милосшей кичливо убѣгашь?
 Но онъ идеть на Царшвенный пресполь

Своихъ опцевъ въ сопровожденьи грозномъ.
 Не гнѣвайше жь Царя и бойтеся Бога,
 Цалуйше крестъ законному владыкѣ;
 Смиритесея, немедленно пошлише
 Къ Димитрію во спанъ Мишрополипа,
 Боярь, Дьяковъ и Выборныхъ людей,
 Да бьюшъ челомъ опцу и Государю.

(Сходитъ. Шумъ народный).

Н а р о д ъ.

Чшо толковать? Бояринъ правду молвилъ.
 Да здравствуешъ Димитрій нашъ опецъ!

М у ж и к ъ н а а м в о н ѣ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палашы!
 Спупай! вязашъ Борисова щенка!

Н а р о д ъ *(несетя толпою).*

Вязашъ! попишъ! Да здравствуешъ Димитрій!
 Да гибнешъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА УКРЫЛЬЦА.

Т Е О Д О Р Ъ подь окномъ.

Н и щ і й.

Д айше милосшыню Христа ради!

С Т Р А Ж А.

Поди прочь ; не вельно говоришь съ заключенными.

Т е о д о р ъ.

Поди старикъ , я бѣднѣ шебя , ты на волю.

(Ксенія подь покрываломъ ходитъ также къ окну).

О д и н ъ и з ъ н а р о д а.

Брашь да сестра! бѣдныя дѣши, чшо япашки въ кльшкѣ.

Д р у г о й.

Ешь о комъ жалѣшь? Прокляшое племя!

ПЕРВЫЙ.

Опець былъ злодѣй, а дѣшки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко опъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНИЯ.

Брашець! брашець! кажешся, къ намъ Бояре
идушь.

ТЕОДОРЪ.

Эшо Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ не-
знакомы.

КСЕНИЯ.

Ахъ, брашець, сердце замираетъ.

*(Голицынъ, Мосальскій, Молгановъ
и Шереметинъ; за ними трое
Стрѣльцовъ).*

НАРОДЪ.

Разсшупитесь, разсшупитесь: Бояре идушь.

(Они входятъ въ домъ).

Одинъ изъ народа.

Зачѣмъ они пришли?

Д р у г о й.

А вѣрно приводишь къ присягѣ Θεодора Годунова.

Т р е т и й.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога! дерущся!

Н а р о д ъ.

Слышишь? визгъ! эпо женской голосъ... Взойдемъ! — Двери запершы — крики замолкли — шумъ продолжается.

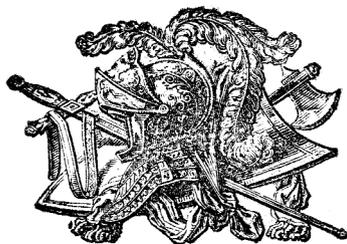
*(Отворяются двери. Мосальскій
является на крыльцѣ).*

М о с а л ь с к и й.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Θεодоръ оправили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мершвые шрупы. *(Народъ въ ужасѣ молчитъ)*. Чшо жъ вы молчите? кричите: да здравспвуеть Царь Димитрій Ивановичъ!

Н а р о д ъ *безмолвствуетъ.*

К О Н Е Ц Ъ.

ПРОДАЕТСЯ:

Въ С. Петербургъ. Въ книжномъ магазинѣ Александра Смирдина у Синяго моста въ домѣ Г-жи Гавриловой подѣ № 164.

Въ Москвѣ. Въ Университетской книжной лавкѣ у Александра Ширяева.

Въ Одессѣ. Въ книжной лавкѣ Н. А. Клочкова.

Въ Туль. Въ книжной лавкѣ С. А. Тишова.

Цѣна 10 руб. съ пересылкою 11 руб.

приложения

Приложение I
Комедия о царе Борисе
и о Гришке Отрепьеве

(1598 г. 20 февр<аля>)

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

Князя Ш у й с к и й и В о р о т ы н с к и й.

В о р о т ы н с к и й

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Ш у й с к и й

Чем кончится? Узнать немудрено:
Народ еще повоюет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там — а там он будет нами править
По-прежнему.

В о р о т ы н с к и й

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,
Он, кажется, покинул всё мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать, сам Борис сей дух в нее вселил;
Что, ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Ш у й с к и й

Скажу, что понапрасну

Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

В о р о т ы н с к и й

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Ш у й с к и й

А кто же?

Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело;
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

В о р о т ы н с к и й

Зачем же ты его не уничтожил?

Ш у й с к и й

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью неожиданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

В о р о т ы н с к и й

Нечисто, князь.

Ш у й с к и й

А что мне было делать?

Всё объявить Феодору? Но царь
На всё глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова;
Пускай его уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устроит,
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

В о р о т ы н с к и й

Ужасное злодейство! Слушай, верно,
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Ш у й с к и й

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

П р и л о ж е н и е I

В о р о т ы н с к и й

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Ш у й с к и й

Да, кажется.

В о р о т ы н с к и й

Ведь Шуйский, Воротынский...

Легко сказать, природные князья.

Ш у й с к и й

Природные, и Рюриковой крови.

В о р о т ы н с к и й

А слушай, князь, ведь мы б имели право

Наследовать Феодору.

Ш у й с к и й

Да боле,

Чем Годунов.

В о р о т ы н с к и й

Ведь в самом деле!

Ш у й с к и й

Что ж?

Когда Борис хитрить не перестанет,

Давай народ искусно волновать,

Пускай они оставят Годунова,

Своих князей у них довольно, пусть

Себе в цари любого изберут.

В о р о т ы н с к и й

Да, много нас, наследников Варяга,

Да трудно нам тягаться с Годуновым:

Народ отвык в нас видеть древню отрасль

Воинственных властителей своих.

Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.

Ш у й с к и й
(*глядит в окно*)

Он смел, вот всё — а мы... Но полно. Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад —
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Н а р о д.

О д и н
Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

Д р у г о й
О Боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

Т р е т и й
Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решенье Думы.

Н а р о д
Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш — слушайте!

Щ е л к а л о в
(*с Красного крыльца*)
Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирью Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с Богом по домам,
Молитесь — да вздыет к небесам
Усердная молитва православных.
(Народ расходится.)

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ. НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ
Н а р о д .

О д и н
Теперь они пошли к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Д р у г о й
Что слышно?

Т р е т и й
Всё еще
Упрямится; однако есть надежда.

Б а б а
(с ребенком)
Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу! агу!.. не плачь!

О д и н
Нельзя ли нам пробраться за ограду?

8 .

Д р у г о й

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

П е р в ы й
Право, любо!

О д и н

Что там за шум?

Д р у г о й

Послушай! что за шум?

Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

Н а р о д

(на коленях. Вой и плач)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

О д и н

(тихо)

О чем мы плачем?

Д р у г о й

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Б а б а

(с ребенком)

Ну что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Плачь, баловень!

(Бросает его обзёмь. Ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

Один

Все плачут,

Заплачем, брат, и мы.

Другой

Я силюсь, брат,

Да не могу.

Первый

Я также. Нет ли луку?

Потрем глаза.

Второй

Нет, я слюней помажу.

Что там еще?

Первый

Да кто их разберет?

Народ

Венец за ним! он царь! он согласился!

Борис наш царь! да здравствует Борис!

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, патриарх, бояре.

Борис

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,

Обнажена моя душа пред вами:

Вы видели, что я приемлю власть

Великую со страхом и смиреньем.

Сколь тяжела обязанность моя!

Ю .

Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Возри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.

От вас я жду содействия, бояре.
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Б о я р е

Не изменим присяге, нами данной.

Б о р и с

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России —
А там, сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.
(Уходит, за ним и бояре.)

К н я з ь В о р о т ы н с к и й
(останавливая Шуйского)

Ты угадал.

Ш у й с к и й

А что?

В о р о т ы н с к и й
Да здесь, намедни,

Ты помнишь?

Ш у й с к и й
Нет, не помню ничего.

П р и л о ж е н и е I

В о р о т ы н с к и й

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил —

Ш у й с к и й

Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.
А впрочем, я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,
Верней узнать твой тайный образ мыслей;
Но вот — народ приветствует царя —
Отсутствие мое заметить могут —
Иду за ним.

В о р о т ы н с к и й

Лукавый царедворец!

(1603 года)

НОЧЬ. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ

Отец Пимен, Григорий спящий.

П и м е н

(пишет перед лампадой)

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,

Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погребло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье.

(Пишет.)

Григорий
(пробуждается)

Всё тот же сон! возможно ль? В третий раз!
Проклятый сон!.. а всё перед лампадой
Старик сидит да пишет — и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет, и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет:
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском Вече?
О славе ли отечества? Напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Всё тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседельй,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

П р и л о ж е н и е I

П и м е н

Проснулся, брат.

Г р и г о р и й

Благослови меня,

Честный отец.

П и м е н

Благослови Господь

Тебя и днесь и присно и вовеки.

Г р и г о р и й

Ты всё писал и сном не позабылся,

А мой покой бесовское мечтанье

Тревожило, и враг меня мутил.

Мне снилось, что лестница крутая

Меня вела на башню; с высоты

Мне виделась Москва, что муравейник;

Внизу народ на площади кипел

И на меня указывал со смехом,

И стыдно мне и страшно становилось —

И, падая стремглав, я пробуждался...

И три раза мне снился тот же сон.

Не чудно ли?

П и м е н

Младая кровь играет;

Смирять себя молитвой и постом,

И сны твои видений легких будут

Исполнены. Доныне — если я,

Невольною дремотой обессилен,

Не сотворю молитвы долгой к ночи —

Мой старый сон не тих и не безгрешен,

Мне чудятся то шумные пиры,

То ратный стан, то схватки боевые,

Безумные потехи юных лет!

Григорий

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! А я, от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Пимен

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим насладился;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый Бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился,
Они его меняли на клубок.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный;
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братьи:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все — обет примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схимию честную восприму,
К стопам твоим, св<ятый> отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася —
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась — а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.

Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем
И лик его как солнце просиял, —
Уж не видать такого нам царя.
О, страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Г р и г о р и й

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

П и м е н

Ох, помню!

Привел меня Бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье,
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаяньи рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» — раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал —

ПРИЛОЖЕНИЕ I

«Покайтесь!» — народ им загремел,
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорий
Каких был лет царевич убиенный?

Пимен
Да лет семи; ему бы ныне было
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.
Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, Господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.
(Уходит.)

Григорий
Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет;
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ

Григорий и злой чернец.

Григорий

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
День приходит, день проходит — видно, слышно всё одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колокол.
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего — соснешь,
Ночью долгою до света всё не спится чернецу.
Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;
Рад, что в колокол ударят, что разбудят костью.
Нет, не вытерплю! нет мочи. Через ограду да бегом.
Мир велик: мне путь-дорога на четыре стороны,
Поминай как звали.

Чернец

Правда: ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихие молодые чернецы.

Григорий

Хоть бы хан опять нагрянул! хоть Литва бы поднялась!
Так и быть! пошел бы с ними переведаться мечом.
Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг воскрес
И вскричал: А где вы, дети, слуги верные мои?
Вы подите на Бориса, на злодея моего,
Изловите супостата, приведите мне его!..

Чернец

Полно! не болтай пустого: мертвых нам не воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было суждено —
Но послушай: если дело затевать, так затевать...

Григорий

Что такое?

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Чернец

Если б я был так же молод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая седина...
Понимаешь?

Григорий

Нет, нисколько.

Чернец

Слушай: глупый наш народ
Легковерен, рад дивиться чудесам и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего Варяга и теперь любезно всем.
Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд...
Понимаешь?

(Молчание.)

Григорий

Понимаю.

Чернец

Что же скажешь?

Григорий

Решено!

Я — Димитрий, я — царевич.

Чернец

Дай мне руку: будешь царь.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

Патриарх

И он убежал, от<ец> игумен?

Игумен

Убежал, св<ятый> владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, зная, грамота далася ему не от Господа Бога...

Патриарх

Уж эти мне грамотеи! Что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он сосуд диавольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, от<ец> игумен.

Игумен

Ересь, св<ятый> владыко, сущая ересь.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Два столъника

Первый

Где государь?

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Второй

В своей опочивальне

Он заперся с каким-то колдуном.

Первый

Так, вот его любимая беседа:

Кудесники, гадатели, колдуньи. —

Всё ворожит, что красная невеста.

Желал бы знать, о чем гадает он?

Второй

Вот он идет. Угодно ли спросить?

Первый

Как он угрюм!

(Уходят.)

Царь

(входит)

Достиг я высшей власти;

Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе. Не так ли

Мы смолоду влюбляемся и алчем

Утех любви, но только утолим

Сердечный глад мгновенным обладаньем,

Уж, охладев, скучаем и томимся?..

Напрасно мне кудесники сулят

Дни длинные, дни власти безмятежной —

Ни власть, ни жизнь меня не веселят;

Предчувствую небесный гром и горе.

Мне счастья нет. Я думал свой народ

В довольствии, во славе успокоить,

Щедротами любовь его снискать —

Но отложил пустое попеченье:

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых —

Безумны мы, когда народный плеск

Иль ярый вопль тревожит сердце наше!

Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства —
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу —
Монахиню смиренную... всё я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упреком,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы;

Григорий Отрепьев, мирянином; хозяйка.

Хозяйка

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

Варлаам

Чем Бог пошлет, хозяйюшка. Нет ли вина?

Хозяйка

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит.)

Мисаил

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Григорий

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино... да вот и оно!

Мисаил

Складно сказано, от<ец> Варлаам.

Хозяйка

(входит)

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

М и с а и л

Спасибо, родная, Бог тебя благослови.
(*Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:*
«Ты проходишь, дорогая» и пр.)
(*Григорию*)

Что же ты не подтягиваешь да и не потягиваешь?

Г р и г о р и й

Не хочу.

М и с а и л

Вольному воля...

В а р л а а м

А пьяному рай, от<ец> Мисаил! Выпьем же чарочку
за шинкарочку...
(*«Где неволей добрый молодец» и пр.*)

Однако, отец Мис<аил>, когда я пью, так трезвых
не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь
жить как мы, милости просим — нет, так убирайся,
проваливай: скоморох попу не товарищ.

Г р и г о р и й

Пей, да про себя разумей, от<ец> Варл<аам>! Ви-
дишь, и я порой складно говорить умею.

В а р л а а м

А что мне про себя разуметь?

М и с а и л

Оставь его, от<ец> Варл<аам>.

В а р л а а м

Да что он за постник? сам же к нам навязался в това-
рищи, неведомо кто, неведомо откуда — да еще и спе-
сивится; может быть, кобылу нюхал...
(*Пьет и поет.*)

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Григорий
(хозяйке)

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка
В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий
А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка
Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий
Как, заставы! что это значит?

Хозяйка
Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий
(про себя)
Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам
Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисаил
Складно сказано, отец Варлаам...

Григорий
Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Х о з я й к а

А Господь его ведает, вор ли, разбойник — только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того будет? Ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих да обидают нас, бедных.

(Слышен шум.)

Что там ещё? Ах, вот они, проклятые! дозором идут.

Г р и г о р и й

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Х о з я й к а

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина, и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

(Входят приставы.)

П р и с т а в

Здорово, хозяйка.

Х о з я й к а

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

О д и н п р и с т а в

(другому)

Ба! да здесь попойка идет; будет чем поживиться. *(Монахам.)* Вы что за люди?

В а р л а а м

Мы Божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям да собираем милостыню христианскую на монастырь.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Пристав
(Григорию)

А ты?

Мисаил
Наш товарищ...

Григорий
Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа,
отселе иду восвояси.

Мисаил
Так ты раздумал...

Григорий
(тихо)
Молчи.

Пристав
Хозяйка, выставь-ка еще вина — а мы здесь со старцами попьем да побеседуем.

Другой пристав
(тихо)
Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы...

Первый
Молчи, сейчас до них доберемся. — Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам
Плохо, сыне, плохо! Ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало Богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Прой-

дѣт неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только — ох, плохо, знать, пришли наши последние времена...

Х о з я й к а

(плачет)

Господь помилуй и спаси!

(В продолжение Вар<лаамовой> речи
перв<ый> пристав значительно
всматривается в Мисаила.)

П е р в ы й п р и с т а в

Алеха! при тебе ли царский указ?

В т о р о й

При мне.

П е р в ы й

Подай-ка сюда.

М и с а и л

Что ты на меня так пристально смотришь?

П е р в ы й п р и с т а в

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик,
Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

М и с а и л

Не слышал.

П р и с т а в

Не слышал? Ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

М и с а и л

Не знаю.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Пристав

(Варлааму)

Умеешь ли ты читать?

Варлаам

Смолоду знал, да разучился.

Пристав

(Мисаилу)

А ты?

Мисаил

Не умудрил Господь.

Пристав

Так вот тебе царский указ.

Мисаил

На что мне его?

Пристав

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник — ты.

Мисаил

Я! Помилуй! что ты?

Пристав

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Хозяйка

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в покое не оставят!

Пристав

Кто здесь грамотный?

Григорий
(выступает вперед)

Я грамотный.

Пристав
Вот на! А у кого же ты научился?

Григорий
У нашего пономаря.

Пристав
(даст ему указ)
Читай же вслух.

Григорий
(читает)

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отр<епьевых>, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской...»

Пристав
(Мисаилу)
Как же не ты?

Григорий
«И царь повелед изловить его...»

Пристав
И повесить.

Григорий
Тут не сказано *повесить*.

Пристав
Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Григорий

«И повесить. А лет ему, вору Гришке, от роду... (*смотря на Варлаама*) за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое...»

(*Все глядят на Варлаама.*)

Пристав

Ребята! здесь Гришка! Держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

Варлаам

(*вырывая бумагу*)

Отстаньте, блядины дети! что я за Гришка? — как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! Нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. (*Читает по складам.*) «А-лет-е-му от-ро-ду... 20». — Что, брат? где тут 50? видишь? 20.

Второй пристав

Да, помнится, 20. Так и нам было сказано.

Первый пристав

(*Григорию*)

Да ты, брат, видно, забавник.

(*Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.*)

Варлаам

(*продолжает*)

«А ростом он мал; грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

(*Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.*)

П р и с т а в ы

Держи! держи!

(Все бегут в беспорядке.)

МОСКВА. ДОМ ШУЙСКОГО

Ш у й с к и й, множество г о с т е й. Ужин.

Ш у й с к и й

Вина еще.

(Встает, за ним и все.)

Ну, гости дорогие,

Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

М а л ь ч и к

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном Тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Поддай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной — а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив, и долготерпелив,
Да мудрости его неистошимой
Проистекут источники на нас;
И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся Тебе, Царю небес.

Ш у й с к и й

(пьет)

Да здравствует великий государь!

Простите же вы, гости дорогие;

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Благодарю, что вы моей хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.
(*Гости уходят. Он провожает их до дверей.*)

Пуш к и н

Насилу убрались; ну, кн<язь> Вас<илий> Ив<аное-
вич>, я уж думал, что нам не удастся и переговорить.

Ш у й с к и й

(*слугам*)

Вы что рот разинули? Всё бы вам господ подслуши-
вать. — Сбирайте со стола да ступайте вон. — Что такое,
Афанасий Михайлович?

Пуш к и н

Чудеса да и только.
Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сегодня.

Ш у й с к и й

Ну.

Пуш к и н

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.
(*Идет к дверям и осматривает.*)
Державный отрок,
По манию Бориса убиенный...

Ш у й с к и й

Да это уж не ново.

Пуш к и н

Погоди:

Димитрий жив.

Ш у й с к и й
Вот-на! какая весть!
Царевич жив! Ну подлинно чудесно.
И только-то?

П у ш к и н
Послушай до конца.
Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Ш у й с к и й
Не может быть.

П у ш к и н
Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

Ш у й с к и й
Кто ж он такой? откуда он?

П у ш к и н
Не знают.
Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Ш у й с к и й
Что ж говорят об этом удалце?

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

П у ш к и н

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Ш у й с к и й

Всё это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет невольню.
Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

П у ш к и н

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребаёт углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнаныи.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.

Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот — Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместьях своих.
Не смей согнать ленивца! рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! — не то в Приказ холопий.
Ну слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Ш у й с к и й
Прав ты, Пушкин.

Но знаешь ли? об этом обо всём
Мы помолчим до времени.

П у ш к и н

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали...
Прощай же, князь.

Ш у й с к и й
Прощай, брат, до свиданья.
(Провожает Пушкина.)

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Царевич чертит геогр<афическую> карту. Царевна, мамка царевны.

Ксения
(держит портрет)
Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?..

Братец — а, братец! скажи: королевич похож был на мой образок?

Федор
Я говорю тебе, что похож.

Ксения
(целует портрет)
Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте — а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка
И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених, и прекрасный, и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана-королевича.

Ксения
Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

(Входит Борис.)

Ц а р ь

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Всё плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не сулила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь? —
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Ф е д о р

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Ц а р ь

А это что такое
Узором здесь виется?

Ф е д о р

Это Волга.

Ц а р ь

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Всё царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою, —
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.
(*Входит Семен Годунов.*)

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Вот Годунов идет ко мне с докладом.

(Ксении.)

Душа моя, поди в свою светлицу;

Прости, мой друг. Утешь тебя Господь.

(Ксения с мамкою уходит.)

Что скажешь мне, Семен Ильич?

Семен Годунов

Сегодня

Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья

И Пушкина слуга пришли с доносом.

Царь

Ну.

Семен Годунов

Пушкина слуга донес сперва,

Что поутру вчера к ним в дом приехал

Из Кракова гонец — и через час

Без грамоты отослан был обратно.

Царь

Гонца схватить.

Семен Годунов

Уж послано в догоню.

Царь

О Шуйском что?

Семен Годунов

Вечор он угощал

Своих друзей, обоих Милославских,

Бутурлиных, Михайла Салтыкова,

Да Пушкина — да несколько других;

А разошлись уж поздно. Только Пушкин

Наедине с хозяином остался

И долго с ним беседовал еще.

Царь
Сейчас послать за Шуйским.

<Семен> Годунов
Государь,
Он здесь уже.

Царь
Позвать его сюда.
(*Годунов уходит.*)

Царь
Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный,
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый...
(*Входит Шуйский.*)
Мне нужно, князь, с тобою говорить.
Но кажется — ты сам пришел за делом,
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйский
Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Царь
Я слушаю тебя.

Шуйский
(*тихо указывая на Феодора*)
Но, государь...

Царь
Царевич может знать,
Что ведает к<князь> Шуйский. Говори.

Шуйский
Царь, из Литвы пришла нам весть...

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

Ц а р ь

Не та ли,
Что Пушкину привез вечер гонец?

Ш у й с к и й

Всё знает он! — Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тайны.

Ц а р ь

Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Ш у й с к и й

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец
И что король и паны за него.

Ц а р ь

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Ш у й с к и й

Не ведаю.

Ц а р ь

Но... чем опасен он?

Ш у й с к и й

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.

Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

Ц а р ь
Димитрия!.. как? этого младенца!
Димитрия!... Царевич, удались.

Ш у й с к и й
Он покраснел: быть буре!..

Ф е д о р
Государь,
Дозволишь ли...

Ц а р ь
Нельзя, мой сын, поди.
(*Ф е д о р уходит.*)
Димитрия!..

Ш у й с к и й
Он ничего не знал.

Ц а р ь
Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Ш у й с к и й
Иду.

Ц а р ь
Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слышал ли ты когда,

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Ш у й с к и й

Я, государь?..

Ц а р ь

Послушай, кн<язь> Василий:

Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие; теперь
Тебя крестом и Богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Ш у й с к и й

Клянусь тебе...

Ц а р ь

Нет, Шуйский, не клянись,

Но отвечай: то был царевич?

Ш у й с к и й

Он.

Ц а р ь

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Ив<ан> Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

Ш у й с к и й

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растрезанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Ц а р ь

Довольно; удались.

(Ш у й с к и й уходит.)

Ух, тяжело!.. дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась — и тяжко опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Всё снилось убитое дитя!
Да, да — вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуи — и нет его.
Так решено: не окажу я страха —
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КРАКОВ. ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО
Самозванец и Pater Черниковский.

С а м о з в а н е ц

Нет, мой отец, не будет затруднений;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья;
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ и вся восточна церковь
Признают власть наместника Петра.

P a t e r

Вспомоществуй тебе св<ятый> Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствоваться пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит Бог.

С а м о з в а н е ц

Атеп. Кто там!

(Входит слуга.)

Сказать: мы принимаем.

*(Отворяются двери; входит толпа русских
и поляков.)*

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Санборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной,
И славится хозяйкой молодой —
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена

Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны. —
Но между вас я вижу новы лица.

Г а в р и л а П у ш к и н
Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

С а м о з в а н е ц
Рад вам, дети.
Ко мне, друзья. — Но кто, скажи мне, Пушкин,
Красавец сей?

П у ш к и н
Князь Курбский.

С а м о з в а н е ц
Имя громко!
(Курбскому.)
Ты родственник казанскому герою?

К у р б с к и й
Я сын его.

С а м о з в а н е ц
Он жив еще?

К у р б с к и й
Нет, умер.

С а м о з в а н е ц
Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточенный мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нем умолкла.

П р и л о ж е н и е I

К у р б с к и й
Мой отец

В Волынии провел остаток жизни,
В поместьях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады,
Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил
И до конца по ней он тосковал.

С а м о з в а н е ц

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! Приблизься, Курбский. Руку!
— Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да — сына Иоанна...
Всё за меня: и люди и судьба. —
Ты кто такой?

П о л я к
Собаньский, шляхтич вольный.

С а м о з в а н е ц

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья выдать. —
Но эти кто? Я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

Х р у щ о в
(*бьет челом*)

Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь, — и за тебя готовы

Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

С а м о з в а н е ц
Мужайтесь, безвинные страдальцы, —
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там уже Борис со мной и с вами
Расплатится. Что ж нового в Москве?

Х р у щ о в
Всё тихо там еще. Но уж народ
Спасение царевича проведаль.
Уж грамоту твою везде читают.
Все ждут тебя. Недавно двух бояр
Борис казнил за то, что за столом
Они твое здоровье тайно пили.

С а м о з в а н е ц
О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорят о нем?

Х р у щ о в
Он удалился
В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но недуг
Его грызет. Борис едва влачится,
И думают, его последний час
Уж недалек.

С а м о з в а н е ц
Как враг великодушный,
Борису я желаю смерти скорой;
Не то беда злодею. А кого
Наследником наречь намерен он?

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Хрущов

Он замыслов своих не объявляет;
Но кажется, что молодого сына,
Феодора — он прочит нам в цари.

Самозванец

В расчетах он, быть может, ошибется.
Ты кто?

Карела

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

Самозванец

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казацьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если Бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

Поэт

(приближается, кланяясь низко и хватая

Гр<ишку> за полу)

Великий принц, светлейший королевич!

Самозванец

Что хочешь ты?

Поэт

(подает ему бумагу)

Примите благосклонно

Сей бедный плод усердного труда.

С а м о з в а н е ц

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.

(Читает про себя.)

Х р у щ о в

(тихо Пушкину)

Кто сей?

П у ш к и н

Пиит.

Х р у щ о в

Какое ж это званье?

П у ш к и н

Как бы сказать? по-русски — виршеписец
Иль скоморох.

С а м о з в а н е ц

Прекрасные стихи!

Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приблизься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.

(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится

Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.
Musa gloriam cogonat, gloriaque musam.
Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В с е

В поход, в поход, да здравствует Димитрий,
Да здравствует великий князь Московский!

ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САНБОРЕ

УБОРНАЯ МАРИНЫ

М а р и н а, Р у з я убирает ее, с л у ж а н к и.

М а р и н а

(перед зеркалом)

Ну что ж? готово ли? нельзя <ли> поспешить?

Р у з я

Позвольте; наперед решите выбор трудный:

Что вы наденете, жемчужную ли нить

Иль полумесяц изумрудный?

М а р и н а

Алмазный мой венец.

Р у з я

Прекрасно! помните? его вы надевали,

Когда изволили вы ездить во дворец.

На бале, говорят, как солнце вы блистали.

Мужчины ахали, красавицы шептали...

В то время, кажется, вас видел в первый раз

Хоткевич молодой, что после застрелился.

А точно, говорят: на вас

Кто ни взглянул, тут и влюбился.

М а р и н а

Нельзя ли поскорей.

Р у з я

Сейчас.

Сегодня ваш отец надеется на вас.

Царевич видел вас недаром,
Не мог он утаить восторга своего,
Уж ранен он; так надобно его
Сразить решительным ударом.
А точно, панна, он влюблен.
Вот месяц, как, оставя Краков,
Забыв войну, московский трон,
В гостях у нас пирует он
И бесит русских и поляков.
Ах, Боже мой! дождусь ли дня?..
Не правда ли? когда в свою столицу
Димитрий повезет московскую царицу,
Вы не оставите меня?

М а р и н а
Ты разве думаешь — царицей буду я?

Р у з я
А кто ж, когда не вы? кто смеет красотой
Равняться здесь с моею госпожою?
Род Мнишков — ничьему еще не уступал;
Умом — превыше вы похвал...
Счастлив, кого ваш взор вниманья удостоит,
Кто сердца вашего любовь себе присвоит —
Кто б ни был <он>, хоть наш король
Или французский королевич —
Не только нищий ваш царевич,
Бог весть какой, Бог весть отколь.

М а р и н а
Он точно царский сын и признан целым светом.

Р у з я
А всё ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

М а р и н а
Скрывался он.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Рузя
Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?
Что будто он дьячок, бежавший из Москвы,
Известный плут в своем приходе.

Марина
Какие глупости!

Рузя
О, я не верю им —
Я только говорю, что должен он, конечно,
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другим.

Служанка
(вбегает)
Уж гости съехались.

Марина
Вот видишь: ты до света
Готова пустяки болтать,
А между тем я не одета...

Рузя
Сейчас, готово все.
(Служанки суетятся.)

Марина
Мне должно всё узнать.

РЯД ОСВЕЩЕННЫХ КОМНАТ. МУЗЫКА

Вишневецкий, Мнишек.

Мнишек

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну — думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?

Вишневецкий

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдет на трон московский?

Мнишек

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Димитрия!.. И вот
Всё кончено. Уж он в ее сетях. —
Идет, идет!.. и с панною Мариной!
*(Музыка играет польский. Самозванец идет
с Мариною в первой паре.)*

Марина

(тихо Димитрию)

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана.
(Расходятся. Другая пара.)

Кавалер

Что в ней нашел Димитрий?

Дама

Как! она

Красавица.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

К а в а л е р

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...

(Новая пара.)

Д а м а

Он не красив, но, вид его приятен
И царская порода в нем видна.

(Новая пара.)

Д а м а

Когда ж поход?

К а в а л е р

Когда велит царевич,
Готовы мы; но видно, панна Мнишек
С Димитрием задержит нас в плену.

Д а м а

Приятный плен.

К а в а л е р

Конечно, если вы...
(Расходятся. Комнаты пустеют.)

М н и ш е к

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Мазурки гром не подзывает нас,
Прелестных рук не жмем и не целуем —
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей, — не так смела,
И красота не так уж весела —
Признайся, друг: всё как-то приуныло.
Оставим их; пойдём, товарищ мой,
Венгерского обросшую травой
Велим отрыть бутылку вековую

Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

Вишневецкий
И дело, друг, пойдем.

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

Самозванец
(входит)

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Пред собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались — я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет — это страх. Чего же я боюсь?
Не знаю сам. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал всё то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей, —
Но час настал — и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

М а р и н а
(входит)
Царевич!

С а м о з в а н е ц
Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

М а р и н а
Димитрий! Вы?

С а м о з в а н е ц
Волшебный, сладкий голос!
(Идет к ней.)
Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

М а р и н а
Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны: верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья —
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь — не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя —
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

С а м о з в а н е ц

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором, —
О, выслушай моления любви,
Дай высказать всё то, чем сердце полно.

М а р и н а

Не время, князь. Ты медлишь — и меж тем
Приверженность твоих клеветов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...

С а м о з в а н е ц

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной — ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

М а р и н а

Стыдись; не забывай

Высокого, святого назначения:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному Судьбой.

С а м о з в а н е ц

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвись —
Как! ежели... о, страшное сомненье! —
Скажи: когда не царское рождение
Назначила слепая мне судьба,
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок, —
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

М а р и н а

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

С а м о з в а н е ц

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствовать! Скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт — и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь; скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо —
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?

Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

М а р и н а
О стыд! о горе мне!
(*Молчание.*)

С а м о з в а н е ц
(*a parte*)

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? — Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду.

(*Бросается на колена.*)

М а р и н а
Встань, бедный самозванец.
Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилишь?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

С а м о з в а н е ц
Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

М а р и н а
Достойные позорной петли, дерзкий!

ПРИЛОЖЕНИЕ I

С а м о з в а н е ц

Виновен я: гордыней обуянный,
Обманывал я Бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Всё высказать.

М а р и н а

Чем хвалится, безумец!

Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся, как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем
Или ещё пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

С а м о з в а н е ц

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признание.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,

Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

М а р и н а

Клянешься ты! итак, должна я верить —
О, верю я! — но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли Бога,
Как набожный приимыш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Д и м и т р и й
(гордо)

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. —
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат —
О, как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду — погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но — может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

М а р и н а

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

ПРИЛОЖЕНИЕ I

С а м о з в а н е ц

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? — Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

М а р и н а

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, — она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но — слушай.
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву —
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла.
Но — слышит Бог — пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.
(Уходит.)

С а м о з в а н е ц

Нет — легче мне сражаться с Годуновым
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной. — Черт с ними: мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! — Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.

1604, 16 октября

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ

Кн. Курбский и Самозванец, оба верхами.

Полки приближаются к границе.

Курбский

(прискакав первый)

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, отечество! я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхую
С моих одежд — пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. Теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости! —
Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загулял
За своего надёжу-государя!..

Самозванец

(едет тихо с поникшей головой)

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнании,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив, —
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возратить отечеству... ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

С а м о з в а н е ц

Кровь русская, о Курбский, потечет —
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на меня —
А на тебя, Борис-цареубийца! —
Вперед!

К у р б с к и й

Вперед! и горе Годунову!
(Скачут. Полки переходят через границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА

Ц а р ь , п а т р и а р х и б о я р е .

Ц а р ь

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! — Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов; помочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

Б а с м а н о в

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетки. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким.)

Ц а р ь

Мне свейский государь

Через послов союз свой предложил,
Но не нужна нам чуждая помощь,
Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал. Щелкалов! Разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коней садились и людей
По старине на службу высылали —
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли —
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они — таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим.
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шепот,
Умы кипят... их нужно остудить —
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Св<ятый> от<ец>, свою поведай мысль.

П а т р и а р х

Благословен Всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь — да прбйдет заблужденье,
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.

Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился,
Но стоит лишь ее раздрать — и сам
Он наготой своею посрамится.

Сам Бог на то нам средство посылает;
Знай, государь: тому прошло шесть лет —
В тот самый год, когда тебя Господь
Благословил на царскую державу, —
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.

«В молодых летах, — сказал он, — я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептанием;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладезов святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал Господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говор<и>т: „Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив — и я тебя прощу“.
— „Но кто же ты?“ — спросил я детский голос.
„Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец! —

Иди, старик“. — Проснулся я и думал:
Что ж? может быть, и в самом деле Бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду — и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В св<ятый> собор и слушаю обедню
И, разгорясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: „Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия“. И мальчик
Повел меня — и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И Божий свет, и внука, и могилку». —
Вот, государь, что мне поведал старец.

*(Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз
отирает лицо платком.)*

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.
Вот мой совет: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.

(Молчание.)

Князь Шуйский
Святой отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;

ПРИЛОЖЕНИЕ I

А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков;
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства — прощяе.
Так, государь, — когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Ц а р ь

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.

(Уходит. За ним и все бояре.)

О д и н б о я р и н

(тихо другому)

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Д р у г о й

Я — признаюсь — не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

П е р в ы й б о я р и н

А выручил кн<язь> Шуйский. Молодец!

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД СОБОРОМ В МОСКВЕ

Н а р о д.

О д и н

Скоро ли царь выйдет из собора?

Д р у г о й

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

П е р в ы й

Что? уж проклинали *того*?

Д р у г о й

Я стоял на паперти и слышал, как дьякон завопил:
Гришка Отрепьев — Анафема!

П е р в ы й

Пускай себе проклинаят; царевичу дела нет до
Отрепьева.

Д р у г о й

А царевичу поют теперь вечную память.

П е р в ы й

Вечную память живому! Вот ужо им будет, безбож-
никам.

Т р е т и й

Чу! шум. Не царь ли?

Ч е т в е р т ы й

Нет; это юродивый.

(*Входит Ю р о д и в ы й в железной шапке,
обвешенный веригами, окруженный
м а л ь ч и ш к а м и.*)

М а л ь ч и ш к и

Николка, Николка — Железный колпак!.. тррррр...

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

Старуха
Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. — Помолись,
Николка, за меня грешную.

Юродивый
Дай, дай, дай копеечку.

Старуха
Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый
(садится наземь и поет)
Месяц едет;
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Бай, бай, бай...
Богу помолися! —
(Мальчишки окружают его снова.)

Один из них
Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь?
(Щелкает его по железной шапке.) Эх она звонит!

Юродивый
А у меня копеечка есть.

Мальчишка
Неправда! ну покажи.
(Вырывает копеечку и убегает.)

Юродивый
(плачет)
Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Народ
Царь, царь идет.
*(Царь выходит из собора. Боярин впереди
раздает нищим милостыню. Бояре.)*

Ю р о д и в ы й
Борис, Борис! Николку дети обижают.

Ц а р ь
Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Ю р о д и в ы й
Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Б о я р е
Поди прочь, дурак! Схватите дурака!

Ц а р ь
Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.
(Уходит.)

Ю р о д и в ы й
(ему вслед)
Нет, нет, нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит.

21 декабря
РАВНИНА БЛИЗ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО
Битва.

В о и н ы
(бегут в беспорядке)
Беда, беда! Царевич! ляхи! вот они! вот они!
(Входят капитаны Маржерет
и В<a>льтер Розен.)

Margeret
Куда, куда? allons... пошоль назад!

Один из беглецов
Сам пошол, коли есть охота, проклятый басурман.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

M a r g e r e t

Quoi? quoi?

Д р у г о й

Ква! ква! Тебе любо, заморскому ворону, квакать на русского царевича; а мы ведь православные.

M a r g e r e t

Qu'est-ce à dire pravoslavni?.. Sacrés gueux, maudites canailles! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on diroit que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour f<ou-
tre> le ca<mp>.

В . Р о з е н

Es ist Schande.

M a r g e r e t

Ventre-saint-gris! je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire, qu'en dites-vous, mein Herr?

В . Р о з е н

Sie haben Recht.

M a r g e r e t

Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul — qu'en pensez-vous, mein Herr?

В . Р о з е н

Oh, ja!

M a r g e r e t

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanof, qui aurait fait une sortie.

В. Розен

Ich glaube das.

(Входят немцы.)

Margeret

Ha, ha! voici nos Allemands. — Messieurs!.. mein Herr,
dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розен

Sehr gut. Halt!

(Немцы строятся.)

Marsch!

Немцы

(идут)

Hilf Gott!

(Русские снова бегут.)

Ляхи

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Димитрий

(верхом)

Ударить отбой! мы победили. Довольно; щадите рус-
скую кровь. Отбой!

(Трубят, бьют барабаны.)

СЕВСК

Самозванец, окруженный своими.

Самозванец

Где пленный?

Лях

Здесь.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Самозванец

Позвать его ко мне.

(Входит русский пленник.)

Кто ты?

Пленник

Рожнов, моск<овский> дворянин.

Самозванец

Давно ли ты на службе?

Пленник

С месяц будет.

Самозванец

Не совестно, Рожнов, что на меня

Ты поднял меч?

Пленник

Как быть, не наша воля.

Самозванец

Сражался ты под Северским?

Пленник

Я прибыл

Недели две по битве — из Москвы.

Самозванец

Что Годунов?

Пленник

Он очень был встревожен

Потерею сражения и раной

Мстиславского, и Шуйского послал

Начальствовать над войском.

С а м о з в а н е ц

А зачем

Он отозвал Басманова в Москву?

П л е н н и к

Царь наградил его заслуги честью

И золотом. Басманов в Ц<арской> Думе

Теперь сидит.

С а м о з в а н е ц

Он в войске был нужнее.

Ну что в Москве?

П л е н н и к

Всё, слава Богу, тихо.

С а м о з в а н е ц

Что? ждут меня?

П л е н н и к

Бог знает; о тебе

Там говорить не слишком нынче смеют.

Кому язык отрежут, а кому

И голову — такая, право, притча!

Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.

На площади, где человека три

Сойдутся, — глядь — лазутчик уж и вьется,

А государь досужною порою

Доносчиков допраш<ивает> сам.

Как раз беда; так лучше уж молчать.

С а м о з в а н е ц

Завидна жизнь Борисовых людей!

Ну, войско что?

П л е н н и к

Что с ним? одето, сыто,

Довольно всем.

П р и л о ж е н и е I

С а м о з в а н е ц
Да много ли его?

П л е н н и к
Бог ведает.

С а м о з в а н е ц
А будет тысяч тридцать?

П л е н н и к
Да наберешь и тыс<яч> пятьдесят.
*(Самозванец задумывается. Окружающие
смотрят друг на друга.)*

С а м о з в а н е ц
Ну! обо мне как судят в вашем стане?

П л е н н и к
А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец.

С а м о з в а н е ц
(смеясь)
Так это я на деле
Им докажу; друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
Назавтра бой.
(Уходит.)

В с е
Да здравствует Димитрий!

Л я х
Назавтра бой! их тыс<яч> пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошел.

Другой
Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать может.

Пленник
Да, вызовешь. А как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвастун.

Лях
Когда б ты был при сабле, дерзкий плен<ник>,
То я тебя
(указывая на свою саблю)
вот этим бы смирил.

Пленник
Наш брат русак без сабли обойдется:
Не хочешь ли вот этого,
(показывая кулак)
безмозглый!
(Лях гордо смотрит на него и молча отходит.
Все смеются.)

ЛЕС

Лжедмитрий, Пушкин.
(В отдалении лежит конь издыхающий.)

Лжедмитрий
Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сраженье,
И раненый как быстро нес меня.
Несчастный друг!..

Пушкин
(про себя)
Ну вот о чем жалеет?
Об лошади! Когда всё наше войско
Побито в прах!

П р и л о ж е н и е I

С а м о з в а н е ц

Послушай, мож<ет> бы<ть>,

От раны он лишь только заморился
И отдохнет.

П у ш к и н

Куда! он издыхает.

С а м о з в а н е ц

(идет к своему коню)

Мой бедный конь!.. Что делать? снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле
Издохнет он.

(Разуздывает и расседлывает коня.

Входят несколько ляхов.)

Здорово, господа.

Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в тучу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Л я х

Он лег на поле смерти.

С а м о з в а н е ц

Честь храбромu и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас —
Не выдержать и трех минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники!

Пушкин

Кто там ни виноват,
Но всё-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванец

А дело было наше;
Я было смял передовую рать —
Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы!
Люблю за то — из них — уж непременно
Составлю я почетную дружину.

Пушкин

А где-то нам сегодня ночевать?

Самозванец

Да здесь в лесу, чем это не ночлег?
Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рьльске.
Спокойна ночь.

*(Ложится, кладет седло под голову
и засыпает.)*

Пушкин

Приятный сон, царевич.

Разбитый в прах, спасаяся побегом,
Беспечен он, как мирное дитя.
Хранит его конечно Провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.

МОСКВА. ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, Басманов.

Царь

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает —
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен;
Пошлю тебя начальствовать над ними;
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Б а с м а н о в

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь.

Б о р и с

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Б а с м а н о в

Что на него смотреть?
Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Ц а р ь

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и — его свирепый внук.

Нет, милости не чувствует народ;
Твори добро — не скажет он спасибо,
Грабь и казни — тебе не будет хуже.

(Входит боярин.)

Что?

Боярин

Привели гостей иноплеменных.

Царь

Иду принять; Басманов, погоди.
Останься здесь: с тобой еще мне нужно
Поговорить.

(Уходит.)

Басманов

Высокий дух державный.

Дай Бог ему с Отрепьевым проклятым
Управиться, и много, много он
Еще добра в России сотворит.

Мысль важная в уме его родилась.

Не надобно ей дать остыть. Какое

Мне поприще откроется, когда

Он сломит рог боярству родовому.

Соперников во брани я не знаю;

У царского престола стану первый...

И может быть... Но что за чудный шум?

*(Тревога. Бояре, придворные служители
в беспорядке бегут, встречаются
и шепчутся.)*

Один

За лекарем!

Другой

Скорее, к патриарху.

Третий

Царевича, царевича зовет!

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Четвертый
Духовника!

Басманов
Что сделалось такое?

Пятый
Царь занемог.

Шестой
Царь умирает.

Басманов
Боже!

Пятый
На троне он сидел и вдруг упал —
Кровь хлынула из уст и из ушей.
*(Царя выносят на стуле; всё царское семейство,
все бояре.)*

Царь
Подите все — оставьте одного
Царевича со мною.
(Все удаляются.)

Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчас явлюсь перед тобой — и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден, и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
Я, я за всё один отвечу Богу...

О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно —
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен...
Я, с давних лет в правленьи искушенный,
Мог удержать смятение и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала —
Но ты, молодой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но Бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом — а в боярах
Почтенного породой или славой —
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, тыходишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость.
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь завсегда главою;
Мать почитай — но властвуй сам собою,
Ты муж и царь — люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

Ф е о д о р

(на коленях)

Нет, нет — живи и царствуй долговечно,
Народ и мы погибли без тебя.

Ц а р ь

Всё кончено — глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...

*(Входит патриарх, святители,
за ними все бояре. Царицу ведут под руки,
царевна рыдает.)*

Кто там?

А! схимия... святое постриженье...
Ударил час, в монахи царь идет...
И темный гроб моею будет кельей...
Повремени, вл<адыко> патр<иарх>,
Я царь еще; внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору... Басманов,
Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен.
Клянётесь ли?

Б о я р е
Клянемся.

Ц а р ь
Я доволен.
Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...
Святой отец, приблизься, я готов.
(Начинается обряд пострижения. Женщин в обмороке
выносят.)

СТАВКА

Б а с м а н о в вводит П у ш к и н а.

Б а с м а н о в
Войди сюда и говори свободно.
Итак, тебя ко мне он посылает?

П у ш к и н
Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в моск<овском> царстве.

Б а с м а н о в
Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен. Начальствую над войском,
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр — я присягал ему.

П у ш к и н
Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?..

Б а с м а н о в
Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Пушкин

Россия и Литва

Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Басманов

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава Богу!
Победою я их одушевлею,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Корелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь т<ысяч>.

Пушкин

Ошибся ты: и тех не наберешь —
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басма<нов>?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам, охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?.. Нет, Бас<манов>, поздно спорить
И раздувать холодный пепел брани;

Со всем твоим умом и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Б а с м а н о в
Узнаете вы завтра.

П у ш к и н
Решишь.

Б а с м а н о в
Прощай.

П у ш к и н
Подумай же, Басманов.
(Уходит.)

Б а с м а н о в
Он прав, он прав; везде измена зреет —
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить —
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор —
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...
(Задумывается.)

Сюда! кто там?
(Свищет.)
Коня! трубите сбор.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Пушк ин идет, окруженный народом.

Н а р о д

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Послушаем.

Пушк ин
(на амвоне)

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.
(Кланяется.)

Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но Божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Он к вам идет с любовью и с миром.
В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Н а р о д

Вестимо, нет.

Пушк ин

Московские граждане!

Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад — всё испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов — и весь честной народ.
Вы ль станете упрямыться безумно
И милостей кичливо убежать?

Но он идет на царственный престол
Своих отцов — в сопровожденьи грозном.
Не гневайте ж царя и бойтесь Бога.
Целуйте крест законному владыке;
Смиритесь, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

(Сходит.)

(Шум народный.)

Н а р о д

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец.

М у ж и к н а а м в о н е

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! связать Борисова щенка!

Н а р о д

(несется толпою)

Вязать! вязать! Да здр<авствует> Дим<итрий>!
Да гибнет род Б<ориса> Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМ БОРИСОВ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА

Ф е о д о р под окном.

Н и щ и й

Дайте милостыню, Христа ради!

С т р а ж а

Поди прочь, не велено говорить с заключенными.

Ф е о д о р

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.
(К с е н и я под покрывалом подходит также к окну.)

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Один из народа
Брат да сестра! Бедные дети, что пташки в клетке.

Другой
Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый
Отец был злодей, а детки невинны.

Другой
Яблоко от яблони недалеко падает.

Ксения
Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Феодор
Это Галицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

Ксения
Ах, братец, сердце замирает!
*(Галицын, Мосальский, Молчанов
и Шерфединов. Заними трое стрельцов.)*

Народ
Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.
(Они входят в дом.)

Один из народа
Зачем они пришли?

Другой
А, верно, приводить к присяге Ф<еодора>
Годунова.

Третий
В самом деле?— Сл<ы>шишь, какой в доме шум!
Тревога, дерутся...

КОМЕДИЯ О ЦАРЕ БОРИСЕ И О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

Н а р о д

Взойдем! — двери заперты — слышишь? визг! это женский голос — крики замолкли — шум продолжается.

(Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.)

< М о с а л ь с к и й >

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

(Народ в ужасе молчит.)

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует ц<арь> Димитрий Иванович!

Н а р о д

Да здравствует царь Димитрий Иванович!

К о н е ц к о м и д и и ,
в ней же первая персона
царь Борис Годунов.

Слава Отцу и Сыну и С<вятому> Духу,
АМИНЬ.

Приложение II
< Наброски предисловия
к «Борису Годунову» >

<1>

19 июля. Арзр<ум>

С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет «Бориса Годунова». Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму — и чтоб она тем самым не замедлила хода —

Хотя успех «Полтавы» ободряет меня

<2>

<С> отвращением решаюсь я выдать в свет [сво<ю><?>] <трагедию>, и хотя я вообще всегда был довольно равнодушен <к> успех<у> иль неудач<е> своих сочинений, но, признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будет мне чувствител<ьна>, а я в ней почти уверен. Как Монтань, могу сказать о своем сочине<нии>: *C'est une œuvre de bonne foi.*

Писанная в строгом уединении, вдали охлаждающе<го> света, [плод] постоянного труда, добросовестного изучения, трагедия сия доставила мне всё, чем писател<ю> наслаждаться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец, одобрения почти все<х>, коих мн<ениями> я привык дорожить>.

Тр<агедия> моя уже известна почти всем тем, коих мнениями я дорожу. В числе моих слушател<ей> одного недостало, того, кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня; чье одобрение представлялось

воображению моему сладчайшею наградою и единственно раз-
влекало меня посреди уединенного труда...

<3>

Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей да-
ло мне мысль облечь в драм<атические> форм<ы> одну из са-
мых драматических эпох новейшей истории. Шексп<иру>
я подражал в его вольном и широком изображении харак-
те<ров>, в небрежном и простом составлении типов. Карам-
з<ину> следовал я в светлом развитии происшествий, в лето-
писях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен.
Источники богатые! Умел ли ими воспользо<ваться> — не
знаю. По крайней мере, труды мои были ревностны и добро-
совестны.

Долго не мог я решиться напечатать свою драму. — Хо-
ро<ший> иль худой успех моих стихот<в>о<рени>й, благо-
склонное или строгое решение журналов о какой-нибудь сти-
хотворной повести донныне слабо тревожили мое самолюбие.
Критики слишком лестные не ослепляли его, читая разборы са-
мые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, по-
нять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят
его обвинения. — И если никогда не отвечал я на оные, то сие
происходило не из презрения, но единственно из убеждения,
что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава
«Онеги<на>» выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно,
неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что
нашему театру приличны народные законы драмы Шекспиро-
вой, а не придворный обычай трагедий Расина, и что всякий не-
удачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены
(«Ермак» А. С. Хомякова есть более произвед<ение> лириче-
ское, чем драм<атическое>. Успехом своим оно обязано пре-
красным стихам, коим<и> оно писано).

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих,
употребленный мною (пятистопный ямб), принят обычно
венно англичанами и немцами. У нас первый пример оному
находим мы, кажется, в «Аргивянах»; А. Жандр в отрывке своей
прекра<сной> траг<едии>, писанной стихами вольны-
ми, преимущественно употребляет его. Я сохранил цезуруку

французского пентаметра на второй стопе — и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнобразия. Есть шутки грубые, сцены простонародные. Хорошо, если поэт может их избежать, поэту не должно быть плошадным из доброй воли — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *son amogé*, но [без всякой дворянской спеси]. Изо всех моих подражаний Байро<ну> дворянск<ая> спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое — древнее же пришло в упадок, права <его> уровнены с правами прочих сост<ояний>, великие имения давно раздроблены, уничтожены и никто, даже самые потомки и проч. — Принадлежать старой арист<окрации> не представляет никаких преимуществ в глазах благоразу<мною> черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нареkanie в странности или бессмысленном подражании иностранцам.

<4>

Je me présente ayant renoncé <à> ma manière première — n'ayant plus a allaiter un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. — Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. — Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

<5>

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc. — d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur. J'éprouvais une grande répugnance à livrer au publi<c> ma tragédie — je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes. — Mais je trouve tout cela fort inutile.

<6>

Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть, и они [не удовлетворяют] надежды преобразователей.

Поэт, *живущий на высотах создания*, яснее видит, может быть, и недостатки справедлив<ых> требований, и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом, Lopez de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений, какое направление ни изберет, останется всегда гений — суд потомства отделил золото, ему принадлежащее, от примеси.

<7>

Pour une préface: Le public et la critique ayant accueilli avec une *indulgence passionnée* mes prem<iers> essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quittés envers moi — leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.

комментарии

«Борис Годунов»

Прижизненное издание

Борис Годунов, сочинение Александра Пушкина. СПб.: В типографии Департамента народного просвещения, 1831 (на обороте титула: «С дозволения правительства»). Воспроизведено в настоящем издании.

Журнальные публикации, предшествовавшие изданию полного текста трагедии

Сцена из трагедии «Борис Годунов». 1603 год. Ночь. Келья в Чудовом монастыре // МВ. 1827. Ч. 1. № 1. С. 3–10; с подписью «Александр Пушкин». Перепечатана (кончая словами: «И три раза мне снился тот же сон. Не чудно ли?»): Невский альманах на 1828 год. С. V–VIII.

Отрывок из «Бориса Годунова». 1604. 16 октября. Граница литовская // СЦ на 1828 г. С. 25–27; с подписью «А. Пушкин».

Две первые сцены из трагедии «Борис Годунов» // Денница, альманах на 1830 год, изд. М. Максимовичем. С. 1–9; с подписью «А. Пушкин».

101 .

Рукописные источники трагедии

1 Подготовительные заметки (конспект фрагментов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, т. 10–11) в рабочей тетради Пушкина ПД 835 (л. 44–44 об.). Напечатано: Морозов 1887. Т. 3. С. 81. Факсимильное воспроизведение: Пушкин 1995–1997 IV.

2 План пьесы в рабочей тетради Пушкина ПД 835 (л. 45). Напечатано: Морозов 1887. Т. 3. С. 81. Факсимильное воспроизведение: Пушкин 1995–1997 IV.

3 Черновой автограф первых пяти сцен в рабочей тетради Пушкина ПД 835 (л. 45–46, 47 об. — 50, 52 об., 55–56). Без заглавия; первая сцена — л. 45–46; вторая сцена — л. 47 об.; третья сцена — л. 48–48 об.; четвертая сцена — л. 48 об. — 49; пятая сцена (обозначенная как «Явление 4») — л. 49–50, 52 об., 55–56. Напечатано: Анненков 1855: 142–144 (отдельные варианты сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»); Якушкин 1884 VIII: 20–21, 23–27, 30. Факсимильное воспроизведение: Пушкин 1995–1997 IV.

4 Лист из собрания А. Ф. Онегина (ПД 73), содержащий варианты заглавия, запись «Летопись о многих мятежах и пр.», предполагавшуюся вставку после сцены «Ограда монастырская» (ниже — подсчеты) и, на обороте, — перечень действующих лиц первой части трагедии. Бумага с водяным знаком фабрики Хлюстина 1810-х гг. (видны лишь три первые цифры: 181...). Жандармская помета: «9». В левом верхнем углу — надпись: «Puchkiniana А. Ф. Онегина Paris. М. № 8». Напечатано: Онегин 1882: 893–894. Воспроизведение: Гордин 1939: 126 (только часть листа с записью вариантов заглавия).

5 Беловой автограф первой («михайловской») редакции пьесы (ПД 891) — полный текст под заглавием: «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», с датой «1825» у заглавия и пометой «7 ноября 1825» в конце, с одновременной и последующей правкой. Листы сложены в три тетради (в первой 20 фабричных полулистов, во второй — 14, в третьей — 22). Тетради вшиты в синюю обертку. Листы обрезаны по краям, при этом срезанными оказались вписанное сверху слово «друзья» в стихе «Им докажу: друзья, не станем ждать» сцены «Севск»

(л. 43) и слово «Женщин» в заключительной ремарке сцены смерти Бориса (л. 47 об.), а также некоторые номера страниц, проставленные в верхних углах. Автограф содержит пометы рецензента III Отделения (см. ниже, с. 122–127) и варианты поправок, предложенные В. А. Жуковским (см. ниже, с. 130–132). Стихи, подвергшиеся правке, в большинстве случаев отмечены карандашом. В ряде случаев эта помета, происхождение которой не вполне ясно, встречается против стихов, не исправленных в данном автографе, но содержащих варианты по сравнению с изданием «БГ*». По предположению Г. О. Винокура, пометы сделаны «кем-либо из изучавших эту рукопись, отмечавшим для себя строки, содержащие варианты» (Винокур 1935: 400). Винокур подчеркивает, что «за одним-двумя исключениями, карандашных значков нет против таких стихов, варианты которых ускользали до сих пор от внимания исследователей или, во всяком случае, не приводились в печати» (Там же). В 1880-х гг. автограф поступил в Публичную библиотеку в Петербурге от П. В. Жуковского (сына поэта). Напечатано: DJ. S. 56–58 (публ. Е. Ф. Розена — см. ниже, с. 216–217); ЛПРИ. 1834. № 3. 10 января. С. 21 (песня Ксении из сцены «Царские палаты»; публ. А. Савицкого); Пушкин 1838–1841 IX: 193–199 (сцены «Девичье поле. Новодевичий монастырь», «Уборная Марины», публ. В. А. Жуковского); Морозов 1887 III: 1–76 (здесь же, на с. 80–81, указание, что текст «восстановлен в его первоначальном виде, на основании рукописей»); Пушкин 1993: 14–227 (полный текст «михайловской» редакции; публ. С. А. Фомичева). Воспроизведение: л. 40 — Полевой П. 1900: 164/165; л. 1, 6, 11 об., 51 — Пушкин 1993: 238–241.

6 Запись полутора стихов из сцены «Царские палаты»: «Что скажет нам Семен Никитич — Нынче Ко мне чем свет...» в рабочей тетради Пушкина ПД 833 (л. 35). Напечатано: Якушкин 1884 V: 345 (без указания на то, что строки относятся к БГ). Факсимильное воспроизведение: Пушкин 1995–1997 III.

7 Авторизованная копия (ПД 892) — писарская, с поправками Пушкина; снята с автографа ПД 891 (описание копии см. ниже, с. 116–117 и 132–134). Напечатано: Анненков 1855–1857 IV: 454–458 (в виде вариантов; публ. П. В. Анненкова).

История замысла и текста

Работа над БГ была начата Пушкиным в декабре 1824 г. в рабочей тетради ПД 835. На л. 44–44 об., 45–46, 47 об. — 50, 52 об., 55–56 этой тетради расположены подготовительные заметки, план драмы и черновые автографы первых пяти сцен. Судя по хронологическим пометам в тетради ПД 835, она заполнялась в целом последовательно, от начала к концу. На верхнем поле л. 27 об., занятого черновым автографом поэмы «Цыганы», поставлена дата: «1824, 10 окт<ября>»; на л. 36 об. и 37 — черновики двух писем к Жуковскому, беловые автографы которых имеют даты 31 октября и 29 ноября. На л. 52 под черновиком строфы XXIII четвертой главы «Евгения Онегина» — даты: «31 дек<абря> 1824» и «1 генв<аря> 1825». Таким образом, все относящиеся к БГ записи, расположенные между л. 37 и черновиком строфы «Евгения Онегина» на л. 52, делались между 29 ноября и 31 декабря 1824 г. Работа над пятой сценой на л. 52 об., 55–56, по-видимому, продолжалась в начале 1825 г.

Замысел трагедии был непосредственно связан с чтением вышедших в 1824 г. десятого и одиннадцатого томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, посвященных царствованиям Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Федора Годунова и Лжедмитрия (подробнее см. об этом ниже, с. 154–163).

На л. 44 тетради ПД 835 Пушкин приступил к конспекту из карамзинской «Истории», обратившись прежде всего к обстоятельствам смерти царевича Димитрия, изложенным во второй главе десятого тома (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 130–132, 1-я паг.). Затем, выписав дату смерти царевича Димитрия: «1591 мая 15», Пушкин законспектировал еще два фрагмента той же главы (Там же, 136–137, 140–141, 1-я паг.), посвященные составу комиссии, направленной в Углич для расследования причин гибели царевича, и пострижению царицы Марии Нагой. От эпизода, связанного со смертью царевича Димитрия, конспект сразу же переходил к третьей главе (Там же, гл. 3: 224, 1-я паг.), к 1598 г., когда Годунов был избран на царство. Перевернув страницу тетради и перейдя на л. 44 об., Пушкин снова обратился к событиям более раннего времени — к ссыл-

кам и казням 1584–1587 гг., свидетельствовавшим о планомерной подготовке Борисом Годуновым собственного воцарения. Этот материал был изложен в первой главе десятого тома «Истории государства Российского» (Там же, гл. 1: 75–79, 1-я паг.). Далее Пушкин выписал приведенные в начале той же главы (Там же, 7–8, 1-я паг.) сведения о составе Верховной думы 1584 г. Ниже следуют хронологические расчеты Пушкина: «Феодор царств<овал> 14 лет. После убийств<ва> Дим<итрия> до избр<ания> Гуд<унова> 7 лет» (о пушкинском написании имени заглавного героя см. ниже, с. 112). Последняя из подготовительных записей на л. 44 об.: «Князя Рюр<икова> пл<емени> Шуйский, Сицкий, Воротынской, Ростовский, Телятевский и пр.» — представляет собой выписку из третьей главы десятого тома «Истории» Карамзина (Там же, гл. 3: 229–230, 1-я паг.), где рассказано о том, как 17 февраля 1598 г. было принято единогласное решение Земской думы «бить челом государю Борису Феодоровичу и мимо его не искать другого властителя для России». Когда несколько позже Пушкин приступит к черновой разработке первой сцены трагедии, в качестве действующих лиц будут первоначально обозначены «Воротынской, Ростовской». Обе фамилии явно взяты из перечня князей «рюрикова племени», к их числу относится и Шуйский, которым сразу же по ходу работы был заменен князь Ростовской. Конспективные записи Пушкина см.: VIII: 288–289*.

На следующем листе тетради (л. 45) записан первоначальный план пьесы:

Год<унов> в монастыре. Толки князей — вести — площадь, весть о избрании. [Год<унов>, Юродивый] — Летописец. Отрепьев — бегство Отрепьева.

Год<уно>в в монастыре. Его раскаянье — монахи беглецы. Гуд<унов> в семействе —

Год<унов> в совете. Толки на площади. — Вести об изменах, смерть Ирины. — Год<унов> и колдуны.

* Ссылки на тексты Пушкина, кроме специально оговоренных случаев, даются по изданию: ПСС 1937–1959. В ссылках указываются лишь номера томов и страниц — первые обозначены римскими, а вторые — арабскими цифрами.

Самозванец [поср<еди>] перед сражением —
 Смерть Годунова (известие о первой победе, пиры, появление самозванца), присяга бояр, измена.
 Пушкин и Плещеев на площади — письмо Димитрия — вече —
 убийство царя — самозванец [принимает] въезжает в Москву —

В ходе работы этот план был существенно скорректирован. Первоначальный замысел не предполагал введения польских сцен, а следовательно, и противопоставления двух культур: русской и польской. Отсутствовала и сюжетная линия «Лжедмитрий — Марина». Юродивый должен был появиться сразу после избрания Годунова на царство (впрочем, этот эпизод в плане был вычеркнут). Обозначенная в плане сцена раскаяния Бориса в монастыре впоследствии была заменена соответствующими мотивами в монологе «Достиг я высшей власти...». Не реализованная в тексте сцена «Год<унов> и колдуны» нашла свое отражение в начале сцены «Царские палаты» (разговор стольников). Не осуществлен замысел сцены «смерть Ирины», а также эпизода «пиры, появление самозванца». Роль, которую должны были совместно (как в «Истории» Карамзина) выполнить Пушкин и Плещеев, в трагедии выполняет один Пушкин. Зафиксированная в плане идея завершить трагедию въездом Самозванца в Москву также была отвергнута. Тем не менее, составляя план, Пушкин уже вполне определился в выборе тех исторических событий, которые должны были составить содержание его драмы: убийство царевича Димитрия оставлено в предыстории; действие начинается с избрания Годунова на царство и включает эпизод его смерти; авантюра Самозванца прослежена с момента зарождения его замысла до свержения династии Годуновых. Первоначальный план с не меньшей ясностью отражает и основные черты поэтики задуманной драмы: быстрая смена эпизодов, многократная перемена мест действия, время действия охватывает несколько лет: с 1598 г. (избрание Годунова) по 1605 г. (триумф Самозванца). План, таким образом, отражает вполне созревший замысел. Неудивительно поэтому, что большая часть пунктов этого плана в том или ином виде нашла свое воплощение при работе над трагедией. Так, пункт «Год<унов> в монастыре. Толки князей» соответствует беседе Шуйского и Воротынского в сцене «Кремлевские

палаты», по ходу которой выясняется, что Годунов затворился в монастыре. Пункт «вести» реализован в сцене «Красная площадь», в которой верховный дьяк выходит к народу, чтобы сообщить решение Думы. Пункт «площадь, весть о избрании» соответствует не вошедшей в печатную редакцию трагедии сцене «Девичье поле. Новодевичий монастырь», в которой сообщается о согласии Годунова вступить на трон. Запись «Летописец. Отрепьев» соответствует сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре». Эпизод «бегство Отрепьева», по-видимому, был воплощен в исключенной из печатной редакции сцене «Ограда монастырская». В сцене «Корчма на литовской границе» изображены «монахи белглыцы». «Гуд<унов> в семействе» изображен в сцене «Царские палаты», «Год<унов> в совете» — в сцене «Царская Дума». Разрабатывая план, Пушкин колебался, выбирая между возможностями представить Самозванца в момент сражения или накануне битвы («Самозванец [поср<еди>] перед сражением»). Отказавшись при составлении плана от первого варианта, драматург все же ввел Самозванца в финальный эпизод сцены «Равнина близ Новгорода-Северского»; Самозванец перед сражением выведен в сцене «Севск». Эпизод «Смерть Годунова» и запись «известие о первой победе» нашли отражение в сцене «Москва. Царские палаты». «Измена» Басманова изображена в сцене «Ставка»; «Пушкин и Плещеев на площади — письмо Димитрия — Вече» — в сцене «Лобное место»; «убиение царя» — в сцене «Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца». Намерение Пушкина закончить трагедию въездом Самозванца в Москву («самозванец [принимая] въезжает в Москву») было изменено.

Сразу же по написании плана на том же л. 45 Пушкин приступил к работе над текстом пьесы. Дошедший до нас черновой автограф обрывается на сцене в Чудовом монастыре, перед которой стоит помета: «Явление 4». И в черновике, и в окончательном тексте первой («михайловской») редакции трагедии это пятая по счету сцена, и, поскольку предыдущие в черновом автографе не нумерованы, цифра «4», по мнению Г. О. Винокура, может быть расценена как невольная ошибка поэта (Винокур 1935: 392). Другую точку зрения высказал Б. П. Городецкий (Городецкий 1939: 535). Сопоставляя план с черновиками первых сцен трагедии, Городецкий находит между ними прямое

соответствие. Согласно его реконструкции, уточненной в другой работе (Городецкий 1953: 104–107), тире, поставленные между пунктами плана, обозначают переход от одной сцены к другой, а запись «Летописец. Отрепьев» соответствует четвертой сцене.

Работа над первыми четырьмя сценами шла довольно легко, их черновой текст весьма близок к окончательному тексту первой редакции пьесы (правда, первая сцена потом увеличится на 28 стихов). Вторую сцену Пушкин первоначально хотел закончить стихом: «Да сжалится над сиротою Россией —» (л. 47 об.). После этого стиха проведен горизонтальный штрих — вероятно, знак завершения сцены, однако позже (видимо, уже после того как на смежном листе появился автограф следующей сцены) работа над первой сценой была продолжена. Сильной правке подвергся черновик сцены в Девичьем поле. Пушкин, несомненно, возвращался к ней неоднократно. Завершив вчерне эту сцену на л. 48, он дописывал и дорабатывал отдельные стихи на л. 48 об., а позже, когда оборот листа 48 уже был занят следующей сценой, доработка стала осуществляться на левом поле л. 48. Четвертую сцену Пушкин, по-видимому, первоначально собирался завершить стихом «Да буду благ и праведен как ты!..». После него проведена черта, очевидно, обозначающая окончание сцены — однако работа над ней была тут же продолжена. Затем фигурная скобка, отмечающая конец сцены, появилась после стиха «Все званые: все гости дорогие», но и в этот раз работа над сценой продолжилась на том же листе. Работа над сценой в Чудовом монастыре потребовала значительно больше творческих усилий. Она явно шла с перерывами, листы тетради заполнялись уже не подряд (записи, относящиеся к БГ, перемежаются здесь черновыми автографами «Евгения Онегина» и других произведений), Пушкин неоднократно осуществлял перекомпоновку отдельных стихов и фрагментов. В тетради ПД 835 работа над сценой в келье не доведена до конца, здесь еще нет рассказов Пимена об Иоанне Грозном, Федоре Иоанновиче и убийстве царевича Дмитрия. Однако других черновых автографов БГ, кроме расположенных в этой тетради, не сохранилось.

О начале работы над трагедией Пушкин сообщил Н. Н. Раевскому-младшему, который в ответном письме от 10 мая 1825 г. заметил: «...j'aurais voulu vous voir consulter les sources où Karamsi-

не а puisé, а ulieu de vous en tenir à son seul récit [... я хотел бы, чтобы вы сами обратились к источникам, из которых черпал Карамзин, а не ограничивались только его пересказами. — *фр.*]» (XIII: 172, 535). Заслуживает внимания и другое замечание Н. Н. Раевского: «Je vous avoue ne pas trop comprendre pourquoi vous voulez n'employer que les vers blancs dans votre tragédie. Moi, je croirais au contraire que ce serait bien le cas de faire usage de toutes les richesses de nos nombreux rythmes. Bien entendu en ne cherchant pas à les combiner ensemble, comme le Prince Chakovskoi, mais en ne vous restrégnant pas à suivre pour chaque scène, le rythme adopté dans la première [Признаюсь, я не совсем понимаю, почему вы хотите писать свою трагедию только белым стихом. Мне кажется, наоборот, что именно здесь было бы уместно применить все богатство разнообразных наших размеров. Конечно, не перемешивая их между собой, как это делает князь Шаховской, но и не считать себя обязанным соблюдать во всех сценах размер, принятый в первой. — *фр.*]» (Там же). Возможно, Пушкин прислушался к этому совету. Во всяком случае, сцена «Ограда монастырская» была написана нерифмованным восьмистопным хореем, а сцена «Уборная Марины» — рифмованным вольным ямбом. Но, видимо, не случайно впоследствии именно эти две сцены были исключены из печатной редакции. Две строфы рифмованного четырехстопного ямба для монолога Григория с пометой «После сцены VI» (т. е. после сцены «Ограда монастырская») записаны на отдельном листе ПД 73:

Где ж он? где старец Леонид?
Я здесь один и всё молчит,
Холодный дух в лицо мне дует
И ходит холод по главе....
Что ж это? что же знаменует?
Беда ли мне, беда ль Москве?

Беда тебе, Борис лукавый!
Ц<аревич> тению кровавой
Войдет со мной в твой светлый дом.
Беда тебе! главы преступной
Ты не снесешь ни покаяньем
Ни Мономаховым венцом —

Эти стихи не вошли в окончательный текст «михайловской» редакции. Фигура старца Леонида взята из «Истории государства Российского»: «В Киеве <...> Григорий жил в Печерском монастыре, а после в Никольском и в Дермане; везде священнодействовал как диакон, но вел жизнь соблазнительную <...>. Между тем безумная мысль не усыпала в голове прошлеца: он распустил темную молву о спасении и тайном убежище Димитрия в Литве; свел знакомство с другим отчаянным бродягою, иноком Крыпецкого монастыря, Леонидом: уговорил его назваться своим именем, то есть Григорием Отрепьевым; а сам, скинув с себя одежду монашескую, явился мирянином, чтобы удобнее приобрести навыки и знания, нужные ему для ослепления людей» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 128, 1-я паг.).

13 июля 1825 г. Пушкин сообщал П. А. Вяземскому: «...я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию! — смотри, молчи же: об этом знают весьма немногие. <...> Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтобы не выписать ее заглавия: *Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве* писал раб божий Александро сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Воронице. Каково?» (XIII: 188). Близкий вариант заглавия зафиксирован в автографе ПД 73, который, по-видимому, создавался около того же времени, что и письмо. Автограф представляет собой лист большого формата, заполненный с обеих сторон. В верхней части листа было записано заглавие, первоначально имевшее следующий вид:

Комедия
О настоящей беде Моск<овскому> Госуд<арству>
О царе Борисе и о Гришке Отрепьеве —
сочинение [А]Валериана Палицына
в лето 7333
В городище Воронице

Вывымышленному автору «Комедии» Пушкин присвоил фамилию Авраамия Палицына, создавшего одно из самых ярких произведений о событиях Смутного времени — «Сказание о осаде

ППО .

Троицкого Сергиева монастыря от Поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкого монастыря клеларем Авраамием Палицыным» (М., 1784; М., 1822; клеларем Троице-Сергиева монастыря Авраамий [в миру Аверкий Иванов] Палицын [ок. 1550–1626] был в 1607–1608 гг.). На Палицына неоднократно ссылается Карамзин. Сочетание фамилии исторического лица с именем «Валериан» отражает замысел сознательной мистификации. Однако уже в автографе ПД 73 сведения об авторе были исправлены: «писано бысть Алекшашкою Пушкиным». Воронич, упомянутый в этих ранних вариантах заглавия, расположен на пути из Михайловского в Тригорское. Рядом с заглавием записано название одного из произведений о Смутном времени: «Летопись о многих мятежах и пр.». Вероятно, опробованные Пушкиным варианты заглавия восходят к названию главы, посвященной появлению Самозванца и биографии Отрепьева, в «Летописи о многих мятежах...» (см. о ней ниже, с. 161–162): «О настоящей беде Московскому государству и о Гришке Отрепьеве» (Летопись о многих мятежах 1771: 73). Близкий вариант этого заглавия содержится в Никонской летописи: «О настоящей беде Московскому государству, о Гришке Отрепьеве» (РЛНС 1792: 54; см.: Винокур 1935: 466).

На обороте листа ПД 73 записан перечень, озаглавленный: «Действующие лица в 1-ой части»:

Борис Годунов, царь
Патриарх Иов
Игумен Чудова монастыря
Пимен летописец
Григорий Отрепьев
В. Шуйский } князя Рюриковой крови
Воротынский }
Василий Щелкалов, верховный дьяк
Мисаил } монахи
Варлаам }
Злой чернец
Хозяйка корчмы
Сторожевые приставы
Народ

III .

Перечень свидетельствует, что первая часть, завершенная ко времени создания автографа ПД 73, т. е. около 13 июля 1825 г., кончалась сценой в корчме на литовской границе, поскольку действующие лица, появившиеся в следующих сценах, в список не вошли. Перечень позволяет также предположить, что в пьесе либо отсутствовала вовсе, либо присутствовала в значительно отличающемся от окончательного виде одна из важнейших сцен, «Царские палаты» (см.: Городецкий 1939: 107), — иначе среди персонажей были бы указаны два стольника, диалогом которых эта сцена открывается.

Имя заглавного героя в этой записи, так же как в беловом автографе и в других рукописях, Пушкин часто пишет через «у» в первом слоге: «Гудунов» (иногда — «Гудонов»); такое же написание встречается и в письмах. Неумышленный характер подобного написания явствует из сделанного в некоторых местах исправления «Гудунов» на «Годунов». А. Ф. Онегин-Отто, которому принадлежал автограф ПД 73, написал на его обложке: «У Пушкина описка или умышленно „Гудунов“? „Гудун“ звучит более восточно». Г. О. Винокур, подчеркивая неумышленность написания «Гудунов», высказал предположение, что оно, очевидно, явилось «выражением особого звукообраза, с которым связалось в сознании Пушкина представление о Годунове» (Винокур 1935: 403). По замечанию Б. П. Городецкого, «это остроумное предположение было бы убедительным, если бы излишнее употребление буквы „у“ наблюдалось только в написании „Годунов“». Но у Пушкина не меньшее количество случаев замены некоторых гласных звуков звуком „у“ наблюдается и в других словах: „о гусударь, мы все твои рабы“ (2370 <современный шифр — ПД 835>, л. 49) или „все падают как волны“ (Там же, л. 48). Более того — при переписке фразы с черновика в беловой текст Пушкин сохраняет эту на редкость устойчивую описку: „там падают, что волны“ (бел. авт. л. <6>). Несомненно, что здесь мы имеем дело с какой-то, пока еще не совсем ясной закономерностью» (Городецкий 1939: 536).

В письме к Н. Н. Раевскому-младшему (вторая половина июля (после 19-го) — август 1825 г.) Пушкин рассказывал о ходе работы над трагедией: «J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui

demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par-dessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle [Я пишу и размышляю. Большая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену — такой способ работы для меня совершенно нов. — *фр.*]» (XIII: 198, 542). 17 августа 1825 г. Пушкин писал Жуковскому: «... трагедия моя идет, и думаю к зиме ее кончить» (Там же, 211), а 13 сентября 1825 г. сообщил Вяземскому: «Сегодня кончил я 2-ую часть моей трагедии — всех, думаю, будет 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однакож, этого никому» (Там же, 226). В том же письме Пушкин писал: «Ты хочешь плана? возьми конец X-го и весь одиннадцатый том, вот тебе и *план*» (Там же, 227).

Реконструируя состав второй части, завершенной к 13 сентября, Г. О. Винокур исходил из того, что десять сцен, пронумерованных в беловом автографе ПД 891, начиная со сцены «Граница литовская», составляли заключительную часть трагедии (см. ниже, с. 114–115). 13 сентября Пушкин, очевидно, предполагал, что сцены, которые ему еще предстояло написать, составят две части: третью и четвертую. Вторая, написанная к этому времени часть несомненно включала сцены с участием Марины Мнишек, поскольку о ее характере Пушкин высказывается в письме к Вяземскому со всей определенностью, как об уже созданном. Таким образом, вторая часть состояла из следующих сцен: «Москва. Дом Шуйского», «Царские палаты», «Краков. Дом Вишневецкого» и объединенных под общим заголовком «Замок воеводы Мнишка в Санборе» сцен «Уборная Марины», «Ряд освещенных комнат. Музыка» и «Ночь. Сад. Фонтан» (см.: Винокур 1935: 401).

М. П. Погодин вспоминал рассказ Пушкина о том, что сцену у фонтана «создал он в голове, гуляя верхом на лошади, и потом позабыл вполовину, о чем глубоко сожалел» (Погодин 1974б: 29). О том же (вероятно, со слов Погодина) рассказывал П. В. Анненков: «Какое-то обстоятельство помешало ему положить ее на бумагу тотчас же по приезде, а когда он принял за нее через две недели, многие черты прежней сцены уже изгладились из памяти его. Он говорил потом друзьям своим, восхитавшимся этой встречей страстного Самозванца с хитрой

и гордой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная в уме его, была несравненно выше, несравненно превосходнее той, какую он написал» (Анненков 1855: 118).

Осенью 1825 г. в письмах Жуковского начинает звучать надежда, что новое произведение Пушкина позволит его друзьям просить царя о смягчении участи ссыльного поэта. В мягкой, завуалированной форме Жуковский советует Пушкину учесть это при работе над трагедией (см. письмо Жуковского к Пушкину от второй половины [не позднее 23-го] сентября 1825 г.). Реакция на подобные пожелания выражена в письме к Вяземскому около 7 ноября 1825 г., в котором Пушкин сообщал об окончании работы над трагедией: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис — Гудунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! — Юродивый мой, малой презабавный; на Марину у тебя встанет — ибо она полька, и собою преизрядна — (в роде К. Орловой, сказывал это я тебе?). Прочие также очень милы; кроме капитана Маржерета, который все по-матерну бранится; цензура его не пропустит. Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (ПД 1318; XIII: 239–240).

Беловой автограф первой («михайловской») редакции (ПД 891) был завершен, согласно помете под текстом, 7 ноября 1825 г. В этой редакции драма была озаглавлена «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве». Автограф ПД 891 создавался в несколько приемов, разными по цвету чернилами, разным почерком. Рукопись содержит большое количество исправлений, которые делались как по ходу переписки текста, так и позднее. Количество исправлений особенно возрастает в третьей тетради, где некоторые страницы имеют получерновой вид. По предположению Г. О. Винокура, эта последняя часть автографа писалась раньше первых двух, и нижний слой рукописи третьей тетради отражает более раннюю стадию работы по сравнению со сценами, переписанными в первые две тетради. В третьей тетради вошли последние десять сцен трагедии, начиная со сцены «Граница литовская». Все они пронумерованы: «Сцена I»,

«Сцена II» и т. д. По-видимому, эти десять сцен составляли последнюю часть трагедии. Переписывая текст в первые две тетради, Пушкин, очевидно, уже отказался как от нумерации сцен, так и от деления трагедии на части. (Тем не менее он, по-видимому, и позднее допускал возможность такого внутреннего деления. Показательно, что А. И. Кошелев, передавая в письме к матери свои впечатления от авторского чтения трагедии 21 мая 1828 г., говорит о первом и втором действиях [см.: Колупанов 1889: 202]. Возможно, это деление было как-то обозначено Пушкиным при чтении.) Подтверждением описанной последовательности заполнения тетрадей служит и то, что последний лист второй тетради (л. 34 об.) остался заполненным лишь в верхней части (см.: Винокур 1935: 401–402). Приступая к переписке, Пушкин явно не собирался создать «парадный» беловой автограф, что подтверждается не только количеством правки, но и систематическими сокращениями в обозначениях действующих лиц.

Первая, «михайловская» редакция трагедии, представленная в автографе ПД 891, полностью приводится в Приложении I.

История создания второй, печатной, редакции БГ тесно связана с предпринимавшимися в течение нескольких лет попытками Пушкина опубликовать свое произведение. Поэтому она излагается в следующем разделе, посвященном истории печатного издания.

Издание трагедии и проблемы текста

8 сентября 1826 г. Пушкин приехал с фельдъегерем в Москву. На аудиенции у Николая I он получил уведомление о том, что отныне царь будет единственным его цензором. 30 сентября 1826 г. Бенкендорф подтвердил гарантии, данные Пушкину царем: «Сочинений ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры: государь император сам будет и первым ценителем произведений ваших, и цензором. Объявляя вам сию монаршую волю, честь имею присовокупить, что как сочинения ваши, так и письма можете для представления его величеству доставлять ко мне, но в прочем от вас зависит и прямо адресовать на Высочайшее имя» (XIII: 298). 9 ноября Пушкин

писал Н. М. Языкову: «Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода конечно необъятная. Таким образом Годунова тиснем» (XIII: 305).

Первым шагом к публикации трагедии было изготовление писарской копии (ПД 892). Она была заказана в Москве после 8 сентября 1826 г. и до отъезда Пушкина из Москвы в Михайловское 2 ноября 1826 г., поскольку автограф трагедии Пушкин взял с собой, а копию оставил М. П. Погодину (см. ниже, с. 117). Описания копии см.: Незеленов 1892: 83–87; Винокур 1935: 407–411. Копия несомненно делалась с автографа ПД 891: в ней отсутствуют разночтения с последним слоем текста автографа, а ошибки переписчика приходятся на те места, в которых рукопись Пушкина отличается неразборчивостью (многочисленные примеры см.: Винокур 1935: 408–409; там же отмечены ошибки, допущенные переписчиком по невнимательности). В тех случаях, когда переписчик не мог разобрать слова оригинала, он оставлял пробелы (иногда предлагая карандашом свое чтение неразборчивого слова). Позднее большая часть этих пробелов была заполнена Пушкиным. Как и в беловом автографе, последние десять сцен трагедии в копии пронумерованы (записи «Сцена I», «Сцена II», «Сцена V» и «Сцена VI» позднее зачеркнуты). Копия изготавливалась до того, как три тетради автографа были сшиты вместе и обрезаны по краям, так как срезанные при этом слова (см. выше, с. 102–103) стоят в копии на своих местах. Сцена «Равнина близ Новгорода-Северского» переписана лишь до реплики «Ква! ква! ~ православные» — далее оставлено пустое место (конец л. 38 и весь л. 38 об.). Вероятно, Пушкин собирался внести в эту сцену поправки до представления ее в царскую цензуру и дал соответствующие распоряжения переписчику. Впрочем, нельзя исключить и того, что иноязычный характер сцены вызвал трудности, с которыми переписчик не сумел справиться.

На л. 1 над заглавием рукой Пушкина написано карандашом: «Voilà ma tragédie. Je voulais vous l'apporter moi-même mais tous ces jours-ci je fait le jeune homme c<'est> à d<ire> que je dormais <?> tout le long du jour<?> [Вот моя трагедия. Я хотел сам занести ее к вам, но все эти дни я вел себя как юнец, т<o> е<сть> спал <?> целыми днями<?> — фр.]». Надпись почти стерта, чи-

тается с трудом и не поддается точной датировке; к кому она обращена, также неизвестно. Возможно, она сделана в 1830 г., при подготовке первого печатного издания трагедии. Такая датировка (апрель–май 1830 г.) указана в ПСС 1937–1959 (XIV: 96). Другая датировка, сентябрь–декабрь 1826 г. (т. е. время, близкое к изготолвлению копии), была предложена М. А. Цявловским (см.: Пушкин 1925: 11).

Наиболее радикальное изменение, внесенное в копию, — вычеркивание сцены «Ограда монастырская». Другие поправки Пушкина связаны с исправлением ошибок переписчика, а также с изменениями в отдельных стихах. Большое количество ошибок переписчика осталось при этом неисправленным. Об особом слое помет и поправок, сделанных в ответ на цензурные замечания, полученные Пушкиным в январе 1827 г., см. ниже (с. 132–134).

Поправки Пушкина внесены в копию не ранее его возвращения в Москву 19 декабря 1826 г. Уезжая в Михайловское 2 ноября, Пушкин оставил невычитанную и невыправленную копию М. П. Погодину для подготовки к печати в первом номере «Московского вестника» сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре». 7 ноября Погодин отметил в дневнике: «Переписывал с восхищением „Годунова“. Чудо!» (Погодин 1974а: 13). Текст, опубликованный в «Московском вестнике», не отражает пушкинских поправок в копии, что может быть объяснено только тем, что эти поправки были сделаны позднее. Единственное исключение составляет поправка в стихе, первоначально читавшемся: «На некое был послан послушанье». В слове «послан» «по» карандашом исправлено на «у», а затем чернилами все слово исправлено на «услан». Данная поправка сделана М. П. Погодиным, который 20 декабря записал в дневнике: «Пушкин приехал в самом деле, и в журнале <«Московском вестнике»> принимает такое же участие, как я, дает все, читал с ним корректуры, и он согласился переменить слово по моему (услан)» (Там же, 14). Судя по всему, и другие сцены трагедии правились Пушкиным позднее.

15 ноября 1826 г. Погодин сообщил Пушкину, что сцена, предназначенная им для «Московского вестника», направлена в петербургскую цензуру. 17 ноября Веневитинов переслал

текст сцены обратно из Петербурга в Москву, объясняя Погодину: «Ты наделал вздору. Драм<атические> отрывки всегда подавались в Моск<овский> ценз<урный> ком<итет>» (Веневи-тинов Д. 1934: 313–314; подробнее об этом эпизоде см.: Городецкий 1953: 202–205).

Еще до эпизода с «Московским вестником» Пушкин планировал публикацию фрагмента трагедии в альманахе С. А. Соболевского, который сообщал В. Ф. Одоевскому в приписке к письму от 27 сентября 1826 г.: «Я теперь в таких обстоятельствах, что могу издать альманах, в котором будет и „Годунов“ Пушкина, и „Ермак“ Хомякова, и стихи <?> Грибоедова и „Горе от ума“ и проч., и проч.» (цит. по: Турьян 2003: 82; впервые опубликовано: Пушкин 1952: 65, с неточностью в тексте и неверной датировкой: «Февраль ? 1827 г.»; уточнение текста и датировки см.: Турьян 2003: 82–86). Альманах Соболевского, однако, не состоялся.

22 ноября Бенкендорф отправил Пушкину письмо с указанием, что без разрешения царя он не имеет права не только печатать что-либо, но также знакомить публику с рукописями. В письме, в частности, говорилось: «Ныне доходят до меня сведения, что вы изволили читать в некоторых обществах сочиненную вами вновь трагедию. Сие меня побуждает вас покорнейше просить об уведомлении меня, справедливо ли таковое известие, или нет» (XIII: 307). 29 ноября Пушкин вынужден был просить Погодина остановить печатание сцены. Письмо было получено Погодиным 14 декабря (см. его дневниковую запись от этого числа: Погодин 1974а: 14). Между тем уже 7 декабря было дано цензурное разрешение первого номера «Московского вестника». По-видимому, новый порядок рассмотрения сочинений Пушкина поначалу не был вполне ясен не только ему самому, но и цензурному комитету. 16 декабря Погодин записал в дневнике: «Пушкин приедет скоро. Гвалт почти попусту», а 28 декабря отметил: «Борис пропущен» (Погодин 1914: 82, 83). Журнал вышел в свет 1 января 1827 г. (см.: Синявский, Цявловский 1938: 40).

На письмо Бенкендорфа Пушкин отвечал из Михайловского 29 ноября: «Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно не из ослушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя), то

поставляю за долг препроводить ее Вашему превосходительству, в том самом виде, как она была мною читана, дабы вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше превосходительство оный мне возвратить» (XIII: 308). Из письма становится ясно, по каким причинам царю был подан автограф ПД 891 со многими помарками и поправками. Возможно, именно перед отправкой три тетради были вшиты в общую обложку.

9 декабря Бенкендорф уведомил Пушкина о получении рукописи, которая будет представлена царю. Однако Николай I не прочел трагедии. Бенкендорфу поступило высочайшее распоряжение: «Je suis charmé du style de la lettre de Pouschkin, et fort curieux de lire son oeuvre; faites en faire l'extrait par quelqu'un de sûr pour que la chose ne s'ébruite pas [Я очарован слогом письма Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы дело не распространилось. — *фр.*]» (Бенкендорф 1903: 4). Трагедия была передана рецензенту III Отделения, который составил следующие «Замечания на Комедию о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»:

По названию «Комедия», данному пьесе, не должно думать, что это комедия в таком роде, как называются драматические произведения, изображающие странности общества и характеров. Пушкин хотел подражать даже в заглавии старине. В начале русского театра, в 1705 году, комедией называлось какое-нибудь происшествие, историческое или выдуманное, представленное в *разговоре*. В списке таковых комедий, находившихся в посольском приказе 1709 года, мы находим заглавия: Комедия о Франталасе, царе Эпирском, и о Мирандоле, сыне его, и о прочих; Комедия о честном изменнике, в ней же первая персона Арцух (то есть герцог) Фридерик фон Поплей, Комедия о крепости Грубетона, в ней же первая персона Александр, царь македонский, и тому подобное. В подражание сим названиям Пушкин назвал свое сочинение «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве».

В сей пьесе нет ничего целого: это сделанные сцены, или, лучше сказать, отрывки из X и XI тома «Истории государства Российского», сочинения Карамзина, переделанные в *разговоры и сцены*. Характеры, происшествия, мнения, все основано на сочинении Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедии принадлежит только рассказ, расположение действия на сцены.

Почти каждая пьеса составлена из событий, упомянутых в истории, исключая сцены самозванца в корчме на литовской границе, сцены юродивого и свидания самозванца с Мариною Мнишек в саду, где он ей признается, что он Отрепьев, а не царевич.

Цель пьесы — показать исторические события в естественном виде, в нравах своего века.

Дух целого сочинения монархический, ибо нигде не введены мечты о свободе, как в других сочинениях сего автора, и только одно место предосудительно в политическом отношении: народ привязывается к самозванцу именно потому, что почитает его отраслью древнего царского рода. Некоторые бояре увлекаются честолюбием — но так говорит история. Имена почти все исторические.

Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражание Шекспиру, Гете или Шиллеру, ибо у сих поэтов в сочинениях, составленных из разных эпох, всегда находится связь и целое в пьесах. У Пушкина это разговоры, припоминающие разговоры Валтера Скотта. Кажется, будто это состав вырванных листов из романа Валтера Скотта! Для русских это будет чрезвычайно интересно по новости рода и по отечественным событиям — для иностранцев все это потеряно. Некоторые сцены, как, например, первая на рубеже России, сцена, когда монах Пимен пишет историю, а молодой инок Гришка Отрепьев спит в келье, сцена Гришки Отрепьева в корчме на литовской границе и еще некоторые места истинно занимательны и народны — но в целом составе нет ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное пиитическое воображение. Все — подражание, от первой сцены до последней. Прекрасных стихов и тирад весьма мало.

Некоторые места должно непременно исключить. Говоря сие, должно заметить, что человек с малейшим вкусом и тактом не осмелился бы никогда представить публике выражения, которые

нельзя произносить ни в одном благопристойном трактире! Например слова Маржерета. См. № 1 (к «Замечаниям...» была приложена «Выписка из комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», в которой под шестью номерами были переписаны предосудительные, с точки зрения рецензента, фрагменты трагедии. — *Ред.*).

В сцене юродивого № 2 слова: «не надобно бы молиться за царя Ирода», хотя не подлежат никаким толкам и применениям, но так говорят *раскольники* и называют Иродом каждого, кого им благорассудится, кто бреет бороду и т. п.

№ 3. Сия тирада произведет неприятное впечатление. У нас еще не привыкли, чтобы каждый герой романа говорил *своим* языком без возражения вслед за его умствованием. Предоставлять каждому читателю возражать самому — еще у нас не принято, да и публика наша для сего не созрела.

№ 4. Здесь представлено, что народ с воплем и слезами просит Бориса принять царский венец (как сказано у Карамзина), а между тем изображено, что люди плачут, сами не знают о чем, а другие вовсе не могут проливать слез и хотят луком натирать глаза! «О чем мы плачем?» — говорит один. «А как нам знать, то ведают бояре, не нам чета!» — отвечает другой. Затрудняюсь в изложении моего мнения насчет сей сцены. Прилично ли так толковать народные чувства?

№ 5. Сцену в корчме можно бы смягчить: монахи слишком представлены в развратном виде. Пословица: «вольному воля, *спасенному* рай», переделана: «вольному воля, а *пьяному* рай». Хотя эти монахи и бежали из монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина, но, кажется, самый разврат и попойка должны быть облагорожены в поэзии, особенно в отношении к званию монахов.

№ 6. Решительно должно выкинуть весь монолог. Во-первых, царская власть представлена в ужасном виде; во-вторых, явно говорится, что кто только будет обещать свободу крестьянам, тот взбунтует их. В Юрьев день можно было до царствования Бориса Годунова переходить с места на место.

За сими исключениями и поправками, кажется, нет никакого препятствия к напечатанию пьесы. Разумеется, что играть ее невозможно и не должно, ибо у нас не видывали патриарха и монахов на сцене. До 1818 года в повестях, песнях и романах выводили в дей-

стве монахов и даже не всегда в блестящих цветах. Во время мистицизма и влияния духовенства на литературу даже имена монахов и священников запрещалось строго упоминать; нельзя было сказать: «отец мой!». По падении мистицизма и уничтожении монашеского влияния показались две пьесы, где монахи выведены в действие: «Чернец», поэма сочинения Козлова, и «Русалка» Пушкина. Обе пьесы подверглись гонению духовенства, и на них были приносимы жалобы министру просвещения. Но в публике это не производит ни малейшего впечатления, и у нас есть народные, напечатанные песни, в коих даже монахи представлены в самом развратном виде. Характеристическая черта русского народа есть то, что он привержен к вере и обрядам церковным, но вовсе не уважает духовного звания, как тогда только, когда оно в полном облачении. Все сказки, все анекдоты не обойдутся без попа — представленного всегда в дурном виде. Итак, кажется, что введение патриарха и монахов в сочинение Пушкина не произведет никакого дурного впечатления в публике, исключая партии, приверженной к системе мистицизма. Впрочем, это зависит совершенно от того, как угодно будет смотреть на сей предмет: у Карамзина все это описано вдесятеро сильнее — и он говорит даже, что в то время Россия была наполнена беглыми монахами, которые, скитаясь по обителям, делали большие соблазны и даже злодеяния. Здесь только в одной сцене представлены они в попойке.

(ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 10. Л. 10–17; напечатано: Сухомлинов 1884: 64–72; Сухомлинов 1889: 219–222; Пушкин 1935: 412–415, публ. Г. О. Винокура; Рейтблат 1998: 91–93).

«Выписка...», приложенная к «Замечаниям...» (ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 10. Л. 18–23; опубликована: Сухомлинов 1889: 222–228, см. также: Рейтблат 1998: 93–97), содержала краткий пересказ «хода пьесы» и шесть фрагментов трагедии, которые рецензент счел необходимым исключить из сцен «Равнина близ Новгорода-Северского», «Площадь перед собором в Москве», «Москва. Царские палаты», «Девичье поле. Новодевичий монастырь», «Корчма на литовской границе», «Москва. Дом Шуйского» (в соответствующих местах в автографе ПД 891 проставлены сделанные красно-коричневым карандашом пометы № и цифры):

«БОРИС ГОДУНОВ»

№ 1.

M a r g e r e t

Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de Samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul — qu'en pensez-vous, mein Herr.

№ 2.

Ю р о д и в ы й

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Ц а р ь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Ю р о д и в ы й

Николку маленькие дети обижают... веди их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Б о я р е

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Ц а р ь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

Ю р о д и в ы й

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит.

№ 3.

Ц а р ь

Лишь строгостью мы можем неуспшной

Сдержать народ. Так думал Иоанн,

Смиритель бурь, разумный самодержец,

Так думал и его свирепый внук.

Нет, милости не чувствует народ:

Твори добро — не скажет он спасибо,

Грабь и казни — тебе не будет хуже.

№ 4.

Н а р о д

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!

Будь наш отец, наш царь!

О д и н

(тихо)

О чем мы плачем?

КОММЕНТАРИИ

Д р у г о й

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Б а б а с ребенком

Ну что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

(Бросает его обзевь; ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

О д и н

Все плачут,

Заплачем, брат, и мы.

Д р у г о й

Я силюсь, брат,

Да не могу.

П е р в ы й

Я также. Нет ли луку?

Потрем глаза.

№ 5.

(Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:

«Ты проходишь, дорогая» и проч.)

(Григорию)

Что же ты не подтягиваешь да и не потягиваешь?

Г р и г о р и й

Не хочу.

М и с о и л

Вольному воля...

В а р л а а м

А пьяному рай, от<ец> Мисоил! Выпьем же чарочку за шинка-
рочку...

(«...неволей добрый молодец» и проч.)

Однако, отец Мисоил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино
дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить как мы, милости про-
сим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Г р и г о р и й

Пей, да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь, и я порой
складно говорить умею.

«БОРИС ГОДУНОВ»

В а р л а а м

А что мне про себя разуметь!

М и с о и л

Оставь его, отец Варлаам.

В а р л а а м

Да что он за постник? сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда — да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...

(Пьет и поет.)

Г р и г о р и й

(хозяйке)

Куда ведет эта дорога?

Х о з я й к а

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Г р и г о р и й

А далече ли до Луёвых гор?

Х о з я й к а

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Г р и г о р и й

Как, заставы! что это значит?

Х о з я й к а

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Г р и г о р и й

(про себя)

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

В а р л а а м

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисоилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в доньшко поколотим.

М и с о и л

Складно сказано, отец Варлаам...

№ 6.

Б о я р и н П у ш к и н

Такой грозе, что вряд царю Борису

Сдержать венец на умной голове.

И поделом ему! он правит нами,
 Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
 Что пользы в том, что явных казней нет,
 Что на колу кровавом, всенародно
 Мы не поем канонов Иисусу,
 Что нас не жгут на площади, а царь
 Своим жезлом не подгребаёт углей?
 Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
 Нас каждый день опала ожидает,
 Тюрьма, Сибирь, клобук или кандалы,
 А там в глуши голодная смерть или петля.
 Знатнейшие меж нами роды — где?
 Где Сицкие князья, где Шестуновы,
 Романовы, отечества надежда?
 Заточены, замучены в изгнании.
 Дай срок: тебе такая ж будет участь.
 Легко ль, скажи? мы дома, как Литвой,
 Осаждены неверными рабами;
 Всё языки, готовые продать,
 Правительством подкупленные воры.
 Зависим мы от первого холопа,
 Которого захочем наказать.
 Вот — Юрьев день задумал уничтожить.
 Не властны мы в поместьях своих,
 Не смей согнать ленивца! рад не рад,
 Корми его, не смей переманить
 Работника, не то в Приказ холопей.
 Ну слыхано ль хоть при царе Иване
 Такое зло? а легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванец
 Им посулить старинный Юрьев день,
 Так и пойдет потеха.

Ознакомившись с «Замечаниями...», Бенкендорф подал царю докладную записку: «Dans tous les cas cette piece n'est pas à présenter sur le théâtre mais avec quelque peu de modification elle peut être imprimée: si Votre Majesté l'ordonne je la lui renverrai en lui faisant part des observations signalées dans *l'extrait*, et en le prévenant que

copie est gardée [Во всяком случае эта пьеса не годится для сцены, но с немногими изменениями ее можно напечатать; если ваше величество прикажете, я ее ему верну и сообщу замечания, помеченные в *выписке*, предупредив, что ее копия сохраняется. — *фр.*]» (Бенкендорф 1903: 4–5; копия «Выписки...», действительно, сохранилась в делах III Отделения, ныне — в ПД, см. выше, с. 122). Однако царь вынес иную резолюцию, записав ее на первом листе «Замечаний...»: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с *нужным очищением* переделал комедию свою в историческую повесть или роман на подобие *Вальтер Скота*» (ПД, Ф. 244. Оп. 16. № 10. Л. 10).

Текст «Замечаний...» остался неизвестным Пушкину. 14 декабря 1826 г. Бенкендорф сообщил ему лишь содержание высочайшей резолюции и выписку с указанием мест, требующих исправления. Пушкин полагал, что цензурные пометы в автографе сделаны рукой Николая I, поскольку в письме Бенкендорфа говорилось: «Уведомляя вас о сем высочайшем отзыве и возвращая при сем сочинение ваше, долгом почитаю присовокупить, что места, обратившие на себя внимание его величества и требующие некоторого очищения, отмечены в самой рукописи и заключаются также в прилагаемой у сего выписке» (XIII: 313). Практически царская резолюция означала для поэта невозможность печатать трагедию. 3 января 1827 г. он отвечал Бенкендорфу: «С чувством глубочайшей благодарности получил я письмо Вашего превосходительства, уведомляющее меня о всемилостивейшем отзыве его величества касательно моей драматической поэмы. Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать однажды мною написанное» (Там же, 317).

Автором «Замечаний...», судя по всему, был Ф. В. Булгарин. «Замечания...» и «Выписка...» сохранились в писарской копии, что исключает установление авторства по почерку, однако история литературных отношений Пушкина и Булгарина дает достаточно оснований для такого предположения (впервые оно печатно высказано Б. В. Томашевским [Путеводитель 1931: 65]; обстоятельная аргументация приведена Г. О. Винокуром и А. А. Гозенпудом [см.: Винокур 1936а: 203–214; Гозенпуд 1969]).

Вопрос о знакомстве Булгарина с рукописью БГ получил актуальность в связи с его историческим романом «Димитрий Самозванец», изданным в 1829 г. В письме к Пушкину от 18 февраля 1830 г. Булгарин опровергал переданные ему слова Пушкина, будто в этом романе он совершил плагиат, используя сцены из БГ. Булгарин уверял, что знаком с трагедией Пушкина, к тому времени еще не опубликованной, только по печатным отрывкам и по пересказам тех, кто присутствовал на чтениях. Из этих заверений понятно, что Пушкин подозревал Булгарина в знакомстве с рукописью БГ, которое могло состояться не иначе как через посредство чиновников III Отделения. В конце 1829 г. о сотрудничестве Булгарина с III Отделением уже было широко известно в литературных кругах. Тогда же стали распространяться слухи о плагиате, совершенном Булгариным. 23 декабря 1829 г. М. П. Погодин писал С. П. Шевыреву: «„Милославский“ Загоскина и „Самозванец“ Булгарина бежали друг перед другом взапуски: кто прежде выйдет. <...> Пушкина „Бориса“, я слышал (от Розена, который тебе кланяется), удерживают в канцелярии <III отделения>, пока не выйдет „Самозванец“; а между тем в напечатанном отрывке Булгарина видно похищение из него. Помнишь место о географии? Пушкин хочет извиняться перед публикою в заимствовании этих мыслей от Булгарина» (РА. 1882. Кн. 3. Вып. 5. С. 124). «Ссылка на Розена ведет нас непосредственно к самому Пушкину», — комментирует письмо Погодина А. А. Гозенпуд (Гозенпуд 1969: 268). Новость получила распространение. 15/27 февраля 1830 г. Шевырев передавал ее С. А. Соболевскому: «В канцелярии задерживают Годунова, потому что выходит „Самозванец“ Булгарина. Ему хочется опередить. В напечатанном отрывке есть, говорят, кража: помнишь карту геогр<афическую> — Пушкин хочет извиняться перед публикою в том, что он заимствовал от мысли у Булгарина» (ЛН 16–18: 744).

Объявление о выходе в свет болгаринского «Димитрия Самозванца» было напечатано в № 21 «Северной пчелы» 18 февраля 1830 г. 7 марта 1830 г. в «Литературной газете» (Т. 1. № 14. С. 112–113) без подписи появилась отрицательная рецензия А. А. Дельвига на «Димитрия Самозванца». Приписавший ее Пушкину Булгарин отвечал в «Северной пчеле» (1830. № 30.

11 марта; ППК 2: 228–229) анонимной заметкой «Анекдот», содержащей пасквильную характеристику Пушкина, и резкой критикой седьмой главы «Евгения Онегина» (СП. 1830. № 35. 22 марта; № 39. 1 апреля; ППК 2: 232–236). Булгарин, в частности, прозрачно намекал на то, что Пушкин совершил плагиат из «Ивана Выжигина». В ответ в «Литературной газете» появилась статья Дельвига с не менее ясным намеком на плагиат Булгарина в «Димитрии Самозванце» из неопубликованного БГ (ЛГ. Т. 1. № 20. 6 апреля. С. 161; ППК 2: 236; см. также пушкинскую заметку о трагике Фан-Хо и романисте Фан-Хи, написанную для «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений» [XI: 169]). О том же Пушкин публично заявил в статье «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (Т. 1831. Ч. 4. № 13. Июль): «...разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем *Борисе Годунове* все лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?» (XI: 209–210). Подробнее о журнальной полемике Пушкина и Булгарина, связанной с публикацией БГ, в 1830–1831 гг. см.: Гозенпуд 1969: 268–274.

Подозрения Пушкина имели определенное основание. Многочисленные совпадения в «Димитрии Самозванце» и БГ главным образом объясняются общностью источника: оба автора следовали Карамзину. Однако имеются и совпадения иного рода. На некоторые из них указал сам Пушкин в «<Опровержении на критики>»: «[Раскрыв наудачу исторический роман г. Б<улгарина>, нашел я, что и у него появление Самозванца приходит объявить царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Год<унов> говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, — у г. Б<улгарина> также. Все это драматический вымысел, а не историческое сказание]» (XI: 154). Примечательно, что у Булгарина, как и у Пушкина, беседа Годунова с Басмановым непосредственно предшествует смерти царя. Указания на другие, более мелкие, но не менее выразительные совпадения см.: Винокур 1936а: 207–209; Городецкий 1953: 226–228; Гозенпуд 1969: 260–266. В последней работе особо подчеркнута, что заимствования Булгарина одновременно носили полемический характер: воспроизводя содержащиеся в БГ эпизоды, Булгарин

подавал их в принципиально ином — охранительном — политическом освещении. Идейные и текстуальные переключки «Замечаний...» с предисловием Булгарина к «Димитрию Самозванцу», с его рецензией на немецкий перевод трагедии Пушкина (СП. 1831. № 266. 23 ноября; ППК 3: 128–130), с другими критическими и публицистическими выступлениями Булгарина, а также его записками, поданными в III Отделение, тоже свидетельствуют в пользу того, что автором отзыва о БГ был Булгарин (см.: Винокур 1936а: 210–214; Гозенпуд 1969: 254–258). Попытка Б. П. Городецкого переатрибутировать «Замечания...» Н. И. Гречу (см.: Городецкий 1967: 109–119) была убедительно опровергнута А. А. Гозенпудом (см.: Гозенпуд 1969: 255–256). Более подробно о научной полемике по этому вопросу см.: Лотман Л. 1996а: 204–224.

Не получив разрешения печатать полный текст трагедии, Пушкин после публикации в «Московском вестнике» сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» напечатал еще три сцены в альманахах: в «Северных цветах» на 1828 год (сцена «Граница литовская») и в «Деннице» на 1830 год (две первые сцены). Публикация сцены «Граница литовская» свидетельствует, что уже в 1827 г. Пушкин продолжил работу над текстом трагедии. Относительно текста «михайловской» редакции изменены два стиха (вместо «В своем пиру теперь он загулял» — «В своем пиру теперь он загуляет»; вместо «Я ж вас веду на братьев; я Литву» — «Я вас веду на братьев; я Литву»). Обе эти поправки впоследствии были учтены Пушкиным в тексте поздней редакции. Поправки, очевидно, были сделаны до середины июля 1827 г.: из письма Пушкина к Дельвигу от 31 июля следует, что к этому времени текст сцены уже был передан издателю «Северных цветов».

Ход дальнейшей работы Пушкина над текстом трагедии можно восстановить лишь в общих чертах.

Автограф ПД 891 с цензурными пометами и полученную от Бенкендорфа «Выписку...» отмеченных цензором мест Пушкин передал Жуковскому, который предложил свой вариант исправлений, наметив их карандашом. Пушкин тоже правил автограф карандашом, но все авторские карандашные поправки относятся к более раннему времени, поскольку они

полностью отражены в копии ПД 892. Правка Жуковского легко отличается от пушкинской также и по начертанию: Жуковский вносил свои предложения аккуратно и осторожно, не нажимая на карандаш. Собственные рукописи оба поэта правили гораздо более уверенным почерком. Г. О. Винокуром (см.: Винокур 1935: 425) убедительно опровергнуто мнение М. И. Сухомлинова, считавшего, что все карандашные поправки в автографе принадлежат Жуковскому (см.: Сухомлинов 1889: 234). Гипотеза Сухомлинова не подтверждается при сличении автографа ПД 891 и писарской копии ПД 892: в копию перешла пушкинская карандашная правка автографа и не перенесена правка Жуковского, работавшего с автографом уже после того, как копия была изготовлена.

Предложения Жуковского, сделанные по поводу цензурных замечаний, сводились к следующему:

№ 1. В сцене «Равнина близ Новгорода-Северского» на л. 41 вычеркнута реплика Маржерета «Tudieu, il y fait chaud...» и следующая за ней реплика Розена: «Oh ja».

№ 2. В сцену «Площадь перед собором в Москве» внесены исправления, устранившие имя Юродивого «Николка» (имя исключено только из тех реплик, которые содержались в «Выписке...»).

№ 3. Поправок и вычеркиваний нет.

№ 4. На л. 6–6 об. перечеркнута часть сцены «Девичье поле...» от слов: «Народ на коленах. Вой и плач. Ах, смилуйся, отец наш! Властвуй нами!» до: «Нет, я слюней помажу».

№ 5. На л. 15–15 об. в сцене в корчме вычеркнута реплика Варлаама: «Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседелся ~ и в доношко поколотим» и — по связи с ней — реплика: «Складно сказано, от<ец> Варл<аам>...».

№ 6. На л. 20 об. в сцене «Москва. Дом Шуйского» из монолога Пушкина вычеркнута шестнадцать стихов (от «Что пользы в том, что явных казней нет» до «А там в глуши голодна смерть иль петля» и от «Легко ль, скажи! Мы дома, как Литвой» до «Вот — Юрьев день задумал уничтожить»).

Кроме того, в первую сцену трагедии Жуковский внес две поправки стилистического характера: в стихе «И в петлю лезть не захочу я даром» он предложил заменить слова «не захочу я»

на «не соглашуся»; в стихе «Да много нас наследников Варяга» он предложил заменить слова «Да много» на «Не мало». Обе эти поправки вошли впоследствии в печатный текст трагедии.

Есть все основания считать, что, поправив рукопись, Жуковский вернул ее Пушкину. Во-первых, в автографе имеются следы авторской правки, сделанной поверх исправлений Жуковского: две последние строки на л. 15 (начало реплики Варлаама в сцене в корчме) поверх карандашного зачеркивающего штриха вычеркнуты чернилами. Весьма вероятно, что Пушкину принадлежит и вторичное зачеркивание на л. 20 об. в сцене «Москва. Дом Шуйского». Оно сделано карандашом, но под другим наклоном и с более сильным нажимом. Во-вторых, как будет показано ниже, предложения Жуковского Пушкин учел, разрабатывая свой вариант цензурных поправок в копии ПД 892. Неубедительна поэтому точка зрения Г. О. Винокура, считавшего, что две рукописи, «михайловский» автограф ПД 891 и копия ПД 892, правились «независимо одна от другой» (Винокур 1935: 423).

Правка Жуковского могла быть внесена не ранее конца октября 1827 г., когда он вернулся в Петербург (см.: Летопись 1999 II: 311), и до состоявшегося 10 (?) марта 1829 г. отъезда Пушкина из столицы в Москву (см.: Там же, 26), откуда в ночь на 2 мая он отправился на Кавказ. Если учесть, что до отъезда Пушкин успел посмотреть рукопись и поработать с ней, можно предположить, что она была передана ему задолго до 10 марта.

За исключением отмеченных выше вычеркиваний, подтверждающих правку Жуковского, «михайловский» автограф не содержит авторских исправлений, сделанных после октября 1826 г. — времени изготовления копии ПД 892. В отличие от оставшегося практически неприкосновенным «михайловского» автографа, этой копией Пушкин пользовался в 1827–1829 гг., работая над текстом трагедии. В ней были сделаны как поправки, связанные с цензурными замечаниями, так и собственно творческие исправления. К числу первых относятся следующие:

№ 1. На л. 38, часть которого оставлена пустой, поставлен карандашом крест. Записанное здесь начало сцены «Равнина близ Новгорода-Северского» вычеркнуто чернилами.

№ 2. На л. 37–37 об. имя Юродивого «Николка» чернилами исправлено на «Юродивый» или «Железный колпак».

№ 3. На л. 42 об. в сцене «Москва. Царские палаты» слова царя от «Лишь строгостью мы можем неусыпной» до «Грabbь и казни — тебе не будет хуже» отчеркнуты на полях карандашом.

№ 4. На л. 4 об. — 5 об. вся сцена «Девичье поле» отчеркнута на полях карандашом, в начале и в конце сцены карандашом поставлены кресты.

№ 5. На л. 12 об. — 14 начало сцены в корчме, до повторной реплики Мисаила «Складно сказано, отец Варлаам» включительно, отчеркнута на полях карандашом; вызвавшее цензурное нареkanie место отмечено крестами; в первой ремарке Мисаил и Варлаам обозначены как «бродяги в виде чернецов»; чернилами вычеркнуты слова «может быть, кобылу нюхал» в реплике Варлаама. На л. 16 об. в его же реплике «блядины дети» чернилами исправлено на «сукины дети». Последнее место не было отмечено в указаниях цензора; в беловом автографе ПД 891 оно осталось неисправленным.

№ 6. На л. 18 об. в сцене «Москва. Дом Шуйского» чернилами вычеркнуты два стиха из монолога Пушкина: «Уверены ль мы в бедной жизни нашей» и «Правительством подкупленные вору». Весь монолог отчеркнут на полях карандашом.

При анализе этой правки обращает на себя внимание совпадение исправлений Пушкина и Жуковского, сделанных в ответ на цензурное замечание № 2: в обоих случаях смысл правки свелся к устранению имени «Николка» («очевидно, во избежание применений к имени царя» [Городецкий 1953: 236]). В высшей степени маловероятно, чтобы такое совпадение возникло случайно, тем более что характер цензурного вторжения в рукопись вовсе не предполагал устранения этого имени (оно фигурирует и в не выписанных цензором репликах, предшествующих появлению на сцене царя). И Жуковский, и Пушкин могли понять, что недовольство цензора вызвал весь эпизод, в котором царь общается с Юродивым. Устраняя имя «Николка», они, вероятно всего, шли на тактическую хитрость, создавая видимость учета цензурного замечания. Такая уловка, скорее всего, была предложена Жуковским, а Пушкин, поправляя копию ПД 892, использовал его предложение, но исправил текст

по-своему, сохранив большую близость к вариантам «михайловской» редакции и проведя правку более последовательно (Жуковский заменил имя только в отмеченном цензором фрагменте, а Пушкин — во всей сцене). Устранение имени «Николка» могло быть продиктовано и другими соображениями, не связанными с цензурой. Трагедия создавалась в период alexaндровского царствования, когда использование этого имени было вполне нейтральным. После вступления на престол Николая I в тексте неожиданно возникла возможность аллюзионного прочтения, не соответствовавшего художественному содержанию трагедии.

Среди исправлений, прямо не связанных с реакцией на цензурные замечания, важнейшими следует признать исключение из трагедии сцен «Ограда монастырская» и «Уборная Марины», а также сокращение, сделанное в сцене «Царские палаты».

Правка, вызванная цензурными замечаниями, делалась в копии ПД 892 до отъезда Пушкина на Кавказ, поскольку она относится ко времени подготовки второй редакции трагедии. Тогда же, по-видимому, была сделана и большая часть остальных исправлений. Однако нельзя исключить, что какие-то из них могли вноситься и позднее, поскольку писарскую копию Пушкин, судя по всему, взял с собой на Кавказ. По воспоминаниям М. В. Юзефовича, летом 1829 г. в походном чемодане Пушкина находилась «тетрадь „Бориса Годунова“», по которой он читал друзьям свою трагедию (Юзефович 1974: 106, 108). Поскольку автограф ПД 891 оставался в Петербурге (см. ниже, с. 135–136), «тетрадь», о которой вспоминает Юзефович, скорее всего, была копия ПД 892.

Накануне отъезда в Москву и на Кавказ Пушкин возобновил попытку опубликовать БГ, обратившись к содействию Жуковского и Плетнева. Надеясь получить разрешение, Пушкин включил БГ в набросанный в феврале–марте 1829 г. список произведений, предназначенных для издания, в записи: «3000 Бор<ис> Годунов (1825.)» (ПД 714; см.: Рукою П. 1997: 183; цифра 3000 — округленное число строк трагедии).

20 июля 1829 г. Плетнев отправил чиновнику III отделения П. Я. фон Фоку следующее письмо:

Милостивый государь Петр Яковлевич,

Александр Сергеевич Пушкин имел счастье представлять государю императору еще в Москве во время коронации драматическое свое сочинение. На рукописи автора его императорскому величеству угодно было отметить несколько сцен красным карандашом, вследствие чего и сделаны были г. Пушкиным разные перемены в сочинении. Впрочем, по недоверчивости ли к собственному своему вкусу, или желая подвергнуть свои поправки свежему взгляду, автор перед отъездом из С<анкт->П<етер>бурга передал рукопись Василию Андреевичу Жуковскому, с тем чтобы он, пересмотрев еще раз поправленное сочинение, принял на себя труд заготовить чистый экземпляр, в каком виде полагает лучше издать его.

Получив ныне от г. Жуковского обе рукописи, имею честь препроводить их к вам, милостивый государь. Так как по желанию автора, я приступаю к печатанию этого сочинения, то не угодно ли будет вам, по сличении оригинала с копиюю, подписать последнюю для типографии, а первый возвратить мне для доставления опять г. Жуковскому.

С совершенным почтением имею честь быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою, П. Плетнев.

20 июля 1829

(ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 10. Л. 90; Пушкин 1935: 425)

Из приведенного письма видно, что Жуковский был избран в посредники как гарант благонадежности. Копия, посланная фон Фоку (т. е. тот «чистый экземпляр», о котором идет речь в письме Плетнева), до нас не дошла. Надо полагать, что все внесенные в нее отличия от автографа были сделаны с ведома Пушкина, который не мог уехать, позволив бесконтрольно сделать купюры и исправления в одном из самых дорогих ему произведений. Жуковский также не мог в 1829 г. позволить себе передать в печать пушкинский текст, в который была внесена не согласованная с автором правка. Нельзя поэтому согласиться с мнением Г. О. Винокура, считавшего, что Жуковский вносил правку в автограф ПД 891 уже после отъезда Пушкина, а копия была снята с исправленного Жуковским автографа (см.: Винокур 1935: 424–425). Этому противоречат еще несколько суще-

ственных обстоятельств. Во-первых, имеются факты, свидетельствующие в пользу знакомства Пушкина с правкой Жуковского в автографе ПД 891 (см. выше, с. 132). Во-вторых, в сцене с Юродивым исправления Жуковского сделаны настолько неразборчиво, что едва ли предназначались для переписчика; скорее всего, они были адресованы Пушкину, хорошо знакомому с почерком Жуковского. В-третьих, в печать не могла быть представлена копия, снятая непосредственно с автографа ПД 891, в котором неисправленным осталось выражение «блядины дети» (сцена в корчме). Остается предположить, что согласованная с Пушкиным или сделанная им самим правка была внесена в снятую с автографа неизвестную нам копию, которая, возможно, еще раз после этого была начисто переписана.

30 августа 1829 г. Бенкендорф представил царю докладную записку следующего содержания:

На докладной записке о драматическом сочинении Пушкина: «Царь Борис и Гришка Отрепьев» его императорское величество изволил написать: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с *нужным очищением* г. автор переделал комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Вальтера Скотта».

Места, требовавшие очищения, были отмечены в рукописи, и сверх сего сообщены г-ну Пушкину, в особой выписке.

Следствие сего Пушкин, сделав разные перемены в сем сочинении, которое остается драматическим, передал оно г-ну Жуковскому, с тем, чтобы он, пересмотрев еще поправленное сочинение, заготовил чистый экземпляр, в каком виде лучше полагает издать его: сей экземпляр представлен ныне в III-е Отделение Собственной его величества канцелярии, для одобрения к напечатанию.

Сие Отделение, имея в виду вышепрописанную монаршую резолюцию, не может исполнить сего без высочайшего соизволения его императорского величества.

Генерал-адъютант Бенкендорф

30-го августа 1829 г.

(ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 21. Л. 1–2; Винокур 1935: 426)

Ответная резолюция, поставленная Николаем 4 сентября, гласила: «Прислать мне для прочтения» (ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 21.

Л. 1; Винокур 1935: 426). В докладной записке, сопровождавшей переданную царю рукопись, значилось: «По высочайшему Вашего императорского величества повелению, представляется драматическое стихотворение Пушкина „О царе Борисе и Гришке Отрепьеве“». Спустя некоторое время на том же листе появилась помета, сделанная, как и предыдущая, рукой фон Фока: «Высочайшего соизволения не воспоследовало. 10 октября 1829». Ниже — карандашная запись Бенкендорфа: «Возвратить Пушкину с тем, чтобы переменял бы некоторые места, слишком тривиальные, и тогда я опять доложу государю» (ПД, Ф. 244. Оп. 16. № 21. Л. 1–2; Винокур 1935: 426).

Пушкин, остававшийся в неведении о ходе дела, 7 января 1830 г. обратился с письмом к Бенкендорфу, напоминая ему о просьбе напечатать трагедию и мотивируя необходимость публикации стесненными материальными обстоятельствами: «Pendant mon absence, Mr Joukovsky avait voulu imprimer ma tragédie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me serait gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une 15^{aine} de mille roubles que peut me rapporter ma tragédie, et il me serait triste de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai longtemps médité et dont je suis le plus content [В мое отсутствие г-н Жуковский хотел напечатать мою трагедию, но не получил на то формального разрешения. Ввиду отсутствия у меня состояния, мне было бы затруднительно лишиться полутора десятков тысяч рублей, которые может мне доставить моя трагедия, и было бы прискорбно отказаться от напечатания сочинения, которое я долго обдумывал и которым наиболее удовлетворен. — *фр.*]» (XIV: 56, 398). Письмо, в котором сообщалась резолюция от 10 октября 1829 г., было отправлено Бенкендорфом Пушкину лишь 21 января 1830 г. В письме говорилось: «Возвращая при сем два рукописные экземпляра Комедии Вашей о царе Борисе, покорнейше прошу Вас, м<илостивый> г<осударь>, переменить в оной еще некоторые, слишком тривиальные места; тогда я вменю себе в приятнейшую обязанность снова представить сие стихотворение государю императору» (Там же, 59).

16 апреля 1830 г. Пушкин вновь обратился к Бенкендорфу с просьбой о разрешении печатать трагедию:

En 1826 j'apportai à Moscou ma tragédie de Годунов, écrite pendant mon exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'Empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres et je dois l'avouer, Sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent. L'Auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à *l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier*, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une œuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me paraît essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire; je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent, et je viens supplier sa Majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends [В 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове. Я послал ее в том виде, как она была, на ваше рассмотрение только для того, чтобы оправдать себя. Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что его величество был как нельзя более прав. Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь *на дух, в каком задумано все сочинение*, на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным. Я умоляю его величество простить мне смелость моих возражений; я понимаю, что такое сопротивление поэта может показаться смешным; но до сих пор я упорно от-

казывался от всех предложений издателей; я почитал за счастье приносить эту молчаливую жертву высочайшей воле. Но нынешними обстоятельствами я вынужден умолять его величество развязать мне руки и дозволить мне напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным. — *фр.*].

(XIV: 78, 406)

Процитированное письмо содержит явное указание на то, что текст, переданный в III отделение в июле 1829 г., не был копией, отразившей правку Жуковского в автографе ПД 891, поскольку практически все места, способные вызвать ассоциации с декабрьскими событиями 1825 г., были Жуковским вычеркнуты.

Положительный ответ был дан в письме от 28 апреля, в котором Бенкендорф уведомлял Пушкина, что царь благосклонно относится к его предстоящей женитьбе, заверял, что Пушкин никогда не находился под надзором полиции и в его отношениях к правительству нет ничего сомнительного (предполагалось, что письмо будет представлено семье невесты), и в заключение сообщал, что царь позволяет Пушкину напечатать БГ под собственную ответственность («*sous Votre propre responsabilité*» [Там же, 82]).

4 или 5 мая Пушкин сообщал Плетневу: «Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать „Годунова“ в первобытной красоте <...>. Слушай же, кормилец: я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками» (Там же, 89; уточнение датировки письма сравнительно с ПСС 1937–1959 см.: Левкович 2003: 60–62). Слова о разрешении печатать трагедию «в первобытной красоте» лишний раз указывают на то, что речь шла о тексте, в котором не было намеченных Жуковским цензурных купюр. К моменту разрешения печатать БГ существовало как минимум три полных рукописи трагедии: автограф ПД 891, писарская копия ПД 892, которая не могла быть источником первой прижизненной публикации, так как многие поправки, внесенные в нее Пушкиным, не нашли отражения в печатном тексте, и вторая писарская копия, отправленная в июле 1829 г. в III Отделение (как уже говорилось, не исключена возможность, что на этом этапе рукопись переписывалась дважды). 21 января 1830 г., Бенкендорф сообщал Пушкину, что

возвращает ему «два рукописные экземпляра» пьесы, то есть автограф ПД 891 и неизвестную нам копию (ее-то, по-видимому, Пушкин и собирався прислать Плетневу со своими поправками). Наиболее существенные изменения, вероятнее всего, были сделаны еще до отъезда Пушкина из Петербурга в Москву и на Кавказ, т. е. до 10 марта 1829 г., поскольку после разрешения печатать представленный в III Отделение текст серьезная его переделка уже была невозможна. (В связи с данными хронологическими соображениями попытка Ч. Даннинга [Dunning 2006b: 114–116] объяснить эти изменения реакцией Пушкина на Июльскую революцию во Франции и Польское восстание 1830 г. представляется малоубедительной.) Хронология работы над трагедией в 1827–1830 гг. уточнена Е. О. Ларионовой, внесшей существенные коррективы в историю текста, реконструированную Г. О. Винокуром (см.: Ларионова 2005).

В тетради ПД 833 на оставшейся свободной части л. 35 имеется запись полутора стихов из сцены «Царские палаты» (см. выше, с. 103). В отличие от автографа ПД 891 и копии ПД 892 здесь дано правильное отчество Семена Годунова («Никитич» вместо ошибочного «Ильич»). Точное время появления записи определить невозможно, допустима лишь широкая датировка: 19 ноября 1826 г. — 1830 г. (никак не позднее конца октября, когда трагедия была передана в печать). Поскольку поправки в копии ПД 892, где отчество осталось неисправленным, вносились не ранее 19 ноября 1826 г., эта дата является нижней границей датировки. «Так как у Карамзина <...> не указано отчество Семена Годунова, то возможно, что ошибка Пушкина была ему указана в Москве (например, Погодиным)» (Винокур 1935: 430). Датировка Р. В. Иезуитовой: осень, не позднее 7 ноября, 1825 г. — должна быть признана ошибочной, так как основана на неверной трактовке указанной записи как отрывка первоначальной редакции текста, восходящего к несохранившемуся черновику (см.: Иезуитова 1995: 256–257). Объяснение записи, данное Винокуром, подтверждается также и тем, что сначала крупным шрифтом было записано имя и отчество «Семен Никитич», а затем уже к нему (возможно, по памяти) был приписан остальной текст. Однако предложенная Г. О. Винокуром датировка — вторая половина октября 1826 г. (Винокур 1935: 430) — должна

быть уточнена. Ошибка могла быть указана Пушкину (или обнаружена им) и позднее — но до передачи трагедии в печать, так как в «БГ*» она исправлена. К тетради ПД 833 Пушкин обращался вплоть до 1830 г. (см.: Иезуитова 1995: 263–264).

Пушкина не оставляла мысль о включении БГ в собрание сочинений (так и не вышедшее при его жизни). По получении разрешения на публикацию он дважды — в мае и июне 1830 г. — включал трагедию в планы такого собрания. В плане, составленном 12 мая (ПД 839. Л. 70; см.: Рукою П. 1997: 185) БГ фигурирует в записи: «III [IV] Трагедия с Notami с предисл<овием> 3000» («III [IV]» означает номер части собрания сочинений; 3000 — округленное число строк трагедии; «с Notami» — с нотами, т. е. с примечаниями; наброски предисловия к БГ и комментарии к ним см. в Приложении II). План, составленный в начале июня (ПД 839. Л. 65; см.: Рукою П. 1997: 189–190), отражает намерение объединить в одном томе БГ и лирику:

III том
Трагедия
Мелкие стихотворения.

Трагедия печаталась в типографии Департамента народного просвещения. 22 октября Бенкендорф уведомил министра народного просвещения К. А. Ливена:

Милостивый государь!

Князь Карл Андреевич.

По высочайшему повелению государя императора, объявил я известному писателю Александру Сергеевичу Пушкину дозволение его императорского величества на напечатание исторической драмы его сочинения, «Борис Годунов», под собственную его ответственность.

Осведомясь ныне, что г. Пушкин намерен отдать сие сочинение, для напечатания, в Типографию Департамента народного просвещения, я счел долгом довести до сведения Вашей светлости объявленную мною г. Пушкину высочайшую волю, с тем, что не благоугодно ли будет Вам, милостивый государь, к должному исполнению оной, приказать помянутой Типографии, отпечатав потребное

число экземпляров означенной драмы, непрекословно выдать кому г. Пушкин поручит оные принять.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть,

Вашей светлости
покорнейший слуга.

Подписано: А. Бенкендорф

№ 4110

22 октября 1830

(Печатается по копии письма, сохранившейся
в цензурном деле: ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 64. Л. 3–3 об.)

27 октября 1830 г. в Канцелярию Главного управления цензуры поступило отношение Департамента народного просвещения от 25 октября за № 7982:

Департамент народного просвещения имеет честь сообщить к сведению Канцелярии Главного управления цензуры копию с отношения к г. министру народного просвещения г. генерал-адъютанта Бенкендорфа от 22 октября за № 4110 о высочайшей воле, чтобы сочиненная известным писателем Александром Сергеевичем Пушкиным историческая драма: «Борис Годунов» была напечатана под собственною его г. Пушкина ответственностию.

(ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 64. Л. 2)

В тот же день, 27 октября, было заведено цензурное «Дело о трагедии Александра Пушкина под заглавием „Борис Годунов“», законченное 3 ноября. Под этим числом в «Деле» значится:

Статья П. Слушали отношение Департамента народного просвещения с препровожденною при оном копию с отношения г. генерал-адъютанта Бенкендорфа о высочайшей воле, чтобы сочиненная А. Пушкиным историческая драма: «Борис Годунов» была напечатана под собственною г. Пушкина ответственностию.

Принято к сведению.

За подписанием присутствовавших верно. Правитель дел В. Комовский.

(ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 64. Л. 4)

24 декабря 1830 г. Ливен сообщил Бенкендорфу:

Милостивый Государь мой, Александр Христофорович.

Отношением от 22 октября с<его> г<ода> Ваше Высочайшее уведомление уведомили меня, что по высочайшему государю императора повелению, объявили Вы, милостивый государь мой, известному писателю Александру Сергеевичу Пушкину дозволение его величества на напечатание исторической драмы его сочинения: «Борис Годунов», под собственною его ответственностию; осведомясь же, что г. Пушкин намерен печатать сие сочинение в типографии Департамента народного просвещения, Вы отнеслись ко мне к должному исполнению Высочайшей воли, чтобы сказанная типография, отпечатав потребное число экземпляров драмы, выдала их непрекословно тому, кому г. Пушкин поручит оные принять.

Сделав тогда же распоряжение об исполнении Высочайшей воли, ныне получил я донесение, что типография Департамента народного просвещения, отпечатав драму г. Пушкина, выпустила экземпляры, по его поручению, г-ну Плетневу.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь мой, имею честь быть с совершенным почтением

Вашего высокопревосходительства

покорнейший слуга,

князь *Карл Ливен*.

(ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 40. Л. 121; Сухомлинов 1889:

232; Дела III отделения 1905: 117)

«Северная пчела» уже в № 153 от 23 декабря поместила объявление: «Поступила в продажу в книжном магазине А. Ф. Смирдина: трагедия „Борис Годунов“, соч. А. С. Пушкина. Цена 10 р., с пересылкою 11 р.». Вероятно, уведомление кн. Ливена было отправлено Бенкендорфу через день-два после выхода книги из типографии (см.: Сиявский, Цявловский 1938: 83–84; Смирнов-Сокольский 1962: 248–249).

Однако и по выходе «БГ*» цензурные претензии к пьесе не были забыты. Хотя в письме к Пушкину от 9 января 1831 г. Бенкендорф уведомлял его, что царь «изволил читать» его сочинение «с особым удовольствием» (XIV: 142), после смерти по-

эта на представленном Жуковским проекте посмертного собрания сочинений Николай I написал: «Согласен, но с условием выпустить все, что не прилично из читанного мною в Борисе Годунове» (ПД. Ф. 244. Оп. 18. № 160; см.: Модзалевский 1909: 34).

В ходе работы над текстом трагедии в 1827–1830 гг. сложилась вторая редакция драмы. По сравнению с первой «михайловской» редакцией в «БГ*» имеются следующие существенные отличия (не считая отдельных вариантов):

- 1) изменено название;
- 2) появилось посвящение памяти Н. М. Карамзина (о посвящении Пушкин писал Плетневу из Болдина около [не позднее] 29 октября 1830 г.: «Что моя трагедия? <...> Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе...» [XIV: 118]; далее с подписью «А. Пушкин» следовал текст посвящения, опубликованный в «БГ*»);
- 3) исключены сцены «Девичье поле. Новодевичий монастырь», «Ограда монастырская» и «Уборная Марины»;
- 4) подверглись значительным сокращениям вторая сцена в Царских палатах и сцена «Краков. Дом Вишневецкого»;
- 5) заметным изменениям подверглась сцена «Корчма на литовской границе»;
- 6) сцены «Равнина близ Новгорода-Северского» и «Площадь перед собором в Москве» поменены местами;
- 7) изменен финал пьесы.

Вторая редакция трагедии сложилась в результате изменений творческого характера, к которым добавилась правка, сделанная в ответ на цензурные замечания. Однако далеко не все перемены, внесенные во фрагменты, отмеченные цензором, могут быть квалифицированы как цензурная правка. Дифференциация творческих и цензурных изменений составляет одну из сложных и не имеющих вполне однозначного решения проблем текстологии БГ.

В местах, вызвавших цензурные замечания, были сделаны следующие исправления.

№ 1. Отмеченная цензором реплика Маржерета сохранена, но использованные в ней грубые выражения смягчены (так же, как не отмеченное цензором грубое выражение в третьей реплике Маржерета).

№ 2. Устранено имя «Николка» и внесены некоторые изменения художественного порядка.

№ 3. Фрагмент оставлен без изменений.

№ 4. Замечание было снято при исключении всей сцены «Девичье поле...».

№ 5. В сцене в корчме изменено так же, как и в копии ПД 892, определение действующих лиц в первой ремарке (вместо «бродяги-чернецы» — «бродяги в виде чернецов»). Эта замена снимала отмеченные в «Выписке...» цензурные претензии, поскольку пьянство приписывалось теперь не монахам, а бродягам, которые переоделись чернецами. Слова «может быть, кобылу нюхал» исключены так же, как в копии ПД 892. Реплика: «Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседелся...» и связанная с ней ответная реплика исключены по совету Жуковского. Изменено начало предпоследней реплики Варлаама (как уже было сказано, в автографе ПД 891 оно читалось: «Отстаньте блядины дети!», в копии ПД 892 оно было исправлено на: «Отстаньте, сукины дети!», в «БГ*» — на: «Отстаньте, пострелы!»).

№ 6. Фрагмент оставлен без изменений вопреки совету Жуковского, наметившего купюры в монологе Пушкина.

Из всех этих исправлений лишь два могут быть однозначно квалифицированы как замены, вызванные цензурными соображениями. Это указание в ремарке: «бродяги в виде чернецов» и слова «Отстаньте, пострелы!». Смягчение французских грубых выражений, вероятнее всего, соответствовало воле автора, готовившего текст к печати. Показательно, что эта правка проведена не только в тех местах, которые были отмечены цензором. Аналогичной поправкой является изменение в предпоследней реплике Варлаама, сделанное в копии ПД 892. О причинах, побудивших Пушкина исключить имя «Николка», см. выше, с. 133–134. Существенно, что в этот же фрагмент трагедии внесены небольшие изменения, никак не связанные с цензурными соображениями. Исключение из сцены в корчме слов «может быть, кобылу нюхал» и двух реплик также могло быть

продиктовано творческой волей автора, желавшего несколько смягчить фарсовый колорит сцены или сократить ее текст.

Сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь», исключенная Пушкиным из единственного прижизненного издания произведения, традиционно помещается в современных изданиях, так как считается изъятием, сделанным по цензурным соображениям. Такая трактовка не может быть признана бесспорной. Показательно, что, воспользовавшись разрешением печатать пьесу «под личной ответственностью», Пушкин пренебрег цензурными замечаниями в случаях гораздо более опасных. Вероятнее всего, сцена была исключена из второй редакции БГ по соображениям художественного порядка: в 1830 г. ее нарочитая фарсовость уже казалась Пушкину чрезмерной. Отказ от этой сцены соответствовал общей тенденции к нивелированию стиля второй редакции, из которой были устранены многие просторечные выражения и славянизмы. Правда, 2 января 1831 г. Пушкин писал Вяземскому: «...одно жаль — в Борисе моем выпущены народные сцены да матерщина французская и отечественная» (XIV: 139), — но в печатном тексте остались все народные сцены, кроме одной, а о смягчении русских и французских ругательств уже было сказано выше. Косвенным доказательством того, что серьезных цензурных опасений сцена в Новодевичьем монастыре не вызывала, является публикация ее в посмертном собрании сочинений (см.: Бочаров 1999: 50; там же подчеркнута необходимость отдавать себе отчет в том, что «канонический текст академического VII тома представляет собою текст-контаминацию, *какого у Пушкина не было*»).

В издании: Пушкин 1838–1841 (т. 1) пьеса была напечатана в соответствии с текстом прижизненной публикации, но в т. 9 были помещены «Сцены из Бориса Годунова»: «Девичье поле...» (с примечанием: «Эта сцена, исключенная Пушкиным из трагедии, следует в оригинале за сценою на Красной площади» [с. 193]) и «Уборная Марины» (с примечанием: «Эта сцена, пропущенная автором, когда он печатал Бориса Годунова, предшествует разговору Мнишка с Вишневецким на бале в Самборе. Она придает новые черты характеру Марины и служит как бы пояснением некоторых слов ее, сказанных Само-

званцу у фонтана в саду» [с. 196]). «Ограда монастырская» — третья из сцен, исключенных Пушкиным во второй редакции, — была напечатана еще при жизни автора в составе статьи Е. Ф. Розена «Борис Годунов etc., d<as> i<st> Boris Godunow. St. Petersbourg, 1831...», в примечании к немецкому переводу сцены, выполненному Розеном (DJ: 56–58). Розен печатал сцену с «рукописи автора» (см. его письмо к С. П. Шевыреву от 19 июля 1831 г.: РА. 1878. Кн. 2. № 5. С. 47; см. также письмо Розена к Пушкину от 27 июня 1831 г.). Сцена была перепечатана в составе перевода статьи Розена, выполненного А. Савицким: ЛПРИ. 1834. № 3. 10 января. С. 23 (здесь же, на с. 21, напечатана не вошедшая в печатный текст песня Ксении из сцены «Царские палаты», данная в статье Розена только в немецком переводе; русский текст песни, по всей видимости, был предоставлен Савицкому Розеном). В издании: Анненков 1855–1857 сцены «Девичье поле. Новодевичий монастырь» и «Уборная Марины» включены в текст пьесы (т. 4), а сцена «Ограда монастырская» напечатана в седьмом, дополнительном томе (с пояснением: «Сцена эта три раза была напечатана, именно: в журнале „Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, 1833 года № 1“, в журнале: „Литературные прибавления к Русскому инвалиду 1834 года, № 3“, в журнале „Москвитянин 1854, № 5“. Размер, которым она написана, послужил даже поводом к обмену статей между гг. Шевыревым и Гаевским; наша редакция взята прямо с рукописи, принадлежавшей Пушкину» [с. 78]). Впоследствии в собраниях сочинений Пушкина печатался контаминированный текст, сложившийся в издании: Анненков 1855–1857 (сцены «Девичье поле...» и «Уборная Марины» — в составе текста пьесы, сцена «Ограда монастырская» — в конце, как дополнительная). В издании: Ефремов 1903–1905 (т. 3) в текст были включены все три сцены. В 1924 г., с выходом однотомника под редакцией Б. В. Томашевского (Пушкин 1924), традиция изменилась: в этом и всех последующих изданиях в текст драмы включалась лишь сцена «Девичье поле...», а две другие из названных помещались, как дополнительный материал, вслед за основным текстом. Г. О. Винокур, готовя основную редакцию для изданий: Пушкин 1935 и ПСС 1937–1959, сохранил решение Б. В. Томашевского, контаминирующее первую

и вторую редакции. Существенно, что неизвестным остается, какие поправки из намеченных в автографе ПД 891 и в копии ПД 892 Пушкин учел бы, если бы решил в 1830 г. печатать эту сцену.

Сцена «Ограда монастырская» была вычеркнута еще в копии ПД 892, однако дважды при жизни Пушкина появилась в печати (см. выше, с. 147). Барон Розен, впервые опубликовавший ее в статье о БГ, сообщал: «Schließlich wollen wir eines Auftritts erwähnen, welchen der Verfasser auf den Rath des Polnischen Dichters Mitzkewitsch und unsers verewigten Delwig ausgeschlossen, weil diese Scene, ihrer Meinung nach, den Eindruck schwäche, den Pimen's Erzählung hervorbringt. Referent ist ganz andern Sinnes, und findet, daß der Uebergang von jener Erzählung zum Entweichen Otrepiew's durch diese Ausschließung allzu schroff geworden <...>. Da der Verfasser gesonnen ist, bei der zweiten Auflage diese Scene einzuschalten, so hat er uns erlaubt, dieselbe vorläufig der Deutschen Lesewelt mitzuthemen» (DJ: 56; перевод А. Савицкого: «В заключение упомянем об одном явлении, не напечатанном издателем по советам польского поэта Мицкевича и покойного барона Дельвига: будто бы сцена сия ослабляет впечатление, произведенное рассказом Пимена. Рецензент с сим не согласен и находит, что переход от сего рассказа к побегу Отрепьева через сие исключение становится слишком крут <...>. Автор, намереваясь поместить эту сцену при втором издании „Бориса Годунова“, позволил нам предварительно с нею познакомить немецкую публику» [ЛПРИ. 1834. № 3. 10 января. С. 23]). Из письма Пушкина к Розену от октября — первой половины ноября 1831 г. известно, что поэт действительно обдумывал возможность второго издания БГ с предисловием в форме письма к Розену. Не исключено, что и другие сведения Розена точны, но подтверждения им не имеется. По предположению Б. П. Городецкого, одной из причин исключения данной сцены из печатной редакции могло послужить впечатление, произведенное на Пушкина некоторыми мыслями М. П. Погодина, высказанными в 1829 г. в статье «Нечто об Отрепьеве»: «История Отрепьева, как она предлагается историографом», содержит «очень много сомнительного, взятого без критической оценки из летописей, не говоря уж о первой

мысли самозванца, объясняемой внушением какого-то злого инока <...>. А злomu иноку как пришла она в голову, и с какою целию для себя подал он благой совет Отрепьеву?» (Погодин 1829б: 160–161; см.: Городецкий 1953: 159). Следует учесть, однако, что поправки в копии ПД 892, скорее всего, делались до отъезда Пушкина на Кавказ, а часть 3 «Московского вестника» вышла месяцем позднее. В любом случае существовали и другие причины для исключения данной сцены: она имела стилистически диссонансное звучание в трагедии.

Публикация сцены «Ограда монастырская» в «Москвитяине» (1854. № 5. Отд. 4. С. 1–3) вызвала полемику между С. П. Шевыревым и В. П. Гаевским. «Сцена из „Бориса Годунова“, — писал Гаевский, — напечатанная уже два раза, является в третий, значительно искаженная. Искращения состоят в том, что каждый стих разделен на два (вероятно, потому, что в стихе по восьми хореических стоп), и на второй странице прибавлены, со слов С. П. Шевырева, два следующие стиха, очевидно принадлежащие постороннему вдохновению:

И куда костей проклятых
Не заносят вороны.

Этих стихов нет ни в двух прежних изданиях этой сцены, ни в рукописном экземпляре трагедии, принадлежавшем поэту, ни в списках этой сцены с подлинника, доставленных пишущему эти строки бароном Е. Ф. Розеном и В. Н. Щастным. Мы не видим особенной пользы в подобном искажении произведений великих писателей» (ОЗ. 1854. Май. Отд. 4. С. 69). Шевырев в отклике на это замечание ссылался на то, что указанные стихи остались в его памяти с того времени, как Пушкин сам читал при нем БГ (см.: Москвитянин. 1854. № 13. Июль. Кн. 1. Отд. 4. С. 45). «Но помимо моего убеждения, которого я никому не навязываю, — добавлял Шевырев, — сошлюсь на самое дело. Всякий, его понимающий, умеющий читать стихи Пушкина с отчетом, увидит, что эти два стиха на месте и что без них не будет округлен, в отношении к просодии, первый монолог Григория. Он оканчивается рифмами через стих: костылём, бегбём, стороны, вороны. Точно так же и второй монолог, пока еще

Григорий, погруженный в свою думу, продолжает речь свою про себя, не замечая чернеца, оканчивается на рифме через стих: моего и его» (Там же, 46). Стихов, приведенных Шевыревым, действительно нет ни в одном из известных источников текста пьесы; нельзя исключить, что они возникли в результате спонтанной импровизации Пушкина при одном из чтений пьесы.

Другие поправки Пушкина, внесенные при подготовке БГ к печати, устанавливаются при сличении «БГ*» с последним слоем автографа ПД 891 и с окончательным текстом копии ПД 892. Некоторые из поправок, внесенных Пушкиным в эту копию, нашли отражение в «БГ*». Так, исключенные из копии песня Ксении и следующий затем ее обмен репликами с Феодором исключены и из «БГ*»; в сцене у фонтана ремарка к словам Самозванца «встает», вписанная в копию (и отсутствующая в автографе ПД 891), имеется в «БГ*» и т. п. Другие поправки, сделанные в копии ПД 892, не были перенесены в печатное издание. К их числу относятся следующие.

В сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» стих «„Покайтесь!“ — народ им загремел» в копии исправлен на «„Покайтесь!“ — народ им завопил». В сцене «Палаты патриарха» в словах патриарха: «Довольно будет объявить о победе дьяку Смирнову, али дьяку Ефимьеву» первоначальное «или» исправлено в копии на «али». В сцене «Царские палаты» стих «Как молотком стучит в ушах упреком» исправлен в копии на «Как молотком стучит в ушах упрек». В сцене «Царские палаты» в словах мамки «Ивана королевича» исправлено в копии на «своего королевича». В той же сцене добавлена ремарка «спокойно»:

Во гробе спит.

Царь (*спокойно*)

Довольно; удались.

В сцене «Краков. Дом Вишневецкого» стих «Нет, мой отец, не будет затруднений» исправлен на «Нет, мой отец, не будет затруднения». Стих «Весь мой народ, и вся восточна церковь» исправлен в копии на «Весь мой народ, вся северная церковь» (в автографе ПД 891 первоначальное «северная» исправлено на «восточна»; копия отражает следующий этап правки). Во второй

реплике Самозванца слово «Amen» исправлено в копии на «Аминь». Весь эпизод с Хрущовым вычеркнут (в «БГ*» часть эпизода сохранена). В сцене «Площадь перед собором в Москве» в первом стихе песенки Юродивого «едет» исправлено в копии на «светит»; исправления, устраняющие имя «Николка», в ряде случаев отличаются от аналогичных исправлений, отраженных печатным изданием. В последней сцене в предпоследней реплике Народа вычеркнуты в копии слова «Шум продолжается».

Разночтения, возникшие между текстом «БГ*» и текстом копии ПД 892 после поправок, Г. О. Винокур объяснял тем, что Пушкин не располагал этой копией при подготовке издания «БГ*» и смог вспомнить лишь часть правки, внесенной в копию, но отсутствующей в автографе ПД 891. Исходя из этого предположения, Винокур счел необходимым ввести в основной текст трагедии поправки, сделанные в копии ПД 892. (Исключение составляли эпизод с Хрущовым, который был напечатан Винокуром по «БГ*», и стих «На некое был послан послушанье» в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»). Исправленный по предложению Погодина [см. выше, с. 117] в копии ПД 892 и при публикации сцены в «Московском вестнике», в «БГ*» этот стих появился без поправки. Г. О. Винокур считал маловероятным, чтобы Пушкин забыл о ней — скорее он отверг ее на этом этапе работы с текстом [Винокур 1935: 428, 429]).

Принцип контаминации разных редакций произведения, принятый Винокуром не только при установлении состава основного текста (определение входящих в него сцен), но и при выборе отдельных вариантов, был оспорен рецензентами. Д. Д. Благой писал: «В основу <...> редактор должен был положить прижизненный печатный текст издания 1831 г., дополняя и исправляя его по рукописям только в тех случаях, когда имели место либо вынужденные исправления, внесенные в него Пушкиным под влиянием цензуры <...> либо заведомые искажения: явные опечатки, сознательно кем-то проведенная нивелировка языка Пушкина, стиравшая ряд его характерных особенностей <...> и т. п.» (Благой 1936: 236). Рассматривая более частные случаи, Д. Д. Благой отмечал, что по крайней мере в двух из них редактор не имел достаточных оснований отступить от печатного текста «БГ*». По поводу замены «завопил» на

«загремел» Благой пишет: «...ничто не мешает думать, что при окончательном пересмотре текста <...> Пушкин вернулся к первоначальному чтению. Побудить его к этому могло то, что то же слово в несколько иной форме было употреблено шестью стихами ранее: „Вот, вот злодей — раздался общий вопль“. Вполне возможно, что Пушкин не захотел повторять „воплъ“ и „завопил“ в столь близком соседстве друг с другом» (Там же, 234). Там же по поводу замены в песенке Юродивого «месяц едет» на «месяц светит» сказано: «Винокур считает, что наличие в прижизненном печатном тексте первоначального чтения „несомненно объясняется случайными причинами“. Однако уверенность в такой „несомненности“ целиком оказывается на совести редактора».

Предположение Винокура, что при подготовке «БГ*» Пушкин не имел в своем распоряжении копии ПД 892, является гипотезой, лишенной каких бы то ни было фактических оснований. Что же касается текста не дошедшей до нас копии, с которой печатался «БГ*», то он был санкционирован Пушкиным (в этом прекрасно отдавал себе отчет и Г. О. Винокур). Поэтому не имеется никаких веских причин для того, чтобы считать, что поправки в копии ПД 892 не были учтены в «БГ*» по недосмотру или в силу случайных обстоятельств. Более корректной является точка зрения Д. Д. Благого, хотя и она может быть принята лишь с известными оговорками. Высказанное Благоим пожелание отличить «сознательно кем-то проведенную нивелировку языка Пушкина» от поправок, внесенных им самим при подготовке текста к печати, в большинстве случаев является неисполнимым. Пушкин не наблюдал лично за печатанием трагедии и корректур не читал. Но это еще не дает основания считать, вслед за Г. О. Винокуром (см.: Винокур 1935: 431), что устранение славянизмов (например, замена в «БГ*» «златый» на «златой», «владыко» на «владыка») или приведение просторечий к литературной норме (например, замена в «БГ*» «эдака ерьсь» на «этака ерьсь»; «вокруг его», «противу их», «между их» на «вокруг него», «противу них», «между них»; «села грабят» на «села грабят»; «волоса рыжие» на «волосы рыжие») является результатом редакторской, а не авторской правки. Против предпочтения, которое Г. О. Винокур в по-

давляющем большинстве случаев отдавал рукописным вариантам, резко выступил в свое время В. И. Чернышев, резонно заметивший, что раз «та именно рукопись, по которой печатался „Борис Годунов“ под наблюдением П. А. Плетнева, до нас не дошла, значит, «самой авторитетной по времени рукописи мы не имеем, а тексты ранних рукописей Пушкин, естественно, мог пересматривать и исправлять. Поэтому упорно держаться текста этих ранних рукописей нет оснований» (Чернышев 1941: 457). Учитывая все эти соображения, в настоящем издании приведенные выше и им подобные случаи не квалифицируются как искажения пушкинского текста, а характерные особенности автографа отражены в первой редакции трагедии, публикуемой в Приложении I.

Осенью 1831 г. Пушкин обдумывал возможность переиздания БГ. В плане собрания сочинений, составленном в сентябре–октябре 1831 г. (ПД 839. Л. 65; см.: Рукою П. 1997: 188–190), БГ, обозначенный как «Траг<едия>», первоначально должен был составить все содержание четвертого тома, но затем проект тома принял следующий вид:

Траг<едия> —
Окт<авы> —
[Ск]
Сцены

(«Окт<авы>» — это «Домик в Коломне», «[Ск]» — «Сказка о царе Салтане» или «Скупой рыцарь», «Сцены» — «маленькие трагедии»: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы»). В конце концов Пушкин решил сделать том, включающий БГ, третьим:

III том
Трагедия
Мелкие стихотв<орения>
Сцены

Там же была указана продажная цена БГ — «15 <рублей>» (вышедший к тому времени отдельным изданием «БГ*» продавался

по 10 рублей). В октябре — первой половине ноября 1831 г. Пушкин писал Е. Ф. Розену: «Горю нетерпением прочитать ваше предисловие к Борису (к не осуществленному Розеном полному немецкому переводу трагедии. — *Ред.*); думаю для второго издания написать к вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию» (XIV: 240).

Переиздание БГ не состоялось, но в 1832–1834 гг., а также в 1836 г. Пушкин продолжал включать трагедию в планы издания собрания сочинений. В составленном, вероятно, в апреле 1832 г. списке, который представляет собой расчет произведений и сборников стихотворений по печатным листам (ПД 1622; см.: Рукою П. 1997: 200–201), фигурирует запись: «Бор<ис Годунов> < > 10» (в «БГ*» — 9 печатных листов). В плане собрания сочинений, составленном между ноябрем 1833 г. и сентябрем 1834 г. (ПД 845. Л. 23; см.: Рукою П. 1997: 202), «Борис Гуд<унов>» включен в четвертый том, вместе с двумя частями «Мелк<их> стих<отворений>», т. е. составом издания: Пушкин 1829. В плане собрания сочинений, составленном, предположительно, в 1836 г. (ПД 1037. Л. 4 об.; см.: Рукою П. 1997: 204), БГ вместе с «Евгением Онегиным» должен был составить содержание пятого тома:

2 тома повестей
2 тома стихотв<орений>
Онег<ин> и Траг<едия>
Проза —

Исторические источники «Бориса Годунова»

В одном из набросков предисловия к БГ Пушкин назвал три главных ориентира, избранных им при работе над трагедией: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...» (наст. том, с. 95). «Карамз<ину> следовал я в светлом развитии происшествий», — пояснял он там же. Как уже говорилось, основным источником исторических сведений о событиях, обстоятельстве и судьбах людей XVI–XVII вв. действительно явились для Пушкина десятый и одиннадцатый

тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вышедшие в свет в 1824 г. 17 августа 1825 г., в разгар работы над трагедией, Пушкин писал Жуковскому: «...читаю только Карамзина да летописи. Что за чудо эти 2 последние тома Карамзина! какая жизнь! *c'est palpitant comme la gazette d'hier* [это животрепещущие, как вчерашняя газета. — *фр.*]» (XIII: 211). Знакомство с «Историей государства Российского» Пушкин выдвигал как неперемненное условие восприятия своей трагедии — об этом недвусмысленно сказано в черновом письме к Н. Н. Раевскому-младшему от 30 января (возможно — от 30 июня или июля) 1829 г.: «Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'hist<oire> de ce temps-là <...>. Il faut les comprendre *sine qua non* [Вот моя трагедия, раз уж вы непременно хотите ее иметь, но я требую, чтобы прежде, чем читать ее, вы перелистали последний том Карамзина. Она полна славных шуток и тонких намеков, относящихся к истории того времени <...>. Надо понимать их — это неперемненное условие. — *фр., лат.*]» (XIV: 46, 395).

К «Истории государства Российского» восходит не только событийная канва драмы — в ней множество текстуальных заимствований из Карамзина (конкретные параллели приведены ниже, в построчном комментарии). Особый интерес Пушкина вызывали «ноты» Карамзина — примечания к томам «Истории», где широко цитировался документальный материал и содержалась характеристика исторических источников.

Заглавным героем трагедии был избран Борис Федорович Годунов (ок. 1551 — 13 апреля 1605) — боярин, воевода, коношый, с 21 февраля 1598 г. царь и великий князь всея Руси. Годуновы выдвинулись в XVI в., при дворе Ивана Грозного, в период опричнины. В 1571 г. Борис Годунов был дружкой царицы Марфы на свадьбе царя (см.: Карамзин 1815–1829 IX, гл. 4: 209, 1-я паг.). В 1580 г., после того как царь избрал в жены своему сыну Федору сестру Годунова Ирину, сам Годунов был пожалован в бояре (см.: Там же, гл. 5: 317, 1-я паг.). При заключении брака Ивана Грозного с Марией Нагой Годунов еще раз

стал дружкой царицы (Там же, 317–318, 1-я паг.). При венчании Федора Иоанновича на царство в 1584 г. Годунов как шурин царя получил звание ближнего великого боярина, конюшего, наместника царств Казанского и Астраханского и был осыпан прочими милостями. Политическим «опекуном» царя Федора Иоанновича являлся его дядя Никита Романович Юрьев, который в 1585 г. тяжело заболел, а в 1586-м умер. Это содействовало возвышению Годунова, с 1585 г. он оказался в роли фактического правителя страны. Влияние Годунова при дворе стало практически безграничным после неудачной попытки его противников добиться развода Федора и Ирины в 1586 г. Внешняя политика Годунова отличалась осторожностью и стремлением к сохранению мирных отношений. Годунов принял правление в тяжелое для страны время — в обстановке разорения землевладельцев и крестьян, происходившего вследствие опричнины и связанных с ней массовых переселений, военных неудач и больших территориальных потерь, бегства обнищавших, отчаявшихся работников на окраины и запустения земель. Годунов был представителем нетитулованной придворной знати, в борьбе за власть ему пришлось столкнуться с потомками великих и удельных князей — Шуйскими, Воротынскими, Голицыными, Куракиными и др. Эта часть боярства, претерпевшая жестокие гонения в годы опричнины, сохраняла, однако, большую силу. Раздраженные ростом влияния бояр, недостаточно родовитых, но приближенных к трону по родству с царствующим домом (такие родственные связи особенно умножились вследствие многочисленных браков Ивана IV), аристократы предубежденно относились к Годунову. Вступив на престол по смерти Федора Иоанновича, Борис первое время продолжал свою прежнюю политику. Однако с 1600 г. ужесточились меры его борьбы с княжеско-боярской оппозицией; стали поощряться и, соответственно, распространяться доносы; враги царя Бориса подвергались опалам, пыткам и ссылкам.

В 1802 г. в очерке «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями на пути к Троице и в сем монастыре» (ВЕ. 1802. Ч. 5. № 17. С. 30–43) Карамзин отмечал законность избрания Бориса Годунова, доверие к нему народа, его выдающиеся способности и заслуги как государственного деятеля и мно-

гие другие черты, дающие основание видеть в нем «идеального монарха». От сочувственного и апологетического изображения Годунова Карамзин отошел уже в «Записке о древней и новой России» (1811), хотя данная в ней общая оценка личности и деятельности Годунова не была еще столь однозначно отрицательной, как в «Истории государства Российского», где Борис Годунов обрисован весьма тенденциозно и дидактично. Подобная эволюция взглядов Карамзина была отмечена его современниками (см.: Булгарин 1825: 71–84; Погодин 1829а: 126; см. также: Козлов 1986: 19–34, перемена воззрений Карамзина объясняется здесь реакцией историка на политические события эпохи и усилившейся склонностью к политической дидактике). В «Истории» Карамзин изображает расправу Годунова над Шуйскими и особенно над Романовыми как ужасные преступления, Бориса Годунова рисует обманщиком и лицемером. В трагической судьбе Бориса Годунова и его семьи историк видит неотвратимую кару Провидения, демонстрацию его силы и справедливости. Карамзин утверждает, что имя этого царя «в течение столетий было и будет произносимо с омерзением, во славу нравственного неуклонного правосудия» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 181–182, 1-й паг.).

Пушкин, в отличие от Карамзина, подчеркивал в образе Бориса черты мудрого правителя, думающего о благе подданных. Кроме того, Борис выступает в трагедии как любящий и заботливый отец (Пушкин с самого начала работы над трагедией собирался особо выделить эту грань характера: уже в раннем плане фигурирует пункт «Годунов в семействе»). Обе темы сходятся в последнем монологе Бориса — в его наставлении сыну. Понятно поэтому, что Пушкин никак не мог воспользоваться советом Карамзина, переданным ему Вяземским 6 сентября 1825 г.: «Карамзин <...> говорит, что ты должен иметь в виду в начертании характера Борисова дикую смесь: набожности и преступных страстей. Он беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдания себе. Эта противоположность драматическая!» (XIII: 224). 13 сентября Пушкин отвечал: «Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на его с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я го

засаду за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное» (XIII: 226–227). Тем не менее ни преступные страсти, ни набожность не движут пушкинским героем. В разработке характеров других действующих лиц Пушкин также проявил независимость от Карамзина. Василий Шуйский и Самозванец не являются драматургу в столь одностороннем и тенденциозном свете, как историографу (об этом см., например: Слонимский 1963: 477–481). Лжедмитрий был интересен Пушкину как яркая индивидуальность, как личность, несущая в себе начало смуты и разрушения, как характер, типичный для переломной, кризисной эпохи (о неординарности типа личности Самозванца для русской культуры XVII в. см., например: Серман 1969: 122). В советское время наметилась тенденция резко противопоставлять монархизм Карамзина радикализму Пушкина (см., например: Благой 1950: 416–418; Городецкий 1953: 142; Гуковский 1941: 97–98). Обзор подобных точек зрения и справедливое указание на крайность этой тенденции, искажающей реальную картину, см.: Орлов П. 1981: 3–10. В современном западном литературоведении утвердилась точка зрения К. Эмерсон, согласно которой Пушкин, постоянно обращаясь к «Истории» Карамзина, вступает в сложный диалог с ее «моральным детерминизмом» и устами своих героев оспаривает вынесенные историком этические оценки (см.: Emerson 1986: 86–91). По мнению Ч. Даннинга, этот диалог с Карамзиным носит полемический характер только в «михайловской» редакции; историческая же концепция печатной версии, утверждает исследователь, намного более консервативна и в основном не противоречит карамзинскому истолкованию событий (см.: Dunning 2006a: 52–62; Dunning 2006b). Столь резкое противопоставление двух редакций представляется малообоснованным, поскольку изменения, внесенные Пушкиным, не оказали существенного влияния на характер соотносительности текста БГ с «Историей» Карамзина как с его главным источником.

Избрав в качестве исходного события драмы гибель царевича Димитрия, Пушкин принял предложенную Карамзиным интерпретацию этого события несмотря на некоторую слабость аргументации историка, обвинившего Годунова

в убийстве. Главным подтверждением его виновности служил психологический портрет Бориса, составленный Карамзиным в манере, близкой к художественной.

Факт убийства царевича по приказу Бориса Годунова не является общепризнанным. Уже в январе 1825 г. сомнения по поводу его виновности были высказаны в обширной статье Ф. В. Булгарина (см.: Булгарин 1825: 64–71; цензурное разрешение — 2 января 1825 г.). Не исключено, что статья Булгарина была знакома Пушкину в период работы над БГ (см.: Городецкий 1953: 144–145). Позднее, уже в 1829 г., Карамзину возражал М. П. Погодин (см.: Погодин 1829а), причем некоторые из его аргументов сближались с тезисами, высказанными в 1825 г. Булгариным (см.: Модзалевский 1910б: 159–160). Еще позднее А. С. Хомяков в стихотворении «Не говорите: „То былое“...» (1844, опубл. 1846), призывая Россию покаяться в ее исторических грехах, называл среди них и клевету на Годунова (см.: Хомяков 1900–1914 IV: 51; см. также в статье Хомякова «Царь Феодор Иоаннович» [1844] — Там же, III: 59–60). Сохранились пушкинские пометы на полях статьи Погодина (см.: XII: 243–256). В замечаниях Пушкина отражены его устные споры с Погодиным 1829 г. — см. письмо Погодина к С. П. Шевыреву от 26 сентября 1829 г. (РА. 1882. Кн. 3. Вып. 5. С. 112) и дневниковую запись Погодина от 19 сентября — 7 октября 1829 г. (Погодин 1974а: 18); споры эти продолжались и после выхода БГ из печати — см. дневниковые записи Погодина от 11 февраля и 30 апреля 1831 г. (Там же, 22–23).

Погодин, не соглашаясь с концепцией Карамзина, доказывал, что Годунов не должен был желать смерти царевича: Димитрий не являлся законным наследником Ивана IV, ибо происходил от седьмого брака, и церковь могла объявить его незаконнорожденным; «нелегитимность» происхождения делала права Димитрия столь сомнительными, что «всякая сторона легко могла отстранять его при рассуждениях о престоле» (Погодин 1829а: 92). Кроме того, Борис Годунов не являлся в момент гибели царевича единственным и даже преимущественным претендентом на престол, на который с большими основаниями могли претендовать Романовы, двоюродные братья первой жены Ивана IV. Погодин доказывал далее, что в кон-

кретной обстановке 1591 г. смерть царевича Димитрия была просто невыгодна Годунову. Царю Федору было только 34 года, он еще мог иметь детей. Годунов не занимал тогда столь прочного положения, как впоследствии, и скандал, вызванный смертью царевича, мог повредить ему гораздо больше, чем сам царевич, останься он в живых. Пушкин не принял аргументов Погодина. Он отметил, в частности, что летописцы не упоминают «об незаконности» царевича (XII: 243). Спустя несколько лет по написании трагедии поэт продолжал отстаивать версию Карамзина, не доверяя «розыску», проведенному комиссией, которая под руководством Василия Шуйского выясняла обстоятельства смерти царевича и пришла к заключению, что он умер, проткнув себе горло ножом.

Этот эпизод русской истории до сих пор подвергается различным истолкованиям. В виновности Годунова были убеждены такие историки, как М. М. Щербатов, С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, А. А. Зимин (см.: Щербатов 1790 VI/1: 290–297; Соловьев 1960: 315–323; Иловайский 1890: 351–354, 650–652; Костомаров 1905: 451–465; Ключевский 1988: 24–25; Зимин 1978: 92–111; Зимин 1986: 153–182) и др. Сомнение в причастности Бориса к смерти царевича высказывали А. А. Краевский, В. К. Клейн, С. Ф. Платонов, Р. Г. Скрынников (см.: Краевский 1836: 31–36; Клейн 1913; Платонов 1999: 149–181; Скрынников 1971: 182–197; Скрынников 1978: 67–84) и др.

Следуя Карамзину в «развитии происшествий» и в трактовке исходного события трагедии, Пушкин, однако, в ряде случаев отступал от «Истории государства Российского», предпочитая ей другие источники или вводя элементы художественного вымысла. К последним относятся беседы Годунова с Василием Шуйским о Самозванце и с Басмановым о местничестве, сцены в замке Мнишка, сцена «Граница литовская» (вымышленные лица и эпизоды отмечены также в построчном комментарии). Нередки у Пушкина отступления от хронологии событий, развернутой в «Истории государства Российского».

Особое, самостоятельное значение имели для Пушкина приводимые в примечаниях к «Истории государства Россий-

ского» летописные свидетельства. В них он, по собственному признанию, «старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен» (см. наст. том, с. 95). К показаниям летописцев Пушкин относился с доверием, граничащим с тем, что в современной исторической науке называется некритическим использованием источников. Указывая на это, Г. О. Винокур приводил в пример замечания Пушкина на полях цитированной выше статьи Погодина, не склонного безоговорочно полагаться на летописные данные: «Когда Погодин называет Чепчугова и Загряжского, которых будто бы Годунов подкупал для убийства Димитрия, *баснословными*, Пушкин на полях возражает: „Почему же, если об них упоминает *современная* летопись?“ Свое доверие к легенде о том, что Димитрия первоначально пытались отравить ядом, Пушкин снова подтверждает ссылкой на летопись. Он пишет на полях слово: „Летописцы“, в качестве аргумента, против которого недействительны никакие возражения» (Винокур 1935: 462).

Существенно, что в вопросе о виновности Годунова Пушкин оказался выразителем именно «духа эпохи» — т. е. практически единодушного мнения летописцев и авторов исторических сказаний. Бориса обвиняют и так называемое «Иное сказание», и «Временник» Ивана Тимофеева, и «Сказание» Авраамия Палицына, и «Летопись о многих мятежах...», и многие другие источники, не все из которых могли быть известны Пушкину (см. об этом: Державина 1954: 151–156). О влиянии летописной и житийной традиции на репутацию Годунова, сложившуюся в первой четверти XIX в., см.: Платонов 1999: 16–17.

С летописными свидетельствами Пушкин мог знакомиться не только по «нотам» Карамзина, но и по другим печатным изданиям. Так, например, М. М. Щербатовым дважды была издана «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по представлении царя Иоанна Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году. Собрано из древних тех времен опи-

саниев» (СПб., 1771; М., 1788). Книга представляет собой издание «Нового летописца», одного из крупнейших памятников позднего русского летописания. Знакомство с изданием Щербатова ощутимо в сценах «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», «Москва. Дом Шуйского» и «Царская дума» (см. построчный комментарий, с. 242, 243–244, 265, 296). Другая, наиболее известная редакция была напечатана в составе Никоновской летописи (РЛНС 1792: 1–256) как дополнение к ней, наряду с «Повестью о честном житии благоверного и благородного и христоролюбивого государя царя и великого князя Феодора Ивановича», составленной патриархом Иовом (см.: Вовина-Лебедева 2004). В БГ имеются текстуальные заимствования, сделанные из седьмой части «Русской летописи по Никонову списку» (РЛНС 1791); конкретные указания на них см. ниже, в построчном комментарии; см. также: Винокур 1935: 465–466.

Ко времени работы Пушкина над БГ было переиздано «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от Поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкаго монастыря келарем Аврааимем Палицыным» (М., 1784; 2-е изд.: М., 1822). Начальные пять глав посвящены периоду от смерти Ивана Грозного до воцарения Василия Шуйского.

Создавая образ Пимена, Пушкин воплотил в нем свое представление о культурно-историческом типе летописца. В 1828 г. в оставшемся неопубликованным «<Письме к издателю „Московского вестника“>» он подчеркивал: «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие [можно сказать] набожное к власти царя, данной им богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших <...>. Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов» (XI: 68). Об акцентированном в последней фразе сближении авторской манеры Карамзина с летописным повествованием, особенно

сильно проявившемся в десятом–одинадцатом томах «Истории», см.: Лузянина 1971: 48–55.

По предположению Б. П. Городецкого, нравственный облик Пимена и его откровенный рассказ о событиях в Угличе могли быть созданы под впечатлением рассуждений Карамзина, связанных с Авраамием Палицыным:

Одним словом, сие печальное время Борисова царствования, уступая Иоаннову в кровопийстве, не уступало ему в беззаконии и разврате: наследство гибельное для будущего! <...> ...глас отечества уже не слышался в хвале частной, корыстолюбивой, и молчание народа, служа для царя явную укоризною, возвестило важную перемену в сердцах россиян: *они уже не любили Бориса!* Так говорит летописец современный, беспристрастный и сам знаменитый в нашей истории своею государственною доблестью: келарь Палицын. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, россияне искренно славили царя, когда он под личиною добродетели казался им отцом народа; но признав в нем тирана, естественно возненавидели его и за настоящее и за минувшее: в чем, может быть, хотели сомневаться, в том снова удостоверились, и кровь Димитриева явнее означалась для них на порфире губителя невинных; вспомнили судьбу Углича и других жертв мстительного властолюбия Годунова; безмолвствовали, но тем сильнее чувствовали в присутствии изветников — и тем сильнее говорили в святых местах, недоступных для услужников тиранства, коего время бывает и царством клеветы и царством ненарушимой скромности: там, в тихих беседах дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса...

(Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2; см.: Городецкий 1953: 154–155)

Житийная литература, запечатлевшая духовный мир человека древнерусской культуры, не менее живо привлекала к себе интерес Пушкина. В письме к Жуковскому от 17 августа 1825 г. он просил: «...нельзя ли мне доставить или жизнь *Железного Колпака*, или житие какого-нибудь *юродивого*. Я напрасно искал Василия Блаженного в Чет<ьих> М<инях> — а мне было очень нужно» (XIII: 211–212). 6 сентября Вяземский сообщил Пуш-

кину: «Карамзин <...> хотел отыскать для тебя *железный колпак* <...>. Житие Василия Блаженного напечатано особо <...>. Карамзин говорит, что ты в колпаке немного найдешь пищи <...>. Все юродивые похожи!» (Там же, 224). 13 сентября Пушкин отвечал: «Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак, что он мне присылает» (Там же, 226), — однако данных о получении Пушкиным жития Железного Колпака не сохранилось. На столе у Пушкина в Михайловском И. И. Пущин, посетивший его 11 января 1825 г., видел Четьи-Минеи (см.: Пущин 1974: 109), — вероятнее всего, это были жития святых Дмитрия Ростовского, куда входило, в частности, житие царевича Дмитрия (см.: Дмитрий Ростовский 1796). Житие, как и летописи, однозначно указывало на Бориса как виновника смерти царевича. В житии содержались подробности, отраженные в пушкинской драме, — обвинение Годунова в смерти царя Федора, опровергаемое Карамзиным, чудеса исцеления на могиле Дмитрия (см.: Бочкарев 1988: 6–8). К житийному жизнеописанию царя Федора, составленному патриархом Иовом, восходит рассказ Пимена о смерти Федора Иоанновича.

«Историей государства Российского», летописной и житийной литературой круг исторических источников БГ не ограничивается. Пушкину были известны воспоминания Ж. Маржерета, изданные им в Париже в 1607 г. (*Margeret J. Etat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie...*; французский текст и русский перевод см.: Маржерет 1982: 135–218) и цитируемые Карамзиным. Книга содержала подробный рассказ о событиях, свидетелем которых был автор. В издании 1821 г. она имела в библиотеке Пушкина (Модзалевский 1910а, № 1131). Г. О. Винокур обратил внимание на встречающиеся в этих мемуарах примеры искаженной передачи Маржеретом русских слов и выражений, возможно, нашедшей свое комическое отражение в БГ, в сцене «Равнина близ Новгорода-Северского» с участием Маржерета и Розена (Винокур 1935: 498).

В сценах «Кремлевские палаты» и «Девичье поле. Новодевичий монастырь» Пушкин, по-видимому, использовал некоторые детали из «Истории Российской от древнейших времен» М. М. Щербатова (Щербатов 1790 VII/1: 5–16) — см. построчный комментарий, с. 220, 331–332. Характер Марины Мнишек, какой

она описана в сцене «Ночь. Сад. Фонтан», ближе не к «честолюбивой и ветреной» «прелестнице» Карамзина (см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 137), а к ее изображению в «Краткой повести о бывших в России самозванцах» М. М. Щербатова: «Сей Мнишек от второго своего брака с княжною Софию Олончинскою имел рожденную дочь, именем Марину, деву гордую, хитрую и дерзновенную, которая, мня видеть в Отрепьеве законного наследника Российского престола, желала его супругою быть; а и сам Отрепьев, как ради красоты, так для обычая сея девы, а паче надеясь сим неразрывными узами присоединить к себе два сильные в Польше рода, то есть Мнишков и Вишневецких, желал супружества. Сокрытия в сердцах их мысли вскоре открылись, а отец Маринин, воображая дочери своей великое счастье в сем супружестве, на сие соизволил и дочь свою сему самозванцу обещал» (Щербатов 1793: 15–16; см.: Жданов 1892: 18–19). Некоторые черты характера Марины могли быть подсказаны Пушкину статьей Ф. В. Булгарина «Марина Мнишек, супруга Димитрия Самозванца» (СА. 1824. Ч. 9. № 1. С. 1–13; № 2. С. 59–73; Ч. 12. № 20. С. 55–77; № 21–22. С. 111–137; см.: Винокур 1935: 464). В числе исторических сочинений, к которым Пушкин обращался во время работы над трагедией, назывался также труд И. И. Голикова «Дополнение к Деяниям Петра Великого» (М., 1790–1797), начинавшийся с рассказа о царствовании Бориса Годунова (его правлению и Смутному времени посвящен весь первый том), — см.: Листов, Тархова 1983. С. 113–118. Здесь Пушкин мог найти многие из использованных в трагедии сведений (о женитьбе Годунова на дочери Малюты Скуратова, о тайных доносах холопов на господ и о доносах, доходивших до царя через Семена Годунова, о высылке Сицких, Шестуновых, Романовых, о голоде и раздаче Борисом хлеба, о спутниках Отрепьева Мисаиле и Варлааме, о заставах на польской границе, о сражении под Севском, об изучении самозванцем латыни — см.: Голиков 1790: 61, 67–68, 72, 74–75, 81–83, 123, 162–163, 134–135, 138; см. также построчный комментарий, с. 305). Однако труд Голикова не мог дать Пушкину ничего нового по сравнению с «Историей» Карамзина, где содержались те же сведения. Подтверждением знакомства Пушкина с «Дополнением к Деяниям Петра Великого» может служить то обстоятельство, что в первоначальных

вариантах белого автографа сцены «Равнина близ Новгорода-Северского» Розен фигурировал не под именем Вальтер, как у Карамзина, а под именем Волмар, как у Голикова. Ср.: «Но некоторый лифляндец, по имени Волмер Розен, находившийся в царской службе, и Яков Маржерет <...> с несколькими шквалдронами немецких рейтар, состоящих также в царской службе, все дело поправили. Они с такою храбростью напали, что отбили назад всю артиллерию...» (Голиков 1790: 162–163).

К 1825 г., то есть ко времени работы над трагедией, относятся замечания Пушкина на «Анналы» («Ab excessu divi Augusti Libri», 111?—117) Тацита (Publius Cornelius Tacitus). «Замечания...» основаны на издании, где латинский и французский тексты даны параллельно (Тасите 1817–1818; книга имела в библиотеке Пушкина [Модзалевский 1910а, № 1420]). В черновике записки «О народном воспитании» (1826) Пушкин оценивал Тацита как «великого сатирического пис<ателя>, впрочем опасного декламатора, и исполненного политических предрассудков» (XI: 316). В научной литературе отмечено сходство эпизодов из «Анналов» Тацита (Ann. I, 3, 4, 5, 6; II, 39–40) и событий, изображенных в БГ (см.: Покровский 1939: 51–52; Амусин 1941: 166–168, 172–180). Об одном из таких эпизодов Пушкин писал в «Замечаниях на Анналы Тацита»: «Первое злодеяние его (Тиберия. — *Ред.*) (замечает Т<ацит>) было умерщвление Постума Агриппы, внука Августа. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью — то Тиберий прав. Агр<иппа>, родной внук Августа, имел право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума — таковые люди всегда могут иметь большое число приверженцев — или сделаться орудием хитрого мятежника» (XII: 192). Тацит сообщает, что раб Агриппы Клемент, сходный со своим господином летам и наружностью, сделался самозванцем, объявив себя чудом спасшимся Агриппой Постумом. Его авантюра некоторое время имела успех. Тиберий, как и Борис Годунов, проявил нерешительность в борьбе с самозванцем (см.: Ann. II, 39–40). В «Анналах» описаны и другие случаи самозванства.

В четвертом замечании на «Анналы» Пушкин излагает эпизод избрания Тиберия на престол (Ann. I, 11–13), в котором

обнаруживается текстуальная связь со сценами, посвященными избранию Годунова на царство. Те же сцены, однако, ориентированы и на другой образец: на седьмую сцену третьего акта трагедии «Король Ричард III» («The Tragedy of King Richard III», 1593) Шекспира (см.: Покровский 1910: 12). «Обильные текстовые переклички <...> вряд ли позволяют усомниться в том, что Шекспир знал тацитовское описание сцены избрания Тиберия, а Пушкин — оба описания, ему предшествовавшие» (Кнабе 1986: 60; там же на с. 59–62 см. подробное сопоставление эпизодов избрания на власть у Тацита, Шекспира и Пушкина; см. также: Реизов 1969: 75–88; Bowerstock 1999: 130–147).

Определенное влияние на Пушкина в период создания БГ могли оказать идеи знаменитого трактата Н. Макиавелли (Machiavelli) «Государь» («Il Principe», 1513, изд. 1532). По последовательному отказу от дидактического подхода к оценке исторических явлений Макиавелли составлял полную противоположность Карамзину. С некоторыми положениями доктрины Макиавелли Пушкин мог познакомиться по труду Сисмонди (см.: Sismondi 1813: 222–227; в письме от 14 марта 1825 г. к брату Льву Сергеевичу поэт просил прислать ему в Михайловское этот труд). Восьмой том «Истории итальянской литературы» Женгене (Ginguené 1819) открывался биографией Макиавелли и подробным анализом его основных сочинений. «История...» Женгене была знакома Пушкину еще в южной ссылке (сохранился законспектированный им в 1822 г. фрагмент из четвертого тома [см.: Летопись 1999 I: 288–289; Рукою П. 1997: 458–462]). Существенна и большая популярность Макиавелли в декабристских кругах, в частности интерес к нему П. И. Пестеля (см. об этом: Амосин 1941: 167–168). Одно из приводившихся выше пушкинских замечаний на «Анналы» Тацита («Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью — то Тиберий прав») явственно перекликается с идеями Макиавелли (см.: Амосин 1941: 167). В БГ, как и в трактате «Государь», рассмотрена природа взаимоотношений «идеального» правителя с подданными, а также психологические и социальные коллизии, вытекающие из преступления, продиктованного логикой политической борьбы. Нравственное чувство лишает Годунова уверенности в своей правоте — важная «ошибка», если исходить

из теории Макиавелли, требовавшего от государя способности менять свой облик, перестраивать его в зависимости от новых, неожиданных обстоятельств. Совесть, которая, по Макиавелли, не должна тревожить государя, в трагедии Пушкина мучает Бориса Годунова. Мысль Макиавелли о значении мнения народа о влaстителе близка развитию той же мысли Пушкиным в БГ (см.: Хализев 2000: 11–12). Подробнее о значении взглядов Макиавелли для Пушкина см.: Greenleaf 1994: 176–179, 188–190; Лотман Л. 1996а: 150–159, 177–179.

Литературный фон трагедии «Борис Годунов»

Сюжет о Борисе Годунове и Дмитрие Самозванце не был нов для драматургии. К событиям Смутного времени, в общих чертах очень рано ставшим известными на западе, обращались Лопе де Вега (Vega Carpio) в пьесе «Великий герцог Московский» («El gran duque de Moscovia», 1617) и А. Коцебу (Kotzebue) в пьесе «Деметриус Иванович, царь московский» («Demetrius Ivanpowitsch, Zaar von Moskau», 1782; в том же году пьеса поставлена в петербургском Немецком театре), но эти произведения Пушкину, по-видимому, не были известны (см.: Алексеев 1987; Дмитриева 2003: 330–333; Балашов 1963: 110; Балашов 1966: 29–31; Багно 1986: 103–105). В 1804–1805 гг. над пьесой «Деметриус» («Demetrius») работал Ф. Шиллер (Schiller), который в поисках источников пользовался помощью своего родственника Вольцогена, находившегося тогда в Петербурге и дружившего с Карамзиным (см.: Алексеев 1987: 386). Пьеса осталась недописанной, но после публикации фрагментов и планов в 1815 г. привлекла внимание европейской критики. Ее знал В. А. Жуковский, который еще в начале 1817 г. писал Д. В. Дашкову, что собирается переводить «Деметриуса» «теми же стихами, как и в оригинале, ямбами без рифм» (Жуковский 1878: 442). Исследователи неоднократно указывали на некоторые типологические параллели между «Деметриусом» и «Борисом Годуновым», особенно в концепции отношений Бориса Годунова и Дмитрия (см.: Чебышев 1898: 49–95; Лукьяненко 1904: 31–32; Розов 1908: 62–72; Brody 1973: 241–294 [см. также рецензию Т. А. Коротких на последнюю работу: РЖ. 1975: 204–209]; Danilevskij 1998: 174–176;

Берковский 2002: 422–424). Однако попытки на этом основании предположить знакомство Пушкина с пьесой Шиллера (см.: Розов 1908: 62–72; Dunning 2005) следует признать бесосновательными: Пушкин, как писал М. П. Алексеев, мог знать о ней «только понаслышке, скорее всего от В. А. Жуковского» (Алексеев 1987: 397), а параллели легко объясняются общностью исторического материала и источников.

В России трагедии о Лжедмитрии были написаны А. П. Сумароковым («Дмитрий Самозванец», 1771) и В. Т. Нарезным («Дмитрий Самозванец», 1800, опубл. 1804). Сопоставительный анализ пушкинского Самозванца с Самозванцами Сумарокова и Нарезного, изобразивших Лжедмитрия мрачным и жестоким тираном, готовым, не жалея, лить русскую кровь, см.: Бочкарев 1968: 418–420; см. там же на с. 410 сопоставление характера Шуйского в БГ, в «Димитрии Самозванце» Нарезного (где он изображен как патриот и свободолюбец) и в драме Сумарокова (где лукавство Шуйского оправдано задачами борьбы с тираном Отрепьевым). О Самозванце Пушкина в сравнении с Самозванцем Сумарокова см. также: Благой 1950: 444.

Избирая свой сюжет, Пушкин явно ориентировался не на драматургическую традицию, а на «Историю» Карамзина. Именно выход в свет десятого и одиннадцатого ее томов, где были описаны события, легшие в основу пушкинской драмы, сместил центр литературных интересов от древнерусского периода, из которого по преимуществу черпались сюжеты, к позднему русскому Средневековью. Пушкин не был единственным, кто заинтересовался в этот момент фигурой царя Бориса. Еще не прочитав десятый том Карамзина, 3 марта 1824 г. Н. М. Языков писал братьям: «Годунов есть уже предмет, достойный пера красноречивейшего. <...> Едва ли не можно из Годунова сделать трагедию, подобную „Валленштейну“ Шиллеру» (Языков 1982: 315). В апреле 1824 г. план трагедии о нем набросал В. А. Жуковский; в том же году, что и Пушкин, над трагедией «Борис Годунов» начал работать М. Е. Лобанов; в 1827 г. сцену из трагедии «Годунов» опубликовал Б. М. Федоров (см. альманах «Памятник отечественных муз» на 1827 год); после 1830 г. тема Смуты становится доминирующей в исторической драматургии. См. об этом: Вацуро 2000: 559–560, 569–574.

К моменту создания БГ интерес к народной исторической драме уже явственно оформлялся в литературных кругах, прежде всего — в кругу любителей. Когда в 1826 г. Пушкин читал им свою трагедию, Веневитинов готовил перевод «Эгмонта» («Egmont», 1788), а Погодин — «Геца фон Берлихингена» («Götz von Berlichingen», 1773) И. В. Гете (Goethe), Шевырев перевел «Валленштейнов лагерь» («Wallensteins Lager», 1798) Шиллера (см.: Вацуро 2000: 560). Главенствовавшая в русской драматургии форма классицистической трагедии, ориентированной на французские образцы, уже уступала свои позиции, но новый тип драмы еще не сформировался. Трагедийный репертуар русского театра состоял преимущественно из переводных пьес. Русская драматургия была представлена именами А. П. Сумарокова (которого ставили по большей части в провинции), М. В. Крюковского («Пожарский, или Освобожденная Москва», 1807) и В. А. Озерова (в нем автор БГ видел эпигона классицистического театра — см. сделанные в сентябре–декабре 1826 г. заметки Пушкина на полях статьи «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» П. А. Вяземского, который считал Озерова преобразователем русской трагедии [XII: 213–242]). Как событие в национальной драматургии было воспринято появление «Андромахи» П. А. Катенина (1827), также следовавшего поэтике классицизма. Подробнее см. об этом: Винокур 1935: 481–484; Лотман Л. 1996а: 149–150.

Утверждая, что «драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» (письмо А. А. Бестужеву от конца января 1825 г. — XIII: 138), Пушкин несколько раз в разных вариантах отстаивал принципы романтической драматургии, освобождающие писателя от стеснительных догматических правил трагедии классицизма. В заметке о трагедии, датированной, предположительно, 1825 г., он писал: «Изо всех родов сочинений самые (invraisemblables) неправдоподобные сочинения драматические — а из сочинений драматических — трагедии, ибо зритель должен забыть — по большей части, время, место, язык; должен усилием воображения согласиться в известном наречии — к стихам, к вымыслам. Французские писатели это чувствовали и сделали свои своенравные правила — действие, место, время.

Занимательность, будучи первым законом драматического искусства, единство действия должно быть соблюдаемо. Но место и время слишком своенравны — от сего происходят какие неудобства, стеснения места действия. Заговоры, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества — все происходит в одной комнате! — Непомерная быстрота и стесненность происшествий, наперсники... а parte — столь же несообразны с рассудком <...>. Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства? Интерес — единство. Смещение родов комического и трагического — напряжение, изысканность необходимых иногда простонародных <?> выражений (XI: 39). Отличительными качествами «трагедии истинно романтической» Пушкин считал «верное изображение лиц, времени, развитие исторических характеров и событий» («Письмо к издателю „Московского вестника“», 1828 [XI: 67]).

Критическое отношение Пушкина к поэтике классицизма могло подкрепляться в период создания БГ чтением «Курса драматургии» А. Шлегеля во французском переводе (Schlegel 1814). О присылке этой книги в Михайловское Пушкин просил брата (см. письма к Л. С. Пушкину от 14 марта и 22 апреля 1825 г.), однако первое знакомство с «Курсом драматургии» могло произойти и раньше. В начале апреля 1825 г. Пушкин, судя по всему, получил альманах Булгарина «Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год». За подписью «А. Ф.» здесь была помещена статья «Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве», содержащая пересказ тех страниц из «Курса драматургии», на которых Шлегель подвергал резкой критике систему трех единств (РТ 1825: 338–344). См. об этом: Винокур 1935: 490–492. Многие теоретические положения, высказанные Пушкиным, близки к суждениям Шлегеля о драме.

Наиболее резкое неприятие вызывали у Шлегеля единства времени и места, поскольку первое из них не позволяет драматургу изображать характер в развитии, а состояние мира — меняющимся под мощным воздействием хода времени. Необходимость соблюдать единство места Шлегель связывал не с фундаментальными свойствами драматического жанра,

а с достаточно случайными обстоятельствами (несовершенство театральной машинерии в эпоху французского классицизма; мешающее переменам декораций обыкновение рассаживать избранную часть зрителей прямо на сцене и т. п.) (см.: Schlegel 1814 II: 131–133). Критике единств места и времени как искусственных правил почти целиком посвящена отдельная, десятая лекция, которой завершается первый том. Между тем необходимость единства действия Шлегель не отвергает, он только подчеркивает, что большинство критиков трактует это единство слишком поверхностно, отождествляя его с соблюдением в развитии действия причинно-следственных связей. По Шлегелю, единство действия трагедии связано в первую очередь не с видимым соположением ее частей, а с тем трудно выразимым общим впечатлением, которое она производит на душу зрителя, — с тем впечатлением, которое и составляет главное назначение драмы. Мотивированное теми или иными соображениями, неприятие единств места и времени и признание необходимости соблюдения единства действия стало общим местом эстетики романтизма.

Время действия в БГ — с 1598 по 1605 г., место действия в каждой сцене переменяется. Таким образом, из трех непрременных требований классицистической трагедии (единства времени, места и действия) два в БГ были явно нарушены. Хотя сам Пушкин писал, что третье классицистическое единство — единство действия — он едва сохранил (««Письмо к издателю „Московского вестника“»» [XI: 66]), можно все-таки утверждать, что в БГ оно соблюдено и в том общем смысле, в каком его понимал Шлегель, и в том конкретном смысле, который точнее всего определил Иван Киреевский: «... все лица и все сцены трагедии развиты только в *одном отношении*: в отношении к последствиям цареубийства. Тень умерщвленного Димитрия царствует в трагедии от начала до конца», и «преступление Бориса является не как *действие*, но как сила, как мысль, которая обнаруживается мало-помалу то в шепоте царедворца, то в тихих воспоминаниях отшельника, то в одиноких мечтах Григория, то в силе и успехах Самозванца, то в ропоте придворном, то в волнениях народа, то, наконец, в громком низпровержении несправедно царствовавшего дома» (Киреевский 1832: 111, 113;

то же: Киреевский 1979: 106, 107; ППК 3: 143, 144). Драматургическим открытием Пушкина, по-настоящему освоенным лишь в XX в., стало перенесение единства действия в ту сферу, которая не предъявляется непосредственно, но создает активно воздействующую на все происходящее духовную атмосферу.

«Классицистическая трагедия XVIII в. уравнивала в правах „долг“ и „страсть“, потому что последняя считалась категорией социальной. Этика вводилась в систему политических понятий; добродетельность властителя, умение обуздывать страсти отнюдь не были его личным делом. Эти представления для Пушкина уже значительно поблекли, и он готов в 1820-е — начале 1830-х гг. почти исключить их из рассмотрения, перенося центр тяжести на некий объективно-исторический смысл деятельности исторических лиц» (Вацуро 2000: 563–564).

Ослабленная интрига, отсутствие отчетливо выраженной борьбы, непосредственных столкновений антагонистов, умножение числа второстепенных персонажей, «эпичность» действия, смешение комического и трагического, стиха и прозы — эти черты поэтики БГ решительно ломали канон классицистической драмы. Не соответствовал ему и конкретно-исторический характер действия. Королевское или княжеское достоинство главных героев классицистической трагедии по преимуществу служило знаком того, что герой с высшей степенью полноты представляет за определенный человеческий тип — это не было социальным, историческим или государственным представительством. Между тем герой пушкинской трагедии выступает как совершенно конкретное историческое лицо, как русский царь, правивший с 1598 по 1605 г., когда в России развернулись вполне определенные исторические события, при воплощении которых передан неуместный в классицистической драме характерный национальный колорит.

Нарушено в БГ и «единство стиля», характерное для поэтики классицизма, которая не предполагала стилиевой дифференциации в речах различных по своему культурно-социальному статусу персонажей. «Стилевым фоном, нейтральной речевой средой драмы в „Борисе Годунове“ является поэтический язык 20–30-х гг. XIX в. Но в эту речевую стихию вмешаны и формы бытового просторечия, и элементы древнерусского

летописного стиля, и обороты старинной церковной книжности. Принципы смешения и сочетания этих разнородных речевых стихий дифференцированы смотря по ситуации и по характеру лица» (Виноградов В. 1958: 123; там же, на с. 123–125, см. об этом подробнее; о языке трагедии см. также: Виноградов В. 1934: 145–154; Винокур 1936б: 127–158; Гуковский 1957: 55–64; Слонимский 1963: 490–496). К середине 1820-х гг., когда состоялись первые чтения БГ, необходимость национальной и исторической индивидуализации речевых характеристик драматических персонажей уже воспринималась как должное. Показательны в этом отношении советы, высказанные Ф. С. Хомяковым в письме к А. С. Хомякову по поводу его трагедии «Ермак», прочитанной 13 октября 1826 г. у Веневитиновых на следующий день после чтения БГ Пушкиным. Ф. С. Хомяков советовал брату не торопиться с публикацией трагедии, а учесть ряд внешних проявлений художественной системы Пушкина и «переправить» ее, дать «лицам тон, характер и язык времени и народа, исключая одного главного лица, которое тогда еще более выставится в свет противоположностью. Веневитинова и Пушкина клеветы не понимают тебя. Я понял; но вижу, что ты не исполнил своего предназначения. Какое-то музыкальное чувство увлекло тебя подвести под один тон все речи; но и высокая гармония должна являться в противоположностях» (РА. 1884. Кн. 3. Вып. 5–6. С. 225, письмо от 3 декабря 1826 г.; о чтении Хомяковым драмы «Ермак» после чтения Пушкиным БГ, о реакции Пушкина на произведение Хомякова см.: Кошелев 1987: 24–27; сопоставительный анализ исторических драм Пушкина и Хомякова см.: Маймин 1972: 3–16).

Поэтика аллюзий, характерная для драматургии позднего, послевольтеровского классицизма и применяемая в русской драматургии начала XIX в., в БГ практически отвергнута, несмотря на то что не только центральная проблематика, но и многие частные детали драмы должны были проецироваться в сознании современников на актуальные политические события. Проблема узурпации престола, достигнутого ценой цареубийства, имела острое звучание на протяжении всего alexandrovского царствования. Она ассоциировалась не толь-

ко с русскими событиями (обстоятельства смерти Павла I), но и со сравнительно недавними событиями наполеоновской Франции. В 1829 г., полемизируя со статьей М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» (см. об этом выше, с. 159–160), Пушкин записал: «А Наполеон, убийца Энгийенского, и когда? ровно 200 лет после Бориса» (XII: 248). Речь шла о юном герцоге Энгийенском, законном наследнике французского престола, который в 1804 г. был расстрелян во рву Венсенского замка, после чего совершилось коронование Бонапарта (см.: Реизов 1969: 81). Однако подобного рода ассоциации не имеют в БГ аллюзивной природы: они вызваны типологическим сходством определенного рода исторических коллизий, а не желанием автора использовать исторический сюжет XVII в. как иносказание о позднейших событиях. В новейшей исследовательской литературе эта особенность пушкинской драмы определяется как метаисторизм, т. е. как обращенность не только к конкретным историческим обстоятельствам прошлого или современности, но и к природе самого исторического процесса, которая проявляется на разных участках истории, так что события рубежей XVI–XVII и XVIII–XIX вв. накладываются друг на друга по принципу палимпсеста (см.: Clayton 2004: 80–99).

Пушкин отказался от традиционного пятиактного строения трагедии, первоначально запланировав четыре, а позднее — три «части», но затем упразднив и это деление и оставив в печатной редакции 22 пронумерованные сцены. Отсутствие деления действия на акты было отступлением от существовавшей традиции, как и отсутствие списка действующих лиц (он был намечен лишь на первоначальном этапе работы) и единообразия в их поименовании. «Изменение наименования действующего лица в зависимости от изменения положения встречается <...> в драматургии Шекспира <...>. Такова, например, замена в „Ричарде III“ обозначения „Глостер“ обозначением „Король Ричард“ после достижения им престола» (см.: Шервинский 1962: 307). Если Годунов в момент вступления на престол обозначен как «Борис», а затем, по воцарении, — только как «Царь», то Самозванец, принимающий различные обличья, — единственный персонаж трагедии, обозначения

которого постоянно меняются в соответствии с внутренней логикой развития и проявления образа: Григорий, Самозванец, Гришка, Димитрий (см.: Шервинский 1962; Emerson 1986: 100; Москвичева 1987: 148–149).

Включение в ремарки исторических дат, осуществленное в БГ, не имеет прецедентов в истории русской драматургии. Лаконизм пушкинских ремарок восходит к традиции классицизма, в рамках которой ремарки так же скупы. Классицистические ремарки носят по преимуществу типовой характер, обозначая «игровой» момент действия («заколся») или самое общее указание на место действия (площадь перед дворцом или храмом, сам дворец или храм), лишённое исторических и национальных примет. В ремарках Пушкина отсутствует описательность, но они предполагают конкретную национальную и историческую обстановку в каждой сцене. Подробнее об этом см.: Москвичева 1987: 139–148.

Несмотря на то что поэтика классицизма в целом была отвергнута Пушкиным, исследователи не раз отмечали близость БГ некоторым принципам классицистической драмы. Еще Н. А. Полевой, критиковавший Пушкина с позиций романтизма, подчеркивал, что характер Бориса изображен в трагедии не в развитии, но в момент кризиса (Полевой Н. 1833б: 311–314; ППК 3: 223–224). В начале XX в. эта точка зрения была активно поддержана Ф. Д. Батюшковым, по мнению которого Пушкин едва ли не бессознательно следовал усвоенным с юности канонам классицизма. Кроме того, исследователь указал на сюжетное сходство БГ с «Гофолией» («Athalie», 1690) Ж. Расина (Racine) — трагедией, в которой полностью вытеснена любовная тема и (впервые в XVII в.) народ появился на сцене как действующее лицо (хоры, организованные по древнегреческому образцу). Как и в БГ, в «Гофолии» поставлена проблема отношений народа и правителя. Трагедия Расина изображает душевный кризис иудейской царицы, за шесть лет до начала действия велевшей умертвить законного наследника престола, узурпировавшей власть, но неспособной удержать ее (см.: Батюшков Ф. 1900). Оценивая эту работу, Г. О. Винокур указал, что коллизия царя-узурпатора с целым рядом характерных для нее сюжетных ходов разработана обширной европейской драма-

тургической традицией, никак не сводимой к одной только пьесе Расина; тем не менее «самая мысль об отзвуке классицистической поэтики в трагедии Пушкина не теряет своего значения» (Винокур 1935: 485).

Критикуя классическую французскую драматургию как искусство аристократическое и чуждое потребностям русской сцены, Пушкин высоко ценил Расина как поэта. Его мнение, очевидно, совпадало со взглядом Вяземского: «Благоговяя пред поэтическим гением Расина, сожалею, что он завещал почти всем русским последователям не тайну стихов своих, а одну обрезанную, накрахмаленную и по законам тогдашнего общества шитую мантию своей парижской Мельпомены» (Вяземский 1825: 181; ППК 1: 296). Об эволюции далеко не однозначных взглядов Пушкина на Расина см.: Ларионова 2003: 11–12.

Следы классицистической драматургической техники в БГ обнаруживаются в «разговорных сценах», где «отсутствует внешнее действие, игровой момент, таких, например, как „Кремлевские палаты“ (Шуйский и Воротынский), или „Царская дума“, или „Ставка“ (Басманов и Гаврила Пушкин) и многие другие. В сущности, даже знаменитая сцена у фонтана вполне укладывается в рамки классической поэтики, ибо единоборство Самозванца и Марины носит исключительно словесный характер» (Левин 1974: 69; см. также: Гуковский 1957: 9). По убеждению Б. В. Томашевского, освобождаясь от внешних форм классицистического театра, Пушкин сохранил «словесную систему драматургии Расина» (Томашевский 1936: 173). В то же время театр классицизма, обходившийся ограниченным ансамблем актеров, передавал все массовые, исторические события в монологах — между тем как Пушкин, вслед за Шекспиром и Гете, с настойчивой последовательностью заменял подобные переказы действием (см.: Фомичев 1995б: 99–100).

Пушкин называл свое произведение и трагедией, и комедией (в очень специфическом, древнем значении театрального действия — см. ниже, с. 329–330). В письме Н. Н. Раевскому-младшему (вторая половина июля (после 19-го) — август 1825 г.) он утверждал: «La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie [Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило

трагедии. — *фр.*]» (XIII: 197, 541). Впоследствии, в незаконченной статье «<О народной драме и драме „Марфа Посадница“>» (1830), конспективно характеризуя драматургию в ее историческом развитии, о современном ее этапе Пушкин напишет: «Драма стала заведовать страстями и душою человеческою. Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя» (XI: 178).

Пушкин неоднократно называл имя того драматурга, на чей опыт он ориентировался, реформируя современную трагедию: это Шекспир с его вольной обрисовкой характеров, свободой от единств, включая и стилевые, с его хрониками, идущими вслед реальному развитию исторических событий. Пушкин утверждал, что БГ написан «по системе Отца нашего — Шекспира» («<Письмо к издателю „Московского вестника“>» [Там же, 66]).

Пушкинские представления об этой «системе» во многих отношениях восходят к анализу творчества Шекспира в трудах А. Шлегеля (Schlegel 1814 II: 337–409; Schlegel 1814 III: 1–141) и Ж. де Сталь (Staël 1800: 231–253), а также в статье «Жизнь Шекспира» Ф. Гизо (Guizot 1821: I–CLII), предпосланной собранию сочинений Шекспира, переведенных на французский язык П. Летурнером (Shakespeare 1821; в извлечениях эта статья неоднократно печаталась в русских журналах во второй половине 1820-х гг.). По свидетельству Шевырева, общавшегося с Пушкиным в 1826 г., именно «перевод, поправленный Гизо», т. е. перевод Летурнера, был источником его знакомства с Шекспиром (Шевырев 1974: 40), которого он смог читать в подлиннике не ранее 1828 г., когда в достаточной для этого степени овладел английским языком. Статья Гизо, воспринятая как манифест нового, романтического направления в искусстве, получила необыкновенную популярность (см.: Реизов 1964: 157–197). К этой статье восходят некоторые центральные положения, высказанные Пушкиным в 1830 г. в статье о «Марфе Посаднице» Погодина (например, указание на генезис драмы как народного увеселения; см.: Алексеев 1984б: 259–260).

У Шлегеля Пушкин мог найти характеристику драматургии Шекспира как драматургии романтической, с резким проти-

вопоставлением ее классицизму. Там же были подчеркнуты и оценены как романтические такие черты поэтики Шекспира, как смешение комического и трагического, стихов и прозы. Шлегель писал: «L'art et la poésie antiques n'admettent jamais le mélange des genres hétérogènes; l'esprit romantique, au contraire, se plaît dans un rapprochement continu des choses les plus opposées. La nature et l'art, la poésie et la prose, le sérieux et la plaisanterie, le souvenir et le pressentiment, les idées abstraites et les sensations vives, ce qui est divin et ce qui est terrestre, la vie et la mort se réunissent et se confondent de la manière la plus intime dans le genre romantique [Античное искусство и поэзия никогда не допускали смеси разнородных жанров; романтический дух, наоборот, любит постоянное сближение самых противоположных вещей. Природа и искусство, поэзия и проза, серьезное и шутливое, воспоминание и предчувствие, абстрактные идеи и живые чувствования, божественное и земное, жизнь и смерть в романтическом жанре объединяются и сливаются самым тесным образом. — *фр.*]» (Schlegel 1814 II: 328–329). Существенно, что переводы Летурнера не передают чередования стиха и прозы у Шекспира. Эта особенность, введенная в драматическую структуру БГ, могла обратить на себя внимание Пушкина либо благодаря Шлегелю, либо вследствие того, что поэт все-таки видел шекспировский текст в подлиннике. См.: Козмин 1900: 29–32; Винокур 1935: 489–491.

Трагедиям Шекспира посвящена глава книги XIII Ж. де Сталь «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» (Stael 1800). Необычайно высокая оценка английского драматурга не помешала писательнице указать на ряд недостатков его поэтики. Так, описывая характерное для Шекспира чередование комических и трагических сцен, Ж. де Сталь замечала, что слишком резкие противопоставления благородства и низости производят тягостное впечатление на людей со вкусом. Поэтому она не относила контраст комического и трагического к безусловным достоинствам шекспировских драм. (Возможно, Пушкин склонился к подобному мнению, смягчая фарсовый колорит во второй редакции трагедии. Однако в пору создания первой редакции он ссылался именно на авторитет Шекспира, защищая допустимость введения в трагедию грубых, простонародных или маркирующих

«низкий стиль» выражений — см. ниже, на с. 202–203, воспоминания А. М. Горчакова.) В числе других недостатков Шекспира писательница называла его чрезмерное многословие.

Определяя разницу между античной и шекспировской трагедией, Ж. де Сталь указывала, что только последняя стремится пробудить у публики чувство жалости, никак не связанное с восхищением жертвой, которая может быть существом незначительным. Чтобы вызвать это чувство, Шекспир неоднократно изображает последние минуты стариков и детей. Подобное сострадание, внушаемое не великим человеком, а человеком вообще, способен вызвать у театральной публики только поистине гениальный драматург. И именно такую задачу решал Пушкин, изображая в последней сцене БГ гибель семьи Годунова.

С изучением драмы шекспировского типа Пушкин связывал замысел романтической трагедии, которая должна быть трагедией одновременно народной и исторической. Гизо указывал, что Шекспир брал материал из хроник Р. Холиншеда (Holinshed). Возможно, в глазах Пушкина это был прецедент, которому он следовал, черпая материал для драмы в «Истории» Карамзина. В памяти современников остался пушкинский замысел создания цикла исторических трагедий о Смутном времени. 30 января (возможно — 30 июня или июля) 1829 г. он писал Н. Н. Раевскому-младшему, что предполагает вернуться к сюжетам о Марине Мнишек и о Василии Шуйском (XIV: 47). Этим письмом подтверждается позднее сообщение С. П. Шевырева, записанное с его слов в 1850–1851 гг., по-видимому, Н. В. Бергом, для П. В. Анненкова: «Пушкин сам говорил, что намерен писать еще „Лжедмитрия“ и „Василия Шуйского“, как продолжение „Годунова“, и еще нечто взять из междоусобия. Это было бы в роде шекспировских хроник» (Шевырев 1974: 40; в конце 1830 г. при встрече с М. П. Погодиным Пушкин сообщил об охлаждении к замыслу трагедии о Самозванце. 11 декабря Погодин записал в дневнике: «Я сказал ему, что буду писать Бориса и Димитрия. „Пишите, а я отказываюсь“» [Погодин 1974а: 21]).

Сопоставляя хроники и трагедии Шекспира, Гизо отмечал, что в хрониках «события идут своим чередом и поэт следует за ними», в трагедиях же события «группируются вокруг одного человека и, по-видимому, нужны только для того, чтобы

осветить его» («... dans les unes, les événemens suivent leur cours et le poète le accompagne; dans les autres ils se groupent autour d'un homme et ne semblent servir qu'à le mettre en lumière» [Guizot 1821: LXXXV]). В БГ оба эти принципа совмещаются, а интерпретация взаимодействия исторической личности и судьбы чрезвычайно близка той характеристике организации действия в драмах Шекспира, которая дана в статье Гизо: «Les événemens suivent leur route, l'homme entre dans la sienne; il emploie sa force à les détourner de la direction dont il ne veut pas, à les vaincre quand ils le traversent, à les éluder quand ils l'embarrassent; il les soumet un moment à son pouvoir pour les retrouver bientôt, plus ennemis, dans le cours nouveau qu'il leur a fait prendre, et succombe enfin, mais tout entier, dans la lutte où se brisent sa destinée et sa vie [... события следуют своей дорогой, человек вступает на свою; он прилагает все силы для того, чтобы отклонить их от того направления, которое кажется ему нежелательным, чтобы победить их, когда они становятся на его пути, обойти их, когда они ему мешают; на мгновение он подчиняет их своей воле, но вскоре снова встречает их еще более враждебными на том пути, по которому он их направил, и наконец погибает, весь целиком, в борьбе, которая ломает и его судьбу, и его жизнь. — *фр.*.]» (Ibid., LXXXIX–XC).

К Шекспиру восходят не только существенные черты поэтики пушкинской трагедии. Неоднократно отмечались конкретные сцены и мотивы шекспировских пьес, отразившиеся в различных эпизодах БГ (см., например: Тимофеев С. 1887: 71–75; Покровский 1910: 8–15; Винокур 1935: 496; Gifford 1947: 152–160; Greenleaf 1994: 172–174). «Первоначально такие сходения объяснялись почти исключительно заимствованиями, позднее, однако, высказывались мнения, что значительная их часть объясняется типологической общностью драматических ситуаций в произведениях, посвященных государственной смуте, междоусобице, узурпации престола и т. п.» (Левин 1988: 39). К числу параллелей, которые можно объяснить прямым влиянием Шекспира, относятся: переключки «народных» сцен в начале и конце БГ с аналогичными сценами в «Юлии Цезаре» («Julius Caesar», 1599); эпизоды отказа от короны при избрании на царство Бориса и Ричарда III («Ричард III», акт 3, сц. 7); сходство

между сценой в корчме и фальстафовскими сценами у Шекспира; параллельное развитие действия в двух враждебных лагерях — в лагере Самозванца и в Москве (БГ), в лагере короля Генриха и мятежных феодалов, возглавляемых Хотспером («Король Генрих IV» [«King Henry IV», 1598], ч. 1); сцены прощания Бориса с сыном и Генриха IV с принцем Генрихом («Генрих IV», ч. 2, акт IV, сц. 4); заключительная ремарка «Народ безмолвствует» и рассказ о народе, промолчавшем в ответ на призыв кричать «Да здравствует король наш Ричард» («Ричард III», акт 3, сц. 7). Подробнее об этих, а также других, более мелких параллелях см. построчный комментарий. Библиографию вопроса о соотношении драматургии Шекспира и Пушкина см.: Алексеев 1984б: 253–254; Левин 1974: 58–59; Левин 1988: 32–63.

Ориентация на Шекспира, разумеется, не отменяет стилистического своеобразия пушкинской драмы. Включение прозы в стиховую драму у Шекспира, как правило, происходит в сценах, которые служат своего рода интермедиями и рассчитаны на комический эффект. У Пушкина прозаическими являются как комические, так и трагические сцены. Если у Шекспира, по замечанию Шлегеля, прозой чаще всего говорят слуги и другие особы невысокого звания, то у Пушкина этот принцип не соблюден. Народ в его трагедии может говорить стихами, патриарх, игумен, бояре — прозой (подробнее см.: Винокур 1935: 493–494). Кроме того, у Пушкина вторжение прозы может нести дополнительные композиционные функции (например, оно подчеркивает сюжетные повороты [см.: Лазарчук 1987: 59–62]).

Если захват узурпатором власти составляет большую часть содержания шекспировских пьес (см., например, «Король Ричард II» [The Tragedy of King Richard II], 1595], «Ричард III», «Макбет» [«Macbeth», 1606]), то трагедия Пушкина начинается в тот момент, когда эта цель практически достигнута (Левин 1988: 39; там же, с. 42–46, см. о других принципиальных отличиях от поэтики Шекспира). В целом организация действия в БГ не только не соответствует канонам классицистической французской и русской драматургии — она отлична и от шекспировской. Трагедия Пушкина значительно меньше шекспировских пьес по объему; принцип чередования коротких сцен, быстрая смена места и времени действия сравнительно с Шек-

спиром значительно усилены. Уже современники Пушкина отмечали отличие БГ от трагедий Шекспира. Так, например, А. А. Бестужев писал Н. А. Полевому 13 августа 1831 г., что в сравнении с пьесами Шекспира и Шиллера в БГ нет последовательности в развитии действия: «ничего кроме прекрасных отдельных картин, но без связи, без последствия» (РВ. 1861. Т. 32. № 3. С. 304). Главное отличие драматургической техники Пушкина от шекспировской, по мнению ряда исследователей, состоит в «разорванности» действия, в том, что каждая новая картина якобы не развивает событий, «заявленных» в предыдущей. С. Н. Дурьин сформулировал эту мысль осторожно: «Пушкин строит свою трагедию так, что в ней нет непрерывного сценического действия, какое есть в любой из многосцених трагедий и хроник Шекспира. Любая из 24 сцен „Годунова“ не дает развития действия в ней самой, но каждая двигает действие трагедии в целом» (Дурьин 1951: 71). В некоторых работах та же мысль выражена более резко и категорично. Так, если А. Л. Слонимский готов рассматривать сцену «Ночь. Сад. Фонтан» как самостоятельное драматическое образование — «маленькую трагедию» с «исчерпывающим развитием темы и крепким финалом» (Слонимский 1963: 490), то Ст. Б. Рассадин уже всю структуру БГ трактует как соединение (по принципу «пьесы в пьесе») трех «маленьких трагедий», к тому же разнохарактерных: драмы с элементами комизма, собственно трагедии в чистом виде и драматической хроники (Рассадин 1977: 33–35).

В БГ Пушкин впервые ввел в русскую драматургию принцип неразрешенного конфликта, резко отличающий его пьесу как от классицистической, так и от шекспировской трагедии. Введение этого принципа тесно связано с историческим характером пушкинской драмы, причем не столько с ее конкретно-историческим материалом, сколько с исторической концепцией, выработанной Пушкиным. Не только в БГ, но также и позднее, в «маленьких трагедиях» (1830) и в «Медном всаднике» (1833), продемонстрировано, что конфликт, не разрешенный на одном участке истории, в новом виде возобновляется на следующем ее участке, порождая новый клубок трагических противоречий. Отнесенное к предыстории исходное

событие БГ — убийство царевича Дмитрия — может быть проинтерпретировано как результат того, что традиционный классицистический конфликт не получил в свое время должного разрешения: страсть к власти возобладала в душе Годунова над долгом подданного. Все события драмы разворачиваются как следствие этого конфликта, который так и не получает разрешения в развязке трагедии. В предсмертном монологе Борис выражает уверенность, что со вступлением на трон его сына, повинного в преступлении, последствия царевубийства будут исчерпаны. Дальнейшие события драмы доведены до того самого момента, когда эта иллюзия полностью разоблачается, и последствия неискупленной исторической вины воочию представлена гибелью Федора Годунова и народным молчанием, предсказывающим гибель нового узурпатора престола. Идея наследования исторического конфликта подкреплена введением такого вымышленного персонажа, как сын Курбского (см. о нем также на с. 282): из прошлого являются наследники завязанных некогда трагических конфликтов. В идее преемственности исторической вины сходятся, таким образом, историческая концепция Пушкина и поэтика его драмы. Принципиальным отличием от морализаторской тенденции Карамзина является здесь то, что историческая личность перестает быть индивидуальным носителем вины. Деяние совершается индивидуально, но оно пробуждает некую историческую силу, которая действует в мире уже безотносительно к воле инициатора, вызывает к жизни непредвиденные им последствия, провоцирует активность его антагонистов, которые не столько противостоят главному герою, сколько становятся новыми носителями порожденного им конфликта.

Именно с этой особенностью драмы связано отсутствие четко выраженного противостояния главных героев. Борис Годунов обозначен в заглавии как центральное действующее лицо трагедии. Но однозначно указать на его антагониста практически невозможно. Главным противником Годунова мог бы стать Самозванец — но устами Годунова Пушкин говорит, что он «пустое имя», «на призрак сей подуи — и нет его». Антагонистом Бориса мог бы стать и Василий Шуйский — но он демонстрирует свою лояльность по отношению к царю, хотя

и ждет удобного случая, чтобы предать его и выйти к вершине власти. Народ также не составляет того центра, откуда бы исходила самая страшная для царя угроза. Одного антагониста нет, потенциальных же антагонистов много, и каждый из них при новых исторических поворотах поочередно начинает играть главную роковую роль в судьбе Годунова и его династии. Это придает полифоническое звучание, но и некоторую неопределенность действию — неопределенность, которая ощутима не только на фоне классицистической, но и на фоне шекспировской поэтики.

В литературе, посвященной трагедии Пушкина, долгое время основополагающей была мысль о конфликте царя и народа как основе драматической коллизии БГ. При этом неоднократно подчеркивалось, что народ у Пушкина играет гораздо более существенную роль, чем в какой-либо из драм Шекспира. В исследовательских работах повторялась мысль о мудрости и безошибочности «народного мнения», которое служит действующей силой трагедии. Попытку менее предвзятого анализа см.: Серман 1981. О «народном мнении» как о приверженности к слухам и толкам, которые становятся движущей силой исторических событий, см.: Сандлер 1999: 115–116. О колебаниях Пушкина в решении вопроса о взаимоотношениях народа и власти и об интерпретации в трагедии проблемы нравственного чувства народа см. также: Эткинд 1987: 79–90. Высказывалось мнение, что драматургические особенности БГ — отказ от отчетливо выраженной интриги, резкое увеличение числа персонажей, полицентризм действия — явились следствием новой для русской драматургии темы взаимоотношений власти и народа (см.: Карпов 1988: 93–94).

Художественное воплощение истории, альтернативное принципам французского классицизма, Пушкин находил и у другого любимого им английского автора — Вальтера Скотта (Scott, 1771–1832). В 1830 (?) г. Пушкин писал: «Главная прелесть ром<анов> W<alter> Sc<ott> состоит <в том>, что мы знакомимся с прошедшим временем не с *enflure* [напыщенностью. — *фр.*] фр<анцузских> трагедий, — не с чопорностью чувствительных романов — не с *dignité* [важностью. — *фр.*] истории, но современно, но домашним образом» (XII: 195).

Вполне очевидно, что именно этот, вальтер-скоттовский, способ передачи истории Пушкин стремился осуществить в своей трагедии. «Судя по письмам, Пушкин был знаком с сочинениями Вальтера Скотта уже на Юге, но время наиболее интенсивного увлечения его романами совпадает с изучением Шекспира в Михайловском» (Жирмунский 1978: 377).

Современники ощущали эту близость, но затруднялись определить ее природу, то утверждая прямую зависимость трагедии Пушкина от Вальтера Скотта, то не находя в ней тех увлекательности и экзотики — исторической и национальной, — которые пленяли их в произведениях английского романиста. Первым упомянул Вальтера Скотта в связи с БГ рецензент III отделения, вторым — Николай I, рекомендовавший переделать пушкинскую драму в «роман на подобие *Вальтер Скотта*» (см. выше, с. 120 и 127). Н. И. Надеждин, писавший о том, что использованный Пушкиным «новый способ поэтического представления событий» открыт романами Вальтера Скотта, именно на этом основании характеризовал БГ как «историю в лицах», как «исторические сцены», не рассчитанные на театральное воплощение (см.: Надеждин 1831б: 556–558; то же: ППК 3: 73).

В июле (после 19-го) — августе 1825 г. Пушкин писал Н. Н. Раевскому-младшему: «Vous me demanderez: votre tragédie est-elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai tâché de les unir tous deux [Вы спросите меня: а ваша трагедия — трагедия характеров или костюмов? Я избрал наиболее легкий род, но попытался соединить и то, и другое. — *фр.*]» (XIII: 198). Как поясняет Г. О. Винокур, выражение «tragédie <...> de costume» «означает собственно трагедию, основанную на бытовых исторических подробностях, и, может быть, точнее могло бы быть передано термином „костюмная трагедия“». «Первый из этих родов — трагедия характеров — интерпретируется здесь Пушкиным в духе шекспировского театра, а „costume“, бытовой, домашний исторический фон — идет от Вальтер Скотта» (Винокур 1935: 497). Н. Ф. Филиппова предложила перевести французское выражение «le genre le plus aisé» не как «наиболее легкий род» (см. такой перевод: XIII: 542), а как «наиболее свободную форму» (Филиппова 1984: 67).

Вполне вероятно, что определенное влияние на Пушкина могли оказать представления о немецкой драматургии, подчерпнутые из французских источников. В книге Ж. де Сталь «О Германии» (Staël 1810), которую Пушкин читал в 1825 г. (свидетельством тому — воздействие этой книги на созданный в 1825 г. «Сцену из Фауста» [см.: Жирмунский 1981: 105–106]), немецкая драматургия конца XVIII — начала XIX в. характеризовалась через сопоставление с французским театром, сохранявшим верность классицистическим правилам. Трагедии классицизма, ориентированной на мифологические сюжеты, Ж. де Сталь противопоставляла историческую трагедию, которой отдала предпочтение немецкие авторы. Она подчеркивала, что сама история представляет собой великую драму, составляющую сюжеты для театра (гл. XV, посвященная драматическому искусству). Природа этих сюжетов исключает соблюдение единств места и времени, что же касается единства действия, то оно остается существенным и для исторических трагедий.

Излагая свои взгляды на немецкую драматургию, Ж. де Сталь попутно пересказала некоторые идеи Бенжамена Констан (Constant de Rebecque), сославшись на его предисловие к трагедии Шиллера «Валленштейн». Не исключено, что Пушкин был знаком с этим предисловием, создававшимся одновременно с книгой «О Германии» и предпосланным константиновской обработке «Валленштейна» в 1809 г. (Constant 1809; русский перевод более поздней редакции этой статьи см.: Констан 1982). Во всяком случае, целый ряд идей, высказанных здесь Константином, оказался близок драматургическим принципам Пушкина. Констан характеризует два немецких произведения, отчасти родственных по своей поэтике БГ: «Лагерь Валленштейна» (пролог к трилогии Шиллера) и «Гец фон Берлихингена» Гете. В первом из них изображена походная жизнь солдат. Констан обращает внимание на то, что между сменяющимися друг друга сценами нет связующих звеньев, но эта отрывочность естественна, благодаря ей формируется живая картина военных нравов, объединенная в своем мнимом беспорядке могучей фигурой Валленштейна, которой заняты все умы и которую наперебой обсуждают появляющиеся на сцене персонажи. Простой люд не представляет собой единую массу,

эпизодические герои наделены разноречивыми чувствами, они испытывают то воодушевление, то недоверие, пытаются рассуждать, предаются суевериям и т. п. (особо подчеркнуто и суеверие самого Валленштейна — этой теме посвящено несколько страниц). В немецких трагедиях присутствует множество второстепенных персонажей, казалось бы, несколько не связанных с сюжетом. Но впечатления, производимые на них действиями главных героев, усиливают зрительские впечатления, а в целом эта группа персонажей, которая служит чем-то вроде «второй публики» и на разные лады обсуждает основное действие, выполняет в немецких трагедиях обновленную по сравнению с античной традицией функцию хора, посредничавшего между сценой и амфитеатром. По мнению Констан, это гораздо более удачный способ общения с публикой, чем характерное для французских трагедий общение при посредстве условных фигур наперсников (о введении наперсников как проявлении несовершенства классицистической драматургии писал также А. Шлегель [см.: Schlegel 1814 II: 166–167]). Ямбический нерифмованный стих позволяет немецким драматургам передавать впечатление разговорной речи, что совершенно исключено при обращении к характерному для французской трагедии торжественному александрийскому стиху. В отличие от французов, немцы свободны от нелепых требований соблюдения единства времени и места.

Констан отмечал, что немцы проявляют большой интерес как к отечественной, так и к мировой истории и потому подготовлены к восприятию исторической драмы, в то время как французы отдают предпочтение трагедии, основанной на вымысле или мифологическом сюжете. Эта национальная особенность позволила Шиллеру в «Валленштейне» рассыпать множество исторических намеков, которые его соотечественники схватывали с полуслова. Ср. приведенное выше (с. 155) требование Пушкина держать в памяти последний том Карамзина, чтобы выполнить непременное условие восприятия его трагедии, связанное с пониманием намеков, относящихся к истории того времени.

Сопоставляя героев французских и немецких трагедий, Констан подчеркивает, что французская драматургия, сосредото-

точившись на изображении единой и единственной трагической *страсти*, принципиально отказывается от воплощения *характера* во всем разнообразии его черт, со свойственными ему слабостями, непоследовательностью и изменчивостью. Создание такого характера является достижением немецкого театра. Именно эту идею, со ссылкой на Констанана, передает в своей книге Ж. де Сталь. Пушкин развивал близкую мысль в 1835–1836 гг., сопоставляя в «Table-talk» характеры, созданные Мольером и Шекспиром (см.: XII: 159–160). Немцы не боясь помещать своих героев в обыденную обстановку — в качестве примера Констан указывает на «Геца фон Берлихингена» Гете. Эту драму упоминал и Август Шлегель в семнадцатой лекции «Курса драматургии». Он подчеркивал, что в «Геце» смело опротестованы стеснительные драматические правила, что герои говорят подлинным языком прошлого и что глубокий исторический смысл драмы связан с изображенным в ней конфликтом двух эпох, на сломе которых разворачивается действие (см.: Schlegel 1814 III: 293–294; в экземпляре книги, сохранившемся в библиотеке Пушкина, эти страницы не разрезаны).

Мощными ассоциативными соответствиями трагедия Пушкина связана с библейским сюжетом о грешном царе Сауле, от которого «отступил Бог», и о «жестоковейшим» народе, сначала умолявшем Бога дать ему царя, а затем отвернувшимся от царя, ставшем орудием его наказания и гибели его детей. Аналогия с сюжетом БГ столь очевидна, что ее можно полагать отрефлектированной поэтом. Сходство ситуации конца XVI в. в России с библейским рассказом об избрании первого иудейского царя Саула (1 Цар. 10: 17–27) было замечено уже современниками Годунова. Патриарх Иов, возглавлявший кампанию по избранию Годунова на царство и желавший придать этой политической акции легитимный и сакральный характер, разработал ритуал проведения ее, соответствовавший библейскому описанию; поведение Годунова в этой ситуации было тоже ориентировано на библейский образец. Сам Иов уподоблялся пророку Самуилу, а всходящий на престол царь Борис — Саулу. Конечно, Иов не предполагал, что дальнейшая судьба Годунова и его династии будет также сходна с судьбой Саула. Но пушкинская трагедия позволяет «продлить» аналогию, изобразив

и болезнь царя, и гибель его сына, и терзания «злого духа», которым одержим царствующий Борис Годунов. Подробнее см.: Лотман Л. 2000: 103–107.

Историзм пушкинской трагедии ярко выразился при введении в нее «польских сцен». Замысел их сложился не сразу: эти сцены отсутствовали в первоначальном плане драмы, действие которой должно было разворачиваться в России и на полях сражений. Но в ходе работы над трагедией появился мотив, важный для интерпретации исторических событий: перед Пушкиным встала проблема участия в них польско-литовских политических кругов, католической церкви, в частности иезуитов, и военных формирований поляков. В «Димитрии Самозванце» Булгарина эта проблема была решена однозначно: явление Самозванца (которого Булгарин не считал возможным отождествлять с Гришкой Отрепьевым) трактовалось как следствие иезуитского заговора. В предисловии к роману, скрыто полемичном по отношению к Пушкину, Булгарин ссыался на авторитет московского митрополита Платона (П. Е. Левшина), сходным образом истолковавшего эти события в своей «Краткой церковной истории» (1805; переиздана в 1823 и 1829 гг.) (см.: Калитин, Кулагин 1995: 157–166; там же см. об отклике Пушкина в 1831 г. на концепцию митрополита Платона). В «Борисе Годунове» отчетливо обрисовано идущее из польских кругов стремление распространить в России католическое влияние (см. диалог Самозванца с патером Черниковским в сцене «Краков. Дом Вишневецкого»). Однако, как подчеркнул Г. О. Винокур, польская среда, в отличие от русской, преимущественно представлена в трагедии Пушкина не со стороны ее политических интересов: «польские вельможи не обнаруживают своих политических замыслов ни одним словом», они действуют «только как законченные, типичные представители того *феодалного быта*, отсутствие которого в Московском государстве служило темой исторических заметок Пушкина („Феодализма у нас не было — и тем хуже“»)» (Винокур 1935: 487).

В «Борисе Годунове» столкновение России и Польши действительно дано не столько в политическом ракурсе, сколько через соотношение, взаимное притяжение и отталкивание русской и европейской культур, через художественное сопоста-

вление польской культуры, несомненно обладающей чертами общеевропейской постренессансной цивилизации, и русского традиционного быта, несущего на себе отпечаток церковной православной духовности. По мнению П. В. Анненкова, Пушкин дал «удивительно яркую картину двух противоположных цивилизаций, поставленных лицом друг к другу и на минуту смешавшихся в общем хаосе, порожденном обстоятельствами» (Анненков 1855: 149). В БГ изображены два типа любовных отношений (Ксения и Марина), два типа словесности (летописание Пимена и латинские стихи польского поэта), два приема гостей (в Москве у Шуйского и в Самборе у Мнишка), два типа государей (Борис и Самозванец), представители двух церквей (патриарх Иов и патер Черниковский). Подробный анализ этих противопоставлений см.: Гуковский 1957: 41–52. Там же, на с. 55–64, дан анализ стилистических и языковых средств воплощения русско-польского противостояния в БГ. Польский исследователь, высоко оценивая сопоставление русской и польской культур в БГ, отмечает в то же время, что некоторые пушкинские представления о польском национальном характере (амбициозность, горделивость в сочетании с красотой и обаянием, хитростью и изворотливостью, непокорностью и бунтарством в образе Марины, хвастовство в сочетании с трусливостью в образе Ляха в сцене «Севск») совпали с расхожими схемами и стереотипами, известными по литературным и документальным свидетельствам эпохи (см.: Дворский 1999: 108–112).

Польское восстание 1830 г. дало современникам повод искать в драме Пушкина, вышедшей в 1831 г., те политические аллюзии, которые вовсе не были в ней заложены. 7 января 1831 г. Пушкин писал П. А. Плетневу: «Жду перевода и суда немцев, а о французах не забочусь. Они будут искать в Борисе применений к Варшавскому бунту и скажут мне, как наши: „Помилуйте-с!..“» (XIV: 142). О восприятии БГ в контексте польских дел см.: Ронен 1997: 84–85.

Стих «Бориса Годунова»

В начале XIX в. александрийский стих — «универсальный» размер XVIII в. — был вытеснен из лирики и стихотворного эпоса

четырёхстопным ямбом, но оставался ведущим размером драматических произведений, и прежде всего — классицистической трагедии, ориентированной на французские образцы. Для БГ был избран другой размер — цезурный пятистопный белый ямб. Пушкин имел большой опыт использования этого размера в стихотворениях и поэмах («Монах», 1813; «Тавриида», 1821), однако в драме обратился к нему впервые. Драматический белый пятистопный ямб, наиболее разработанный в английской, немецкой и итальянской поэзии, в России до начала XIX в. был фактически неизвестен (в отличие от рифмованного пятистопного ямба лирики, активно осваиваемого с конца XVIII в.). К числу первых проб русских поэтов относятся начало перевода «Ифигении в Тавриде» («Iphigenie auf Tauris», изд. 1787) Гете А. Х. Востоковым (1810) и «Кровавая ночь» В. Т. Нарезного (1799) (см.: Гаспаров 1984: 118). Однако в этих первых экспериментах непривычность нового размера и отсутствие опоры в рифме приводили к ритмическим сбоям, приближающим пятистопный ямб к хорошо знакомым вольным ямбам. Первые «правильные» образцы драматического пятистопного ямба появились лишь в начале 20-х гг.: «Пир Иоанна Безземельного» П. А. Катенина (1821), перевод шиллеровской «Орлеанской девы» («Die Jungfrau von Orleans», 1801) В. А. Жуковским (1817–1821), «Венцеслав» А. А. Жандра (перевод трагедии Ж. де Ротру [Rotrou], 1824) и «Аргивяне» В. К. Кюхельбекера (1822–1823); им предшествовали два опыта переводов диалога и монолога, предпринятые Жуковским («Тленность», 1816; «Деревенский сторож», 1816). Именно с ними связана первая реакция Пушкина на непривычный белый пятистопный ямб — эпиграмма «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» (1818). Но «Орлеанская дева» Жуковского была осознана Пушкиным как смелая реформа драматического стиха: «С нетерпением ожидаю успеха *Орлеанской Ц* <- - - >. Но актеры, актеры! — 5-стоп<ные> стихи без рифм требуют совершенно новой декламации. Слышу отсюда драммоторжественный рев *Глухо-рева*. Трагедия будет сыграна тоном Смерти Роллы. Что сделает великолепная Семенова, окруженная так, как она окружена? Господь защити и помилуй — но боюсь...» (из письма Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822 г.: XIII: 45).

Трагедия представляет собой так называемую «сводную форму» (см.: Вишневецкий 1978: 63), в которой чередуются стих и проза: из двадцати двух сцен печатной редакции пять написаны прозой, в двух («Москва. Дом Шуйского», «Царские палаты») прозаические отрывки включены в стиховой контекст (впервые прозаические вставки в стихотворное произведение появляются у Пушкина в 1824 г. в «Разговоре книгопродавца с поэтом» [см.: Сидяков 1974: 4]). В «михайловской» редакции еще две сцены были написаны другими размерами: «Ограда монастырская» — восьмистопным хореем и «Уборная Марины» — вольным ямбом. По предположению В. Я. Брюсова, первая «должна была возникнуть под влиянием испанских трагедий. Ее размер, резко отличный от диалога англо-немецких драм <...> — обычный размер драм Кальдерона» (Брюсов 1929: 273). С ориентацией на традицию испанской драмы и романского стиха связывал эту сцену и Вл. Пяст (см.: Пяст 1963: 156–160). Однако С. А. Фомичевым был предложен другой возможный источник — дума К. Ф. Рыльева «Царевич Алексей Петрович в Рождестве», которая могла быть известна Пушкину в период написания трагедии (см.: Фомичев 1996: 124). Общепринятым является предположение, что сцена «Уборная Марины» написана под непосредственным влиянием «Горя от ума» Грибоедова (см., например: Томашевский 1959: 132). Однако нужно иметь в виду, что опыт Грибоедова в драматическом вольном ямбе не был ни первым, ни единственным; ему предшествовала комедия Шаховского «Не люблю — не слушай, а лгать не мешай» (1818), традиция размера восходила к «Амфитриону» («Amphitruon», 1668) Ж. Б. Мольера (Molière) (см.: Томашевский 1959: 140; Гаспаров 1984: 110). Кроме двух указанных сцен в иных метрах были решены еще два стихотворных отрывка: двенадцатистрочный отрывок, задуманный как вставка после сцены «Ограда монастырская» (см. выше, с. 109), написан четырехстопным ямбом вольной рифмовки; не вошедший в печатную редакцию плач Ксении по мертвому жениху написан пятисложником. Белый пятисложник вошел в литературный стих через имитации народных песен. В плаче Ксении Пушкин мог опираться как на фольклорные образцы, так и на опыт фольклорной стилизации А. Х. Востокова (см., например, «Богемские

песни» [«Чехиня»], 1821). Инометрические фрагменты позволяют называть раннюю редакцию «полиметрической композицией» (см.: Лотман М., Шахвердов 1979: 217). В печатной редакции трагедии осталась только одна «вставная форма» (см.: Вишневский 1978: 63) — песня Юродивого — нерифмованное четверостишие двухиктного тактовика.

Драматический пятистопный ямб, избранный Пушкиным в качестве основного размера, предоставлял неизмеримо больше возможностей для интонационного разнообразия, нежели традиционный александрийский стих. В критической статье, посвященной разбору трагедии Жандра, А. Одоевский назвал пятистопный ямб «самым смелым, вольным метром» (Одоевский 1825: 102–103). Асимметричная структура цезурного пятистопного ямба позволяла использовать более широкий спектр синтаксических конструкций, упраздняла монотонность чередования стихов и полустиший шестистопного ямба. Отсутствие рифмы и свободная последовательность клаузул делали гораздо более ощутимым ритм стиха. Вероятно, именно ритмическая «подвижность», динамизм нового для русской поэзии драматического размера предопределили его выбор для первой крупной драматической формы. В. Викери, сопоставляя БГ с предшествующими опытами поэта в пятистопном ямбе (прежде всего, с «Гавриилиадой»), усматривает в стихе трагедии «качественно новое ритмическое явление в творчестве Пушкина» (Викери 1971: 150).

Отступления от основного метра трагедии встречаются в единичных случаях. Однажды в контексте пятистопного ямба появляется цезурный шестистопный ямб: «У Вишневецкого, что на одре болезни» (о причине появления шестистопных стихов в контексте пятистопных см.: Томашевский 1929: 175). В одном случае отсутствует цезура: «Ты, отче Патриарх, вы все, бояре». По мнению Б. В. Томашевского, в трагедии встречается еще один стих, нарушающий цезуру: «Так думал и его свирепый внук» (см.: Там же, 159). Однако Р. О. Якобсон справедливо отмечал, что в отличие от французского стиха, где цезура была синонимом синтаксической паузы, в русском стихе она ограничивалась обязательным словоразделом и «свой пятистопный ямб с принудительным словоразделом после

четвертого слога, не связанным с принудительной синтаксической паузой, Пушкин считает цезурованным» (Якобсон 1923: 32). Один стих («*Musa gloriam coronat, gloriaque musam*») дан в иноязычной инаметрической форме трохаического септентария, предположительно написанного самим Пушкиным (см.: Боровский 1974: 119).

Стремление к преодолению единства слога — четвертого важнейшего единства классицистической трагедии — теснейшим образом связано с преодолением ритмической однородности, монотонности драматического стиха. Главной новаторской особенностью стиховой фактуры БГ стала полиритмия, особенно сильно ощутимая на фоне монометрической композиции. Каждая сцена имела собственный ритмический образ, не только отчетливо присутствовавший в сознании Пушкина, но и являвшийся конструктивным фактором общей ритмической композиции драмы. Выбор Пушкиным сцен для трех первых журнальных публикаций (см. выше, с. 101), по всей видимости, определялся, в частности, тем, что каждая публикация представляла читателям фрагменты трагедии, решенные в различных типах ритма. Полиритмический строй трагедии и, в особенности, появление необычного для цезурного ямба «прозаизованного» стихотворного ритма двух сцен («Красная площадь» и «Лобное место») позволяют рассматривать прозу в качестве особого типа речевого ритма, равноправной составляющей развития единого «ритмического сюжета». Подробнее о полиритмии трагедии см.: Хворостьянова 2000.

Существенную роль в БГ играет рифма; на общем фоне белого пятистопного ямба и прозаических сцен она возникает как ритмический курсив. По подсчетам Т. Шоу, в стихах трагедии имеется 43 рифменные пары; более половины из них приходится на три польские сцены (Шоу 2002: 300). «Замок воеводы Мнишка в Самборе» содержит рифмованные пятнадцать стихов, которые можно рассматривать как сонет (определение Т. Шоу) или, точнее, как сонет с кодой, строфы которого не разделены: *AbAbCddCeeFgFgg* (иную точку зрения, высказанную М. Вахтелом, см. ниже, с. 289). Т. Шоу связывает появление сонетной формы в БГ с влиянием трагедий Шекспира, и в первую очередь «Ромео и Джульетты» («*Romeo and Juliet*», 1595); по

примеру Шекспира Пушкин использует сонет для создания местного колорита. «Польский образ жизни и культура резко противопоставлены жизни Московского государства того времени, изображенной в московских сценах. В то же время почти все изображенные „польские“ черты — одновременно и „европейские“. В Польше — балы, где *кавалеры* и *дамы* танцуют полонез, польский танец, еще не ставший популярным в других странах. Все остальное, касающееся культуры и нравов Польши, — европейское и совсем другое, чем в Московском государстве» (Шоу 2002: 303). Твердая стихотворная форма (сонет), появляющаяся в польской сцене, определенно отсылает к истории русского стиха, первые литературные образцы которого восходят к польской силлабической традиции. Подготовка польской интервенции и планирование дележа русских земель напоминают о культурной интервенции польского стиха. Не случайно барон Розен, предлагая отказаться от рифмы как «непростительного варваризма», считает необходимым напомнить о ее генезисе в русской поэзии: «Она <рифма> из Польши вкралась в Москву» (Розен 1836: 131, 149). Таким образом, в контексте белого пятистопного ямба рифмованные фрагменты представляют литературный стих в его наиболее формализованном варианте.

Искусной и искусственной литературной речи противопоставлена народно-поэтическая речь. Это, прежде всего, рифмованная речь Варлаама («Корчма на литовской границе»), которую определяют как «рифмованную прозу» (Лотман М., Шахвердов 1979: 218), «сказовый стих» (Шоу 2002: 265), «раешник» (различия в определениях связаны с двумя общетеоретическими проблемами стиховедения: 1) следует ли рассматривать текст как стих или прозу исходя из графического его оформления; 2) являются ли «рифмованная проза» и «раешник» синонимичными терминами для обозначения одной и той же структуры, либо различных структур?). Опираясь на типологию народного стиха (см.: Гаспаров 1987), можно охарактеризовать речь Варлаама как имитацию говорного стиха, используемого в свадебных приговорах, загадках, пословицах, поговорках, присказках. Речитативный стих представлен тремя формами: ритмизованным причетом Ксении, белым двухиктным тактовиком песни Юродивого, объединяющей в себе чер-

ты заговора и молитвословного стиха; наконец, третья форма вводится ремаркой Пушкина «Варлаам затягивает песню: Как во городе было во Казани...».

Трагедия отличается редким интонационным разнообразием; по подсчетам Л. И. Тимофеева, в БГ количество перебоев (разрывов строки на 2, 3, 4 реплики) составляет 8%, в то время как в драматическом стихе Озерова и Сумарокова этот показатель колеблется от 1,3 до 2,8% (см.: Тимофеев Л. 1958: 377, 379). У Пушкина «средней величины монолог заменяется чрезвычайно гибкой сменой больших монологических построений <...> и кратких реплик» (Там же, 380). Максимальная по объему реплика составляет 70 стихов, минимальная — 1 слог. В трагедии всего четыре пространных монолога: два монолога царя — 61,5 и 65 стихов (сцены «Царские палаты» и «Москва. Царские палаты»), монолог Пимена — 67,5 стиха («Ночь. Келья в Чудовом монастыре») и монолог патриарха — 70 стихов (сцена «Царская дума»). По наблюдениям В. Викери, интонация БГ «существенно отличается от стиха предшествующих ему произведений Пушкина, написанных цезурным пятистопным ямбом», в первую очередь обилием «синтаксических цезур», нередко более сильных, чем ритмические. Например, в исключенной из печатной редакции сцене «Девичье поле. Новодевичий монастырь»:

...Унизаны народом.

Право, любо!

В отличие от «Гавриилиады», написанной тем же размером, в трагедии «порядок слов более „нормален“, меньше инверсий и, следовательно, сегментация полустихий, даже когда она налицо, менее заметна» (Викери 1971: 148). Цезурный пятистопный ямб накладывает определенные ограничения на выбор синтаксических конструкций, однако в БГ цезура используется нередко для формирования особого интонационного рисунка, поскольку слова, расположенные на предцезурной позиции, становятся эмфатически выделенными; в свою очередь, эмфаза влияет на синтаксическую структуру, подчеркивая в ней логические ударения (см.: Фомичев 1995а: 93).

Первое законченное драматическое произведение Пушкина можно считать поворотным пунктом в развитии пушкинского стиха, поскольку трагедия, с одной стороны, аккумулировала в себе опыт лирических стихотворений и поэм, с другой — стала первым экспериментом по созданию сложного полиметрического и полиритмического построения. Намеченные здесь новые тенденции преобразования стиховых форм получили продолжение как в драматических произведениях поэта (прежде всего, «маленьких трагедиях»), так и в стихотворных произведениях лирических и эпических жанров.

Проблема сценичности «Бориса Годунова»

Создавая БГ в нарушение устоявшихся законов драматического искусства, Пушкин думал о реформе театра. Он сознавал, что русская сцена не подготовлена к тому стилю исполнения, который соответствовал бы тексту трагедии, но, тем не менее, надеялся на ее постановку. Весной 1826 г. в несохранившемся письме к П. А. Катенину он передавал поклон А. М. Колосовой и предлагал ей сыграть роль Марины Мнишек. Колосова дала согласие, но Катенин — ее учитель и театральный наставник — предполагал, что пьесу не пропустит цензура; к тому же он, очевидно, был заведомо убежден в несценичности БГ (см. письмо Катенина Пушкину от 6 июня 1826 г.: XIII: 282; подробнее об этом эпизоде отношений Пушкина с Колосовой см.: Рогачевский 1989: 14–16). Позднее, в начале 1830 г. (до 4 марта), Пушкин посещал супругов В. А. Каратыгина и Колосову и читал у них БГ в присутствии И. А. Крылова, явно рассчитывая на поддержку ведущих актеров тогдашнего театра (см.: Летопись 1999 III: 148; Каратыгина 1974: 202). Речь шла о постановке сцены у фонтана (полный текст трагедии в то время не был разрешен даже к печати). По-видимому, Пушкин понимал, что эта сцена в наибольшей мере соответствует традиционным представлениям о сценичности, что она может быть сыграна автономно и что наличие в ней женской роли является ее существенным преимуществом. А. М. Колосова-Каратыгина вспоминала: Пушкин «очень желал, чтобы мы с мужем прочитали на театре сцену у фонтана, Димитрия с Мариною. Несмотря, однако же, на на-

ши многочисленные личные просьбы, гр. А. Х. Бенкендорф, с обычной своею любезностью и извинениями, отказал нам в своем согласии: личность самозванца была тогда запрещенным плодом на сцене» (Каратыгина 1974: 202). Можно предположить, что Бенкендорф, который с самого начала, готовя доклад царю о трагедии Пушкина, категорически утверждал, что она не годится для театра (см.: Бенкендорф 1903: 4), руководствовался не только «запретностью» личности самозванца, но и особенностями всего произведения, из которого была извлечена сцена. К тому же Каратыгин вряд ли особенно настойчиво добивался разрешения. Он явно не понял и не принял жанр и стиль трагедии Пушкина, хотя при авторе, очевидно, не выражал своего мнения в прямой форме. Об отношении Каратыгина к БГ свидетельствует его письмо к Катенину от 5 марта 1831 г., в котором актер характеризовал трагедию как «галиматью в шекспировском роде» (БЗ. 1861. Т. 3. № 19. Стб. 600).

В 1831 г. сцену у фонтана хотела поставить в свой бенефис М. И. Вальберхова (см. письмо О. М. Сомова к Пушкину от 31 августа 1831 г.: XIV: 217). В 1833 г. разрешение на постановку той же сцены пробовал получить московский Малый театр, но цензор Е.И. Ольдекоп, сославшись на высочайший запрет, в просьбе отказал (см.: Дризен 1917: 143–144; Дурьлин 1951: 68).

Первое представление БГ состоялось только 17 сентября 1870 г. в Мариинском театре. Спектакль был поставлен силами Александринского театра (см.: Гозенпуд 1967: 348–350; Фельдман 1975: 189–195). Художественные неудачи этой и большинства позднейших постановок БГ создали трагедии весьма устойчивую репутацию гениального литературного произведения, написанного без должного внимания к законам сцены (о сценической судьбе БГ см.: Лапкина 1965; Филиппова 1972: 104–123; Фельдман 1975: 183–281).

О несценичности БГ писали многие исследователи, выдвигая в пользу своей точки зрения далеко не всегда справедливые аргументы. Нередко, например, указывалось на то, что пьеса, предполагающая частые смены декораций, массовые и батальные сцены, выезды на лошадях, создана вне учета возможностей современного Пушкину театра. Однако постановочные трудности БГ могли быть легко решены русской сценой

1820-х гг. Техника «частых перемен» была привычна для оперно-балетного и драматического театра того времени, в котором работали декораторы с мировым именем — Гонзаго, Корсини, знаменитый машинист Дранше, — пользовавшиеся изощренными техническими средствами. Дивертисменты и парадные спектакли включали такие элементы, как воинские «эволюции», шестивы полков, появление конницы и пехотинцев. Конные выезды включались и в драматические, и в балетные спектакли. Многое в пушкинской драме рассчитано на типичные для театра его времени сценические эффекты. Так, популярность «каскадов», вероятно, предопределила то, что свидание Самозванца с Мариной происходит у фонтана. Сопоставление бала и свидания часто использовалось как эффектный прием. Принято было и участие в спектаклях детей, и выведение таких персонажей, как Юродивый (см.: Гозенпуд 1967: 347; Фельдман 1975: 77–82).

Несоответствие БГ сценической практике XIX в. иногда видят в том, что трагедия Пушкина не годилась для постановки в театре, не знавшем подлинной режиссуры. Развитие этой точки зрения см., например: Гозенпуд 1967. Вслед за режиссерами В. Э. Мейерхольдом и А. Д. Диким, Гозенпуд считает, что Пушкин был предтечей режиссерского театра: создавая свою трагедию, он мыслил как режиссер (Там же, 340, 347–348).

Еще одной причиной, по которой театру трудно овладеть поэтикой БГ, считается отсутствие в драме последовательно развивающегося действия. Ю. Д. Левин, сопоставлявший драматургическую технику Пушкина и Шекспира, пришел к выводу о несценичности БГ, справедливо отмечая, что Шекспир более целеустремленно развивает действие; усиливая его напряжение от сцены к сцене, английский драматург постоянно поддерживает зрительский интерес. Исследователь подчеркивает также, что текст Шекспира, в отличие от пушкинского, обладает информационной избыточностью, необходимой для того, чтобы сделать его доходчивым при сценическом воплощении (см.: Левин 1974: 59–70). Одно из важнейших средств, обеспечивающих «занимательность» шекспировского театра, — принцип «двойного времени» (термин принят в исследованиях, посвященных драматургии английского Возрождения). Эф-

фект «двойного времени» возникает как следствие драматического сжатия эпического повествования: за краткий срок драматического действия происходят события, требующие значительно более объемного временного разворачивания. Так, например, в «Макбете» «сюжет укладывается в десять недель, тогда как царствование Макбета, согласно хронике Голиншеда, длилось 17 лет, и в последних сценах трагедии зрителю внушается, что перед его глазами прошел этот длительный срок. <...> Такие несоответствия встречаются у Шекспира постоянно. Но схема „двойного времени“ позволяла драматургу добиваться максимального театрального эффекта. Сцены были тесно сцеплены: следующая разрешала драматические узлы, завязанные в предыдущей. При этом каждая была наполнена действием, способным привлечь и удержать внимание зрителей» (Там же, 64–65). У Пушкина же в БГ сцены «обособлены, слабо сцеплены одна с другою, замкнуты в себе» (Там же, 65).

К концепции Ю. Д. Левина близки некоторые объяснения неудач сценического воплощения БГ, предложенные в книге: Sandler 1989 (рус. пер.: Сандлер 1999: 71–124). По мнению С. Сандлер, композиция «Бориса Годунова» основана на соединении не связанных между собою частей, герои произносят свои речи, не контактируя ни с собеседником, ни со зрителем, диалогическое взаимодействие не движет действие, противоречия не ведут к конфликту. Выраженная авторская позиция отсутствует. (Возражения против последнего положения см. в рецензии И. В. Немировского: РЛ. 1991. № 1. С. 219.) Показательно, что те черты трагедии Пушкина, которые, по мнению Сандлер, делают ее несценичной, сходны с «недостатками», впоследствии обнаруженными критикой в пьесах Чехова.

Ранняя рецепция «Бориса Годунова»

Окончив трагедию, поэт сообщил друзьям, что «ею очень доволен» (письмо А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г. — XIII: 244; см. также письмо П. А. Вяземскому около 7 ноября 1825 г.), однако не спешил познакомиться с ней даже самый узкий круг читателей. Карамзин и Жуковский просили прислать им текст БГ, который они хотели использовать при хлопотах за Пушкина перед

новым царем. 27 февраля 1826 г. П. А. Плетнев писал Пушкину: «Жуковский особенно просит прислать Бориса. Он бы желал его прочесть сам, и еще (когда позволишь) на лекции его» (т. е. на лекции по литературе великой княгине Елене Павловне). 7 (?) марта Пушкин отвечал весьма резко: «Какого вам Бориса и на какие лекции? в моем Борисе бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу» (Там же, 264, 266). Карамзин умер, так и не прочитав пушкинскую драму.

Судя по всему, Пушкину хотелось самому видеть первое впечатление, которое произведет его трагедия. Это желание находило выражение в чтении отдельных сцен посетителям Михайловского. Первым слушателем был Дельвиг, который побывал в Михайловском в апреле 1825 г., когда трагедия еще не была окончена (см. письмо С. М. Дельвиг к А. Н. Карелиной от 25 марта 1826 г.: Модзалевский 1929: 191). Во второй половине (не позднее 24) сентября Пушкин рассказывал Вяземскому о свидании с А. М. Горчаковым: «От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии, попроси его не говорить об них, не то об ней заговорят, а она мне опротивит, как мои Цыганы, которых я не мог докончить по сей причине» (XIII: 231). Рассказ Горчакова об этом чтении сохранился в записи А. И. Урусова, опубликованной в 1883 г. По воспоминаниям Горчакова, Пушкин читал ему, в частности, «наброски сцены между Пименом и Григорием. <...> В этой сцене <...> было несколько стихов, в которых проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о „слюнях“». Горчаков «заметил Пушкину, что такая искусственная тривиальность довольно неприятно отделяется от общего тона и слога, которым писана сцена... „Вычеркни, братец, эти слюни. Ну к чему они тут?“ — „А посмотри, у Шекспира и не такие еще выражения попадаются“, — возразил Пушкин. „Да; но Шекспир жил не в XIX веке и говорил языком своего времени“ <...>. Пушкин подумал и переделал свою сцену» (Горчаков 1974: 380–381). Мемуары Горчакова неточны: «слюни» упоминаются не в сцене между Пименом и Григорием, а в сцене «Девичье поле. Новодевичий монастырь», целиком исключенной из печатной редакции «БГ*». В 1826 г. Пушкин всю ночь напролет читал БГ А. Н. Вульффу (см. запись со слов Вульфа: Семевский 1866).

Осенью 1826 г. литературная Москва оказала Пушкину восторженную встречу. Его занимали новые знакомства, молодые писатели, готовые с ним сотрудничать, предложения об участии в альманахах, замыслы совместного издания журнала, но главным содержанием двух месяцев, которые Пушкин провел осенью 1826 г. в Москве, были авторские чтения БГ.

10 сентября Пушкин читал свою трагедию у С. А. Соболевского в присутствии П. Я. Чаадаева, М. Ю. Виельгорского, Д. В. Веневитинова и, возможно, И. В. Киреевского (см. письмо С. А. Соболевского к М. Н. Лонгинову от 1855 г.: Соболевский 1927: 40; см. также дневниковые записи Погодина от 10 и 11 сентября 1826 г.: Погодин 1974а: 9; эти документы опровергают ошибочное представление о том, будто первое московское чтение трагедии состоялось у Веневитиновых; последняя версия восходит к М. А. Веневитинову [см.: Веневитинов М. 1899]). В том же письме С. А. Соболевский назвал в числе слушателей С. П. Шевырева, который, однако, вспоминает, что познакомился с Пушкиным позднее — на балу у Веневитиновых, состоявшемся 17 сентября (см.: Шевырев 1974: 39; Летопись 1999 II: 178). 25 сентября состоялось чтение в доме Веневитиновых; оно прошло в самом узком кругу (см.: Там же, 181). 29 сентября Вяземский писал А. И. Тургеневу и Жуковскому: «Пушкин читал мне своего Бориса Годунова. Зрелое и возвышенное произведение. Трагедия ли это, или более историческая картина, об этом пока не скажу ни слова: надобно вслушаться в нее, вникнуть, чтобы дать удовлетворительное определение; но дело в том, что историческая верность нравов, языка, поэтических красок сохранена в совершенстве, что ум Пушкина развернулся не на шутку, что мысли его созрели, душа проявилась и что он в этом творении вознесся до высоты, которой он еще не достигал. Сегодня читает он ее у меня Блудову, Дмитриеву: забавно будет видеть классическую чопорность его <И. И. Дмитриева> под стрельбою романтической цепи. Пушкин скачет из года в год, из России в Польшу, из Польши в Россию, из стихов в прозу: монахи говорят по-матерну, Маржерет говорит по-французски <...>. Впрочем, тут Пушкин только что тешился, и этих потех и проказ всего навсего страничка: выключить ее легко. Но Дмитриев будет очень любопы-

тен» (АБТ 1921: 42). Примерно два месяца спустя, 20 ноября, Вяземский писал тем же адресатам: «Вы просите стихов из Бориса Годунова. Пушкина здесь нет, он поехал в деревню дописывать и увез с собою трагедию, да к тому же трагедия его не годится на окрошку. Она важная, сочная *штука мяса*, как говорят поляки <...> ее надобно подать на стол целиком» (Там же: 48). О реакции на трагедию И. И. Дмитриева, «действительного тайного советника и генерал-прокурора классицизма» (Там же), в этом письме сказано: «...надобно отдать ему справедливость: он явил большую терпимость и уступчивость» (Там же; см. также отзыв Вяземского о сцене в Чудовом монастыре в письме к Жуковскому и А. И. Тургеневу от 6 января 1827 г.: Там же, 53).

12 октября Пушкин еще раз читал БГ в доме Веневитиновых в присутствии М. П. Погодина, С. П. Шевырева, И. В. и П. В. Киреевских, А. С. и Ф. С. Хомяковых, В. П. Титова, Н. М. Рожалина, В. И. Оболенского, И. С. Мальцева, З. А. Волконской и др. (см. дневниковые записи Погодина от 24, 25, 26 сентября и 12 октября 1826 г.: Погодин 1974а: 12–13; Летопись 1999 II: 190–191). М. П. Погодин описал это чтение в 1865 г.:

До сих пор еще — а этому прошло сорок лет — кровь приходит в движение при одном воспоминании <...>. Первые явления мы выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием просто всех ошеломила. Что было со мною, я и рассказать не могу. Мне показалось, что родной мой и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена: мне слышался живой голос древнего русского летописателя. А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков: «Да ниспошлет господь покой его душе, страдающей и бурной», мы все просто как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Один вдруг вскакивает с места, другой вскрикнет. У кого на глазах слезы, у кого улыбка на губах. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах Самозванца:

Тень Грозного меня усыновила <...>.

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления.

(Погодин 1974б: 27–28)

Баратынскому Пушкин прочел БГ отдельно во второй половине октября (см.: Летопись 1999 II: 192). 29 декабря 1826 г. Н. М. Языков в письме к П. М. Языкову упомянул о том, что Пушкин читал ему БГ (см.: Там же, 221; ЯА 1913: 290).

В 1827–1828 гг., когда отдельные сцены трагедии уже появились в печати, с ее полным текстом мог познакомиться только узкий круг московских и петербургских друзей и знакомых Пушкина. Известно, что в Петербурге в ноябре 1827 г. он читал БГ вернувшемуся из-за границы Жуковскому (см. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 27 ноября: Жуковский 1960 IV: 501). 11 мая 1828 г. Пушкин читал БГ у А. А. Перовского в присутствии Крылова. В тот же или на следующий день на вопрос Пушкина о впечатлении, произведенном на него трагедией, Крылов уклончиво ответил притчей, смысл которой заключался в том, что в рамках эстетической системы, принятой автором, трагедия хороша, но самой этой системы Крылов не признает (см.: Летопись 1999 II: 383; письмо П. А. Вяземского В. Ф. Вяземской от 12 мая 1828 г.: ЛН 58: 79; Вяземский 1974: 132). 16 мая того же года состоялось чтение трагедии в салоне гр. И. С. Лавалы в присутствии Грибоедова, Мицкевича, Вяземского, Кошелева и других гостей (см. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 17 мая 1828 г.: Пушкин 1885: 39). А. И. Кошелев передал свои впечатления в письме к матери от 21 мая 1828 г.: «Начало пьесы превосходно. Это — сцена, где весь народ в Москве, патриарх, духовенство и бояре умоляют Годунова принять корону. Сцена эта превзошла все ожидания. Продолжение трагедии и в особенности первое и второе действия произвели большое впечатление. Монолог Бориса, сцена придворных, разговор Лжедмитрия с монахом, переход русской границы поляками, смерть Годунова, без сомнения, образцовые произведения (chefs d'œuvres), которые мы можем смело противопоставить всему, что представляют лучшего иностранных театры». Кошелев не считал, что трагедия вовсе

лишена недостатков: «Жаль, что в целом нет такого совершенства, как в частях. Пьеса лишена преобладающей страсти; интерес двоится между Борисом и Отрепьевым; развязка тоже не удалась». Тем не менее Кошелев был уверен, что «Пушкину принадлежит слава создания драмы, которою всегда будет гордиться Россия и которая, — в случае перевода на иностранные языки, — откроет национальный дух нашего отечества» (Колупанов 1889: 202).

В печать сведения о пушкинской драме проникли задолго до первых публикаций ее фрагментов. Читатели и критики ожидали БГ как нового слова в русской трагедии, которая «приметно отстала от других родов поэзии» (С. 1825. Ч. 32. № 10. С. 91; ППК 1: 296; см. ту же мысль: Вяземский 1825: 181–182). Разговоры, вызванные авторскими чтениями БГ в Москве и Петербурге, еще больше подогревали это ожидание. Тем не менее после публикации в 1827 г. отрывков трагедии критика не проявила к ним большого интереса. Первые отзывы, довольно немногочисленные, появились только в 1828 г. Впрочем, все эти отзывы, хотя и были весьма краткими, восторженно приветствовали новое творение Пушкина (см., например, высказывания Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле» [1828. № 3. 7 января; 1828. № 4. 10 января; ППК 2: 31–33] или С. П. Шевырева [Шевырев 1828: 68–69; ППК 2: 35]). И. В. Киреевский упомянул сцену в Чудовом монастыре как свидетельство нового, «русского» периода в пушкинской поэзии, как показатель зрелости поэта (Киреевский 1828: 193, 195; ППК 2: 81, 82). На этом фоне выделялась статья П. П. Свинына «Несколько беспристрастных слов о новых журналах и альманахах на 1827 год», где, упомянув о гении Пушкина, которым отмечена сцена в келье, рецензент выражал сожаление о том, что она писана без рифм, а затем давал высокую оценку «блистательной» сцене из трагедии «Годунов» Б. М. Федорова, опубликованной в 1827 г. (ОЗ. 1827. Ч. 29. № 81. С. 177–178, 186; ППК 1: 334; указание на авторство П. П. Свинына содержится в «Списке авторов, участвовавших в десятилетнем издании „Отечественных записок“» [ОЗ. 1830. Ч. 42. № 121. С. 280] — см.: ППК 1: 468, примеч. Г. Е. Потаповой). Статья Свинына была воспринята с возмущением (см., например: Шевырев 1828: 69; ППК 2: 35).

Появление трагедии из русской истории с энтузиазмом приняли московские любомудры — круг «Московского вестника». В этом кругу сомнения в достоинствах сцены в Чудовом монастыре объясняли отсталостью читательских эстетических установок. Насущным поэтому казалось появление критической статьи, разъясняющей истинное достоинство пушкинского творения. Н. А. Мельгунов 7–10 августа 1827 г. писал М. П. Погодину: «Недавно случилось мне крепко припомнить мысль о критическом обзоре сцены из Бориса Годунова для помещения в М<осковском> В<естнике>, и сожалел, что она не исполнилась. Люди образованные, между прочими один, воспитывавшийся в Унив<ерситетском> Пансионе, — но с предрассудками французской школы, — вовсе не понимают смысла этого произведения, удивляются 5-ти стоп<ным> ямба, тому, что монах выведен на сцену; — да и самая простота языка Пимена становится для них предметом соблазна. — Пожалуйста, не покидайте счастливой мысли указать в журнале Вашем истинное достоинство сего отрывка; подобная статья может объяснить и показать гораздо более, нежели статьи теоретические, ибо прямо применила бы теорию к произведению отечественному, автора, любимого публикою» (Погодин 1934: 694). Однако такого разбора в «Московском вестнике» не появилось. Написанная в 1827 г. рецензия Д. В. Веневитинова была опубликована только после выхода всей трагедии (Веневитинов Д, 1831: 73–78; ППК 3: 62–67). К моменту работы над рецензией Веневитинов уже слышал трагедию целиком (см. выше, с. 203–205), но ограничился разбором напечатанной сцены. Статья отражала настроения любомудров времен первых авторских чтений пушкинской трагедии и в контексте критики 1831 г. выделялась своим восторженным тоном.

Прием полного текста трагедии, вышедшей в 1831 г., был совсем иным. Несмотря на то что «БГ*» раскупался хорошо (только в первое утро было продано 400 экземпляров, а к 22 февраля 1831 г. Плетнев получил деньги за все издание [см.: ЛГ. 1831. Т. 3. № 1. 1 января. С. 9; письма Плетнева Пушкину от 22 февраля и 25 июля 1831 г.: XIV: 152, 199]), первые устные отзывы о трагедии были неутешительны. 16 января 1831 г. А. В. Веневитинов писал М. П. Погодину из Петербурга: «Бориса

Годунова здесь не понимают. Безмозглые!» (Погодин 1934: 710), а 20 января Погодин записал в дневнике: «Все бранят „Годунова“» (Погодин 1974а: 22). 2/14 мая того же года С. П. Шевырев сообщал С. А. Соболевскому: «Борис не произвел никакого действия; Ширяев (московский книгопродавец. — *Ред.*) говорит об Пушкине, отворачиваясь» (ЛН 16–18: 746).

К 1831 г. изменилось отношение самих Любомудров к Пушкину, чуждому их философским устремлениям и лишенному, по их мнению, основательной учености (ср. запись в дневнике С. П. Шевырева от июня 1829 г.: «Пушкину надо учиться или ранее умереть» [цит. по: Мазур 2001: 66]). Изменилось и отношение к Карамзину, его стали относить к числу классиков прошлого века. Теперь следование «Истории государства Российского» воспринималось как недостаток драмы. «Спрашиваю, что нового открыл Пушкин после Карамзина в своем „Борисе“? — писал Н. А. Мельгунов С. П. Шевыреву 18 февраля 1831 г. — Это Карамзин в звучных, превосходнейших стихах, но с тем же неверным историческим взглядом, с теми же несообразностями в характерах, если еще не с большими, с тем же, или также не с большим недостатком единства в целом, и вдобавок с теми же анахронизмами...» (Там же, 67; см. об этом: Ларионова 2003: 7–8). Вообще к 1831 г. обстановка вокруг Пушкина сильно переменялась, и едва ли он мог ожидать теплого приема трагедии. Конфликт с Булгариным, усиленный пушкинскими обвинениями в том, что Булгарин читал БГ в период прохождения трагедии через цензуру и использовал его в своем «Дмитрии Самозванце», не позволял рассчитывать на сочувственные отзывы «Северной пчелы» и «Сына отечества» (наиболее неприятный отклик Булгарина см.: СП. 1831. № 266. 23 ноября; ППК 3: 128–130). Отношения с «Московским телеграфом» тоже были напряженными, кроме того, его редактор, Н. А. Полевой, противопоставивший Карамзину свою «Историю русского народа», не мог принять трагедию, вдохновленную «Историей государства Российского».

Неприятие вызывала и форма трагедии. В этом отношении момент появления в печати «БГ*» также ставил Пушкина в невыгодное положение. За пять с лишним лет, прошедших со времени написания трагедии, успели появиться историческая

драма В. Гюго (Hugo) «Кромвель» («Cromwell», 1827), снабженная предисловием, поднимавшим на щит Шекспира, и драматическая трилогия на исторический сюжет Л. Вите (Vitet), посвященная католической Лиге 1576 г. во Франции: «Баррикады» («Barricades», 1826), «Штаты в Блуа» («Etats de Blois», 1827), «Смерть Генриха III» («La Mort de Henri III», 1829), переизданная в Париже в 1844 г. под общим заглавием «Лига, исторические сцены» («La Ligue, scènes historiques»). Трилогия пользовалась большой популярностью и вызвала многочисленные отклики и подражания — драматические сцены из истории вошли в моду. Вслед за трилогией Вите появились «Неильские вечера» («Les soirées de Neuilly, esquisses dramatiques et historiques», 1827) А. Дитмера (Dittmer; 1795–1846) и И. О. Каве (Cavé; 1794–1852), выступивших под псевдонимом де Фонжере (De Fongeray), и «Сцены современные и сцены исторические, оставшиеся от г-жи виконтессы де Шамийи» («Scènes contemporaines et scènes historiques laissées par m-me la vicomtesse de Chamilly», 1827–1830. Vol. 1–2) Ф. А. Леве-Веймара (Loevé-Veimars). К тому же ряду можно отнести «Жакерию» («La Jacquerie», 1828) П. Мериме (Mérimée). Эти пьесы были хорошо известны в России. Н. И. Надеждин в статье «Современное направление просвещения» писал: «Знаменитая трилогия Вите <...> получила право гражданства в европейской литературе, и теперь вся современная история обрабатывается драматически в бесчисленных лоскутках...» (Надеждин 1831а: 37; см.: Бонди 1935: 653). Все это ослабило ощущение новизны и оригинальности пушкинской трагедии, даже доброжелательные критики воспринимали Пушкина в ряду последователей Гюго и Вите. Показательно высказывание Надеждина — упоминая о трилогии Вите и о многочисленных подражаниях ей во французской литературе, он утверждает: «Все французские летописи перерываются теперь с неугомонною суетливостью; и замечательнейшие моменты народной жизни перекадываются в *разговоры и сцены* <...>. Вот фамилия, к которой принадлежит *Годунов* и которой тип он на себе носит» (Надеждин 1831б: 558; ППК 3: 73). На то же место в историко-литературном ряду — следом за трилогией Вите — помещает БГ и И. Н. Средний-Камашев (см.: Средний-Камашев 1831а: 105; ППК 3: 116).

К 1831 г. драматическая форма БГ переставала быть новостью не только в западном, но и в русском литературном контексте. В 1830 г. Пушкин выражал М. П. Погодину восхищение народными сценами в первых действиях его исторической драмы «Марфа Посадница», а Погодин уже мечтал создать пьесу о Годунове: «Напишу „Бориса“ и положу гири против Карамзина и Пушкина». Очевидно, речь шла прежде всего об интерпретации гибели царевича Димитрия (см. выше, с. 159–160), но у Погодина теплилась мысль и о творческом соревновании с Пушкиным. «„Бориса <Годунова>“ царь позволил напечатать без перемен, а моя „Марфа“ не готова», — записывал он в дневнике (см.: Погодин 1974а: 20–21, записи от 9 и 14 мая, от 12, 13 и 14 августа 1830 г.). «Марфа, Посадница Новгородская» поступила в продажу только летом 1831 г. (хотя на титульном листе значится: М., 1830), однако отрывки из драмы Погодина появились в 1830 г. в «Московском вестнике» (Ч. 5. № 17–20), а в начале 1831 г. — в «Телескопе» (Ч. 1. № 1). В «<Опровержении на критики>» (1830) Пушкин не случайно писал, что впечатление от БГ будет ослаблено, поскольку «главные сцены уже напечатаны или искажены в чужих <?> *подражаниях*» (XI: 154). Его начинали воспринимать в общем ряду представителей инспирированной им «новой драматургии» (о БГ Пушкина в контексте исторической драматургии его времени см.: Бочкарев 1968; Серман 1969: 118–149; Архипова 1987: 107–119; Вацуро 2000: 559–575).

Надежда Пушкина на тех критиков, мнением которых он дорожил, совершенно не оправдалась. Так, 7 января 1831 г. он писал П. А. Плетневу: «Любопытно будет видеть отзыв наших Шлегелей, из коих один Катенин знает свое дело» (XIV: 142). Катенин, однако, воспринял трагедию резко негативно. Воздержавшись от печатных откликов, в частном письме от 1 февраля 1831 г., адресованном неустановленному лицу, он высказал по поводу БГ те самые упреки, которые вскоре стали общими местами в критических разборах трагедии. Катенин писал, что БГ — «не драма отнюдь, а кусок истории, разбитый на мелкие куски в разговорах», что в трагедию не вошли наиболее драматичные эпизоды истории Годунова и Самозванца, что признание в сцене у фонтана — нелепость, что предсмертные на-

ставления Бориса слишком длинны. Кроме того, Катенину не нравилось, что на рассказ патриарха царь реагирует не развернутым монологом, а жестом, осуждал он и излишний натурализм в последней сцене: «Женский крик, когда режут — мерзость, зачем ему быть слышным? В тишине совершенное злодейство еще страшнее и не гадко» (Катенин 1981: 306–310; ср. близкую оценку в черновом письме Катенина к неизвестному от конца января — начала февраля 1831 г.: Там же, 310–312; ЛН 58: 101–102). Более поздний, но сходный по содержанию отзыв Катенина о трагедии см.: Катенин 1974: 192.

У большей части критиков форма БГ вызывала полное непонимание — в трагедии не находили единства и связи, отдельные ее сцены оценивались как лишние, не идущие к делу, неестественные. Большинство рецензентов критиковало сцену «Ночь. Сад. Фонтан», находя нелепым то, что Самозванец открывает Марине свою тайну (см., например: Олин 1831: 23; ППК 3: 39; Надеждин 1831б: 571; ППК 3: 80; Волков 1831: 51; ППК 3: 45). Не менее постоянным нападкам подвергалась и сцена «Москва. Царские палаты» — противоестественной здесь казалась длинная предсмертная речь Бориса (см.: Бурнашев 1831; ППК 3: 43; Средний-Камашев 1831б: 174; ППК 3: 121 и др.). Характерные общие места критических высказываний того времени содержатся в анонимной брошюре «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольнопрактикующего в оном учителя российской словесности» (М., 1831; авторство, со слов Вяземского, но, по-видимому, безосновательно, приписывалось В. С. Филимонову [см.: Винокур 1935: 438; ППК 3: 82–89, 355–356]). В числе недостатков трагедии названы неопределенность жанра, несценичность пьесы, постоянная смена места действия, раздвоение интереса между Борисом и Самозванцем (который, по мнению рецензента, скорее, чем заглавный персонаж, может быть признан героем трагедии), отсутствие выраженных характеров у других персонажей, не действующих, а только говорящих, прозаизмы, смешение языков в сцене «Равнина близ Новгорода-Северского» и т. д. В более сдержанном тоне написана рецензия В. П. Бурнашева (Бурнашев 1831; ППК 3: 41–44). Критик признает многие достоинства

трагедии, но не принимает ее как целое, в котором видит «несколько глав из Карамзина, переложенных в стихи» и подражание Шекспиру (сочетание стихов с прозой у Шекспира автор трактует как недостаток, вызванный спешкой, и укоряет Пушкина, допустившего такую же небрежность в трагедии, писавшейся, по сведениям Бурнашева, пять лет). Педантичный и громоздкий разбор БГ предпринял педагог В. Т. Плаксин (Плаксин 1831а; Плаксин 1831б; Плаксин 1831в; Плаксин 1831г; ППК 3: 92–114, 359–361). Автор требовал от трагедии «высокого» героя, непрерывного течения «случаев» одного за другим и неизменности характеров на протяжении всей драмы. Разбор выглядел архаично и, несмотря на большое количество псевдонаучных рассуждений, не выходил за рамки стандартного набора замечаний в адрес БГ.

Восприятие трагедии читателями стало очевидно Пушкину уже в первые дни по выходе книги. Получив известие об ажиотажном спросе на издание «БГ*» в Петербурге, 7 января 1831 г. он обращался к Плетневу: «Пишут мне, что Борис мой имеет большой успех: Странная вещь, непонятная вещь! по крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причиною? Чтение Вальт<ер> Скотта? голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? — Как бы то ни было — я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия подражание Кромвелю Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи; что Самозванец не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и не благоразумно — и тому подобные глубокие критич<еские> замечания» (XIV: 142).

Несогласие с критиками, считавшими БГ знаком падения авторского таланта, выразил И. Н. Средний-Камашев (Средний-Камашев 1831а: 100–115; Средний-Камашев 1831б: 170–180; ППК 3: 114–124). Однако, признавая первенство Пушкина в русской литературе, рецензент настаивал на его вторичности по отношению к литературе европейской. По мнению критика, последняя трагедия Пушкина, как и все, им написанное, «образована под влиянием чуждых элементов» (Средний-Камашев 1831а: 104). Видя в Пушкине «поэта натуры», изящного, блестя-

щего, но неоригинального и легковесного, Средний-Камашев отдал должное воссозданию в трагедии исторического колорита и прорисовке характеров в соответствии с поставленными задачами, однако сами эти задачи счел лишенными основательности и не позволяющими раскрыть истинную поэзию событий. По его мнению, драматург выбрал не те сцены, которые бы «в самых полных, сильных ударах выражали бы ход» события, поэтому «событие развивается вяло, неясно» (Там же, 110–111). Изначально объявив БГ вершиной пушкинского творчества, а Пушкина — первым из русских поэтов, Средний-Камашев в итоге по существу солидаризировался с большинством критиков трагедии и пришел к выводу, что Пушкину оказалось пока не по силам новое поприще, на которое он вступил, что он лишь «изваял сцены, внесенные прозаическим пером монаха-летописца в хроники русского народа, не оживив их игрою поэтической идеи» (Средний-Камашев 1831б: 180).

«Московский телеграф» долгое время ограничивался лишь лаконичными откликами на пушкинскую трагедию. После публикации отдельных сцен Николай Полевой отмечал историческую точность в передаче национального и местного колорита, Ксенофонт Полевой — шекспиризм Пушкина (см.: Полевой Н. 1828: 553; Полевой Н. 1829: 79; ППК 2: 126; Полевой К. 1829: 231–232; ППК 2: 181). На выход полного текста трагедии Николай Полевой отозвался сравнительно небольшой заметкой (Полевой Н. 1831: 244–246; ППК 3: 51–52), содержавшей обещание серьезного разбора в будущем. Этот разбор появился только в 1833 г. (Полевой Н. 1833а; Полевой Н. 1833б; ППК 3: 201–230). Главным же, в чем упрекал Полевой Пушкина, было следование Карамзину. По мнению рецензента, приняв версию вины Бориса и сведя основное движение драмы к возмездию за цареубийство, Пушкин лишил себя возможности написать истинно глубокую историческую драму, в которой бы воплотились разные силы, действующие в истории (боярские интриги, польские происки и т. д.). Неудачной Полевой считал и форму трагедии; в пример Пушкину он ставил то Шиллера, то Шекспира, которым драматург мог бы следовать для большего успеха замысла. Так же, как и другие критики, Полевой порицал Пушкина за то, что тот не соблюдает правил построения драмы.

Причина неудачи пушкинского произведения, по мнению Полевого, — в нарушении законов романтической драмы, которые, при внешней свободе, не менее жестки, чем законы драмы классической, и требуют прежде всего «истины изображений» (МТ. 1832. Ч. 43. № 3. С. 373), гарантирующей произведению народность и самобытность. Следование ложной, как полагал Полевой, исторической концепции Карамзина заведомо исключало, с точки зрения критика, истинность в изображении событий. Высказывая эти упреки, Полевой, тем не менее, оценивал творчество Пушкина как высшую ступень развития русской литературы.

В журналах появлялись и откровенно грубые выходки, вызванные журнальной полемикой с литераторами пушкинского круга и не содержащие никаких серьезных соображений о трагедии (см.: Бестужев-Рюмин 1831; ППК 3: 35–36; Олин 1831: 23–24; ППК 3: 38–40).

Положительные отзывы о БГ едва ли могли ослабить общее впечатление неуспеха трагедии. В печати появилось несколько кратких восторженных рецензий, ничего не добавлявших к пониманию трагедии публикой и оставлявших впечатление привычного набора штампов, сохранившихся от времен всеобщего поклонения Пушкину (Яковлев 1831: 62–64; ППК 3: 36–38; Шаликов 1831: 93–95; ППК 3: 48–49; Глинка 1831: 153–154; ППК 3: 61–62). Апологетическая, хотя и не содержащая конкретного анализа статья Гоголя «Борис Годунов. Поэма Пушкина», написанная вскоре после выхода трагедии, была опубликована только в 1881 г. Другой восторженный отзыв Гоголя в статье «Несколько слов о Пушкине» был напечатан в «Арабесках» в 1835 г., когда полемика вокруг БГ уже почти остыла.

Попыток сочувственно разобраться в сути пушкинского драматического опыта оказалось немного. Статья Дельвига в «Литературной газете» (Дельвиг 1831а; Дельвиг 1831б; ППК 3: 32–35, 320–323), недописанная из-за смерти автора, стала первым откликом на появление трагедии. В сущности, единственный вопрос, затронутый в ней, — это вопрос о жанре БГ. Дельвиг предлагал не искать правил, по которым следует судить трагедию, но довериться впечатлению внимательного чтения. БГ он считал высшим достижением творчества Пушкина, под-

готовленным созданием «Полтавы», которой, по мнению рецензента, недостает только драматической формы. (Дельвиг, разумеется, знал, что «Полтава», написанная в 1828 г., создавалась после БГ. В своем высказывании он, вероятно, ориентировался на восприятие читательской аудитории, познакомившейся с поэмой раньше, чем с трагедией. См.: ППК 3: 322, примеч. С. Б. Федотовой.)

Более или менее положительный отзыв о трагедии напечатал П. Г. Волков в петербургском журнале «Эхо» (Волков 1831; ППК 3: 44–47). Отказываясь искать в БГ подражание кому бы то ни было, рецензент предлагал обратить внимание на самобытную и оригинальную сущность трагедии Пушкина. Он хвалил характеры Годунова и Самозванца (хотя и высказывал сожаление о слишком легком саморазоблачении у фонтана), а также Пимена и Шуйского. Остальные характеры критик считал слабыми. Не возражая против нарушения классических единств, он, тем не менее, назвал план трагедии неудачным. Общий вывод, сделанный Волковым, был таков: «Форма — подражательная; историческая верность понятий и мнений века — самобытная и оригинальная; язык — во многих местах истинно народный» (Волков 1831: 57; ППК 3: 47).

Весьма доброжелательно встретил БГ Н. И. Надеждин (см.: Надеждин 1831б; ППК 3: 67–82), который до того постоянно выступал с резкой критикой Пушкина. Однако в 1830 г. между Пушкиным и Надеждиным наладилось личное общение, последний в декабре 1830 г. даже получил от Пушкина стихотворение «Герой» для публикации в первом номере своего журнала «Телескоп». В БГ критик усмотрел переход Пушкина от легковесной и сиюминутной поэзии к чему-то более высокому и «степенному»: «Он теперь гудит, а не щебечет» (Надеждин 1831б: 573). Строя свою рецензию в форме диалога, Надеждин противопоставил собственную точку зрения общим отрицательным суждениям о пушкинской трагедии.

Обращаясь к вопросу о жанре произведения, Надеждин отверг попытки «подвести» его под «разрядный список старинных классических учебников» (Там же, 556) и требовать от поэта соблюдения догматических правил ведения действия в трагедии, шекспировской драме или хронике, так как все они

рассчитаны на сценическое исполнение, а Пушкин, по мнению Надеждина, «совершенно чужд подобных претензий». БГ представляет собой «ряд исторических сцен», «эпизод истории в лицах» — «этот новый способ поэтического представления событий» открыт романами Вальтера Скотта, «а французская неистощимая живость не умедлила им воспользоваться» (Там же, 557–558). Как пример произведения, в котором исторические события «перекладываются в разговоры и сцены» (Там же), Надеждин приводил драматическую трилогию Л. Вите.

Главным содержанием пушкинской драмы Надеждин считал не изображение личности Годунова, а картину его царствования. Борис, хотя и взятый под углом зрения Карамзина, по мнению рецензента, очерчен резко и сильно, как и Василий Шуйский, а также ряд других персонажей пьесы. Однако Пимен в своем поэтическом монологе слишком напоминает «наследника идей Гердеровых» (Там же, 569). Сцена в корчме — фарс, доведенный до излишества. Смешение языков в сцене битвы близ Новгорода-Северского «карикатурно» (Там же, 566). Главным недостатком произведения Пушкина Надеждин считал «раздвоение интереса» между Борисом Годуновым и Самозванцем, ничтожность и глупость которого обнаруживается особенно ощутимо в сцене у фонтана, в которой Пушкин окончательно «сбился», хотя она отделана мастерски. Скептический отзыв В. Г. Белинского по поводу посвященных БГ высказываний Надеждина и заметки Н. Полевого 1831 г. см.: Белинский 1831; то же: Белинский 1953–1959 I: 18–19; ППК 3: 89–90.

Положительный отзыв о БГ опубликовал барон Розен (Rosen 1833: 43–59; рус. пер. А. Савицкого: ЛПРИ. 1836. № 2–3; немецкий текст и перевод: ППК 3: 249–269). Принимая в целом пушкинскую трагедию, Розен предлагал судить ее исключительно в рамках авторского задания — верности истории по версии Карамзина. Тем самым рецензент дал понять, что сам не разделяет избранной Пушкиным концепции, но признает право поэта на свой выбор. Розен рассматривал БГ как «трагедию судьбы», как изображение «темного судьбника Немезиды» (ЛПРИ 1836. № 2. С. 12). Признавая, что действие судьбы происходит через всю драму, рецензент счел, что Пушкин не привел

это действие к кульминации в сцене смерти Бориса, где «карающая Немезида должна бы явиться во всей страшной истине» (Там же, 14). Недостаток трагедии Розен видел в том, что, подчинив весь ее ход идее судьбы, автор лишил героев свободной воли, из-за чего все события утратили органичную внутреннюю связь и выстроились в искусственную шахматную партию. Так, например, немотивированными представлялись Розену преследования Борисом боярских родов, потеря им народной любви, измена Басманова. Тем не менее он признал трагедию превосходным историческим творением, в котором Пушкин «взрастил древо народной поэзии» (ЛПРИ. № 3. С. 22). В состав статьи Розена был включен выполненный им перевод сцены «Ограда монастырская» (в примечании дан ее русский текст) и некоторых других небольших фрагментов трагедии на немецкий язык. 19 июля 1831 г. Розен писал С. П. Шевыреву, что перевел всю трагедию «с рукописи автора» (т. е. с белого автографа ПД 891 [см.: РА. 1878. Кн. 2. № 5. С. 47]), однако текст этого перевода неизвестен.

Кроме Розена, БГ на немецкий переводили А. Ольдекоп и К. Кнорринг. Ольдекоп, издававший в 1831 г. в Петербурге еженедельный немецкий журнал истории, географии и изящной словесности «Der Russische Merkur», поместил в литературных прибавлениях к нему (Literarischer Begleiter zum Russischen Merkur. 1831. № 3. 16 Januar. S. 9–12; № 4. 23 Januar. S. 17–22) восторженную рецензию на БГ, включив в нее переводы трех фрагментов трагедии: реплики Марины из сцены «Ночь. Сад. Фонтан» («Клянешься ты! итак, должна я верить ~ Как царский сын? не так ли? говори»), предсмертного монолога Бориса и сцены «Кремль. Дом Борисов». Полный перевод трагедии был выполнен Карлом Кноррингом (см.: Russische Bibliothek für Deutsche von Karl Knorring. Revel, 1831. S. 1–120). Переводу здесь предпослано предисловие, где подчеркивалось, что БГ вбирает в себя все драматические роды, но, в соответствии с замыслом автора, отступает от каждого из них. Кнорринг высказывал надежду, что Пушкин даст еще драматическое описание конца царствования Лжедмитрия, поскольку только тогда БГ станет подлинно завершенным произведением (перевод рецензии Кнорринга см.: ППК 3: 371–373).

Наиболее глубокий и значительный разбор пушкинской трагедии принадлежит И. В. Киреевскому (Киреевский 1832: 111–113; то же: Киреевский 1979: 106–107; ППК 3: 141–145; 384–387). Отвечая на упреки критиков, подходивших к БГ с точки зрения готовых норм и образцов, Киреевский утверждал принципиальное новаторство Пушкина (центральная мысль Киреевского приведена выше, см. с. 172–173). По мнению критика, природа трагического в БГ ближе к древней литературе, чем к современной, однако он отказался от сравнений пушкинской драмы с другими образцами, считая, что, когда речь идет о чем-то принципиально новом, примеры и сравнения могут скорее сбить и затемнить понимание, чем прояснить его. Статья Киреевского понравилась Пушкину: «Насилу-то дождались мы истинной критики», — написал он автору 4 февраля 1832 г. (XV: 9).

Обзоры критических выступлений по поводу БГ см.: Филонов 1899: 135–140, 152–169; Винокур 1935: 436–459; Городецкий 1953: 196–201, 210–218, 237–261; Ларионова 2003: 5–18. Полный свод прижизненной критики, посвященной БГ, и подробные комментарии к ней см.: ППК 2; ППК 3.

Построчный комментарий*

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ

с. 1 *Кремлевскія палаты* — помещения, в которых происходили государственные акты, приемы послов, заседания Думы. Н. М. Карамзин сообщает, что в Федорово правление две палаты — Большая Грановитая и Золотая Грановитая — были украшены живописью на библейские и исторические сюжеты, изображениями великих князей и царей вплоть до Федора (на этой, последней, картине в свите царя был изображен и Годунов). Карамзин подробно рассказывает о не сохранившихся к его времени убранстве и росписи Боль-

* При указании конкретных параллелей между пушкинским текстом и «Историей государства Российского» учтены наблюдения А. Г. Филонова, П. О. Морозова, Г. О. Винокура и Б. П. Городецкого (см.: Филонов 1899: 4–63; Пушкин 1900–1929 IV: 170–189, 2-я паг.; Винокур 1935: 461–476; Городецкий 1953: 149–186).

шой Грановитой и Золотой Грановитой палат, опираясь на их описание, составленное в 1672 г. (Карамзин 1815–1829 X, гл. 4: 268–269, 1-я паг.; см. также примеч. 453: Там же, 140–141, 2-я паг.). Большая Грановитая палата построена в 1487–1491 гг. архитекторами М. Руффо (Ruffo, в России — М. Фрязин) и П. А. Солари (Solarì, в России — П. Фрязин). Золотой Грановитой палатой Карамзин, по-видимому, называет Золотую Царицыну палату; предполагается, что основу ее составила северо-восточная угловая (Наугольная) палата великокняжеского дворца в Кремле, возведенного А. Фрязиным в 1485–1514 гг.; в 1580-е гг. ее интерьер и фасады были заново отделаны для Ирины, жены Федора Иоанновича; эта палата служила для цариц такой же парадной приемной, как для царей — Грановитая (см.: Тихомиров, Иванов 1967: 80, 82, 116).

- с. 1 *1598 года, 20 Февраля* — канун того дня, когда Борис Годунов дал согласие занять престол. После смерти царя Федора была принесена присяга его вдове царице Ирине, сестре Годунова. Однако на девятый день после смерти мужа Ирина заявила о своем решении уйти в монастырь. На предложение целовать крест Боярской думе народ, собравшийся в Кремле, отвечал отказом и требованием, чтобы на трон взошел брат царицы, правитель Годунов. Годунов, в свою очередь, отрекся от короны, желая, «чтобы не одна столица, но вся Россия призвала его на трон» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 227, 1-я паг.). 17 февраля был созван Великий избирательный собор (см. о нем ниже, с. 222). 20 февраля патриарх Иов, святители и вельможи объявили Годунову решение собора: «он избран в цари уже не Москвою, а всею Россиею» (см.: Там же, 232, 1-я паг.).
- с. 1 *Шуйский* — Василий Иванович Шуйский (1552–1612), «князь от племени Рюрика, св. Владимира, Мономаха, Александра Невского» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 4: 303, 1-я паг.). В 1587 г. произошел крупный конфликт Годунова с Шуйскими, которые пытались добиться развода царя Федора Иоанновича с сестрой Годунова, Ириной. Стремясь отомстить заговорщикам, Годунов использовал ложный донос. Шуйских разослали по деревням и тюрьмам; наиболее видные представи-

тели рода — Иван Петрович (см. о нем ниже, с. 225–226) и Андрей Иванович Шуйские — были сосланы, а затем удушены (как утверждают летописцы, по приказу Годунова [см.: Карамзин 1815–1829 X, гл. 1: 76–79, 1-я паг.; см. также с. 51–52, 2-я паг., примеч. 148]). Освободившись от двух самых серьезных противников, Борис Годунов к 1591 г. примирился с их родственниками — Димитрием Шуйским и его старшим братом Василием — «сим князем честолюбивым, легкомысленным, умным без правил добродетели» (Там же, 136–137, 1-я паг.). Карамзин со ссылкой на Никоновскую летопись отмечает, что «одни Шуйские *не хотели Годунова на царство*» (Там же, 125, 2-я паг., примеч. 389). Версия о противодействии Шуйских избранию Годунова приведена также М. М. Щербатовым (Щербатов 1790 VII/I: 9–10; см.: Винокур 1935: 467). В 1606 г. Василий Шуйский возглавил заговор против Лжедмитрия, в том же году был избран на царство, 19 июля 1610 г. свергнут с престола.

- с. 1 *Воротынский*. — В комментарии Г. О. Винокура (Винокур 1935: 464) повторено ошибочное замечание А. Г. Филонова, полагавшего, что «... в 1598 г., при восшествии Годунова на престол, Воротынского совсем не было в Москве; все Воротынские за умысел против Бориса еще в 1585 г. были сосланы в дальнее место <...>. По крайней мере в это время Карамзин не упомянул о Воротынском» (Филонов 1899: 58). Ошибка отмечена Б. П. Городецким (Городецкий 1953: 149–150): сообщая о составе открывшегося 17 февраля 1598 г. Великого собора (см. о нем ниже, с. 222), Карамзин говорит: «Тут находились князья Рюрикова племени: Шуйские, Сицкие, Воротынский, Ростовские, Телятевские...» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 230, 1-я паг.). Эта фраза была законспектирована Пушкиным (см. выше, с. 105). В 1585 г., как участники заговора против Годунова, Воротынские были сосланы «в места дальние; иных заключили в темницу» (Там же, гл. 1: 85, 1-я паг.). Ссылаясь на «Родословные книги», Карамзин в примечаниях к девятому тому сообщает о потомках М. И. Воротынского: «У Мих<аила> Ив<ановича> дети к<нязь> Иван и к<нязь> Дмитрей, у к<нязя> Ивана (боярина) к<нязь> Алексей; у к<нязя>

Алексея к<нязь> Иван: был в боярах; у к<нязя> Ивана к<нязь> Михайло, бездетен. И тот род пресекася» (Там же, IX: 175, 2-я паг., примеч. 480). Вероятнее всего, в трагедии изображен Иван Михайлович Воротынский (ум. 1627), князь, боярин, воевода. В 1585 г. он был сослан в числе своих родственников, в 1592 г. возвратился из ссылки, с 1598 г. находился в Москве; в 1605 г. вместе с Шуйским был в числе бояр, присягнувших Лжедмитрию и выехавших навстречу ему в Тулу (см.: Там же, X, гл. 1: 35, 1-я паг.; Там же, 24, 2-я паг., примеч. 60; Там же, XI, гл. 3: 202, 1-я паг.).

- с. 1 *Наряжены мы в мѣсть городѣ вѣдать, / Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть...* — Поручение по «наряду», по очереди отвечать за порядок в городе и распоряжаться службами, обеспечивающими этот порядок, было особенно ответственным в напряженные дни междуцарствия.
- с. 1 *...во слѣдѣ за Патріархомъ...* — Имеется в виду Иов (ум. 1607), до 1587 г. — архиепископ Ростовский, с 1587 г. — митрополит Московский, в 1589–1605 гг. — первый русский патриарх. Когда русская церковь освободилась от формального подчинения византийскому патриарху и в России было учреждено патриаршество, царь Федор из трех кандидатур выбрал в качестве главы русского духовенства Иова (см.: Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 116–124, 1-я паг.). По мнению Карамзина, поддерживая кандидатуру Иова, Годунов хотел «польстить» его «честолюбию <...> титулом высоким, чтобы иметь в нем тем усерднейшего и знаменитейшего пособника» (Там же, 125, 1-я паг.). Убежденный сторонник Годунова, Иов активно содействовал его воцарению. Он руководил избирательным Великим собором и оказал исключительно большое влияние на его решения (см.: Там же, гл. 3: 224–236, 1-я паг.). Перу Иова принадлежат «Духовная грамота» с автобиографией и панегириком Борису Годунову, ряд посланий, канон и служба Иосифу Волоцкому, а также «Повесть о жизни царя Федора Ивановича» (упоминается и цитируется Карамзиным [Там же, X, гл. 4: 260–262, 1-я паг.]). Иов во главе торжественного крестного хода явился к Борису, удалившемуся в Новодевичий монастырь, и не только просил, но и требовал его согласия занять трон. Борис обратился

- к патриарху со словами: «Пастырь великий! Ты дашь ответ Богу!»; Иов ободрил Годунова, сказав, что его воцарение совершается по воле Богородицы (см.: Там же, гл. 3: 234, 1-я паг.). Самозванец свел Иова с патриаршего престола и заточил в Старицком монастыре (см.: Там же, XI, гл. 3: 203–204, 1-я паг.). По воцарении Василия Шуйского Иов был освобожден и призван в Москву (см.: Там же, 108, 2-я паг., примеч. 344).
- с. 2 *Но мѣсяць ужъ протекъ, / Какъ, затворясь въ монастырь съ сестрою, / Онъ, кажется, покинулъ все мірское.* — Ср. в «Истории государства Российского»: «Где был Годунов и что делал? Заключился в монастыре с сестрою, плакал и молился с нею. Казалось, что он, подобно ей, отвергнул мир...» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 224, 1-я паг.). Сестра — Ирина, рожд. Годунова, после принятия пострига монахиня Александра (ум. 1603) — вдова царя Федора, с которым сочелась браком в 1580 г. Постриглась после его смерти.
- с. 2 *Думные Бояре* — высший чин Боярской думы, жалуемый наиболее знатным боярам. Дума — совещательно-законодательное учреждение Московского государства, ведавшее управлением приказами, решавшее важные государственные дела, судебные и административные вопросы. Дума была подчинена царю, который по большей части участвовал в ее заседаниях в качестве председателя. Иногда в ее заседаниях принимали участие представители высшего духовенства. В период междуцарствия Боярская дума ведала всеми государственными делами.
- с. 2 *Великій Соборъ* — избирательный собор, организацией которого руководил патриарх Иов; был созван 17 февраля 1598 г. с целью назвать кандидата на престол после пресечения династии. На соборе были представлены бояре, духовенство, чиновники и выборные люди из всех областей. Собор единогласно решил «бить челом государю Борису Федоровичу и мимо его не искать другого властителя для России» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 229, 1-я паг.). Описание Великого собора см.: Там же, 227–232, 1-я паг.
- с. 2 *Его сестру напрасно умоляли / Благословить Бориса на державу...* — Ср. в «Истории государства Российского»: «...всем собором пошли в монастырь Новодевичий, где патриарх

Иов, говоря именем отечества, заклинал монахиню Александру благословить ее брата на царство...» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 225, 1-я паг.).

- с. 3 *...престоль безвластный...* — Русский престол пустовал с 15 января 1598 г., когда было объявлено, «что Ирина отказывается от царства и навеки удаляется в монастырь» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 223, 1-я паг.), по 21 февраля 1598 г., когда Борис Годунов дал согласие принять царскую власть.
- с. 3 *Скажу, что понапрасну / Лилася кровь Царевича-младенца; / Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.* — Димитрий Иванович (1582–1591) — сын Ивана Грозного и его седьмой (пятой венчанной) жены Марии Федоровны Нагой. Брак был заключен, как сообщает Карамзин, «без всякого церковного разрешения» (Карамзин 1815–1829 IX, гл. 5: 317, 1-я паг.). По восшествии на престол Федора Иоанновича царевич Димитрий был отправлен вместе с матерью и ее родственниками в Углич (см.: Там же, X, гл. 1: 9, 1-я паг.), назначенный Иваном IV в удел младшему сыну (см.: Там же, IX, гл. 7: 434, 1-я паг.). Существует опирающаяся на летописные свидетельства версия, что Димитрий был убит по приказу Годунова (см. об этом выше, с. 158–160). Согласно следственному делу 1591 г. (по мнению Карамзина, фальсифицированному), все непосредственные свидетели гибели царевича показали, что Димитрий в припадке падучей болезни (эпилепсии) проткнул себе горло ножом, которым играл в тот момент (см.: Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 135–143, 1-я паг.). Царевичу Димитрию ко дню его гибели было восемь лет и семь месяцев. Карамзин, описывая смерть царевича, пишет: «Девятилетний святой мученик лежал окровавленный...» (Там же, 133, 1-я паг.). Шуйский называет его «младенцем». Согласно словарю В. И. Даля так называли мальчика до семи лет (после семи лет его называли отроком). В царствование Василия Шуйского тело Димитрия было перевезено из Углича в Москву и при вскрытии гроба, как утверждается, найдено нетленным. Царевич Димитрий был канонизирован; в его память установлены три праздника (в день рождения, день смерти и день перенесения мощей — 19 октября, 15 мая и 3 июня).

- с. 3 *Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?* — Молва объясняла удаление от ведения дел двух видных чиновников, близких к Годунову, Владимира Загряжского и воеводы Никифора Павловича Чепчугова, тем, что они отказались осуществить убийство царевича Димитрия. Карамзин подробно излагает этот эпизод, ссылаясь на летописи (см.: Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 131, 1-я паг.). На летописи ссылался и Пушкин, возражая Погодину, который считал, что сведения о попытке Годунова подкупить Чепчугова недостоверны (см.: «Заметки на полях статьи М. П. Погодина „Об участии Годунова в убийстве царевича Димитрия“» [XII: 250]; подробнее о полемике Пушкина с Погодиным см. выше, с. 159–160).
- с. 3 *Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ / Съ Качаловымъ?* — В Углич был прислан дьяк Михаил Битяговский (ум. 1591), который приехал туда с сыном Данилой (ум. 1591) и племянником Никитой Даниловичем Качаловым (ум. 1591) (см.: Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 131, 1-я паг.). «Усердный клевет Борисов <...> представил человека надежного: дьяка Михайла Битяговского, ознаменованного на лице печатью зверства, так, что дикий вид его ручался за верность во зле. Годунов высыпал золото <...>. Битяговский дал и сдержал слово» (Там же). Карамзин сообщает, что царевича зарезали Осип Волохов, Данило Битяговский и Никита Качалов. Толпа жителей Углича убила обоих Битяговских, Качалова, Волохова, а вместе с ними — других «уличенных или подозреваемых в согласии с убийцами» (Там же, 131–135).
- с. 3–4 *Я въ Угличъ посланъ былъ ~ Въ граждане согласно показали...* — Для «исследования всех обстоятельств» смерти Димитрия в Углич послали «двух знатных сановников государственных»: Василия Шуйского и окольного Андрея Клешнина (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 136, 1-я паг.). Карамзин сообщает: «Князь Шуйский начал свои допросы: памятник его бессовестной лживости <...>. Собрав духовенство и граждан, он спросил у них: „Каким образом Димитрий, от небрежения Нагих, заколол сам себя?“ Единодушно, единогласно — иноки, священники, мужи и жены, старцы и юноши — ответствовали: „Царевич убиен своими рабами, Михайлом Битяговским с клеветами, по воле Бориса Годунова“.

Шуйский не слушал далее; распустил их; решился допрашивать тайно, особенно, не миром, действуя угрозами и обещаниями; призывал, кого хотел; писал, что хотел, — и наконец <...> составил <...> донесение царю» (Там же, 138, 1-я паг.). Согласно следственному делу 1591 г., смерть Димитрия наступила оттого, что он в «припадке черного недуга проткнул себе горло ножом», причем ни Волохова, ни Качалова, ни Битяговского рядом с царевичем не было (см.: Там же, 139, 1-я паг.).

- с. 4 *Феодоръ* Иоаннович (1557–1598) царствовал с 1584 г.; последний русский царь из династии Рюриковичей.
- с. 4 *Но Царь / На все глядѣть глазами Годунова, / Всему внималъ ушами Годунова...* — Ср.: «Но как в течение жизни, так и при конце ее, Феодор не имел иной воли, кроме Борисовой; и в сей великий час не изменил своей беспредельной доверенности к наставнику: лишаясь зрения и слуха, еще устремлял темнеющий взор на Годунова и с усилием внимал его шептаниям, чтобы сделать ему угодное» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 218, 1-я паг.).
- с. 5 *...какъ дядю моего, / Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ давили.* — Речь идет о князе Иване Петровиче Шуйском (ум. 1588). Во время Ливонской войны, в 1581–1582 гг., возглавляя оборону Пскова против великолепно организованной и вооруженной армии польского короля и полководца Стефана Батория, И. П. Шуйский сумел заставить неприятеля после многомесячной осады отступить от города (см.: Карамзин 1815–1829 IX, гл. 5: 325–351, 1-я паг.). Об условиях заключенного вслед за тем десятилетнего перемирия Карамзин пишет: «В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный с Литвою; и если удержались еще в своих древних пределах, не отдали и более, то честь принадлежит Пскову: он, как твердый оплот, сокрушил *непобедимость* Стефанову <...> ... Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени» (Там же, 349–351, 1-я паг.). После предпринятой Шуйскими попытки развести царя Федора с Ириной Годуновой И. П. Шуйский был сослан

в Кирилло-Белозерский монастырь (Там же, X, гл. 1: 78, 1-я паг.). Годунов — «так уверяют летописцы — велел удавить двух главных Шуйских в заточении <...>. Спаситель Пскова и нашей чести воинской, муж бессмертный в истории <...> лаврами увенчанную главу свою предал срамной петле в душевной темнице или в яме!» (Там же, 79, 1-я паг.).

- с. 5 *Вчерашний рабъ, Татаринъ, зять Малюты, / Зять палача и самъ въ душъ палачъ...* — Ср.: «...помнили в нем Четово Моголькое племя и стыдились унижения Рюриковых державных наследников. <...> ...легко верили <...>, что зять Малютин, временщик Иоаннов есть тиран, хотя еще и робкий!» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 1: 73, 1-я паг.). Род Годуновых происходит, по преданию, от татарского мурзы Чета, который выехал из Орды к Ивану Даниловичу Калите, великому князю Московскому, в 1330 г. (см.: Там же, 49, 2-я паг., примеч. 142; Там же, IV: 226–227). Однако более поздние историки не считают легенду о Чете заслуживающей доверия. См.: Веселовский 1969б: 162–168, 177. Р. Г. Скрынников пишет: «Предки Годунова не были ни татарами, ни рабами» (Скрынников 1978: 5). Они издавна служили при дворе московских князей и были боярами. Выходцев из соседних стран, договаривающихся с князем о службе, зачастую вводили в более высокие «места», отгесняя бояр, уже утвердившихся в определенном порядке. Возможно, легенда о Чете появилась, чтобы внушить мысль, что право на особое, привилегированное положение при московском княжеском дворе род Годуновых имел уже при Иване Калите. Однако в боярской среде слухи о татарском происхождении Бориса Годунова приобретали другой смысл. Годунов был в близком, кровном родстве с семьями, занимавшими высокие должности, — Сабуровыми и Вельяминовыми, но семья Годуновых, служившая московским князьям с XIV в., обеднела. Иван IV приблизил юных Ирину и Бориса Годуновых к своей семье. Борис женился на дочери главного деятеля опричного террора — Григория (Малюты) Лукьяновича Скуратова-Бельского (ум. 1573). Годунов был, несомненно, любимцем Ивана Грозного, но чем стремительнее совершеншалась его придворная карьера, тем более он был ненавистен

представителям высшей княжеской аристократии. Именно в кругу царедворцев-князей, презиравших служилых, нетитулованных бояр, бытовал взгляд на них как на «рабов». Слух о татарском происхождении Годунова культивировался в этой среде как свидетельство его «худородства». В одиннадцатом томе «Истории» Карамзин рассказывает, что Борис Годунов в определенный период своего царствования начал избегать людей, «чтобы лицом монарха не напомнить им лицо бывшего раба Иоаннова» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 95, 1-я паг.). Историк сообщает также о грамоте Самозванца, в которой он призывал «свергнуть раба и злодея с престола Иоаннова» (Там же, 141, 1-я паг.). Ср. также приведенные Карамзиным слова Ивана Грозного, обращенные к Борису Годунову: «Ты не раб, а сын мой» (Там же, X, гл. 3: 230, 1-я паг.).

- с. 5 ...*вѣнецъ и бармы Мономаха*... — Венец (шапка) Мономаха — золотой филигранный остроконечный головной убор среднеазиатской работы XIV в. с соболей опушкой, украшенный драгоценными камнями, — коронационный венец русских царей (до 1721 г.; хранится в музее Оружейной палаты Московского Кремля). «Шапкой Мономаха», имевшей значение короны, венчался Иван IV, первый великий князь, утвердивший за собою титул царя и самодержца. Бармы — шитые золотом и жемчугом оплечья, один из атрибутов парадного одеяния царя. Согласно официальной легенде, возникшей в XV — начале XVI в. и подчеркивавшей преемственную связь Великой Руси и Византии, Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125), великий князь Киевский с 1113 г., сын дочери византийского императора Константина Мономаха, получил из Царьграда знаки власти византийских императоров: животворящий крест, царский венец, чашу, принадлежавшую римскому императору Августу, и ожерелье («святые бармы»).
- с. 6 *Природные, и Рюриковой крови*. — Местническая система, по которой в Московском государстве в XVI–XVII вв. определялось значение человека и семьи в служебной и генеалогической иерархии, давала потомкам великих князей преимуществва перед служившими при московском дворе

боярами. Родовая связь с варягом Рюриком — основателем русской государственности и династии русских великих князей — уже сама по себе могла служить основанием для претензий на русский престол.

- с. 7 *Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга ~ Давно Царямъ подручниками служимъ...* — Говоря о том, что родовая аристократия не могла вступить в равный спор с правителем за право занять престол, Карамзин писал: «Тут находились князья Рюрикова племени <...>, но давно лишенные достоинства князей владетельных, давно слуги московских государей наравне с детьми боярскими, они не дерзали мыслить о своем наследственном праве и спорить о короне с тем, кто без имени царского уже тринадцать лет единовластвовал в России: был хотя и потомком мурзы, но братом царицы» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 230, 1-я паг.). Одной из мер, которые Иван IV предпринимал в борьбе с «исконными», родовитыми князьями, было лишение их наследственных вотчин, уделов (владений, областей, которые великий князь выделял своим сыновьям) и перевод на другие, меньшие и удаленные от столицы казенные поместья. Последним удельным княжеством владел в Угличе царевич Димитрий. Стих «Давно царям подручниками служим» в черновом автографе читался: «Давно царям мы, как дворяне, служим». «Слово „подручник“, означающее подчиненного, подвластного кому-нибудь человека (под рукою = под властью), в языке русского феодализма употреблялось приблизительно в том смысле, в каком на Западе слово „вассал“» (Винокур 1936б: 152–153). Ср. употребление слова *рука* в значении *власть* в речи царя Бориса, обращенной к сыну-наследнику в сцене «Царские палаты»: «Все под руку достанется твою» (см.: Там же). В. О. Ключевский, отмечая новые черты межкняжеских отношений, проявившихся в XII в., цитирует по Ипатьевской летописи слова Мстислава Храброго, упрекавшего Андрея Боголюбского в том, что он обращается к своим племянникам «не как к князьям, а как к подручникам и простым людям». Комментируя эти слова, историк отмечает: «Так в первый раз произнесено было в княжеской среде новое политическое слово *подручник*, т. е. впервые де-

лана была попытка заменить <...> родственные отношения князей по старшинству обязательным подчинением младших старшему, политическим их подданством наряду с простыми людьми» (Ключевский 1987: 321).

- с.7 *А онъ умьль и страхомъ и любовью / И славою народъ очаровать.* — Решение Великого собора избрать Бориса Годунова было, как рассказывает Карамзин, поддержано населением Москвы — стрельцами, служилыми людьми, купцами и чернью. То же утверждает и современник Бориса Годунова — Авраамий Палицын, который рассказывает о всенародном «умолении», чтобы Борис взшел на престол, и о том, что в первые годы его царствования Годунов «о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся <...> о бедных и нищих крепче промышляше, и милость от него к таковым велика бываше; злых же людей люте изгубляше. И таковых ради строений всенародных всем любезен бысть» (Палицын 1955: 104). Военные победы Годунова стали предметом народной гордости, что было очень важно после военных поражений в конце царствования Ивана Грозного. Так, в 1591 г. Годунов совместно с Ф. И. Мстиславским возглавил войско, выступившее против хана Казы-Гирея, который во главе крымско-татарского войска подошел к самой Москве, но был разбит и бежал. Участники похода получили большие награды, а на месте, где стояли русские войска, был построен Донской монастырь в память о победе над татарами (см.: Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 144–157, 1-я паг.). Другим событием, укрепившим славу Годунова, было, по мнению Карамзина, заключение в 1595 г. «вечного мира» с Швецией после многолетней борьбы и войн; по этому договору ряд земель был возвращен России (см.: Там же, 168–169, 1-я паг.). Слова Воротынского имеют, однако, двоякий смысл. Корневое значение слова «очаровать» указывает на то, что во влиянии Бориса на народ Воротынский видит признаки колдовства, «чарования». Употребление слова «очаровать» в этом значении см., например, в примечаниях 12 и 14 к первой главе девятого тома «Истории» Карамзина (Там же, IX: 7, 2-я паг.).

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

События этой сцены так же, как предыдущей, относятся к 20 февраля 1598 г. В названии площади Пушкин, следуя за Карамзиным, допускает неточность, поскольку площадь стала именоваться Красной лишь во второй половине XVII в., а до того называлась Торгом, в XVI в. — Троицкой. Карамзин, по-видимому, не придавал значения анахронизмам в названиях — в десятом томе он называет эту площадь в авторском тексте Красной (Карамзин 1815–1829 X, гл. 4: 271, 1-я паг.), но при цитировании источников — Торгом (Там же, 21, 2-я паг., примеч. 53; Там же, 37, 2-я паг., примеч. 111).

- с. 8 *Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ ~ Его страшитъ сіяніе престола.* — Ср. в «Истории государства Российского» о событиях 20 февраля: «...Годунов вторично отвечал, что высота и сияние Феодорова трона ужасают его душу; <...> видел слезы, слышал убеждения самые трогательные и был непреклонен; выслал *искусителей*, духовенство с синклитом, из монастыря и не велел им возвращаться» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 232, 1-я паг.). *Святители* — архиереи, епископы.
- с. 9 *Щелкаловъ* Василий Яковлевич (ум. 1610). — О дьяке В. Я. Щелкалове Карамзин впервые упоминает в связи с событиями 1567 г. (см.: Карамзин 1815–1829 IX: 71–72, 2-я паг., примеч. 221). В 1595 г. В. Я. Щелкалов занял в Государственной думе «место брата своего, Андрея Щелкалова, называюсь с сего времени ближним дьяком и печатником» (Там же, X, гл. 3: 207, 1-я паг.; Там же, 115, 2-я паг., примеч. 344). Карамзин рассказывает об участии Щелкалова в событиях 1598 г.: «Сведав о пострижении Ирины, духовенство, чиновники и граждане собрались в Кремле, где государственный дьяк и печатник Василий Щелкалов, представив им вредные следствия безначалия, требовал, чтобы они целовали крест на имя Думы боярской. Никто не хотел слышать о том; все кричали: „Не знаем ни князей, ни бояр; знаем только царицу <...>“. Печатник советовался с вельможами, снова вышел к гражданам и сказал, что царица, оставив свет, уже не

занимается делами царства и что народ должен присягнуть боярам, если не хочет видеть государственного разрушения. Единогласным ответом было: „Итак, да царствует брат ее!“» (Там же, гл. 3: 224–225, 1-я паг.). В первые годы царствования Годунова Василий Щелкалов принимал деятельное участие в правительственных мероприятиях, но, описывая события 1602 г., Карамзин сообщает, что к этому времени думный дьяк Власьев заменил Щелкалова в делах государственных (Там же, XI, гл. 1: 39, 1-я паг.; см. также с. 55, 2-я паг., примеч. 159). Рассказывая о возрастающей подозрительности царя Бориса, Карамзин еще раз упоминает о том, что он, в частности, «удалил от дел знаменитого дьяка Щелкалова, но без всякой опалы» (Там же, гл. 2: 107, 1-я паг.). Лжедмитрий, войдя в Москву, пожаловал «многих в окольные, и между ими знаменитого Василья Щелкалова, удаленного от дел Борисом» (Там же, гл. 4: 215, 1-я паг.). У Пушкина роль Щелкалова несколько изменена (см. также ниже, комментарий к сцене «Царская дума», с. 295).

- с. 9 *Красное Крыльцо* — со второй половины XVII в. так называлось крыльцо, которое шло по всей лицевой стороне московского царского дворца от Благовещенского собора до Грановитой палаты. В XVI в. оно называлось просто «крыльцо» или «переходы». Так же, как в названии площади, Карамзин и следом за ним Пушкин допускают анахронизм: крыльцо у Карамзина везде называется Красным, но в приведенной им цитате из источника XVI в. (Карамзин 1815–1829 X: 36, 2-я паг., примеч. 111) это название отсутствует. Красное крыльцо, находившееся внутри Кремля, не могло быть видно толпе, собравшейся на площади по другую сторону Кремлевской стены.
- с. 9 *Соборомъ положили ~ И на вѣнецъ благословить Бориса.* — Ср. у Карамзина: «Святители в общем совете с боярами устави́ли петь, 21 февраля, во всех церквях *праздничный молебен*, и с обрядами торжественными, с святынею Веры и отечества, в последний раз испытать силу убеждений и плача над сердцем Борисовым» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 232, 1-я паг.). Следующая часть речи Щелкалова восходит к описанию событий 21 февраля: «...и на рассвете, при

звуче всех колоколов, подвиглась столица. Все храмы и дома отворились: духовенство с пением вышло из Кремля; народ в безмолвии теснился на площадях. Патриарх и владыки несли иконы, знаменитые славными воспоминаниями: Владимирскую и Донскую, как святые знамена отечества...» (Там же, 233, 1-я паг.). *Владимирская* чудотворная икона Богоматери, по преданию, приведенному Карамзиным в примечании 383 ко второму тому «Истории государства Российского», была написана евангелистом Лукой и привезена из Царьграда. В 1155 г. Андрей Боголюбский перевез ее во Владимирское княжество (Там же, II, 497, примеч. 383). Во время нашествия Тамерлана (Темир-Аксака) на Русь в 1395 г. она была торжественно перенесена в Москву — новый столичный град. Выйдя к Дону и заняв город Елец, Тамерлан через несколько недель внезапно отступил, даже не дойдя до войска великого князя Василия Димитриевича. Это чудо было оценено как следствие заступничества иконы Владимирской Богоматери (Там же, V, гл. 2: 144–147). Во время страшного московского пожара 1547 г. горел и Успенский собор, где находилась икона, но чудотворный образ уцелел (см.: Там же, VIII, гл. 3: 96). *Донская* икона, как сообщает Карамзин, была с Дмитрием Донским «на Куликовом поле и с Годуновым в Московской битве» 1591 г., когда была одержана победа над подошедшими к Москве войсками хана Казы-Гирея. Заложенный по случаю победы 1591 г. Донской монастырь был назван «от имени» этой иконы (Там же, X, гл. 2: 156–157, 1-я паг.).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ

В этой сцене объединены события 26 февраля 1598 г. (когда Борис торжественно въехал в Москву, поклонился могилам российских венценосцев, беседовал с патриархом Иовом и вернулся в Новодевичий монастырь, объявив, что «не может до Светлого Христова Воскресения оставить Ирины в ее скорби» [см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 6–7, 1-я паг.]) и 30 апреля 1598 г. (когда Борис выехал из Новодевичьего монастыря, был встречен всем народом в столице, отслужил литургию в храме

Успения, обошел главные московские церкви, а затем вступил в царские палаты, где был устроен роскошный пир для всех подданных [см.: Там же, 10–11, 1-я паг.]).

- с. 10 *Ты, отче Патриархъ...* — обращение к патриарху Иову. Начало монолога Бориса, вероятно, ориентировано на рассказ Карамзина о венчании Бориса на царство, состоявшемся 1 сентября 1598 г.: «...царь, осененный десницею первосвященника, в порыве живого чувства как бы забыл устав церковный, среди литургии воззвал громогласно: „Отче, великий патриарх Иов! Бог мне свидетель, что в моем царстве не будет ни сирого, ни бедного“...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 21, 1-я паг.).
- с. 10 *Обнажена моя душа предъ вами...* — Фраза воспроизводит извлеченные Карамзиным из «Избирательной Борисовой грамоты» слова Ивана Грозного, будто бы обращенные им перед смертью к Борису Годунову: «...тебе душа моя обнажена вся...» (Карамзин 1815–1829 X: 126, 2-я паг., примеч. 391).
- с. 10 *Насльдую могущимъ Иоаннамъ...* — Речь идет о Иване III Васильевиче (1440–1505; великий князь Московский в 1462–1505 гг.) и его внуке Иване IV Васильевиче Грозном (1530–1584; великий князь всея Руси с 1533 г., сначала под опекой матери, удельных князей и бояр; царь с 1547 по 1584 г.). Повествование о правлении Ивана III Карамзин начинает словами: «Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической» (Карамзин 1815–1829 VI, гл. 1: 5, 1-я паг.). В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. в числе величайших русских исторических деятелей Пушкиным названы «оба Ивана» («les deux Ivan» [XVI: 172]).
- с. 10 *Насльдую и Ангелу-Царю!..* — Царь Федор был популярен в народе как блюститель веры и церковного благочестия на

троне. Карамзин пишет: «Народ любил Феодора как Ангела земного, озаренного лучами святости, и приписывал действию его ревностных молитв благосостояние отечества» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 217, 1-я паг.). Эта репутация царя Федора была официально утверждена в его житийном жизнеописании — «Повести о житии царя Феодора Иоанновича» (до 1604 г.), — написанном патриархом Иовом.

- с. 11 *Не измѣнимъ присягъ, нами данной.* — Карамзин сообщает, что 26 февраля 1598 г. «все люди служивые с усердием целовали крест в верности к Борису <...> клялися не изменять царю ни делом, ни словом» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 7, 1-я паг.).
- с. 11 *Теперь пойдѣмъ, поклонимся гробамъ / Почиющихъ властителей Россіи...* — Ср. в «Истории государства Российского»: «После литургии Борис изъявил благодарность к памяти двух главных виновников его величия: в храме Св. Михаила пал ниц пред гробами Иоанновым и Феодоровым; молился и над прахом древнейших знаменитых венценосцев России: Калиты, Донского, Иоанна III, да будут его небесными пособниками в земных делах царства...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 6–7, 1-я паг.). Исполняя ритуал поклонения гробам «властителей России», Борис Годунов менял его смысл: он поклонялся не своим предкам, а политическим руководителям России, утверждая преемственность своей власти именно в этом смысле — не родовом, а политическом.
- с. 11 *А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ, / Вспѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца...* — Обед состоялся 30 апреля 1598 г. Ср. в «Истории государства Российского»: «В сей день народ обедал у царя: не знали числа гостям, но все были званные, от патриарха до нищего» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 11, 1-я паг.).
- с. 12 *...Дѣвичье поле...* — В Девичьем поле находился Новодевичий монастырь.
- с. 12 *Лукавый царедворецъ!* — Ср. у Карамзина выражение «лукавый честолюбец» применительно к Годунову (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 222, 1-я паг.).

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ

- с. 13 *Чудовъ монастырь* основан в 1365 г., разобран в начале 1930-х гг.; находился в Московском Кремле. В XVI–XVII вв. ученые монахи Чудова монастыря занимались переводами и перепиской богослужебных книг, а также составлением летописей. В монастыре имелась богатая библиотека. Монастырь пользовался большим авторитетом в правительственном и придворном кругу. Цари посещали его и по обычаю крестили в нем своих детей.
- с. 13 *1603 года*. — Эту дату Пушкин заимствовал из примечания 207 к одиннадцатому тому «Истории» Карамзина, где она дается со ссылкой на разрядную книгу («В одной Разрядн<ой> книге (см. Собран<ие> Г<осударственных> г<рамот> II, 163): „Гришка в III (1603) году збежал в Литву и пришел в Печерский монастырь...“» [Карамзин 1815–1829 XI: 68–69, 2-я паг.]). В тексте «Истории» стоит другая дата бегства Отрепьева за рубеж — февраль 1602 г. (Там же, гл. 2: 126, 1-я паг.). На сомнительность принятой Пушкиным даты бегства Отрепьева из Москвы указал Булгарин в предисловии к своему роману «Димитрий Самозванец» (Булгарин 1830 I: V–VI). По мнению Булгарина, между 1603 и 1604 гг., когда самозванец вторгся в Россию, прошло слишком мало времени, чтобы бедный галицкий дворянин Григорий Отрепьев мог овладеть науками, чуждыми его званию, обрести сноровку во владении оружием и умение вести себя соответственно обычаям высшего общества и польского двора. Для Булгарина это было лишним подтверждением тому, что самозванца не следует отождествлять с Отрепьевым.
- с. 13 *Отець Пименъ* — лицо вымышленное. Имя «Пимен» дважды встречается во второй главе одиннадцатого тома «Истории» Карамзина. Упоминается, что инок Днепровского монастыря Пимен перевел самозванца через границу в Литву (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 127, 1-я паг.), а в примечании к этому эпизоду (примеч. 199) цитируется грамота патриарха Иова с подробным изложением показаний чернеца Пимена о переходе Отрепьевым и его спутниками

рубежа России. В примечании 207 к одиннадцатому тому среди материалов о пребывании Отрепьева в Польше упоминается другой Пимен — игумен Стодольского монастыря, в котором самозванец на исповеди «признался», что является царевичем Димитрием. У Карамзина сообщалось, что Отрепьев жил в Чудовом монастыре в келье у своего деда Замятни Отрепьева (Там же, 124, 1-я паг.; Там же, 63, 2-я паг., примеч. 194).

- с. 13 *Григорій* Отрепьев — по версии Н. М. Карамзина, самозванец, выдавший себя за царевича Дмитрия Ивановича, царь московский в 1605–1606 гг. Тождество Лжедмитрия I и Григория Отрепьева не может считаться доказанным с точки зрения современной науки. Оно многократно подвергалось сомнению, о чем знал и Карамзин, считавший, однако, такие сомнения необоснованными (см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 4: 318–321, 1-я паг.).
- с. 14 *Хартія* — древняя рукопись, написанная на пергаменте.
- с. 14 *Немного словъ доходитъ до меня...* — В черновом и в белом автографах этот стих читался: «Немного слов доходят до меня». Замену глагольной формы в «БГ*» Г. О. Винокур считал редакторским исправлением (см.: Винокур 1935: 431). Однако в данном случае пушкинское написание может быть квалифицировано как ошибка, исправленная в первопечатном издании.
- с. 15 *О казняхъ ли свирѣпыхъ Иоанна?* — Карамзин отмечает шесть эпох казней в течение царствования Ивана IV, начиная с 1560 г. Изошренные, чудовищные пытки и казни превратились в пышные публичные зрелища. Известные и почитаемые за свои заслуги государственные и церковные деятели, вельможи, полководцы, влиятельные чиновники, вчерашние любимцы царя были преданы жестоким, унижительным казням. Так, в январе 1570 г. были подвергнуты пыткам, избиению и казням тысячи новгородцев; сотни горожан, часто вместе с женами, детьми и слугами, были утоплены в Волхове. 25 июля 1570 г. в Москве были казнены 200 человек, на четвертый день казни возобновились; 80 женщин — жен казненных — были утоплены. Рассказы-вaya об этом, Карамзин пишет: «Одним словом, Иоанн

- достиг наконец вышней степени безумного своего тиранства; мог еще губить, но уже не мог изумлять россиян никакими новыми изобретениями лютости» (Карамзин 1815–1829 IX, гл. 3: 149–151, 158–162, 1-я паг.).
- с. 15 *Такъ точно Дьякъ, въ Приказахъ постыдльый...* — Дьяк — чиновник, служащий в приказах — административных учреждениях, ведавших какой-либо сферой управления.
- с. 16 *Бтьсовское мечтанье* — бесовское наваждение.
- с. 16 *Мнѣ снилося, что льстница крутая ~ И падая стремглавъ, я пробуждался...* — Сон Отрепьева — вещей: символически он знаменует его восхождение к власти и стремительное падение. Однако, возможно, Пушкин хотел ввести сюда и некоторые реальные детали. Рассказывая о гибели Лжедмитрия, Карамзин в примечаниях к одиннадцатому тому приводит свидетельства разных источников, согласно которым самозванец, пытаясь спастись от толпы, преследующей его в царских покоях, выпрыгнул из окна, но расшибся не насмерть (см.: Карамзин 1815–1829 XI, 135–137, 2-я паг., примеч. 543, 545, 548).
- с. 17 *Ты воевалъ подѣ башнями Казани...* — Иван IV после нескольких безуспешных попыток завоевать татарское Казанское царство (1548 и 1550 гг.) 2 октября 1552 г. взял Казань приступом. См. об этом: Карамзин 1815–1829 VIII, гл. 3–4: 113–185. Мощные укрепления Казани с башнями были большим препятствием, которое московское войско преодолело только благодаря подкопу и взрыву части укреплений. Взятие Казани описано в «Казанской истории» — изобиловавшем легендарными мотивами и пользовавшемся большой популярностью литературно-публицистическом сочинении второй половины XVI в., опубликованном в Петербурге в 1791 г. под заглавием «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам».
- с. 17 *Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ...* — См. выше комментарий к сцене «Кремлевские палаты» (с. 225–226).
- с. 17 *Ты видѣль Дворѣ и роскошь Иоанна!* — В черновой рукописи были варианты: «Ты видел блеск и роскошь Иоаннов» и «Ты видел двор великих Иоаннов». Таким образом, пер-

воначально поэт хотел напомнить о той пышности придворного быта, начало которой положил Иван III (ср.: Карамзин 1815–1829 VI, гл. 7: 331–335). Однако современник царствования Бориса Годунова не мог быть свидетелем того, что происходило при дворе Ивана III, умершего в 1505 г. Поэтому первоначальные варианты были изменены.

- с. 17 *Щастливъ! а я отъ отроческихъ лтъ / По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!* — Слова основаны на биографии Отрепьева, изложенной в «Истории» Карамзина: «Бедный сын боярский, галичанин Юрий Отрепьев <...> Постриженный вятским игуменом Трифоном и названный Григорием, сей юный чернец скитался из места в место» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 124, 1-я паг.; см. также примеч. 194, где, в частности, сказано, что Отрепьев был пострижен в возрасте 14 лет: Там же, 63, 2-я паг.).
- с. 18 *Насъ издали плъняють слава, роскошь...* — В черновом и в беловом автографах этот стих читался: «Нас издали пленяет слава, роскошь». В данном случае, так же как в стихе «Немного слов доходит до меня» этой же сцены, пушкинское написание может быть квалифицировано как ошибка, исправленная в первопечатном издании.
- с. 19 *Царь Иоаннъ искалъ успокоенья...* и след. — Пушкин приводит реальный факт, о котором Карамзин сообщает в девятом томе. О «столице» опричнины — Александровской слободе — он пишет: «В сем грозно-увеселительном жилище, окруженном темными лесами, Иоанн посвящал большую часть времени церковной службе, чтобы непрестанною набожною деятельностью успокоивать душу. Он хотел даже обратить дворец в монастырь, а любимцев своих в иноков: выбрал из опричников 300 человек, самых злейших, назвал *братиєю*, себя игуменом, князя Афанасия Вяземского келарем, Малюту Скуратова параклисиархом <Примеч.: «Сим греческим именем назывались у нас пономари»>, дал им *тафы*, или скуфейки, и черные рясы, под коими носили они богатые, золотом блестящие кафтаны с собольею опушкою; сочинил для них устав монашеский и служил примером в исполнении оного» (Карамзин 1815–1829 IX, гл. 2: 88, 1-я паг.; с. 51, 2-я паг., примеч. 153;

ношение *тафьи* — восточной шапочки, которая упоминается и Пименом в ст. 100, было запрещено в 1551 г. на Стоглавом соборе, о чем говорится в гл. 39 Стоглава). Карамзин подробно рассказывает о том, как сочетались в имитированном монастыре Ивана Грозного кровавые расправы, насилия над населением, садизм — с молитвами и пародированием благочестия. Далеко не все современники так же простодушно, как Пимен, воспринимали «самозванное» маскарадное «монашество» царя. Митрополит Филипп резко осудил появление царя и опричников в монашеских одеяниях во время богослужения в соборной церкви Успения. Это стоило митрополиту лишения сана, осуждения, заточения и ссылки (см.: Там же, IX, гл. 2: 103–109, 1-я паг.).

- с. 19 *Кромешники* — так в народе называли опричников — («опричь» и «кроме» — синонимы). Сообщая этот «каламбур» XVI в. во второй главе девятого тома «Истории», Карамзин пишет: «Опричник, или кромешник, так стали называть их, как бы извергов тьмы *кромешней*» (Карамзин 1815–1829 IX: 85–86, 1-я паг.; см. также с. 50, 2-я паг., примеч. 148).
- с. 19 *А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ.* — В автографе ПД 891 этот стих читался: «А грозный царь игуменом смиренным». В печатной редакции Пушкин заменил слово «игуменом» на «игумном», что повлекло за собой и другие исправления в стихе. Аналогичный случай — ниже: стих, читавшийся в автографе: «Он говорил игумену и братьи», заменен в печатной редакции на: «Он говорил игумну и всей братье». В заметке 1830 г. Пушкин писал: «Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо) <...>. Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место». В качестве одного из примеров ошибки Пушкин приводит «„игумену“ вместо „игумну“» (XI: 148). Обосновывая необходимость восстановления в основном тексте первоначального пушкинского написания, Г. О. Винокур пояснял: «Неизвестно, кто указал Пушкину на эту ошибку, но указание во всяком случае было неверным, так как хотя склонение слова „игумен“ по типу слов с беглой гласной

и встречается в просторечьи (ср. фамилию Игумнов), этимологически пропуск гласной здесь не имеет никаких оснований и в обычном литературном языке „игумен“ склоняется без изменения основы. В устах Пимена это церковное слово вовсе не должно было звучать просторечно» (Винокур 1935: 432). Решение Винокура нашло активную поддержку со стороны Д. Д. Благого (см.: Благой 1936: 234, 236). Винокуру и Благому довольно убедительно возражал В. И. Чернышев, показавший, что в 1820–1830-х гг. тип склонения *игумен* — *игумна* «имел за себя достаточно авторитетные показания, на основании которых его можно было считать более литературным», и привел многочисленные примеры употребления формы «игумна», начиная с «Российской грамматики» Ломоносова вплоть до текстов Карамзина, Н. И. Надеждина, И. И. Козлова и др. (Чернышев 1941: 453–455). Винокур продолжал отстаивать свою точку зрения: «...я никогда не утверждал, будто в это время невозможно было *игумном*; *игумну*. Все дело только в том, что эти поправки были *навязаны* Пушкину, поверившему, будто *игуменом*; *игумену* это „неграмотно“ и потому испортившему два стиха в своей трагедии» (см.: Винокур 1941: 489). Необходимо принять во внимание, что исправление, хотя бы и сделанное исходя из ошибочных представлений, принадлежит Пушкину, а вариант, получившийся в результате исправления, вполне литературен.

- с. 19–20 *Въ ней жилъ тогда Кирилль многострадальный ~ И плакаль онъ. А мы въ слезахъ молились...* — В данном фрагменте монолога Пимена использованы приведенные в примечаниях Карамзина письма Ивана Грозного к игумену Кирилло-Белозерского монастыря. Перенесение событий, о которых пишет Иван IV, из Кирилло-Белозерского в Чудов монастырь в известной мере оправдано: царь сравнивает нравы этих монастырей и дает понять, что посещал ту и другую обитель (см.: Карамзин 1815–1829 IX: 13, 2-я паг., примеч. 37). Выдержки из письма с подробным рассказом Грозного о его покаянном разговоре с игуменом и монахами приводятся в примечании 38: «Помните, отцы святии, егда некогда прилучися ми у вас быти... и повелех тогда су-

щему игумену Кириллу с некими от вас негде в келье скроне быти, самому же от мятежа и плища мирского упразднившуся...» (Там же, 16, 2-я паг.). Пушкиным воспроизведены как содержание этого рассказа, так и его словесные обороты. Ср. в БГ: «Ты, Никодим, ты, Сергей, ты Кирилл, Вы все обет примите мой духовный» — и в письме Ивана Грозного: «...тогда со игуменом бяше Иоасаф, архим. Каменский, и Сергей Колычев, ты Никодим, ты Антоний, а иных не упомяну...» (Там же); в БГ: «К стопам твоим, святой отец, припадши» — и в письме Грозного: «...аз же окаянный преклоних скверную свою главу и припадох к честным стопам игумена, благословения прося...» (Там же); в БГ: «А мы в слезах молились» — и в письме: «...и вам молитвовавшим...» (Там же).

с. 20 *А сынъ его Феодоръ? ~ Онъ Царскіе чертоги / Преобратилъ въ молитвенную келью...* — Ср. у Карамзина о царе Федоре: «На громоносном престоле свирепого мучителя Россія увидела *постника* и *молчальника*, более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 1: 6, 1-я паг.).

с. 20 *Тамъ тяжкія, державныя печали ~ И Русь при немъ во славу безмятежной / Утѣшилась...* — Пушкин дает типичную для XVII в. трактовку царствования Федора Иоанновича. Ср., например, в «Сказании» Авраамия Палицына: «...не радея о земном царствии мимоходящем, но всегда ища непременного. Его же видя, око, зрящее от превышних небес, дает по того изволению немятежно земли Рустей пребывание и всех благих преизобилование» (Палицын 1955: 101; см.: Державина 1954: 159).

с. 20–21 *Свершилося неслыханное чудо ~ И ликъ его какъ солнце просіялъ...* — Рассказывая о кончине царя Федора, Карамзин со ссылкой на Никоновскую летопись сообщает: «Пишут, что он, умирая, видел Ангела и проч.» (Карамзин 1815–1829 X: 123, 2-я паг., примеч. 372). В монологе Пимена отражены детали, содержащиеся в более пространном рассказе о чуде при одре Федора из составленной патриархом Иовом и вошедшей в Никоновскую летопись «Повести о честном житии благоверного и благородного и христоро-

бивого государя царя и великого князя Феодора Ивановича»: «...в седьмый час нощи начат благочестивый царь зело изнемогати, и повеле призвати к себе отца своего и богомолца Иева патриарха со освященным собором; прежде же пришествия патриархова видел некакова пришедша к нему мужа светла во святительских одеждах, и глаголет благочестивый царь внезапно предстоящим бояром своим, повелевает отступить от одра его да устроят место некоему, патриархом нарицая его, и честь достойную ему воздати повелевая. Они же глаголаше ему, благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, кого государь зриши и с ким глаголеши, еще бо отцу твоему Иеву патриарху непришедши, и кому повелеваеши место устроить? Он же отвещав рече им, зрители одра моего, предстоит муж светел во одежде святительстеи ити ми глаголя с собою повелевает; они ж чудишась на много час, царя убо единого зряще и того зело изнемогающе, мужа же не видяще, ни гласа его не слышаще, и мнеша во истинну Ангела божия пришедша к нему и возвещающа ему к богу отшествие» (РЛНС 1791: 347–348; см.: Жданов 1892: 14–15). Ср. также в «Летописи о многих мятежах...»: «Он же государь возрев ко дверем к передним, и вопроши патриарха Иова: Кто сия два святителя, стояща у дверей? аз оных не знаю, а пришли с тобою. Патриарх же сказоваше ему государю про всех властей, кои с ним приидоша. Он же рече: Всех сих знаю про них же сказуеши ми; сих только двух не знаю. Мы же все мнехом, яко же виде он государь ангелов» (Летопись о многих мятежах 1771: 45–46; см.: Городецкий 1953: 181). *Зане* — потому что (*ц.-сл.*).

- с. 21 *Давно, честный отецъ, / Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти / Димитрія Царевича...* — Ср. рассказ Карамзина о постепенном созревании замысла Самозванца. Карамзин пишет, что Отрепьев «изъявлял необыкновенное любопытство; с жадностию слушал людей разумных, особенно когда в искренних, тайных беседах произносилось имя Димитрия царевича; везде, где мог, выведывал обстоятельства его судьбы несчастной и записывал на хартии. Мысль чудная уже поселилась и зрела в душе мечтателя, внушенная

ему, как уверяют, одним злым иноком: мысль, что смелый самозванец может воспользоваться легковерием россиян, умиляемых памятью Димитрия, и в честь Небесного Правосудия казнить святоубийцу! Семя пало на землю плодотворно...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 125, 1-я паг.).

с. 22–23 *Наутро въ часъ обѣдни / Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ...* и след. — Во второй главе десятого тома Карамзин пишет: «Через минуту весь город представил зрелище мятежа неизъяснимого. Пономарь Соборной церкви <...> ударил в набат, и все улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными; бежали на звук колокола; смотрели дыма, пламени, думая, что горит дворец; вломилась в его ворота; увидели царевича мертвого на земле: подле него лежали мать и кормилица без памяти; но имена злодеев были уже произнесены ими. <...> ...тайный вождь их, Михайло Битяговский, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря: не мог отбить запертой им двери и бесстрашно явился на месте злодеяния <...>. „Душегубец!“ завопили толпы; камни посыпались на злодея. Он искал убежища во дворце, с одним из клеветов своих, Данилом Третьяковым; народ схватил, убил их; также и сына Михайлова, и Никиту Качалова <...>. Третий убийца, Осип Волохов, ушел в дом Михайла Битяговского: его взяли, привели в церковь Спаса, где уже стоял гроб Димитриев, и там умертвили, в глазах царицы <...> ...злодеи, издыхая, облегчили свою совесть, как пишут, искренним признанием; наименовали и главного виновника Димитриевой смерти: Бориса Годунова» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 133–135, 1-я паг.). Карамзин опирался на свидетельства авторов начала XVII в., не присутствовавших на месте происшествия и зафиксировавших версии и слухи, имевшие широкое хождение, а отчасти и умышленно распространявшиеся. Эпизод с «обличением» Битяговских и Качалова как убийц — «трепетанием» мертвого тела царевича Димитрия при их приближении — отсутствует у Карамзина; он содержится в «Летописи о многих мятежах...», из которой Пушкин заимствовал и сравнение Михайлы Битяговского с Иудой («И вниде дьявол во единого от них предстоящих, рекомый

Михайло Битяговской, якоже вниде сатана во Июдю Искаротского...» — Летопись о многих мятежах 1771: 19). Слово «затрепетал», возможно, возникло под впечатлением следующих строк Карамзина: «Девятилетний святыи мученик лежал окровавленный в объятиях той, которая воспитала и хотела защитить его своей грудью; он *трепетал как голубь*, испуская дух, и скончался, уже не слыжав вопля отчаянной матери...» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 133, 1-я паг.; см.: Серман 1969: 124).

- с. 22 *Царица мать* — Мария Федоровна Нагая (ум. 1612), последняя, седьмая жена Ивана Грозного. После смерти Дмитрия была насильно пострижена и отвезена «в дикую Пустыню Св. Николая на Выксе (близ Череповца)» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 141, 1-я паг.). В 1601 г. признала Лжедмитрия I своим сыном (см.: Там же, гл. 4: 220–222, 1-я паг.), в 1606 г. признала его самозванцем (см.: Там же, 313–314, 1-я паг.).
- с. 22 *Кормилица* — Ирина Жданова. Карамзин неоднократно подчеркивает ее преданность царевичу (см.: Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 132–133, 1-я паг.).
- с. 22 *Безбожную предательницу-мамку...* — Мамка — Василиса Волохова; Карамзин сообщает, что вместе с сыном Осипом она пыталась, по приказу Бориса, отравить царевича (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 130, 1-я паг.), а затем принимала активное участие в организации его убийства (Там же, 132–133, 1-я паг.), но ее «оставили живую для важных показаний» (Там же, 135, 1-я паг.). В стихе отразились слова Карамзина: «Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодейством...» (Там же, 133, 1-я паг.).
- с. 22 *Вслѣдѣ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ...* — См. комментарий к сцене «Кремлевские палаты», с. 224.
- с. 23 *Г р и г о р и й. Какихъ былѣ лѣтъ Царевичѣ убиенный? П и м е н ъ. Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было — / (Тому прошло ужѣ десять лѣтъ... нѣтъ, больше: / Двѣнадцать лѣтъ) — онѣ былѣ бы твой ровесникъ...* — В пушкинской рабочей тетради ПД 835 (л. 43 об.) сохранился расчет времени, отделяющего события сцены от смерти царевича; первоначально он был записан в следующем виде:

591

11

2

Затем второе слагаемое исправлено сначала на 12, потом — на 13, последняя цифра суммы — соответственно на 3, а затем на 4. На л. 44 находятся записи, касающиеся убийства царевича Димитрия в 1591 г. Вычисления, по-видимому, связаны с определением времени действия в Чудовом монастыре (см. выше, с. 235, о датировке сцены 1603 г.). «Если первое слагаемое этого подсчета остается неизменным, то второе и сумма — меняются. Подбор второго слагаемого и его неуверенная запись перекликаются с колебаниями в памяти летописца» (Краснобородько 1997: 10–11).

- с. 24 *Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ ~ Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.* — Ср. получившие широкую известность во Франции и в России слова Шатобриана в статье о «Путешествии в Испанию» Александра де Лаборда: «Lorsque, dans le silence de l'abjection, l'on n'entend plus retentir que la chaîne de l'esclave et la voix du délateur; lorsque tout tremble devant le tyran, et qu'il est aussi dangeureux d'encourir sa faveur que de mériter sa disgrâce, l'historien paroît chargé de la vengeance des peuples. C'est en vain que Néron prospère, Tacite est déjà né dans l'empire; il croit inconnu auprès des cendres de Germanicus, et déjà l'intègre Providence a livré à un enfant obscur la gloire du maître du monde [Когда посреди омерзительного молчания слышатся только лязг цепей раба и голос доносчика; когда все трепещет перед тираном, когда навлечь на себя его благоволение так же опасно, как и заслужить его немилость, появляется историк, на которого возложено отмщение народов. Тщетно благоденствует Нерон, Тацит уже родился в империи; никому не известный, он растет близ праха Германика, и неподкупное провидение уже отдало в руки неведомого ребенка славу властелина мира. — *фр.*.]» (Chateaubriand 1861: 512; впервые: Mercure. 1807. Т. 29. Juillet. P. 7–21). Нероном здесь назван Тиберий (носивший это имя по отцу), которого обвиняли в причастности к убийству Германика. См. об этом: Реизов 1969: 81–82.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

Время действия этой сцены определяется датой «1603», поставленной Пушкиным в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре». О проблематичности такой даты см. выше, с. 235. Содержание сцены в палатах патриарха в целом не соответствует Карамзину, хотя Пушкин и ввел в нее массу отдельных подробностей, взятых из «Истории государства Российского». У Карамзина сообщается, что похвальба Отрепьева («...я буду царем на Москве») дошла до ростовского митрополита Ионы, который объявил о том патриарху Иову и самому царю. Патриарх не прислушался к доносу, а царь велел отправить Отрепьева в Соловки или в Белозерские пустыни. Однако царский указ стал известен родственнику Отрепьева, который содействовал его бегству в феврале 1602 г. (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 125–126, 1-я паг.). В комментируемой сцене Иов беседует не с ростовским митрополитом Ионой, а с игуменом Чудова монастыря, который в «Истории государства Российского» не фигурирует. Беседа происходит уже после бегства Отрепьева. Вопрос Иова «Да какого он роду?» противоречит указаниям Карамзина на близкое знакомство патриарха с Отрепьевым (ср.: «...Иов узнал его, посвятил в диаконы и взял к себе для книжного дела <...>. Пользуясь милостию Иова, он часто ездил с ним и во дворец...» [Там же, 124–125, 1-я паг.]).

с. 25–26 *Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ Боярскихъ Дѣтей ~ сочинялъ каноны святымъ...* — Пушкин излагает здесь биографию Отрепьева в соответствии с тем, как она дана у Карамзина: «Бедный сын боярский, галичанин Юрий Отрепьев, в юности лишасть отца, именем Богдана-Якова, стрелецкого сотника, зарезанного в Москве пьяным литвином, служил в доме у Романовых и князя Бориса Черкасского; знал грамоте; оказывал много ума, но мало благоумия; скучал низким состоянием и решился искать удовольствия беспечной праздности в сане инокa, следуя примеру деда, Замятни Отрепьева, который уже давно монашествовал в обители Чудовой. Постриженный вятским игуменом Трифоном и названный Григорием, сей юный

чернец скитался из места в место; жил несколько времени в Суздале, в обители Св. Евфимия, в галицкой Иоанна Предтечи и в других; наконец в Чудове монастыре, в келии у деда, под началом. <...> Григорий умел не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны святым лучшим многих старых книжников того времени» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 124–125, 1-я паг.). Такую важную подробность, как служба Григория Отрепьева у Романовых и их родственника князя Бориса Черкасского, Пушкин опускает. Канон — церковное песнопение в похвалу святого или праздника. «Сочинение „канонов“ <...> было очень серьезным поэтическим трудом. Сочинителями канонов были выдающиеся византийские поэты, такие, как Андрей Критский, например, или Иоанн Дамаскин <...>. Традиция этой религиозной поэзии прочно держалась в России XIV–XVII вв., сохранилось много переводных и оригинальных стихотворных произведений этой школы русской поэзии» (Серман 1969: 120).

- с. 26 *...но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога...* — Ср. в Никоновской летописи: «...грамота же дастся ему не от Бога, и бысть зело грамоте горазд, и во младости пострижеса...» (приведено у Карамзина: Карамзин 1815–1829 XI: 63, 2-я паг., примеч. 194).
- с. 26 *Ужъ эти мнѣ грамотѣ!* — Порицания «грамотеев» плохо вяжутся с ученостью патриарха Иова. Возможно, именно эти слова вызвали серьезное историческое возражение Грибоедова, парированное Пушкиным в тоне легкой шутки: «Грибоедов a critiqué la personnage de Job — le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction [Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человеком большого ума, я же по рассеянности сделал из него дурака. — *фр.*]» (XIV: 48, 396).
- с. 26 *...что еще выдумалъ! буду Царемъ на Москвѣ! ахъ, онъ сосудъ дѣвольскій!* — Ср. в «Истории государства Российского»: «...юный диакон <...> не скромно, хотя и в шутку, говаривал иногда чудовским монахам: „знаете ли, что я буду царем на Москве?“ <...> Сии или подобные речи

дошли до ростовского митрополита Ионы, который объявил патриарху и самому царю, что „недостойный инок Григорий хочет быть сосудом диавольским“» (Карамзин 1815–1829 XI, гл 2: 125, 1-я паг.).

- с. 26 *Довольно будетъ объявить о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Э така ересь! <...> Поймать, поймать врагоугодника да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаянне. Вѣдь это ересь, отецъ Игумень?* — Согласно «Истории государства Российского», этот приказ исходил не от Иова, а от Годунова: «...добродушный патриарх не уважил митрополитова извета; но царь велел дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григория в Соловки или в Белозерские пустыни, будто бы за ересь, на вечное покаяние. Смирной сказал о том другому дьяку, Евфимьеву; Евфимьев же, будучи свойственником Отрепьевых, умолил его не спешить в исполнении царского указа и дал способ опальному диакону спастись бегством (в феврале 1602 года) вместе с двумя иноками Чудовскими, священником Варлаамом и крылошанином Мисаилом Повадиным. Не думали гнаться за ними и не известили царя, как уверяют, о сем побеге...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 125–126, 1-я паг.). В смешении понятий о политическом и религиозном преступлении в диалоге патриарха и игумена отразилось характерное для эпохи представление о сакральной природе царской власти. В свете этой идеи заявление: «Буду царем на Москве!» — действительно «ересь», ибо «само слово „царь“ выступает в Древней Руси как сакральное слово <...> тем самым называние себя царем никак не может рассматриваться как чисто произвольный, волюнтаристский акт» (см.: Успенский 1982: 202). В первой фразе комментируемого фрагмента можно предполагать ошибку, возникшую в процессе переписки автографа, в котором читается: «...дьяку Смирнову, али дьяку Ефимьеву». Слово «али» записано нечетко, его можно принять за слово «или» — именно так воспринял его переписчик копии ПД 892, в которой Пушкин восстановил первоначальное чтение: «али».

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ

Время действия сцены определяется словами Бориса, вступившего на трон в 1598 г.: «Шестой уж год я царствую спокойно». Это тот же 1603 г., к которому приурочено у Пушкина бегство Отрепьева из монастыря.

- с. 27 *Царскія палаты*. — Карамзин сообщает, что по воцарении «Борис не хотел жить в комнатах, где скончался Феодор: занял ту часть Кремлевских палат, где жила Ирина, и велел пристроить к ним для себя новый дворец деревянный» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 11, 1-я паг.).
- с. 27 *Стольникъ* — дворцовый чин. Стольники несли службу при царских трапезах и пирах, присутствовали на пробе блюд перед подачей на стол.
- с. 27 *Такъ, вотъ его любимая бестыда ~ Желалъ бы знать, о чемъ гадаеть онъ?* — Борис Годунов был очень суеверен, он даже в текст присяги включил обязательство не вредить царю и его семье колдовством. Карамзин приводит рассказ о том, что еще в царствование Федора Иоанновича Годунов выведывал у гадалей, что его ждет в будущем. Те ему отвечали, что царствовать он будет только семь лет, на что Годунов будто бы воскликнул: «Хотя бы семь дней, но только царствовать!» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 127, 1-я паг.).
- с. 28 *Не такъ ли / Мы смолоду влюбляемъ и алчемъ ~ Ужь охладѣвъ скучаемъ и томимся?..* — Эта часть монолога вызвала ядовитые нападки Булгарина, который, рецензируя немецкий перевод БГ, увидел здесь нарушение исторического правдоподобия: «Мы уверены, что в некоторых частях немецкие критики будут к автору благосклоннее, нежели образованные русские читатели, знакомые с историею России. Так, например, немцам не покажется странным, что богомольный русский царь 17-го столетия, примерный муж и отец, известный чистотою нравов, в мучениях совести сравнивает свою участь с любовными утехами <...>. В 17 веке, после царствования благочестивого Феодора Иоанновича, в обществах, из коих исключен был женский пол,

не знали и едва ли помышляли о мгновенных обладаниях!» (СП. 1831. 23 ноября. № 266; то же: ППК 3: 129). Находя данное место речи Годунова анахронизмом и «просвещая» немецких критиков в отношении русских нравов эпохи, избраженной Пушкиным, Булгарин забывает, что Борис Годунов вырос при дворе Ивана Грозного, совсем не отличавшемся строгостью нравов, что старший сын царя Иван Иванович был женат три раза и имел наложниц, что сам Борис Годунов был опричником и вращался в среде царских любимцев, не щадивших женщин и девушек, насильно уволивших жен от мужей, совершавших насилия, что и богомольного царя Федора пытались развести с любимой женой по политическим соображениям, и в этой попытке участвовали высшие церковные иерархи. Так что в этой поэтической части монолога, близкой к ст. 78–88 «Сцены из Фауста» (1825) (см.: Благой 1931: 59), Пушкин не погрешил ни против психологической правды, ни против точности бытописания.

- с. 28 *Я думалъ свой народъ / Въ довольствіи, во славь успокоить...* и след. — Ср. в «Истории государства Российского»: «В сие время общей нелюбви к Борису он имел случай доказать свою чувствительность к народному бедствию, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тем уже не мог тронуть сердец, к нему остылых» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 110, 1-я паг.). Здесь и далее в монологе Бориса отмечается известная близость к высказываниям о царской власти в переведенной А. А. Жандром трагедии Ж. де Ротру (Rotrou) «Венцеслав» («Venceslas», 1648). Первое действие, напечатанное в «Русской Талии», вызвало высокую оценку Пушкина — см. его письмо к П. А. Катенину от первой половины (не позднее 14-го) сентября 1825 г. и набросок предисловия к БГ «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...» (см. Приложение II, с. 95). Ср.:

Но сколько же зато скорбей

Царь переносит на престоле!

Ах! что б ни делал он для подданных своих,

Он никогда, ничем не угодит на них!...

Начнет войну — он зло своей отчизны...
Даст мир врагу — он страхом побежден...

.....
Вот плата вечная за все его труды!

(РТ 1825: 56; см.: Слонимский 1963: 467)

Близкие мотивы звучат также в думе К. Ф. Рылеева «Борис Годунов» (1821–1822) (см.: Сиповский 1905: 86–88; Винокур 1935: 480), а также в начальных стихах монолога Генриха V в одноименной хронике Шекспира («The Life of King Henry V», 1598):

Upon the King! Let us our lives, our souls,
Our debts, our careful wives,
Our children, and our sins lay on the King!
We must bear all. O hard condition,
Twin-born with greatness, subject to the breath
Of every fool, whose sense no more can feel
But his own wringing!

(IV, 1: 228–234)

Во французском переводе Летурнера: «Sur le compte du roi! notre vie, nos âmes, nos dettes, nos tendres épouses, nos enfants, et nos péchés, mettons tout sur le compte du roi! o dure condition, compagne inséparable de la grandeur, d'être soumis aux propos de chaque sot qui n'a d'autre sentiment que celui de ses contrariétés! [Король за все в ответе: за нашу жизнь, наши души, наши долги, наших нежных женушек, наших детей, наши грехи — пусть за все это ответит король! о тяжкая повинность, неизбежно сопутствующая величию, — зависеть от клеветы всякого глупца, который не способен переживать ничего, кроме собственных неприятностей]» (Shakespeare 1821 XI: 108). См.: Пушкин 1900–1929 IV: 168–169 (примеч. П. О. Морозова); сопоставление пушкинского и шекспировского монологов см.: Верховский 1937: 221–222.

- с. 28 *Живая власть для черни ненавистна. / Они любят умывать только мертвых.* — Ср. сходные сентенции в «Генрихе IV» Шекспира (ч. 2, акт I, сц. 3, слова архиепископа Йоркского в финале сцены; см.: Слонимский 1963: 484), а также в его драме «Антоний и Клеопатра» («Antony and

Слеопатра», 1607) — см. акт I, сц. 2, слова Антония о том, что народ способен любить лишь того, чьи заслуги отходят в прошлое, и акт I, сц. 4, слова Октавия Цезаря о том, что народная любовь не достается тому, кто в настоящий момент находится у власти (см.: Перлина 2005: 117–118).

- с. 29 *Богъ насылалъ на землю нашу гладьъ ~ Они жь меня, бѣснутья, проклинали!* — В 1601 г. в России разразился голод — следствие дождей, продолжавшихся беспрерывно два с половиной месяца, после чего, 15 августа, ударил сильный мороз; следующий год существенно не улучшил положение. Началась массовая гибель населения от голода (см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 110–115, 1-я паг.). «Борис велел отворить царские житницы в Москве и в других городах; убедил духовенство и вельмож продавать хлебные свои запасы также низкой ценою; отворил и казну <...> ежедневно, в час утра, каждому давали две московки, деньгу или копейку — но голод свирепствовал: ибо хитрые корыстолюбцы обманом скупали дешевый хлеб в житницах казенных, святительских, боярских, чтобы возвышать его цену и торговать им с прибытком бессовестным...» (Там же, 111, 1-я паг.). В стабилизации положения, как указывает Карамзин, решающее значение имела «деятельность верховной власти» (Там же, 114, 1-я паг.). «Великодушно расточая» казну «для спасения народного», Годунов развернул большое строительство, «чтобы доставить тем работу и пропитание людям бедным, соединяя с милостию пользу...» (Там же, 115–116, 1-я паг.). Развиваемые здесь и далее в монологе Бориса мотивы перекликаются со сходными мотивами монолога князя Дмитрия (Трубецкого) в трагедии М. М. Хераскова «Освобожденная Москва» (1798), также посвященной событиям Смутного времени. Ср.:

...о власть! верховна власть!

Ты есть горчайшая для смертных в мире часть.

Начальство над людьми начальство есть почтенно;

Но ах! с коликими трудами соплетенно!

.....

За каждое от нас произнесено слово

Сужденье от людей всегда в устах готово;

И нам подвластные нередко судят нас,
Не вникнув в связи дел, не растворяя глаз;
Властители людей осуждены ответом
За малый общий вред пред Богом и пред светом,
Природа рушит ли воздушну тишину,
Гремят ли небеса, все ставят им в вину...

(Херасков 1796–1803: 253–254)

- с. 29 *Пожарный огонь ихъ дома истребилъ ~ Они жъ меня пожаромъ упрекали!* — Пожарное бедствие, о котором говорится в монологе, относится к более раннему историческому времени. В 1591 г., накануне Троицы, вскоре после гибели царевича Димитрия, в Москве произошел огромный пожар. Карамзин сообщает о пожарах кратко, ссылаясь на летописи и заимствуя подробности из «Сказания Авраамия Палицына» (сгорели несколько улиц в Москве, весь Белый город, Двор Посольский, все Занеглинье: «...дома, лавки, церкви и множество людей <...>. Стон и вой раздавались среди обширного пепелища <...>. Борис <...> выстроил целые улицы, раздавал деньги <...> оказывал щедрость беспрецедентную...» [Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 143, 1-я паг.]). Рассказав о благодеяниях Годунова, Карамзин задается вопросом: «Случайно ли он воспользовался несчастьем столицы для приобретения любви народной или был тайным виновником оногo, как утверждает летописец и как думали многие из современников?» (Там же, 143–144, 1-я паг.). Свидетельства современников Карамзин приводит в примечании 250: враги Годунова, обвинявшие его в смерти царевича, приписывали ему также и поджог Москвы, совершенный якобы для того, чтобы помешать царю Федору лично поехать в Углич и на месте рассмотреть причины угличской трагедии (Там же, 83, 2-я паг.). Борис обернул это событие против Нагих: правительственный розыск обнаружил поджигателей среди людей Афанасия Нагого, «однако ж не казнили их, и дело осталось неясным для потомства» (Там же, 144, 1-я паг.). Пушкин, очевидно, не верил в то, что Годунов был виновен в поджоге Москвы.
- с. 29 *Я дочь мою мнилъ оцшстлнвнть бракомъ ~ Меня, меня несчастнаго отца!..* — Карамзин уделяет большое внимание

брачным проектам, которые Годунов составлял, желая укрепить положение своей династии. Особый параграф первой главы одиннадцатого тома «Истории» он отводит несостоявшемуся браку дочери Годунова с герцогом датским Иоанном (1580–1602) — братом короля Христиана. Рассказывая о пребывании жениха Ксении Годуновой в Москве, о пышном приеме, который был ему оказан, о дружбе его с русскими аристократами и любезности двора по отношению к нему, Карамзин обстоятельно повествует о его болезни, смерти и похоронах. При этом он дает описание реакции Годунова на болезнь Иоанна, которое вполне согласуется с историческими свидетельствами о любви Бориса к своим детям: Годунов посещал больного Иоанна, советовался с врачами, обещал большие награды за его излечение, а найдя его уже при смерти, «плакал, крушился» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 52, 1-я паг.). Приводя далее зафиксированные в Никоновской летописи слухи о том, что Борис, завидуя общей любви к жениху дочери, поручил Семену Годунову его известить, Карамзин решительно отвергает справедливость этого известия (Там же, 53–55, 1-я паг.; Там же, 25–26, 2-я паг., примеч. 70).

- с. 29 *Я ускоришь Феодора кончину...* — Карамзин приводит версию, согласно которой Федор Иоаннович был отравлен Борисом Годуновым, но сам относится к ней критически (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 217, 1-я паг.; Там же, 121–122, 2-я паг., примеч. 366). Обвинение Годунова в смерти царя Федора содержалось также в Житии царевича Дмитрия, вошедшем в состав Четых-Миней Дмитрия Ростовского (см.: Дмитрий Ростовский 1796: 25 об.).
- с. 29–30 *Я отравилъ свою сестру Царицу, / Монахиню смиренную...* — Версию, будто «Борис умертвил и сестру, вдовствующую царицу Ирину», Карамзин передает как клевету изменника Хрущова, попавшего в плен к Самозванцу и перебежавшего на его сторону (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 145, 1-я паг.; см. также: Там же, 80–81, 2-я паг., примеч. 235).
- с. 30 *...нальется сердце ядомъ, / Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ...* — В копии ПД 892 Пушкин исправил

форму «упреком» на «упрек», устранив таким образом допущенную в автографе стилистическую ошибку. По всей видимости, это исправление было по недосмотру забыто при подготовке рукописи к печати.

- с. 30 *И мальчики кровавые в глазах...* — Согласно словарю В. И. Даля выражение «мальчики в глазах» означало «рябит, зеленеет». Ср. в письме И. В. Лопухина А. М. Кутузову от 7 ноября 1790 г., где Лопухин жалуется, что масонов считают «странными»: «С чего мы им странны кажемся, разве у них мальчики в глазах?» (Барсков 1915:26). В более позднюю эпоху это выражение утратило переносный смысл. Так, М. П. Мусоргский воспринял его как буквальное обозначение окровавленного призрака, явившегося Годунову, что и передал в своей опере «Борис Годунов» (см.: Сорокин 1983). Возможно, что Пушкин в данном случае сознательно допускал двусмысленность и, вводя эпитет «кровавые», совмещал прямой и переносный смыслы. В этом случае восклицание о «мальчиках» должно было ассоциироваться и с мыслями героя о евангельском царе-детоубийце — Ироде. Ср. слова Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 13 сентября 1825 г.: «...я его <Бориса> засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное» (XIII: 227; см.: Фомичев 1996: 122).

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

- с. 31 *Мисаиль и Варлаамъ* — Мисаил Повадин и Варлаам Яцкий. В «Истории государства Российского» сообщается, что в феврале 1602 г. (у Пушкина, как было сказано выше, это событие отнесено к 1603 г.) Отрепьев бежал «вместе с двумя иноками чудовскими, священником Варлаамом и крылошанином Мисаилом Повадиным. <...> Бродяги-иноки были тогда явлением обыкновенным» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 126, 1-я паг.). Карамзин привел и иную версию, согласно которой Варлаам и Мисаил были случайными спутниками Отрепьева (см.: Там же, 64, 2-я паг., примеч. 196). Именно этой версии отдал предпочтение Пушкин. Характеристика монахов в сцене «Корчма на Литовской границе» в целом соответствует карамзинскому

примечанию: Варлаам здесь изображен как человек более смысленный, а Мисаил «прост <...> в разуме». Впоследствии Варлаам Яцкий отрекся от Лжедмитрия и, как опасный свидетель его самозванства, подвергся заключению в Литве, в Самборе (см.: Там же, 140, 1-я паг.), а затем в Москве — после свержения Лжедмитрия, как его бывший сообщник. Мисаил, напротив того, выступал на стороне Самозванца, который «волновал нашу Украину через своих лазутчиков и двух монахов русских, вероятно, Мисаила и Леонида» (см.: Там же, 141, 1-я паг.). По предположению С. А. Фомичева (Фомичев 2007: 73), колоритные черты спутников Григория Пушкин, возможно, подсмотрел у реальных монахов Святогорского монастыря, которые отнюдь не отличались благонаравием: «Обитель значилась в особых списках как исправительная — для проштрафившихся священнослужителей. Здесь все монахи были ссыльными — кто за развращенность ума и сердца, кто за прелюбодейство, кто за воровство или какие-нибудь другие большие прегрешения» (Гейченко 1986: 34).

- с. 31 ...*бродяги въ видѣ чернецѣвъ*... — цензурная замена (вместо «бродяги-чернецы» — см. выше, с. 145).
- с. 32 *Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.* — У Карамзина сказано: «...безумец избрал надежный путь к цели: Литву! Там древняя, естественная ненависть к России всегда усердно благоприятствовала нашим изменникам, от князей Шемякина, Верейского, Боровского и Тверского до Курбского и Головина: туда стремился и Самозванец, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, к Луёвым горам, сквозь темные леса и дебри...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 127, 1-я паг.).
- с. 32 ...*Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли*... — Ср. рифмованные поговорки в письме Пушкина к брату от 20–23 декабря 1824 г.: «Пришли мне *Цветов* да *Эду* да поезжай к Энгельгартову обеду. Кланяйся господину Жуковскому. Заезжай к Пушкину и Малиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина» (XIII: 131; см.: Городецкий 1953: 187). *Гудок* — древнерусский музыкальный инструмент.

с. 32 *Мисаиль. Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (По-етъ.) Какъ во городъ было во Казани... Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?* — Пушкин трижды менял текст песни монахов. В беловом автографе ПД 891 Варлаам исполнял песню «Ты проходишь, дорогая...» (см. ниже, комментарий к «михайловской» редакции пьесы, с. 333–335). Затем, в копии ПД 892, песня была заменена другой: «Ах, любя ты любя моя / Посмотри-тка ты, любя, на меня...» В «михайловской» редакции (см. Приложение I, с. 25) исполнение песни приписано не Мисаилу, а Варлааму; он же произносит и следующую за песней реплику. Возможно, изменение не было внесено Пушкиным, а явилось искажением текста из-за неразборчивой правки или пропуска соответствующей ремарки. По мнению Г. О. Винокура, в связи с заменами песни здесь определенно произошла какая-то порча текста. «Образы монахов у Пушкина очень строго выдержаны в чисто театральном отношении. Фигура Варлаама здесь центральная, а Мисаил ему лишь вторит и подыгрывает. В высшей степени неправдоподобно, чтобы Пушкин перед самым печатанием трагедии отнимал у колоритной фигуры Варлаама такой яркий игровой момент, как песню, и передавал ее Мисаилу, да еще к тому же передавал ему и следующую непосредственно за тем реплику» (Винокур 1935: 432). В издании Пушкин 1838–1841 (I: 287) было воспроизведено чтение «БГ*». В Анненков 1855–1857 (IV: 262) песню «Как во городе было во Казани...» исполнял Варлаам, а следующую реплику произносил Мисаил. Д. Д. Благой (Благой 1936: 235) и Б. П. Городецкий (Городецкий 1939: 530–531) оспаривали решение Г. О. Винокура, передавшего эту реплику Варлааму, «только что затянувшему песню» (Там же, 531). Там же подчеркнуто, что данная реплика была оставлена Мисаилу также и в изданиях: Ефремов 1880 (II: 72), Морозов 1887 (III: 19), Морозов 1903–1906 (III: 86), Венгеров 1907–1915 (II: 330). Тем не менее точка зрения Винокура представляется наиболее убедительной. Складная реплика-прибавка «Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?» соответствует строю речи Варлаама, на протяжении всей сцены отличающейся от незатейливой речи Мисаила.

Песня, которая на последнем этапе была включена в сцену в корчме, вошла в сборники песен, собранные М.Д. Чулковым:

Как во городе было во Казане,
Здунинай, най, най во Казане,
 Молодой чернец постригся,
 Захотелось чернецу погуляти,
 Что за те ли за святгя за ворота,
 За воротами беседушка сидела,
 Как во той ли во беседе стары бабы;
 Уж как тут чернец не взглянет,
 Чернечище клубуцище* принахлупит.
 Как во городе было во Казане,
 Молодой чернец постригся,
 Захотелось чернецу погуляти,
 Что за те ли за святгя за ворота,
 За воротами беседушка сидела,
 Как во той ли во беседе молодежи;
 Уж как тут чернец привзглянет,
 Чернечище клубуцище приподнимет.
 Как во городе было во Казане,
 Молодой чернец постригся,
 Захотелось чернецу погуляти,
 Что за те ли за святгя за ворота,
 За воротами беседушка сидела,
 Как во той ли во беседе красны девки;
 Уж как тут чернец привзглянет,
 Чернечище клубуцище долой сбросит,
 Ты стори моя скучная келья,
 Пропади ты мое черное платье,
 Уж как полно мне добру молодцу спасться,
 Не пора ли мне добру молодцу жениться,
 Что на душечке на красной на девице.

(Чулков 1780: 133–134, № 149; Чулков 1787:
 168–169, № 149)

Это песня хороводная (см.: Мельников 1897: 326) и, как предполагает В. И. Чернышев, указавший источник песни,

* Здесь и ниже у Чулкова ошибочно: «каблучище».

игровая («при пении ее на средину круга выходит молодец, который изображает действия чернеца. Главных действий три: 1) при виде старых баб, 2) при виде молодых, 3) при виде красных девок» [Чернышев 1907: 129]). Там же отмечено, что М. П. Мусоргский ошибочно истолковал «Как во городе было во Казани...» как песню о взятии Казани Иваном Грозным и с соответствующим текстом включил в свою оперу «Борис Годунов» (Там же, 127; см. либретто оперы: Мусоргский 1873: 19). См. об этом также: Taruskin 1993: 291–299. Песня неоднократно (иногда — с вариантами) помещалась в разных сборниках песен (см.: Виноградов Н. 1908: 65–67).

- с. 33 *Мисаиль. Вольному воля... Варлаамъ. А пьяному рай...* — Переделка пословицы «Вольному — воля, спасенному — рай».
- с. 33–34 *...когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю ~ Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда...* — Здесь и далее воспроизведены некоторые детали полуполюгендарного рассказа о приключениях Григория Отрепьева при переходе из Руси в Литву, содержащегося в «Сказании и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве и о походе его» (приведено у Карамзина: Карамзин 1815–1829 XI: 64, 2-я паг., примеч. 196). В «Сказании...» упоминается, что между Григорием и его спутниками возникали ссоры из-за того, что он не принимал участия в их пирушках: «Той же лютой волк не восприя пития: Мисаил же и Варлаам зело негодующи на него, яко не пьет с ними, но творит себя яко свята» (Там же, 64, 2-я паг.). В комментируемом фрагменте имеется отличие от автографа ПД 891, где читалось: «сам же к нам навязался в товарищи». Г. О. Винокур считал, что разночтение явилось следствием опечатки (см.: Винокур 1935: 431). Однако просторечное выражение «назвался в товарищи» вполне могло возникнуть и в результате авторской правки.
- с. 34 *Молодой Чернецъ постригся* — строка из песни «Как во городе было во Казани...» (см. выше, с. 258).
- с. 34 *Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ. ~ Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а вельно встѣхъ задерживать, да*

осматривать. — В примечании 199 к одиннадцатому тому Карамзин приводит из «Сказания и повести еже содеяся...» рассказ о переходе Самозванцем русско-литовской границы: «Внидоша (Гришка с товарищами) в некую весь близ Литов<ского> рубежа, и видят ту велий пространный путь, и восприя их в дом едина жена, и сидяще за столом, воспросиша жену о пути, и глагола жена: путь сей за рубеж в Луёву гору, и ныне на том пути заставы суть от царя: не вем, кто съ Москвы бегу ся ять... И Гришка бе от страху яко мертв... Жена же показа им путь к Чернигову» (Карамзин 1815–1829 XI: 65, 2-я паг.). Этот эпизод послужил отправным материалом для сочинения сцены «Корчма на литовской границе». *Луёвы горы* — возвышенности к западу от Стародуба (нынешняя Брянская обл.), где проходила русско-польская граница.

- с. 35 *Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.* — О Юрьевом дне см. ниже, с. 272, комментарий к сцене «Москва. Дом Шуйского».
- с. 35 *...иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево...* — У Карамзина указан другой маршрут: на Стародуб, а затем на Луёвы горы. С названиями деревень связана автобиографическая реминисценция. Захарово — подмосковное имение бабушки Пушкина М. А. Ганнибал; в 1805–1810 гг. Пушкин проводил здесь каждое лето. В трех верстах от Захарова было расположено сельцо Хлюпино, а в двух верстах от Захарова — село Большие Вяземы, бывшее некогда вотчиной Бориса Годунова. В ограде построенного по его указанию собора в 1807 г. был похоронен пятилетний брат Пушкина Николай. За исключением Луёвых гор, маршрут, указанный в БГ, топографически точно (включая такие детали, как Чеканский ручей и болото) указывает путь от Звенигорода до возвышенностей у Больших Вязем. Ср. в «Барышне-крестьянке» (1830) перечисление гостей «поваровой жены»: «Были <...> захарьевские <...> хлупинские...» (VIII: 112; см.: Аринштейн 1991: 186).
- с. 36 *...собираемъ милостыню Христианскую на монастырь.* — В «Сказании и повести еже содеяся...» упоминается, что странствующие монахи — товарищи Отрепьева —

«умыслили <...> с образом ходити и на церковное строе-ние збирати» (Карамзин 1815–1829 XI: 64, 2-я паг., при-меч. 196).

- с. 38 *Прииде грѣхъ велій на языцы земніи.* — Пришел грех великий на народы земные (*ц.-сл.*). Вероятнее всего, стилизованная псевдоцитата, построенная на библейских и литургических словосочетаниях (ср., например, словосочетание «языцы земніи» во Второй Книге Паралипомен [32: 17]).
- с. 42 *А лѣтъ ему вору Гришкѣ ~ бороду съдую, брюхо толстое.* — Эпизод явно ориентирован на аналогичную сцену с подстановкой примет в опере Дж. А. Россини (Rossini) «Сорока-воровка» («Gazza ladra», 1817; акт I, сд. 8), написанной на сюжет мелодрамы Кенье (L.-Ch. Caigniez) и Добиньи (J.-M.-Th. Baudouin d'Aubigny) «Сорока-воровка, или Палезосская служанка» («Pie voleuse, ou la Servante de Palaiseau») (см.: Томашевский 1927а: 50–58; Томашевский 1927б: 56). В опере Россини служанка, Аннета, по поручению судьи читает вслух официальное письмо, предписывающее арестовать дезертира с тем, чтобы он был судим и казнен; при чтении письма она искажает приметы (возраст, внешность и одежду) беглеца так, чтобы он не был опознан, поскольку дезертир — ее отец. «Сорока-воровка» шла в Одесском театре, который часто посещал Пушкин, любивший музыку Россини (см.: Летопись 1999 I: 330). Ср. сцену чтения исправником примет Владимира Дубровского в девятой главе «<Дубровского>».
- с. 43 *Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думаль, не гадалъ!* — В печатном издании произошла порча текста: выпало указание на то, что эта реплика принадлежит Первому приставу.
- с. 43 *Отстаньте, пострѣлы!* — Это место, не отмеченное цензором, но, несомненно, исправленное по цензурным сообщениям, в автографе ПД 891 читалось: «Отстаньте, блядины дети!», а в копии ПД 892 было исправлено Пушкиным на: «Отстаньте, сукины дети!» Первоначальный вариант автографа едва ли всерьез предназначался Пушкиным для печати, но и смягченный вариант копии не соответствовал цензурным нормам.

с. 43–44 *А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекъ бородавка, на лбу другая.* — «Словесный портрет — необходимая принадлежность судебного дела конца XVI — начала XVII в., и портрет этот обычно давался так, как это сделано в трагедии Пушкина» (Державина 1954: 146). Основываясь на свидетельствах современников, Карамзин сообщает, что Самозванец имел «наружность не красивую — рост средний, грудь широкую, волосы рыжеватые, лицо круглое, белое, но совсем не привлекательное, глаза голубые без огня, взор тусклый, нос широкий, бородавку под правым глазом, также на лбу, и одну руку короче другой» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 129, 1-я паг.). По этим приметам подставные лица «узнали» в Отрепьеве царевича Димитрия (Там же, 131, 1-я паг.). Характерная внешность, известная многим в Москве, делала его авантюру особенно дерзкой, а его положение в столице — часто весьма рискованным.

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО

Действие сцены происходит вскоре после того, как Гаврила Пушкин стал свидетелем первого приезда Самозванца во дворец польского короля. Это событие, по Карамзину, произошло в 1603 или 1604 г. (см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 133, 1-я паг.).

с. 45 *Мальчикъ* — здесь в значении: слуга.

с. 45–46 *Царю небесъ, вездѣ и присно сущій...* и след. — Поэтическое переложение молитвы за царя Бориса, составленной в его царствование и обязательно читавшейся не только в официальных случаях, но и в частной, домашней жизни. Текст молитвы приведен Карамзиным по Хронографу: «Отца безначальна и Сына соприсносущна... Иже от Св. Духа воплотися... сущии днесь в полате сей молим о душевном спасении и о телесном здравии и о победе на враги Божиему слуге, великому, благочестивому, и Богом избранному, и Богом почтенному и превознесенному... Государю царю Борису Федоровичу <...>. И на том убо и чашу сию царскую воздвигнули, и повелели есте мне <...> грешному предпо-

ставити в руки ваша... Дай Бог, государь наш и в<еликий> к<нязь> Борис Ф<едорович>; единый подсолнечный христианский царь... и его царица... и их царския дети... на многия лета здравы были и счастливы, и недругом своим страшны, чтоб все великие государи приносили достойную почесть его величеству... и имя славилось от моря до моря <... > чтобы его прекрасно-цветущия, младо-умножаемая ветви царского изращения в наследие превысочайшего Рос<сийского> царствия были навеки и нескончаемые веки, без урыву; а на нас бы, рабах его, от пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудная река милосердия изливались выше прежнего. ...К воинскому чину призрение и храбское устроение, и много милости бедным и вдовым и сиротам, и всем благое покровение и крепкое защищение, а винным пощада и долготерпение» (Карамзин 1815–1829 XI: 51–52, 2-я паг., примеч. 138). Карамзин считал эту молитву одним из проявлений тирании Годунова в отношении граждан: «...он хотел невидимо присутствовать в их жилищах или в мыслях, и недовольный обыкновенною молитвою в храмах о государе и государстве, велел искусным книжникам составить особенную для чтения во всей России, во всех домах, *на трапезах и вечерах, за чашами*, о душевном спасении и телесном здравии <...> самодержца <...>. ...святое действие души человеческой, ее таинственное сношение с Небом, Борис дерзнул осквернить своим тщеславием и лицемерием...» (Там же, гл. 3: 95–96, 1-я паг.).

- с. 46 *Царская чаша* — чаша, традиционно поднимаемая за здоровье и благополучие государя. Царской, или государевой, чашей именовался не только обряд испивания чаши, но и произносимая при этом речь, а иногда и сам сосуд, из которого пили. «Обычай испивать заздравные чаши государевы был повсеместным на Руси. При царском дворе придавали большое значение этому ритуалу как выражению преданности самодержцу» (БЛДР 2000: 616, коммент. Л. В. Соколовой к разделу «Чаша государевы заздравные»). Как правило, государеву чашу пили в самом конце обеда (см.: Орлов А. 1913: 25–26), поэтому в пушкинской трагедии

в сцене трапезы в доме Шуйского молитвой во здравие Годунова сопровождается «последний ковш».

- с. 46 *Пушкинъ* — Афанасий Михайлович Пушкин — лицо вымышленное, собирательный образ предков поэта, оппозиционных правительству Годунова и близких по своим настроениям к той части «боярской партии», которая поддерживала Романовых. Ближайшим прообразом Афанасия Михайловича Пушкина считается Евстафий Михайлович Пушкин (ум. 1603). Он происходил из старинного знатного рода Пушкиных, обедневшего и утратившего свое значение к середине XVI в. В начале 1570-х гг. Е. М. Пушкин начал службу опричником при Иване IV. Прослужив четверть века при дворе, он получил в 1598 г. чин думного дворянина (см.: Веселовский 1969а: 98–101; Винокур 1935: 463; Скрынников 1974: 133). В событиях, изображенных в трагедии, Евстафий Пушкин участвовать не мог: как сообщается у Карамзина, в 1601 г. он был отправлен в Сибирь «с братьею» (Карамзин 1815–1829 XI: 55, 2-я паг.) и умер в Тобольске. По мнению А. М. Гуревича, «Евстафий Пушкин, игравший в опричнине видную роль, был любимцем Ивана Грозного, лицом, слишком тесно связанным с Малютой Скуратовым и Богданом Бельским, чтобы быть допущенным на страницы трагедии», а потому и был заменен вымышленным Афанасием (Гуревич 1984: 210). Впрочем, у Карамзина эта сторона деятельности Евстафия Пушкина не выделена. В «Истории» главным образом упоминаются разного рода посольства, в которых он участвовал. Впервые Карамзин называет Евстафия Пушкина в связи с событиями 1573 г. (см.: Карамзин 1815–1829 IX: 148, 2-я паг., примеч. 412). В 1581 г. «думных дворян Пушкина и Писемского» Иван Грозный отправил на переговоры к Стефану Баторию (Там же, гл. 5: 319, 1-я паг.; имя Пушкина указано в примеч. 558). По мнению Пушкина, «в царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества» («Опровержение на критики»», 1830 [XI: 160]).
- с. 47 *Гаврила Пушкинъ* — Гавриил Григорьевич Пушкин (ум. 1638) сделал карьеру благодаря женитьбе на Марии Ме-

лентьевой, дочери Василисы Мелентьевой, вдовы, ставшей шестой женой Ивана IV. Падчерица Ивана Грозного в качестве приданого принесла Г. Г. Пушкину богатую вотчину (см.: Скрынников 1974: 132–133; Пушкину этот факт мог быть известен из семейных преданий). Г. Г. Пушкин был смелым авантюристом, в период Смутного времени неоднократно менявшим свои политические симпатии. Сведения о нем в «Истории» достаточно скудны. Роль, которую Г. Г. Пушкин сыграл в событиях Смутного времени, в частности в свержении династии Годуновых, сильно преувеличена в трагедии (см. об этом: Гуревич 1984: 206–210). Как ближайший соратник Самозванца он выступает в нескольких сценах: «Краков. Дом Вишневецкого», «Лес», «Ставка», «Лобное место». Лишь последняя из них находит свое соответствие у Карамзина, сообщившего, что Самозванец направил в Красное Село для возмущения столицы Плещеева и Пушкина (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 198, 1-я паг.). Имя Пушкина указано в примечании 334: «В разрядн. кн.: „<...> к Москве послал дворян, Гавр. Григ. Пушкина да Наума Мих. Плещеева“» (Там же, 106, 2-я паг.). Тот же эпизод передан и в «Летописи о многих мятежах»: «...Гришка нача думать, како бы ему послати к Москве. Тут же бысть диаволом научен Наум Плещеев, да Гаврила Пушкин, те же у него вора на то назвахуся. Он же их пожаловал и отпустив их к Москве, повеле притти под Москву в село Красное. Они же тако и сотвориша» (Летопись о многих мятежах 1771: 91). В черновике письма к Н. Н. Раевскому-младшему от 30 января (возможно — от 30 июня или июля) 1829 г. Пушкин писал: «Гаврила Пушкин est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assuré le succès de Самозванец par une audace inouïe [Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца. — фр.]»

(XIV: 47, 395). Карамзин сообщает, что, вступив в Москву, Самозванец пожаловал Г. Пушкина великим сокольничим (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 4: 215, 1-я паг.). Сохранилась незаконченная черновая запись Пушкина: «О Гавр<иле> Григ<орьевиче> Пушк<ине>» (см.: XVII: 62), где приведены биографические сведения о нем, использованные в письме к Раевскому. О Г. Г. Пушкине говорится (без упоминания имени) в «Моей родословной» (1830) и в набросках предисловия к БГ (см. Приложение II, с. 96). Набрасывая в 1830-х гг. родословную Пушкиных и Ганнибалов, Пушкин, ошибочно назвав своего предка Григорием Гавриловичем, упоминает о нем как об одном из «самых замечательных лиц в эпоху самозванцев» (Там же, XII: 311). Почти теми же словами Г. Г. Пушкин охарактеризован в «<Опровержении на критики>» (Там же, XI: 160–161). В неопубликованном издательском «Примечании о памятнике князю Пожарскому и гр<ажданину> Минину» к фрагменту статьи М. П. Погодина «Прогулка по Москве», изъятому цензурой из третьего тома «Современника», Пушкин подчеркивал, что в 1616 г. в России было всего два думных дворянина: К. Минин и Г. Пушкин (XII: 92).

- с. 48 *И только-то.* — Искажение текста (вместо правильного: «И только-то?»); правильное чтение устанавливается по автору ПД 891).
- с. 48 *Шель въ тайную палату Короля.* — Речь идет о Сигизмунде III Вазе (1566–1632), короле Речи Посполитой с 1587 г., короле Швеции в 1592–1599 гг.
- с. 49 *Извѣстно то, что онъ слугою былъ ~ И съ нимъ потомъ ухалъ къ Сигизмунду.* — Рассказ Пушкина соответствует «Истории» Карамзина: Отрепьев «перешел в службу к князю Адаму Вишневецкому <...>. Заслужив внимание и доброе расположение господина, хитрый обманщик притворился больным, требовал духовника» и признался ему, что он — царевич Димитрий. «Духовник был иезуит: он спешил известить князя Вишневецкого о сей тайне <...>. Вишневецкий <...> не щадил ничего, чтобы поднять мнимого Димитрия с одра смертного, и в краткое время его притворного выздоровления изготовив ему великолепное жилище,

пышную услугу, богатые одежды, успел во всей Литве разгласить о чудесном спасении Иоаннова сына. Брат князя Адама Константин Вишневецкий и тесть сего последнего, воевода сендомирский Юрий Мнишек, взяли особенное участие в судьбе столь знаменитого изгнанника <...>. Вишневецкие донесли Сигизмунду, что у них истинный наследник Феодоров; а Сигизмунд ответствовал, что желает его видеть. <...> Вместе с воеводою сендомирским и князем Вишневецким Отрепьев (в 1603 или 1604 году) явился в Кракове, где нунций немедленно посетил его» и «повез во дворец» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 129–133, 1-я паг.). Из приведенного рассказа явствует, что Самозванцу покровительствовали двое князей Вишневецких: братья Адам и Константин (1564–1641). К Сигизмунду Самозванец поехал с первым из них (Там же, 71, 2-я паг, примеч. 209). В сцене «Замок воеводы Мнишка в Самборе» Вишневецкий называет Лжедмитрия своим слугой, что также соответствует приведенному фрагменту «Истории» Карамзина. В примечаниях к одиннадцатому тому «Истории» Карамзин говорит о знатности Вишневецких, отсылая читателя к своим примечаниям в четвертом и пятом томах (Там же, 68, 2-я паг, примеч. 204). В том же примечании приведена цитата из Хронографа: «Князь же Адам бражник и безумен». Ср. также характеристику Адама Вишневецкого в тексте «Истории»: «Вишневецкий, сильный при дворе и в Государственной думе многочисленными друзьями и прислужниками, соединял в себе надменность с умом слабым и легковерием младенца» (Там же, гл. 2: 129, 1-я паг.).

- с. 49 *Что гордый Панъ, сію провъдавъ тайну...* — Поскольку в автографе ПД 891 читалось: «Что гордый пан, его проведав тайну», Г. О. Винокур квалифицировал возникшее в «БГ*» изменение как опечатку, справедливо отметив, что слово «его» в автографе «написано так, что его действительно можно было прочесть как „сию“» (Винокур 1935: 431). Однако в данном случае нельзя исключить того, что переписчик правильно разобрал слово, которое затем было исправлено автором, чтобы устранить местоимение, повторяющееся в следующем стихе: «Ходил за ним, поднял его с одра».

- с. 49 *Король его ласкаетъ — / И говорятъ, помогу общцальъ. —* Ср. в «Истории» Карамзина: «Сигизмунд, обыкновенно важный и величавый, принял Димитрия в кабинете, стоя, и с ласковою улыбкою. Димитрий поцеловал у него руку, рассказал ему всю свою историю <...> король с веселым видом, приподняв свою шляпу, сказал: „Да поможет вам Бог, московский князь Димитрий! а мы, выслушав и рассматрив все ваши свидетельства, несомнительно видим в вас Иоаннова сына, и в доказательство нашего искренне-го благоволения определяем вам ежегодно 40 000 золотых (54 000 нынешних рублей серебряных) на содержание и всякие издержки. Сверх того вы, как истинный друг Республики, вольны сноситься с нашими панами и пользоваться их усердным вспоможением“» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 133–134, 1-я паг.).
- с. 50 *...онъ править нами, / Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ)...* и след. — Содержащаяся в монологе Пушкина характеристика царствования Годунова во многом повторяет оценку Карамзина: «Он не был, но бывал тираном; не безумствовал, но злодействовал подобно Иоанну, устраняя совладельцев или казня недоброжелателей» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 182, 1-я паг.). Ср. также: «Сие печальное время Борисова царствования, уступая Иоаннову в кровопийстве, не уступало ему в беззаконии и разврате» (Там же, 108, 1-я паг.); «Не было торжественных казней, но морили несчастных в темницах, пытали по доносам» (Там же, 107, 1-я паг.). Еще правителем при царе Федоре Годунов был вынужден вести борьбу с боярской оппозицией, видевшей в нем любимца Ивана Грозного, продолжателя политики подавления и истребления древних боярских родов. Вместе с тем стремившиеся к восстановлению опричных порядков Нагие тоже враждебно относились к нему и мечтали о его устранении. Борис ответил на это давление усилением сыска и преследованиями, арестами, ссылками, насильственными пострижениями в монахи, разорением домов. В тюрьмах и ссылке многие представители древних родов погибали от холода и лишений. Все смерти, получавшие огласку, истолковывались как тайные расправы.

- с. 50 *Что на полу кровавомъ всенародно ~ Своимъ жезломъ не подгребають углей?* — В первом из приведенных стихов — искажение текста: «на полу кровавом» вместо правильного: «на колу кровавом» (правильное чтение устанавливается по автографу ПД 891). Пушкин говорит о казнях Ивана Грозного (второй и шестой эпохах казней, по Карамзину). Каноны Иисусу во время казни на колу пел князь Дм. Шевырев. Карамзин пишет: «...сей несчастный страдал целый день, но, укрепляемый верою, забывал муку и пел канон Иисусу» (Карамзин 1815–1829 IX, гл. 2: 83, 1-я паг.). Царь участвовал лично в публичной пытке огнем известного полководца, князя М. И. Воротынского: «Уверяют, что сам Иоанн кровавым жезлом своим пригребал пылающие уголья к телу страдальца» (Там же, гл. 4: 266, 1-я паг.).
- с. 50–51 *Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы ~ Правительствомъ подкупленные воры.* — Ср. в «Истории» Карамзина: «Борис <...> хотел быть на страже неусыпной, все видеть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; восстановил для того бедственную Иоаннову систему доносов и вверил судьбу граждан, дворянства, вельмож сонму гнусных изветников» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 97, 1-я паг.). «Память добродетельной Анастасии и свойство Романовых-Юрьевых с царским домом Мономаховой крови были для них правом на общее уважение и самую любовь народа. Боярин Никита Романович, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставил 5 сыновей: Федора, Александра, Михаила, Ивана и Василия, в последний час жизни молив Годунова быть им вместо отца. Честя их наружно — дав старшим, Федору и Александру, боярство, Михаилу сан окольничего, и женив своего ближнего, Ивана Ивановича Годунова, на их меньшей сестре, Ирине, — Борис внутренне опасался Романовых, как совместников для его юного сына: ибо носилась молва, что Феодор, за несколько времени до кончины, мыслил объявить старшего из них наследником государства: молва, вероятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасии и двоюродными братьями Феодора, казались народу ближайшими к престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной наказами

родственников царских; но гонение требовало предлога, если не для успокоения совести, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодейство, как иногда поступал Грозный и сам Борис, избавляя себя от ненавистных ему людей в Феодорово время. Надежнейшими изветниками считались тогда рабы: желая ободрить их в сем предательстве, царь не устыдился явно наградить одного из слуг боярина, князя Федора Шестунова, за ложный донос на господина в недоброхотстве к венценосцу: Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово государево*, дали вольность, чин и поместье. Между тем шептали слугам Романовых, что их за такое же усердие ждет еще важнейшая милость царская: и главный клеветчик нового тиранства, новый Малюта Скуратов, вельможа Семен Годунов, изобрел способ уличить невинных в злодействе, надеясь на общее легковерие и невежество: подкупил казначея Романовых, дал ему мешки, наполненные кореньями, велел спрятать в кладовой у боярина Александра Никитича и донести на своих господ, что они, тайно занимаясь составом яда, умышляют на жизнь венценосца. Вдруг сделалась в Москве тревога: синклит и все знатные чиновники спешат к патриарху; посылают окольного Михаила Салтыкова для обыска в кладовой у боярина Александра; находят там мешки, несут к Иову и в присутствии Романовых высыпают коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравления царя. <...> Отдают Романовых под крепкую стражу и велят судить, как судит беззаконие. Сие дело есть одно из гнуснейших Борисова ожесточения и бесстыдства. Не только Романовым, но и всем их ближним надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на земле за невинных страдальцев. Взяли князей Черкасских, Шестуновых, Репниных, Карповых, Сицких; знатнейшего из последних, князя Ивана Васильевича, наместника астраханского, привезли в Москву скованного с женою и сыном. Допрашивали, ужасали пыткой, особенно Романовых; мучили, терзали слуг их, безжалостно и бесполезно; никто не утешил тирана клеветою на самого себя или на других; верные рабы умирали в муках, свиде-

тельствую единственно о невинности господ своих пред царем и Богом. Но судии не дерзали сомневаться в истине преступления, столь грубо вымышленного, и прославили неслыханное милосердие царя, когда он велел им осудить Романовых, со всеми их ближними, единственно на заточение, как уличенных в *измене* и в злодейском намерении извести государя средствами волшебства. В июне 1601 года исполнился *приговор боярский*: Федора Никитича Романова (будущего знаменитого иерарха), постриженного и названного Филаретом, сослали в Сийскую Антониеву обитель; супругу его, Ксению Ивановну, также постриженную и названную Марфою, в один из заонежских погостов; тещу Федорову, дворянку *Шестову*, в Чебоксары, в Никольский девичий монастырь; Александра Никитича в Усолье-Луду, к Белому морю; третьего Романова, Михаила, в Великую Пермь, в Ныробскую волость; четвертого, Ивана, в Пелым; пятого, Василья, в Яренск; зятя их, князя Бориса Черкасского, с женою и с детьми ее брата, Федора Никитича, с шестилетним Михаилом (будущим царем!) и с юною дочерью на Белоозеро; сына Борисова, князя Ивана, в Малмыж на Вятку; князя Ивана Васильевича Сицкого в Кожеозерский монастырь, а жену его в пустыню Сумского острога; других Сицких, Федора и Владимира Шестуновых, Карповых и князей Репниных в темницы разных городов; одного же из последних, воеводу яренского, будто бы за расхищение царского достояния, в Уфу. Вотчины и поместья опальных роздали другим; имение движимое и дома взяли в казну...» (Там же, 99–103, 1-я паг.). Сообщая о гонении Годунова на семьи Романовых и других бояр, Карамзин передает слухи, которые усиливали страх и протесты современников: «Если верить летописцу, то Борис, велел удавить в монастыре князя Ивана Сицкого с женою, хотел уморить голодом и недужного Ивана Романова; но бумаги приказные свидетельствуют, что последний имел весьма не бедное содержание, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, белый хлеб и что у пристава его было 90 (450 нынешних серебряных) рублей в казне для доставания ему нужного» (Там же, 105–106, 1-я паг.). В стихе «*Не то, въ Приказъ Холопей*» — искажение текста, вместо

правильного: «Не то, в Приказ Холопий» (см. о нем ниже, следующее примеч.).

- с. 51 *Вотъ — Юрьевъ день задумаль уничтожить ~ Такое зло? А легче ли народу?* — Юрий, или Егорий холодный, — день св. Георгия (26 ноября ст. ст.), время окончания сельских работ, традиционно был сроком свободного перехода крестьян от одного помещика к другому. См. об этом во втором издании «Истории государства Российского» (Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 6. С. 358.) В современной исторической науке вопрос о том, когда именно произошла отмена Юрьева дня, остается открытым. В пушкинскую эпоху считалось, что Юрьев день был отменен Годуновым в период царствования Федора Иоанновича. Карамзин сообщает, что Годунов «в 1592 или в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян <...> и навеки укрепил их за господами. Что ж было следствием? Негодование знатной части народа и многих владельцев богатых. Крестьяне жалели о древней свободе <...> а богатые владельцы, имея немало земель пустых, лишались выгоды населять оные хлебопашцами вольными, коих они сманивали». В 1597 г. был издан указ о возвращении беглых крестьян, ушедших в течение последних пяти лет, а также указ о том, «чтобы все бояре, князья, дворяне, люди воинские, приказные и торговые явили крепости на своих холопей, им служащих или беглых, для записания их в книги Приказа Холопьяго, коему велено было дать господам кабалы и на людей *вольных*, если сии люди *служили* им не менее *шести месяцев*» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 208–210, 1-я паг.). Тем не менее бегство крестьян продолжалось, «переманивание» крупными землевладельцами крестьян от средних и небогатых помещиков ввиду недостатка рабочей силы порождало массу жалоб, ссор, столкновений и судебных дел. «Зло было столь велико, что Борис, не желая совершенно отменить закона благонамеренного, решился объявить его только временным и в 1601 году снова дозволил», с известными ограничениями, переход крестьян от одного владельца к другому (Там же, XI, гл. 1: 86, 1-я паг.).

ЦАРСКИЯ ПАЛАТЫ

В этой сцене, действие которой происходит на следующий день после предыдущей, Пушкин отступает от хронологической последовательности событий, описанной Карамзиным. В «Истории государства Российского» сказано: «Еще прежде, нежели Самозванец открылся Вишневецким, слух, распущенный им в Литве о Димитрии, сделался, вероятно, известным Борису» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 142, 1-я паг.). У Пушкина Борис получает первое известие о Самозванце уже после того, как тот нашел твердую поддержку в Польше (см.: Фомичев 1982: 269). Пушкин «сжал» исторические обстоятельства в краткую, насыщенную драматизмом сцену.

- с. 53 *Царевичъ* — Федор Борисович Годунов (1589–1605), сын Бориса Годунова; в апреле 1605 г. был наречен (однако не венчан) на царство; в мае 1605 г., при приближении к Москве Самозванца, свергнут и убит. Карамзин говорит о силе родительских чувств Годунова к детям, «особенно к милому, ненаглядному сыну, которого он любил до слабости» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 91, 1-я паг.).
- с. 53 *Царевна* — Ксения Борисовна Годунова (1581–1622), дочь Бориса Годунова. Карамзин сообщает, что в 1605 г. «Ксению постригли, назвали Ольгою и заключили в пустыне на Белеозере, близ монастыря Кириллова» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 4: 228, 1-я паг.), но перед тем Лжедмитрий «взял ее себе в наложницы» (Там же, 227, 1-я паг.). Пушкин не верил в это «ужасное обвинение» Самозванцу — см. его письмо Н. Н. Раевскому-младшему от 30 января (возможно — от 30 июня или июля) 1829 г. (XIV: 396). У Карамзина есть сведения о внешности Ксении Годуновой: «Современники пишут, что она была среднего роста, полна телом и стройная; имела белизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащие* на плечах, — лице свежее, румяное, брови *союзные*, глаза большие, черные, светлые, красоты несказанной, особенно когда блистали в них слезы умиления или жалости; не менее пленяла и душою, кротостию, *благоречием*, умом и вкусом образованным, любя книги и сладкие песни духовные» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 49–50, 1-я паг.).

- с. 53 *Милый мой женихъ* — датский герцог Иоанн (см. о нем выше, с. 254).
- с. 53 *...не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ...* — Речь Ксении ориентирована на стилистику народных причитаний (см.: Городецкий 1953: 189).
- с. 53 *...дѣвица плачетъ, что роса падетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ.* — Слова восходят к песне об убитом воине, приведенной Карамзиным:
- Ах! мать плачет, что река льется;
Сестра плачет, как ручьи текут;
Жена плачет, как роса падет:
Взойдет солнце, росу высушит.

(Карамзин 1815–1829 X, гл. 4: 266, 1-я паг.)

Карамзин квалифицировал песню как образец народных стихотворений, которые «истиною чувства и смелостию языка, если отчасти не слогом, то духом своим ближе к XVI, нежели к XVIII веку» (Там же).

- с. 54 *Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица! ~ Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?* — Здесь отражено предположение Карамзина: «Борис крушился тогда без лицемерия и чувствовал, может быть, казнь небесную в совести, готовив счастье для милой дочери и видя ее вдовою в невестах» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 54, 1-я паг.).
- с. 54–55 *Чертежъ земли Московскои; наше царство ~ А вотъ Сибирь.* — Карамзин пишет, что Годунов воспитывал сына «с отменным старанием, даже учил наукам: любопытным памятником географических сведений сего царевича осталась ландкарта России, изданная под его именем в 1614 году немцем Герардом» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 91, 1-я паг.). В примечании 126 к одиннадцатому тому Карамзин приводит большой материал об уважении Годунова к науке, о его желании создать школы и даже университет, о посылке им молодых дворян за границу для обучения и приглашении в Россию ученых специалистов из Европы. Карты эпохи Годунова были известны в первой четверти XIX в. В письме от 4 мая 1822 г. Карамзин просил управляющего Московским архивом Министерства иностранных дел А. Ф. Малиновско-

го прислать «космографию, в которой находится древнейшая карта России времен Годунова» (Карамзин 1982: 248; см.: Никитин 1984: 15). «„Пермские дремучие леса“ и „Сибирь“, по мнению Пушкина, были тогда, при Годуновых, разными понятиями. Каждый великий московский князь, начиная с Ивана Грозного, носил титулы князя пермского и царя сибирского» (Там же, 16).

Завоевание и присоединение Сибири к России, начатое в царствование Ивана IV, было упрочено Борисом Годуновым, который путем дипломатических переговоров, небольших военных акций и, главное, строительством крепостей и основанием городов Верхотурья, Мангазеи, Туринска и Томска сделал присоединение Сибири необратимым. О завоевании Сибири при Борисе Годунове подробно писал Карамзин (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 23–28, 1-я паг.).

- с. 55 *Входитъ Семень Годуновъ*. — Семен Никитич Годунов (ум. 1605) — боярин, дальний родственник Бориса Годунова, ведал сыском. Карамзин пишет о нем: «...главный клеветник нового тиранства, новый Малюта Скуратов...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 101, 1-я паг.). При Самозванце был сослан в Переяславль и там удушен.
- с. 57 *...обоихъ Милославскихъ...* — Милославские в «Истории государства Российского» не упоминаются.
- с. 57 *Бутурлиныхъ...* — В царствование Бориса Годунова на исторической сцене появляется окольный и воевода Иван Михайлович Бутурлин — в 1604 г. он был направлен на Кавказ, а весной 1605 г. в битве при Тарках погиб вместе с сыном (см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 1: 60, 72, 1-я паг.). Упоминание Бутурлиных, как и вымышленных Милославских, не имеет опоры на исторические факты. В автобиографическом наброске 1830-х гг. Пушкин писал, что Бутурлины, как и Пушкины, являются потомками Радши (см.: XII: 311). Эти сведения содержатся в примечании 111 к четвертому тому «Истории» Карамзина — возможно, они повлияли на выбор фамилии.
- с. 57 *...Михайла Салтыкова...* — по всей видимости, это Михаил Глебович Салтыков (Кривой) (ум. до 1621 г.), в 1598 г. — окольный и воевода Борисов, с 1601 г. — боярин. Карамзин сообщает, что в 1604 г. вместе с Дм. Шуйским он был

направлен в Брянск, чтобы собрать войско против Самозванца (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 148, 1-я паг.), при осаде Кром повел себя как «малодушный или уже предатель, не сказав ни слова главным воеводам, велел рати отступить, в тот час, когда ей должно было устремиться на последнюю ограду изменников» (Там же, 176, 1-я паг.), затем одним из первых перешел на сторону изменившего присяге Басманова (Там же, гл. 3: 191–192, 195, 1-я паг.), а в момент бунта против Лжедмитрия немедленно присоединился к восставшим (Там же, гл. 4: 294, 1-я паг.). В «Дневнике Самуила Маскевича» Михайла Салтыков упоминается в числе русских дворян, отправившихся в 1610 г. из Тушина к польскому королю Сигизмунду III с предложением престола его сыну Владиславу (Маскевич 1825а: 120; о М. Салтыкове см. также: Маскевич 1825б: 241; Моча 1980: 50).

- с. 58 *Противень мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный...* — Документальным основанием этой характеристики послужило примечание 161 к одиннадцатому тому «Истории», где приведена цитата из разрядной книги: «Послал царь Борис в Сибирь Пушкина Остафья с братьею за опалу, что на него доводили люди его, Филипка да Гришка; а Левонтия да Ивашку Пушкиных за то, что они били челом на <князя> Ондreja Елецкого в отечестве и тем царя раскручинили... поместья и вотчины у них велел отписать, а животы распродать» (Карамзин 1815–1829 XI: 55, 2-я паг.). Указавший на это примечание С. Б. Веселовский считал, что ссылки в Сибирь при Годунове не практиковались, и выражение «за опалу» следует понимать как «вместо опалы». Таким образом, Пушкин основывался на неверном прочтении приведенной Карамзиным цитаты (см.: Веселовский 1969а: 108–109). Возражая С. Б. Веселовскому, Р. Г. Скрынников показал, что Сибирь в то время уже была местом ссылок, отметил разнообразие судеб Пушкиных в XVII в. и привел многочисленные факты конфликтов представителей этого рода с высшими властями, в частности с Борисом Годуновым (Скрынников 1974: 132–133). Наиболее взвешенной, по-видимому, является точка зрения А. М. Гуревича: «Предложенные Р. Г. Скрынниковым уточнения и поправки <...> позволяют прийти

- к выводу, что в число опальных дворян при Годунове попали и некоторые из Пушкиных. Но это еще не дает основания считать их бунтовщиками и мятежниками» (Гуревич 1984: 209).
- с. 58 *Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...* — В «Опровержении на критики» Пушкин писал: «Раскрыв наудачу исторический роман г. Б<улгарина> (речь идет о «Димитрии Самозванце». — *Ред.*), нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн. В. Шуйский». Здесь явно имел место плагиат, поскольку в БГ этот эпизод не опирался на «историческое сказание», а был плодом «драматического вымысла» (XI: 154).
- с. 61 ...*взять мѣры сей же часъ ~ Не прилетѣль изъ Кракова.* — Карамзин сообщает, что Борис удвоил заставы на литовской границе (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 143, 1-я пар.).
- с. 61–62 *Не правда ль, эта вѣсть ~ Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?* — Ср. слова Франца Моора в «Разбойниках» Шиллера («Die Räuber», 1781, д. V, явл. 1): «Die Todten stehen nicht auf <...> Nun, warum lachst du nicht! [Мертвецы не встают из гроба <...> Почему же ты не смеешься? — *нем.*]» (*Schiller F. Sämmtliche Werke. Wien, 1816–1817. Bd. 1. S. 215–218*). На данную параллель указали уже первые критики БГ — см. в примечании корректора (вероятно, принадлежавшем Ф. В. Булгарину) к рецензии В. Т. Плаксона (Плаксин 1831в: 31; то же: ППК 3: 107) и в рецензии Надеждина (Надеждин 1831б: 563; то же: ППК 3: 76), с ошибкой в названии драмы Шиллера: «Коварство и любовь» вместо «Разбойники». Как о прямом заимствовании из Шиллера писал об этом месте Булгарин в своей рецензии на немецкий перевод БГ, выполненный К. фон Кноррингом (СП. 1831. № 266. 23 ноября; то же: ППК 3: 129–130). В письме к брату от 22 апреля 1825 г. Пушкин просил прислать ему Шиллера во французском переводе. Как видно из письма Плетнева к Пушкину от 21 января 1826 г., книга была куплена для него Плетневым лишь в январе 1826 г. (см.: Винокур 1935: 502).
- с. 62–63 *Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь ~ Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!* — В примечании 229 к одиннадцатому тому «Истории» Карамзин замечает: «Годунов, получая

отовсюду известие о мнимом Дмитриии, сам начал было сомневаться в убиении истинного: справлялся, допрашивал, и наконец уверился, что сим именем называется обманщик» (Карамзин 1815–1829 XI: 77, 2-я паг.). В последнем из комментируемых стихов — искажение текста: «Но отвечай: то был царевич!» вместо правильного: «Но отвечай: то был царевич?» (правильное чтение устанавливается по автографу).

- с. 63–64 *Я трупъ его въ Соборъ пощцаль...* и след. — Карамзин сообщает, что в день убийства, 15 мая 1591 г., Осипа Волохова «привели в церковь Спаса, где уже стоял гроб Дмитриев, и там умертвили, в глазах Царицы; умертвили еще слуг Михайловых, трех мещан, уличенных или подозреваемых в согласии с убийцами, и женку юродивую, которая жила у Битяговского и часто ходила во дворец» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 134–135, 1-я паг.). Шуйский прибыл в Углич для расследования обстоятельств смерти Дмитрия 19 мая (см.: Там же, 137, 1-я паг.). В церкви «еще лежало Дмитриево тело окровавленное, и на теле нож убийц. <...> Шуйский с изъявлением чувствительности приступил ко гробу, чтобы видеть лице мертвого, осмотреть язву; но Клешнин, увидев сие ангельское, мирное лице, кровь и нож, зазрепетал...» (Там же).
- с. 64 *Глубокая не запекалась язва...* — Ср. в «Истории» Карамзина: «Глубокая язва Дмитриева <...> свидетельствовала о несомнительном убиении» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 2: 137–138, 1-я паг.).
- с. 64–65 *Кто на меня? Пустое имя, тнь ~ Безумецъ я! чего жъ я испугался?* — Ср. у Карамзина: «Как бы действием сверхъестественным тень Дмитриева вышла из гроба, чтобы ужасом поразить, обезумить убийцу...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 124, 1-я паг.).
- с. 65 *На призракъ сей подуй — и нтъ его. / Такъ ршено: не окужу я страха — / Но презирать не должно ничего...* — Ср. в «Анналах» Тацита описание нерешительности Тиберия при появлении самозванца: «...modo nihil spernendum, modo non omnia metuenda, ambiguus pudoris ac metus reputabat [Коллебаясь между стыдом и страхом, то полагал, что не сле-

дует всего бояться, то, что ничего не следует презирать. — *лат.*; пер. И. Д. Амузина]» (Ann. II, 40). Еще ближе к пушкинскому тексту французский перевод Дюро де Ламалья: «Incertain s'il enverrait des troupes contre son esclave ou s'il laisserait ce vain fantome se dissiper de lui-meme, sachant qu'il ne faut rien mépriser, ni tout craindre, combattu par la honte et par la peur... [В нерешительности, послать ли войска против своего раба или дать этому пустому призраку исчезнуть самому по себе, зная, что ничего не следует ни презирать, ни бояться, пораженный стыдом и страхом...]» (Tacite 1817–1818 I: 369). См. об этом: Амусин 1941: 178. Ср. карамзинские описания реакций Бориса на известия о Самозванце: «Борис усилием притворства не оказал гнева, ибо хотел уверить россиян в маловажности сего случая...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 143, 1-я паг.); «Один Бог видел, что происходило в душе Годунова, когда он услышал сие роковое имя!.. но чем более утрашился, тем более хотел казаться бесстрашным» (Там же, 142–143, 1-я паг.).

с. 65 *Шапка Мономаха* — см. с. 227, примеч. к сцене «Кремлевские палаты».

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО

В сцене объединены события, происходившие на разных этапах авантюры Самозванца и в разных местах. Его диалог с пATEROM Черниковским соответствует описанным у Карамзина переговорам Отрепьева с папским нунцием Рангони, которые состоялись в 1603 или 1604 г., сразу же по прибытии Отрепьева, сопровождаемого Мнишком и Вишневецким, в Краков (см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 132–133, 1-я паг.). Эпизод с Хрущовым, по Карамзину, относится к 17 августа 1604 г., он произошел после подписания брачных обязательств Самозванца перед Мариной Мнишек (знакомство с нею будет изображено лишь в следующей сцене) и после того как он выступил со своими дружинами к берегам Днепра. Там, в Сокольниках, и был приведен к Самозванцу Хрущов (см.: Там же, 144–145, 1-я паг.). Казачьи атаманы встречались с Самозванцем действительно в Кракове (см.: Там же, 76, 2-я паг., примеч. 225).

- с. 66 *Pater Черниковский* — В примечании 240 к одиннадцатому тому «Истории» сказано: «Иезуиты, бывшие с Лжедмитрием, назывались Николай Черниковский и Андрей Лавицкий» (Карамзин 1815–1829 XI: 82, 2-я паг.).
- с. 66 *Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затруднений...* — В копии ПД 892 Пушкин исправил «затруднений» на «затруднения», восстановив рифму. Возможно, эта поправка не была учтена при подготовке рукописи к печати по недосмотру.
- с. 66 *Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ ~ Признають власть Намѣстника Петра.* — С помощью Рангони и иезуитов самозванец сумел добиться поддержки наиболее агрессивной части правящей верхушки Польско-Литовского государства во главе с королем Сигизмундом III. При этом самозванец взял на себя обязательства перейти в католичество и осуществить присоединение восточной, т. е. православной, церкви к католичеству (см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 132–136, 1-я паг.). *Наместник Петра* — папа римский, согласно католической доктрине наместник апостола Петра на земле. «Речь Самозванца изменяется, смотря по тому, с кем он говорит. Беседуя с патером <...> он не говорит „православная церковь“, а просто — восточная; римского первосвященника называет не Папой, не святейшим отцом, но наместником Петра; заключительным „amen“ намекает о своих привычках и, следовательно, о своей любви к формам духовного сословия и языка» (Чистяков 1847: 280).
- с. 66 *Святый Игнатій* — вероятнее всего, святой великомученик Игнатий Антиохийский (50–107), почитаемый католиками как один из основателей Церкви; упоминается в канонической мессе. Согласно легенде он был язычником, обращенным в христианскую веру апостолами, учеником св. Иоанна и прямым преемником св. Петра. Для новообращенного Димитрия именно св. Игнатий должен служить образцом и заступником. Менее вероятно — Игнатий Лойола (Loyola, 1491?–1556) — основатель ордена иезуитов (1534) и первый его генерал (с 1541 г.), канонизированный только в 1622 г.
- с. 67 *А между тѣмъ небесной благодати / Таи въ душѣ, Царевичь, сѣмена...* — Папский нунций требовал, чтобы «царе-

- вич» торжественно, гласно объявил себя католиком, однако вынужден был отказаться от этой идеи, «боясь закоренелой ненависти россиян к латинской церкви. Действие совершилось в доме краковских иезуитов. Расстрига шел к ним тайно <...> в бедном рубище, закрывая лице свое, чтобы никто не узнал его...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 135, 1-я паг.).
- с. 67 *Твои слова, дьянья судятъ люди, / Намъtrenья единый видить Богъ.* — Фраза восходит к книге Фомы Кемпийского (Thomas a Kempis) «О подражании Христу» («Imitatio Christi», ок. 1418; опубл. анонимно), кн. 2, гл. 6 «О радости, которую дает чистая совесть».
- с. 67 *Я, Мнишекъ, у тебя / Остановлюсь въ Самборъ на три дня.* — Юрий Мнишек (ум. 1613) — польский магнат, сандомирский воевода, один из ближайших сподвижников Лжедмитрия. Карамзин сообщает, что король Сигизмунд, обещав Димитрию содействие в его предприятии, направил самозванца в Галицию, «где близ Львова и Самбора, в местностях вельможи Мнишка, под распущенными знаменами уже толпилась шляхта и чернь, чтобы идти на Москву. Главою и первым ревнителем сего подвига сделался старец Мнишек, коему старость не мешала быть ни честолюбивым, ни легкомысленным до безрассудности» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 137, 1-я паг.). *Самбор* — город на Днестре.
- с. 67 *Марина* Мнишек (ок. 1588 — ок. 1614) — дочь Юрия Мнишка, в будущем — жена Лжедмитрия I, затем Лжедмитрия II, после поражения которого (1610) была выдана русскому правительству яицкими казаками; умерла в заточении. О ее браке с Лжедмитрием II Пушкин мог читать, в частности, в «Дневнике Самуила Маскевича» (Маскевич 1825а: 115–116).
- с. 68 *Пушкинъ. Князь Курбскій. Самозванецъ, Курбскому. Имя громко! / Ты родственникъ Казанскому Герою? / Курбскій. Я сынъ его.* — *Казанский герой* — князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583), воевода, участник Казанских походов и Ливонской войны; член Избранной рады. В 1564 г., опасаясь опалы, бежал в Литву; принимал участие в войнах с Россией. Находясь в эмиграции, вступил в переписку с Иваном Грозным, предъявляя ему свои обвинения и споря с контраргументами царя. Автор «Истории о великом князе Московском».

Карамзин сообщает, что, покидая Россию, Курбский оставил там жену и сына. Этот эпизод использован в думе («Элегии») К. Ф. Рылеева «Курбский» (1821), где заглавному герою отведена роль жертвы тирана: разлученный с сыном и женой, изгнанник тоскует по «милой родине». В Польше Курбский еще дважды вступал в брак и от третьего брака имел сына Димитрия (р. 1582). В событиях Смутного времени Димитрий Курбский участия не принимал, и у Карамзина о нем никаких сведений нет. В «Северном архиве» (1824. Ч. 12. № 19. С. 1–6) была помещена статья К. Ф. Калайдовича «Записка о выезде в Россию правнуков князя Андрея Михайловича Курбского» (о возвращении правнуков Курбского Александра и Якова). Возможно, что эта публикация подала Пушкину мысль вывести в трагедии сына Курбского, родившегося в изгнании (см.: Винокур 1935: 463). О «сыне Курбского» как литературном сюжете 1820–1830-х гг. см.: Вацуро 1996: 159–169. Там же отмечено, что изображение Пушкиным Курбского в изгнании (тоска по родине и трагизм бездеятельности, на которую обречена выдающаяся историческая личность) схоже с некоторыми мотивами описания им изгнанника Наполеона.

Появление Курбского в данном эпизоде трагедии противоречит утверждению Карамзина, что Самозванцу удалось собрать в Польше под свои знамена лишь отбросы общества: «Ополчалась в самом деле не рать, а сволочь на Россию: весьма немногие знатные дворяне <...> явились в Самборе и Львове: стремились туда бродяги, голодные и полунагие, требуя оружия не для победы, но для грабежа или жалованья <...>. Достоин замечания, что некоторые из московских беглецов, детей боярских, исполненных ненависти к Годунову, укрываясь тогда в Литве, не хотели быть участниками сего предприятия, ибо видели обман и гнушались злодейством» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 139–140, 1-я паг.). Характеристика Андрея Курбского в «Истории государства Российского» отчасти сходствует с образом его сына в трагедии Пушкина (см.: Винокур 1935: 473).

Ремарка «Курбскому», недостаточно отчетливо поставленная в автографе ПД 891 между ст. 35 и 36 («С а м о з в а н е ц.

Имя громко! (*Курбскому*) Ты родственник казанскому герою?»), по ошибке помещена в печатном издании в начало реплики Самозванца.

- с. 69 *Великий умъ! мужъ битвы и совѣта!* — формула Карамзина. Оправдывая бегство Курбского как вынужденное, Карамзин осуждает участие его в войнах с Россией на стороне Польши, тем более что он был прославлен на родине как ее защитник и государственный деятель начала царствования Ивана IV: «Юный, бодрый воевода, в нежном цвете лет озаменованный славными ранами, муж битвы и совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых, герой под Тулою, под Казанью, в степях Башкирских и на полях Ливонии, некогда любимец, друг царя возложил на себя печать стыда и долг на историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников» (Карамзин 1815–1829 IX, гл. 2: 59, 1-я паг.).
- с. 69 *Но съ той поры, когда являлся онъ ~ Съ Литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ...* — т. е. под Псков, откуда, по летописным и житийным преданиям, святая Ольга была родом (ср. близкую формулу у Карамзина при описании осады Пскова: «древний град Ольгин» [Карамзин 1815–1829 IX, гл. 5: 330, 1-я паг.]). Курбский должен был участвовать в военных операциях литовцев против Пскова в 1581 г., но из-за тяжелой болезни вернулся в свое поместье Миляновичи около Ковеля, где через два года умер. Карамзин, однако, об этом не сообщает; в «Истории» выразительно описано его участие во взятии Полоцка под знаменами Батория (Там же, 301–302, 1-я паг.), а также приведено письмо Ивана Грозного к Стефану Баторию, написанное в 1581 г., накануне осады Пскова: «...ты <...> кинулся на Россию с нашими злодеями, Курбским и другими» (Там же, 320, 1-я паг.).
- с. 69 *Мой отецъ / Въ Волинїи провель остатокъ жизни ~ Но мирный трудъ его не утѣшалъ...* — Ср. в «Истории» Карамзина: «Движимый ненавистью к Иоанну, Курбский мог оправдывать себя умом, но не в совести, которая тревожила его до конца жизни; владея городами и селами в Волиннии, ни в богатстве, ни в знатности не находил успокоения; женился там на княгине Дубровицкой, но не любил ее;

искал утешения в дружестве и в учении; зная язык латинский, переводил Цицерона; описал славное взятие Казани, войну Ливонскую, мучительства Иоанна; пережил его и в старости еще тосковал о России, с чувством называя оную своим *любимым отечеством*» (Карамзин 1815–1829 IX, гл. 5: 303, 1-я паг.).

- с. 69 Стефан *Баторій* (1533–1586) — полководец, с 1576 г. — король польский.
- с. 70 *Собаньскій, шляхтичь вольный* — лицо вымышленное. Эта польская фамилия была хорошо известна Пушкину. В Одессе он общался с Александром Собаньским, который, как и Пушкин, был поклонником Амалии Ризнич (см.: Корш 1908: 56–59; на с. 59 — ошибочное предположение, что соперником Пушкина был Иероним Собаньский, муж Каролины Собаньской). По мнению А. Дворского, на выбор фамилии повлияло знакомство с Каролиной Собаньской (Пушкин впервые встретился с ней в Киеве в 1821 г., а затем их общение продолжилось в Одессе в 1823–1824 гг.), среди предков которой были такие представители польской аристократии, как Вишневецкий, Мнишех, Любомирские, Радзивиллы (см.: Дворский 1999: 100).
- с. 70 *Хрущовъ*. — Роль Петра Лукича Хрущова (ум. 1605) изменена Пушкиным сравнительно с «Историей» Карамзина. В «Истории» рассказано, что Годунов «послал <...> к донским козакам дворянина Хрущова» с целью разоблачить Лжедмитрия. Но «козаки схватили Хрущова, оковали и привезли к Самозванцу. <...> Хрущов, представленный ему в цепях, взглянул на него... залился слезами и пал на колена, воскликнув: „Вижу Иоанна в лице твоём: я твой слуга навеки!“ С него сняли оковы; и сей первый чиновный изменник, ослепленный страхом или корыстию, в знак усердия донес своему новому государю, мешая истину с ложью, что „народ изъявляет в России любовь к Димитрию; что самые знатные люди, меньший Булгаков и другие, пили у себя с гостями чашу за его здоровье и были по доносу слуг осуждены на казнь; что Борис умертвил и сестру, вдовствующую царицу Ирину, которая всегда видела в нем монарха беззаконного; что он, не смея явно ополчаться против Димитрия,

сводит полки в Ливнах, будто бы на случай ханского впадения; что главные воеводы их, Петр Шереметев и Михайло Салтыков, встретясь с ним, Хрущовым, в искренней беседе сказали: *нас ожидает не крымская, а совсем иная война — трудно поднять руку на государя природного*; что Борис нездоров, едва ходит от слабости в ногах и думает тайно выслать казну московскую в Астрахань и в Персию⁶» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 144–145, 1-я паг.).

- с. 71 *Карела*. — Карамзин сообщает, что Самозванец обратился к донским казакам с призывом примкнуть к нему. «Два атамана, Андрей Корела и Михайло Нежакож, спешили видеть Лжедмитрия; видели его честимого Сигизмундом, вельможными панами и возвратились к товарищам с удостоверением, что их зовет истинный царевич» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 141, 1-я паг.).
- с. 71 *Отъ Козаковъ верховыхъ и низовыхъ...* — О верховых и низовых казаках Пушкин мог знать из трудов В. Д. Сухорукова, первым подробно описавшего историю и обычаи казачества. В одной из его статей, в частности, говорится: «... во всех актах того времени козаки с самого начала водворения их на Дону делятся на *верховых* и *низовых*. Первые обитали в верхней части реки Дона, последние в нижней, начиная от Нагавского или Цымлянского городка. Низовые были отважнее и дерзостнее, нежели верховые; считали себя старшими пред ними и даже обижались, когда в грамотах царских именовали наперед верховых» (Сухоруков 1824: 184–185; о знакомстве Пушкина с работами В. Д. Сухорукова см.: Линин 1937: 22–24).
- с. 71 *Бунчукъ* — войсковой казачий знак, древко с прядями конских хвостов.
- с. 72 *Мы вѣдаемъ, что нынѣ Козаки / Неправедно притѣснены, гонимы...* — Карамзин пишет: «Зная свойство мятежных донских козаков — зная, что они не любили Годунова, казнившего многих из них за разбои — Лжедмитрий послал на Дон литвина Свирского с грамотою; писал, что он сын первого Царя Белого <...> звал их на дело славное: свергнуть раба и злодея с престола Иоаннова» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 140–141, 1-я паг.).

- с. 72 ...*кланяясь низко и хватая Гришку за полу*. — Это единственная в трагедии ремарка, где Отрепьев назван «Гришкой». В автографе, однако, значилось: «...*хватая Гр. за полу*».
- с. 72 *Примите благосклонно / Сей бѣдный плодъ усерднаго труда*. — Карамзин сообщает, что иезуит Гроховский воспел «в стихах пиндарических» торжественное обручение Самозванца с Мариной Мнишек. Обручение состоялось 12 ноября 1605 г. в присутствии короля Сигизмунда и его сына Владислава. Жениха замещал русский посланник Власьев. Ода Гроховского была напечатана в Кракове в 1606 г. В примечании 430 Карамзин дает цитату из нее в переводе (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 4: 241–242, 1-я паг.; Там же, 121, 2-я паг.). Пушкин «передвинул» эпизод с одой, отнеся его к более раннему времени.
- с. 72 *Что вижу я? Латинскіе стихи!* — Карамзин привел некоторые факты, свидетельствующие об изучении Отрепьевым латыни. Говоря об участии его в разбойных набегах запорожцев из отряда Герасима Евангелика, Карамзин добавляет: «Но скоро увидели прошлеца в ином феатре: в мирной школе городка Вольнского, Гащи, за польскою и латинскою грамматикою» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 129, 1-я паг.). Далее, рассказывая о тайном переходе Лжедмитрия в католичество, Карамзин сообщает: «...Отрепьев, следуя наставлениям нунция, собственною рукою написал красноречивое латинское письмо к Папе, чтобы иметь в нем искреннего покровителя» (Там же, 136, 1-я паг.). В примечании 214 сказано: «Учителем Расстриги в латинском языке был иезуит Савицкий; но он (Расстрига) худо знал сей язык или почти совсем не знал (см. Маржерета)» (Там же, 73, 2-я паг.). Позднейшие лингвисты и историки установили, что Самозванец лишь переписал письмо к папе римскому, составленное иезуитами (см.: Скрынников 1978: 171–172).
- с. 72 *Стократъ священъ союзъ меча и лиры; / Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ*. — Самозванец говорит о стихах метонимическими формулами классической поэзии, восходящими к античной эмблематике. Ср., например, описание античных статуй в незаконченном стихотворении «В начале

жизни школу помню я...» (1830): «...мраморные циркули и лиры, / Мечи и свитки в мраморных руках, / На главах лавры, на плечах порфиры...» (III: 255). О возможной связи этих формул с барочными сборниками «символов и эмблем» см.: Лотман Л. 1996а: 317–320.

- с. 72 ...*подъ небожь полунощнымъ*... — под северным небом (от «полночь» в значении «север, норд, зимняя сторона»).
- с. 72 ...*Парнасскіе цвѣты*. — Хотя эта перифрастическая формула (восходящая, по-видимому, к французской прециозной литературе XVII в.) встречается еще у М. В. Ломоносова («Богиня, дочь божеств, науки основавших...», 1761) и М. М. Хераскова («Россияда», 1779; песнь X), для Пушкина она ассоциировалась, по-видимому, прежде всего с Батюшковым, который использовал ее в «Моих пенатах» (опубл. 1814): «Там Дмитриев сидит; / Беседа с зверями, / Как счастливый дитя, / Парнасскими цветами / Скрыл истину шутя» (Батюшков 1977: 266). Ср. в лицейском послании Пушкина «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...», 1814): «Довольный счастливым началом, / Цветов парнасских вновь не рвешь...» (Пушкин 1999–2004 I: 54).
- с. 73 *Musa gloriam coronat, gloriaque musam* — Муза венчает славу, а слава музу (*лат.*). Источник этого латинского изречения не установлен. По мнению Я. М. Боровского, есть основание рассматривать его «не как почерпнутую откуда-либо цитату, а как авторский текст Пушкина <...>. Заслуживает быть отмеченным метонимическое употребление слова „Musa“ и „gloria“, встречающее параллель и в русском словоупотреблении Пушкина» (Боровский 1974: 119).

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ

События, описанные в этой и следующей сценах, должны быть отнесены к весне 1604 г.: 25 мая этого года, как сообщает Карамзин, было подписано брачное обязательство, взятое Самозванцем перед Мариной Мнишек.

- с. 74 *Онъ говоритъ съ одной моею Мариной ~ А дѣло-то на свадьбу трахъ похоже*. — В «Истории» Карамзина говорит-

ся, что Мнишек «имел юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и ветреную: Лжедимитрий, гостя у него в Самборе, объявил себя, искренно или притворно, страстным ее любовником и вскружил ей голову именем царевича; а гордый воевода с радостью благословил сию взаимную склонность, в надежде видеть Россию у ног своей дочери, как наследственную собственность его потомства» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 137, 1-я паг.).

- с. 74 ...думаль ли ты, Мнишекъ, / Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской? — См. выше, с. 266–267, комментарий к сцене «Москва. Дом Шуйского». Ср. у Карамзина о реакции Адама Вишневецкого на «признание» Самозванца: «Вельможа литовский был в восхищении. Какая слава представлялась для него возможною! бывшего слугу своего увидеть на троне московском!» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 131, 1-я паг.).
- с. 75 ...Польской... — полонез, старинный польский торжественный танец-шествие, исполнявшийся в начале бала.
- с. 76 Онъ не красивъ, но видъ его пріятель, / И Царская порода въ немъ видна. — Ср. описание наружности Самозванца в сцене в корчме. Карамзин отмечал, что Самозванец имел «наружность некрасивую», но «заменял сию невыгоду живостию и смелостию ума, красноречием, осанкою благородною» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 129, 1-я паг.).
- с. 76–77 Мы старики ужъ нынче не танцуемъ ~ А между тьмъ посудимъ кой о чемъ. — Как показал Т. Шоу, моделью для сцены послужила сцена бала в первом акте «Ромео и Джульетты» Шекспира, где старый Капулетти, как Мнишек, наблюдает за танцующими и говорит собеседнику: «...you and I are past our dancing days» (I, 5: 35). Во французском переводе Латурнера: «...vous et moi nous avons passé nos jours de danse [...для нас с вами дни танцев миновали]» (Shakespeare 1821 IV: 323). У Шекспира сцену завершает рифмованный «пролог» хора, имеющий форму «английского» сонета по схеме abab cdcd efef gg. Подобный же сонет вычленяется и из диалога Ромео и Джульетты (I, 5: 97–110). О введении рифмованных строф, напоминающих по форме сонет, в некоторых пьесах Шекспира, в том числе и в «Ромео и Джульетте», Пушкин мог прочитать у Шлегеля (см.: Schlegel 1814 II: 404–405).

По предположению Шоу, Пушкин вслед за Шекспиром тоже строит монолог Мнишка как сонет, хотя и по другой схеме: abab cddc eef gfg (см.: Shaw 1994: 191–219; Шоу 2002: 293–335). С выводами Т. Шоу согласилась Е. В. Хворостьянова, которая уточнила его определение, назвав все пятнадцать зарифмованных стихов, включая и реплику Вишневецкого, правильным сонетом с кодой (см.: Хворостьянова 2002: 21; см. также выше, с. 195–196). Против такой трактовки выступил М. Вахтел, заметивший, что для Пушкина, как свидетельствуют его опыты 1830 г., сонет — «затруднительная форма» — должен был иметь только две рифмы в катренах и отличаться изощренной словесной игрой. Поскольку в монологе Мнишка оба эти условия не соблюдены, его, согласно Вахтелу, следует рассматривать как «рифмованную вставку» («a rhymed insertion»), схема которой, с точки зрения исследователя, не ближе к сонету, чем к онегинской строфе (см.: Wahtel 2005: 173). Упоминание о *венгерском* вине находит соответствие у Карамзина, который сообщает, что после захвата трона Самозванцем «Мнишек приехал в Москву, везя с собой тридцать бочек венгерского вина» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 4: 273, 1-я паг.; см.: Дворский 1999: 104).

Стих «Музыки гром не призывает нас» в автографе ПД 891 и в копии ПД 892 читался: «Мазурки гром не подзывает нас». Г. О. Винокур отнес печатный вариант стиха к числу искажений текста и поместил в основном тексте сцены «Замок воеводы Мнишка в Самборе» рукописный вариант как несомненно пушкинский (см.: Пушкин 1935: 56, ст. 24). Между тем, по замечанию Д. Д. Благого, в редакции «БГ*» Пушкин, возможно, устранял анахронизм, допущенный в «михайловской» редакции пьесы: «мазурка получила распространение значительно позднее, только в первой половине XVIII века» (Благой 1936: 234). Критическое замечание Благого активно поддержали Б. П. Городецкий (Городецкий 1939: 532–533), который считал, что решение Г. О. Винокура «должно быть отвергнуто как произвольное», и В. И. Чернышев (Чернышев 1941: 458). Городецкий отметил, что Б. В. Томашевский, восстановив в издании ГИХЛ 1931–1933 (III: 391) чтение стиха в «михайловской» редакции («Мазурки гром не подзы-

вает нас»), уже в издании Пушкин 1936 (III: 63) вернулся к варианту «БГ*». Варианту автографа отдал предпочтение Д. П. Якубович при подготовке Асад. в 6 т. (III: 227) и Асад. в 9 т. (VI: 74). В ответе В. И. Чернышеву Винокур признал свою ошибку и сообщил: «Благодаря счастливому стечению обстоятельств, я успел исправить эту ошибку в вышедшем (пока в ограниченном тираже) в начале 1937 г. втором издании VII тома (стр. 56), и таким образом этот вопрос можно теперь считать уже принадлежащим истории» (Винокур 1941: 487–488). Оснований предполагать случайную порчу текста в этом месте в «БГ*» действительно не имеется.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ

- с. 83 *Димитрій, ты и быть инымъ не можешь...* — искажение текста, вместо правильного: «Димитрий ты и быть иным не можешь» (правильное чтение устанавливается по автографу ПД 891).
- с. 83 *Другаго мнѣ любить нельзя.* — Ср. в «Элегии» («Я видел смерть; она в молчаньи села...», 1816): «Где я любил, где мне любить нельзя!» (Пушкин 1999–2004 I: 210). Та же конструкция дважды повторяется в «Каменном госте» (1830): «Мне двух любить нельзя», «...мне вас любить нельзя» (VII: 147, 164).
- с. 83 *...твой Димитрій / Давно погибѣ, зарытъ — и не воскреснетъ...* — Царевич Димитрий был похоронен без царских почестей в церкви в Угличе; могила его вскоре была забыта; Борис Годунов запретил помянуть имя Димитрия в молитвах о членах царской семьи. Перенесение его гроба в царскую усыпальницу — Архангельский собор — состоялось много позже, в царствование Василия Шуйского, которому это было необходимо для окончательного разоблачения свергнутого Лжедмитрия.
- с. 84 *И наконецъ изъ келии бѣжалъ / Къ Украинцамъ въ ихъ бурные курени; / Владѣть конемъ и саблей научился...* — Ср. у Карамзина о пребывании Отрепьева у запорожцев: «У них, как пишут, расстрига Отрепьев несколько времени учился владеть мечом и конем» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 128, 1-я паг.). *Курени* — войсковые подразделения Запорожской Сечи.

- с. 85 *Какъ дѣвочки доверчивой и слабой / Тщеславное мнѣ сердце умилишь?* — Хотя форма «девички» идентична в автографе ПД 891, копии ПД 892 и в «БГ*», Г. О. Винокур счел необходимым исправить ее в основном тексте, в результате чего ст. 118–119 приняли следующий вид: «Как *девоцке* доверчивой и слабой / Тщеславное мне сердце умилишь». «Пушкин мог написать „*девоцки*“ и в значении дательного падежа, но такое написание создает затруднения для понимания этого места» (Винокур 1935: 430). Решение Г. О. Винокура было поддержано С. М. Бонди (см.: Бонди 1978: 224–231), но встретило возражения со стороны Д. Д. Благого, Б. П. Городецкого, В. И. Чернышева, В. В. Виноградова и М. Л. Нольмана. Поясняя свою позицию, Б. П. Городецкий писал: «У Пушкина форма: „*девоцки*“ — необходима по смыслу всей строфы: сердце доверчивой и слабой девочки» (Городецкий 1939: 531; см. также: Благой 1936: 234–235; Чернышев 1941: 458; Виноградов В. 1959: 249–250; Нольман 1989: 73–78). Конъектура, предложенная Г. О. Винокуром и принятая также в ПСС 1937–1959 (VII: 62), не была принята Б. В. Томашевским (см. издания: Томашевский 1950–1951 и Томашевский 1956–1958; лишь в пятом томе третьего издания, вышедшем в 1978 г., после смерти Томашевского, введена форма «*девоцке*»). Отвечая на критические замечания В. И. Чернышева, Винокур писал: «Возможно, что слишком „смелой“ для академического издания является конъектура, предложенная мною для известного места, „Сцены у Фонтана“, именно чтение *девоцке* вм. *девоцки* <...>. Но если это и ошибка, то не научная, а разве только — *тактическая*, потому что не может быть абсолютно никаких сомнений в том, что здесь падеж дательный (*мне* сердце умилишь!), а не родительный...» (Винокур 1941: 488).
- с. 89 *Не будешь ты подругою моей...* — Печатный вариант этого стиха совпадает с первоначальным чтением автографа ПД 891, где последнее слово было исправлено на: «моею». Исправление сделано неотчетливо и могло остаться не замеченным переписчиком. В издании Пушкин 1935 Г. О. Винокур счел чтение прижизненного издания ошибочным и восстановил в основном тексте вариант: «Не будешь ты подругою моею». Не исключено, однако, что на последнем

- этапе подготовки рукописи Пушкин сознательно отдал предпочтение варианту, отраженному в печатном тексте.
- с. 90 *Я слышу ртьчь не мальчика, но мужа.* — По предположению А. Х. Горфункеля, «„мальчик“ в устах Марины — отнюдь не „ребенок мужского пола“ <...>. Самозванец — вчерашний слуга Вишневецкого, его „мальчик“, во втором значении слова, которое часто встречается у Пушкина. <...> „Мальчик“ в значении „слуга“ (вероятно, молодой, но вообще возрастной признак здесь вовсе не обязателен) появляется и в одной из предыдущих сцен „Бориса Годунова“ — „Москва. Дом Шуйского“ — в качестве персонажа, читающего, по велению хозяина дома, молитву о здравии государя. Признавшийся в самозванстве <...> Лжедмитрий повел себя не как „муж“ (в главном — и в западной, и в русской средневековой традиции — значении слова: „Муж меча и совета“, достойный высшей государственной власти), а как „мальчик“, вчерашний слуга Вишневецкого» (Горфункель 2002: 308–309).

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ

В «михайловской» редакции, т. е. в автографе ПД 891, над названием сцены стояла дата: «1604. 16 октября». Эта дата указана Карамзиным (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 148, 1-я паг.), который ссылается в примечании 241 на материалы в Собрании государственных грамот и на немецкую рукопись Г. Г. Паерле (Peyerle), содержащую описание его путешествия из Кракова в Москву и обратно в 1606–1608 гг. (Карамзин пользовался рукописью из библиотеки гр. Н. П. Румянцева под загл.: «Beschreibung der Moscovittischen Rayse, welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg... [Описание московского путешествия, которое я, Ганс Георг Паерле из Аугсбурга... — нем.]»). Современный исследователь дает другую дату вторжения войска Самозванца в пределы России — 13 октября 1604 г. (см.: Скрынников 1990: 83).

- с. 92 *Чужбины прахъ съ презрѣнемъ отряхаю / Съ моихъ одеждъ...* — Ср. сходную метафору (восходящую к новозаветному изречению: «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, от-

- трясите прах от ног ваших» [Мф 10: 14] в наброске «Презрев и голос <?> укоризны...» (1824): «Иду в чужбине прах отчизны / С дорожных отряхнуть одежду» (II: 349).
- с. 92 ...теперь твоя душа, / О мой отецъ, утѣшилась и въ гробъ. / Опальные возрадуются кости! — искажение текста вместо правильного: «...теперь твоя душа, / О мой отец, утешится и в гробе / Опальные возрадуются кости!» (правильное чтение устанавливается по автографу ПД 891).
- с. 93 *Забывъ, отцемъ снесенныя обиды...* — В стихе опечатка: запятая поставлена по ошибке.

ЦАРСКАЯ ДУМА

В данной сцене объединены одновременные события. Упомянутое в ст. 3 послание с угрозами Борису Самозванец мог отправить в марте 1605 г. (см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 177–178, 1-я паг.). В ст. 8 говорится: «Бунтовщиком Чернигов осажден». Чернигов был взят Лжедмитрием 26 октября 1604 г. (см.: Там же, 151, 1-я паг.). В том же году поступило упоминаемое в сцене предложение о помощи от шведского короля. См. также ниже, с. 295, об анахронизме, связанном с упоминанием Щелкалова.

- с. 95 *Царская дума* — верховный совет из бояр, окольничих, думных дворян и дьяков, совещательный орган при царе.
- с. 95 *Дерзаетъ намъ писать угрозы!* — Ср. у Карамзина: «Уверяют, что он <Самозванец>, хваляся явным Небесным к нему благоволением, писал тогда к патриарху и к самому царю: укорял Иова злоупотреблением церковной власти в пользу хищника, а Бориса убеждал мирно оставить престол и свет, заключиться в монастыре и жить для спасения души, обещая ему свою царскую милость» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 177–178, 1-я паг.).
- с. 95 *Попъзжайте, / Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь ~ Спасайте градъ и гражданъ.* — Никита Романович Трубецкой (1584–1608) — боярин, воевода. Петр Федорович Басманов (ок. 1550–1606) — сын одного из организаторов опричнины, воевода, стольник (1590), окольничий (1600), в 1604 г. пожалован в бояре за оборону Новгорода-Северского; 7 мая

1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия. Карамзин пишет: «Борис видел в юном Басманове только достоинства; вывел его, вместе с братом, из родовой опалы на степень знатности, в 1601 году дав ему сан окольного, и вместе с боярином, князем Никитою Романовичем Трубецким, послал было спасти Чернигов; но они за 15 верст до сего города сведали, что там уже Самозванец...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 153, 1-я паг.). Чернигов, как указывает Карамзин, покорился Самозванцу, граждане выдали ему воевод.

- с. 96 *Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣрѣя / Заморскаго, въ желъзной кльтькѣ...* — По замечанию Б. В. Томашевского, эти слова Басманова напоминают обещание привезти Наполеона в Париж в железной клетке («dans une cage de fer»), данное маршалом Неем Людовику XVIII. Как и Басманов, Нея перешел затем на сторону «узурпатора» (см.: Томашевский 1954: 62–64; о том же см.: Etkind 1987: 55–58). Слова о железной клетке получили широкую известность, так как их поместили в своих отчетах многие газеты. Томашевский подчеркивал сходство между легкими завоеваниями Самозванца в России XVII в. и «ста днями» Наполеона, а также между изменой Нея и изменой Басманова, однако отмечал, что «эти исторические аналогии не имеют ничего общего с „намекami“ и „применениями“ трагедий позднего классицизма» (Томашевский 1954: 63). В клетке через всю Россию везли Пугачева, и это событие надолго сохранилось в памяти нескольких поколений.
- с. 96 *Мнѣ Свейскій Государь / Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ; / Но не нужна намъ чуждая помога...* — Шведский король Карл IX Ваза (1550–1611), официально избранный в 1604 г., фактически правил в Швеции с 1599 г., сместив в результате восстания польско-шведского короля Сигизмунда III. Он предложил Годунову заключить союз против Польши, нарушившей договор о мире с Россией. Карамзин пишет: «Шведский король, враг Сигизмундов, услышав о Самозванце и вероломстве ляхов, предлагал царю союз и войско вспомогательное. Царь ответствовал, что Россия не требует вспоможения иноземцев» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 160, 1-я паг.).

- с. 96 *Щелкаловъ!* — Упоминание Щелкалова — анахронизм. В примечании 159 Карамзин сообщает, что Василий Щелкалов был удален от дел около 1602 г. (Карамзин 1815–1829 XI: 55, 2-я паг.; см. также: Там же, гл. 2: 107, 1-я паг.).
- с. 96 *Чтобъ на коня садились...* — В автографе ПД 891 первоначально было записано: «Чтоб на коня садились», затем исправлено на: «Чтоб на коней садились». Исправление сделано неотчетливо, оно не было замечено переписчиком копии ПД 892, в которой читается: «Чтоб на коня садились». Возможно, такая же ошибка была допущена при изготовлении копии, с которой печатался текст. Но не исключено и то, что Пушкин сознательно отдал предпочтение первоначальному варианту стиха.
- с. 96 *Въ монастыряхъ подобно отобразъ ~ Пусть молятся за насъ они...* — «Борис <...> велел, чтобы и все слуги патриаршие, святительские и монастырские, годные для ратного дела, спешили к войску под опасением тяжкого гнева царского в случае медленности. „Бывали времена, — сказано в сем определении Государственного Совета, — когда и самые иноки, священники, диаконы вооружались для спасения отечества, не жалея своей крови; но мы не хотим того: оставляем их в храмах, да молятся о государе и государстве“» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 159–160, 1-я паг.; см. также: Там же, 88–89, 2-я паг., примеч. 265).
- с. 97 *Коварные промчалъ повсюду слухи ~ Но чтъмъ и какъ?* — Ср.: «Лжедмитрий шел с мечом и манифестом: объявлял россиянам, что он, невидимою десницею Всевышнего устранный от ножа Борисова и долго сокрываемый в неизвестности, сею же рукой изведен на феатр мира под знаменами сильного, храброго войска, и спешит в Москву взять наследие своих предков <...> напоминал всем чиновникам и гражданам присягу, данную ими Иоанну; убеждал их оставить хищника Бориса и служить государю законному; обещал мир, тишину, благоденствие <...>. Сей манифест довершил действие прежних подметных грамот <...>. Тщетно градоначальники Борисовы хотели мешать распространению листов Самозванцевых, опровергали и жгли их: листы ходили из рук в руки, готовя измену» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 148–150, 1-я паг.).

- с. 97 *Ты грѣшному погибели не хочешь...* — Реминисценция из Книги пророка Иезекииля: «... глаголет Адонаи Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего, и живу быти ему» (Иез 33: 11; см.: Фойницкий 2000: 211–212).
- с. 98–100 *И чудную поведалъ онъ мнѣ тайну ~ У гробовой Царевича доски.* — У Карамзина отсутствует рассказ о каком-либо заседании царской Думы, на котором патриарх мог бы произнести речь, подобную той, какую он произносит в трагедии. Молва о чудесах, сходных с теми, о которых он рассказывает, распространилась значительно позже, в царствование Василия Шуйского, когда тело царевича Димитрия было перенесено в Москву. О них повествуется в «Летописи о многих мятежах...» (Летопись о многих мятежах 1771: 108–109). Об этих чудесах Карамзин рассказывает в двенадцатом томе, который был напечатан тогда, когда Пушкин закончил работу над трагедией (см.: Карамзин 1815–1829 XII, гл. 1: 12, 1-я паг.; Там же, 9, 2-я паг., примеч. 22); в примечании дана выписка из Четъих-Миней (3 июня), где говорится об исцелениях на могиле Димитрия в Угличе. Пушкин сам читал Четъи-Миней, как сообщает И. И. Пуцин (см. выше, с. 164). Сопоставление житийного рассказа с текстом трагедии см.: Бочкарев 1988: 7–8.
- с. 101 *...яко прахъ.* — Библейское сравнение. См., например: «Не тако нечестивии, не тако: но яко прах, его же возмает ветр от лица земли» (Пс 1: 4); «Да будут яко прах пред лицом ветра» (Пс 34: 5).
- с. 102 *Я самъ явлюсь на площади народной ~ И злой обманъ бродяги обнаружу.* — «Всех громогласнее <...> свидетельствовал в столице князь Василий Шуйский, торжественно, на лобном месте, о несомненной смерти царевича, им виденного во гробе и в могиле», — пишет Карамзин, в примечании 261 ссылаясь на Хронографы (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 157–158, 1-я паг.; Там же, 86, 2-я паг.).
- с. 102 *Не смѣль вздохнуть, не только шевелиться.* — Искажение текста, вместо правильного: «Не смел вздохнуть, не только шеvelиться». В автографе ПД 891 первоначально было записано: «Не смел вздохнуть, не смел пошевелить».

ся», а затем исправлено: «Не смел вздохнуть, не только шевельнуться», но исправление в конце последнего слова сделано неразборчиво.

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СЪВЕРСКАГО

1604 года, 21 Декабря. — Дата указана Карамзиным (см. ниже). Отдельные детали сцены, отмеченные ниже, Пушкин взял из описания другого сражения, состоявшегося 21 января 1605 г. при Добрыничах под Севском.

- с. 104 *В о и ны, бѣгутъ въ безпорядкѣ.* — В битве под Новгородом-Северским внезапная атака польской конницы вызвала паническое бегство русского войска, защищавшего законную власть. Карамзин рассказывает: «21 декабря началось дело, сперва не жаркое; но вдруг конница польская с воплем устремилась на правое крыло россиян, где предводительствовали князя Дмитрий Шуйский и Михайло Кашин: оно дрогнуло и в бегстве опрокинуло средину войска, где стоял Мстиславский...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 163, 1-я паг.).
- с. 104 *Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ.* — Жак Маржерет (Margeret, ок. 1550 или 1560 — после 1618) и Вальтер Розен командовали отрядами иноземцев, служивших Годунову; позднее оба служили Лжедмитрию. О мемуарах Маржерета см. выше, с. 164–165. Рассказывая о победе в битве при Добрыничах, Карамзин сообщает, что Годунов раздал щедрые награды войску и «в особенности благодарил усердных иноземцев и двух их предводителей, Вальтера Розена, ливонского дворянина, и француза Якова Маржерета» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 170, 1-я паг.; см. также: Там же, 95, 2-я паг., примеч. 283). Роль иноземных войск и командовавших ими Маржерета и Розена у Пушкина укрупнена сравнительно с Карамзиным, который в рассказе о битвах под Новгородом-Северским и при Добрыничах акцентировал скорее роль кн. Мстиславского. Однако один из решающих моментов битвы 21 декабря был связан именно с действиями немцев: «Час был решительный: если бы

Лжедмитрий общим нападением подкрепил удар смелых ляхов, то вся рать московская, как пишут очевидцы, предстала бы зрелище срамного бегства; но он дал ей время опомниться: 700 немецких всадников, верных Борису, удержали стремление неприятельских, и левое крыло наше уцелело» (Там же, гл. 2: 164, 1-я паг.).

- с. 104 *Куда, куда? Allons... пошёл назадъ!..* и след. — Искаженное комическое осмысление и произношение иноязычных слов, возможно, ориентировано на «Генриха V» Шекспира, где обыграно уэльское произношение капитана Флюэллена, который ругает трусливых солдат, как и Маржерет (см.: Покровский 1910: 13). Как в английском оригинале, так и во французском переводе, которым пользовался Пушкин, произношение Флюэллена передается с помощью частичной замены звонких согласных глухими (см.: Shakespeare 1821 XI: 61–66). Подобным же образом в русских комедиях передавалась немецкая речь (см., например, реплики Вральмана в «Недоросле» Д. И. Фонвизина — действие III, явл. 8, 9; действие V, явл. 6). Сцена 4 акта III «Генриха V» Шекспира целиком посвящена комическому уроку английского языка, действующие лица при этом говорят по-французски. Комическая смесь французского и английского встречается и у Вальтера Скотта — см., например, сцену из главы LVIII романа «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» («Waverley, or 'tis sixty Years since», 1814), где французский офицер Божо командует отрядом горцев-шотландцев. См. об этом: Винокур 1935: 493–494, 497–498. *Allons* — Ну! (*фр.*).
- с. 105 *Quoi? quoi?* — Что? что? (*фр.*).
- с. 105 *Qu'est-ce à dire pravoslavni ~ ça n'a que des jambes pour fuir.* — Что это значит *pravoslavni*?.. Прощельги окаянные, проклятая сволочь! Черт побери, mein Herr [сударь — *нем.*], я взбешен: можно подумать, у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы бежать (*фр.*). В словах: «en dirait» — опечатка, вместо правильного (как в автографе): «on dirait». Заключая описание битвы под Новгородом-Северским, Карамзин восклицал: «...иноземцы же, свидетели сего малодушного бегства, пишут, что россияне не имели, казалось, ни мечей, ни рук, имея единственно ноги!» (Карамзин

1815–1829 XI, гл. 2: 164, 1-я паг.). Эти слова восходят к фразе из воспоминаний Маржерета (см.: Margeret 1821: 114), процитированной Карамзиным в примечании 274: «...on eust dit que les Russes n'avoient point de bras pour frapper [можно было подумать, что у русских не было рук, чтобы драться. — фр.]» (Карамзин 1815–1829 XI: 91, 2-я паг.).

- с. 105 *Es ist Schande.* — Позор (нем.).
- с. 105 *Ventre-saint-gris! ~ Qu'en dites vous, mein Herr?* — Пропади ты пропадом! Я не сдвинусь ни на шаг; раз дело начато, надо его кончить. Что скажете, mein Herr [сударь — нем.]? (фр.). «*Puisque le vin est tiré, il faut le boire*» — французская поговорка; обычно начинается со слова «*Quand*»; дословный перевод: «Когда вино откупорено, его надо пить».
- с. 106 *Sie haben Recht.* — Вы правы (нем.).
- с. 106 *Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.* — Дьявольщина, становится жарко! Этот чертов Самозванец, как его называют, парень хоть куда (фр.).
- с. 106 *Ja.* — Да (нем.).
- с. 106 *Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.* — Э, смотрите, смотрите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это, наверно, наступает смельчак Басманов (фр.). У Карамзина рассказано, что в тот момент, когда 700 немецких всадников отражали напор войск Самозванца в битве под Новгородом-Северским, «Басманов вышел из крепости, чтобы действовать в тылу у Самозванца, который, слыша выстрелы позади себя и видя свой укрепленный стан в пламени, прекратил битву. Обе стороны вдруг отступили...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 164, 1-я паг.).
- с. 106 *Ich glaube das.* — Думаю, да (нем.).
- с. 106 *Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!* — Ага! вот и наши немцы. Господа! Mein Herr [сударь — нем.], велите им постриться и, черт нас раздери, пойдем наконец в атаку! (фр.) В глаголе «*se raillier*» — опечатка, вместо правильного: «*se rallier*» (в автографе «*se raillier*» исправлено на: «*se rallier*»).
- с. 107 *Sehr gut. Halt!* — Отлично. Стой! (нем.).

- с. 107 *Marsch!* — Марш! (нем.).
- с. 107 *Hilf Gott!* — С нами Бог! (нем.). Этот возглас немцев встречается у Карамзина в описании битвы при Добрыничах. См.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 170, 1-я паг., а также примеч. 283, где приведена версия, согласно которой «Вальтер фон-Розен и *Маржерет*, начальники двух иноземных дружин, с кликом: *Hilf Gott!* прогнали Лжедмитрия, отняв у него взятые им московские пушки». Историк, однако, считает, что более достоверны показания самого Маржерета, который «признается, что и сам он, и Розен бежали» (Там же, 95, 2-я паг.).
- с. 107 *Ударить отбой! Мы победили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!* — Победа, которую провозгласил Самозванец, в действительности была сомнительна. Обе сражавшиеся армии отступили. Самозванца к этому принудили успешные действия Басманова в тылу его войска. Карамзин пишет: «...мнимый победитель не веселился. Сия битва странная доказала не то, что хотелось Самозванцу: россияне сражались с ним худо, без усердия, но сражались <...>. Он знал, что без их общего предательства ни ляхи, ни козаки не свергнут Бориса...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 164–165, 1-я паг.).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОВОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ

- с. 108–109 *Что? ужъ проклинали того? ~ Вотъ ужё имъ будетъ безбожникамъ.* — Карамзин рассказывает, как в народе постепенно зародилась вера в то, «что Бог действительно каким-нибудь чудом <...> мог спасти Иоаннова сына <...>. По крайней мере сомневались и не изъявляли ревности стоять за Бориса. <...> В сей опасности, уже явной, Борис <...> велел иерархам петь вечную память Димитрию в храмах, а Расстригу с его клеветами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонах и торжищах, как злого еретика, умышляющего не только похитить царство, но и ввести в нем латинскую веру» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 158–159, 1-я паг.).
- с. 109 *Жельзный колпакъ* — лицо вымышленное. В первой, «михайловской», редакции юродивый носил имя «Николка»

(см. Приложение I, с. 71–73). Таким образом, в его имени были совмещены имена двух юродивых: Николы Псковского и Иоанна Большого (или Железного) колпака. Карамзин, посвятивший в десятом томе «Истории» специальный, хотя и небольшой, параграф теме «Юродивые», писал: «Тогда же <в 1588 г.> был в Москве юродивый, уважаемый за действительную или мнимую святость: с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жестокие морозы, он предсказывал бедствия и торжественно злословил Бориса; а Борис молчал и не смел сделать ему ни малейшего зла, опасаясь ли народа или веря святости сего человека. <...> Уверяют, что современник Иоаннов, Василий Блаженный, подобно Николу Псковскому не щадил Грозного и с удивительною смелостию вопил на стогнах о жестоких делах его» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 4: 283–284, 1-я паг.). К теме юродивых Карамзин дважды обращается в примечаниях 469–470 к десятому тому, ссылаясь на книгу Дж. Флетчера «О русском государстве...» (Fletcher 1591: 89–90, 104). В примечании 469 сообщаются сведения о юродивом, прозванном «Большим колпаком» или «Водоносцем», скончавшемся в 1589 г. «с именем святого». Он «...носил на теле кресты с веригами железными, на голове тяжелый колпак, на пальцах многие кольца и перстни медные, а в руках деревянные четки» (Карамзин 1815–1829 X: 149, 2-я паг.). Как неоднократно указывалось в исследовательской литературе, образ юродивого функционально подобен шекспировским образам шутов, говорящих королям горькую правду (см., например: Herford 1925: 26; Gifford 1947: 155). О шутах, которые могли преподносить царствующим особам ту истину, которую больше никто не осмеливался высказать вслух, писал в связи с Шекспиром А. Шлегель (см.: Schlegel 1814 II: 396).

- с. 110 *Мѣсяць ѣдетъ ~ Богу помолися!* — Песня Юродивого близка к народным детским игровым песням, что стилистически оправдано игровым поведением юродивых (см.: Панченко 1984: 82–116). Первая строка песни, в автографе также читавшаяся: «Месяц едет», в копии ПД 892 была исправлена на: «Месяц светит». Г. О. Винокур считал, что поправка, сделанная в копии, не отразилась в печатном тексте

«по случайным причинам» (см.: Винокур 1935: 429). Однако оснований для такого вывода не имеется. Об этом см. также выше, с. 151–153.

- с. 111 ...*нельзя молиться за Царя Ирода — Богородица не велитъ*. — Ирод I Великий — царь Иудеи, приказавший, согласно Евангелию, убить всех младенцев в Вифлееме, чтобы избавиться от Иисуса, которого он рассматривал как претендента на престол, так как волхвы предсказали, что этот младенец станет царем Иудейским, вождем, который спасет народ Израиля (см.: Мф 2: 1–12, 16–18). Сюжет о царе Ироде разыгрывался в русском вертепном театре.

СЪВСКЪ

Сцена происходит накануне состоявшейся 21 января 1605 г. битвы при Добрыничах под Севском. Московские события, которые обсуждают в этой сцене Самозванец и Рожнов, относятся к 1 января 1605 г., но также и к более позднему времени (московские казни, о которых рассказывает Рожнов, начались не ранее марта 1605 г. [см.: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 177–178, 1-я паг.]).

- с. 112 *Рожновъ, Московскій дворянинъ*. — Этого исторического лица в «Истории» Карамзина нет. Пушкины состояли в родстве с Рожновыми, предок которых, Михайло Никитич Пушкин по прозвищу Рожон, был потомком Радши в девятом колене (см.: Веселовский 1969а: 62–63, 91, 98, 102). О Рожнове как о третьем (после Гаврилы и Афанасия) Пушкине в БГ см.: Соскин 1975: 104–105; Гуревич 1984: 207. См. также выше, с. 275, о Бутурлиных, тоже происходивших от Радши.
- с. 113 *Онъ очень былъ встревоженъ / Потерею сраженія и раной / Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ / Начальствовать надъ войскомъ*. — Кн. Федор Иванович Мстиславский (ок. 1550–1622) в 1604 г., при наступлении Самозванца, был назначен главным воеводой. Карамзин характеризует его как «добросовестного, лично мужественного, но более знатного, нежели искусного предводителя» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 157, 1-я паг.). В сражении под Новгородом-Северским он сумел остановить отступление, но был

тяжело ранен: «...удерживал мечом своих и неприятелей; бился в свалке; облился кровию и с пятнадцатью ранами упал на землю» (Там же, 163–164, 1-я паг.). После этого Борис послал командовать войсками Василия Шуйского. Ср. в «Истории государства Российского»: «...узнав <...> все <...> печальные обстоятельства, Борис (1 января) послал князя Василия Шуйского к войску, быть вторым предводителем оного, а чашника Вельяминова к раненому Мстиславскому, ударить ему челом за кровь, пролиянную им из усердия к святому отечеству» (Там же, 166, 1-я паг.).

- с. 114 *А зачьмъ / Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?..* и след. — Ср. в «Истории государства Российского»: «Борис, искренно довольный одним Басмановым, призвал его к себе <...> дал ему из своих рук тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2000 рублей, множество серебряных сосудов из казны Кремлевской, доходное поместье и сан боярина думного. Столица и Россия обратили взор на сего нового вельможу, ознаменованного вдруг и славою подвига и милостию царскою...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 167, 1-я паг.).
- с. 114 *Онъ въ войскъ былъ нужнѣе.* — Полководческий талант Басманова проявился в битве близ Новгорода-Северского. Его действия принудили Самозванца прекратить бой, суливший ему полную победу, и отступить (см. выше, с. 299, 300). О доблести Басманова см. также: Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 153–154, 1-я паг. Карамзин считал, что отзыв Басманова из войска имел роковые последствия для династии Годунова и для дальнейшего положения России. Историк писал: «Если бы царь осмелился презреть устав боярского старшинства и дать главное воеводство Басманову, то, может быть, спас бы свой дом от гибели и Россию от бедствий: чего Судьба не хотела! Призвав Басманова в Москву, вероятно, с намерением пользоваться его советами в Думе, царь отнял лучшего воеводу у рати и сделал, кажется, новую ошибку, избрав Шуйского в начальники» (Там же, 167–168, 1-я паг.).
- с. 114–115 *Кому языкъ отрѣжутъ, а кому ~ Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужь молчать.* — Карамзин так характеризовал положение в Москве, правда, имея в виду более поздний этап войны, когда успехи Самозванца приняли угрожающий характер:

«Борис страдал, видя бедствие войска, нерадивость, неспособность или зломыслие воевод и боясь сменить их, чтобы не избрать худших; страдал, внимая молве народной, благоприятной для Самозванца, и не имея силы унять ее ни снисходительными убеждениями <...> ни казнию: ибо в сие время уже резали языки нескромным» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 178, 1-я паг.; см. также: Там же, 98, 2-я паг., примеч. 303).

- с. 116 *А говорятъ о милости твоей, / Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ, / А молодець.* — Вором Отрепьев был назван в грамоте патриарха Иова (см.: Карамзин 1815–1829 XI: 65, 73, 2-я паг., примеч. 199, 232).
- с. 116 *...друзья, не станемъ ждать / Мы Шуйскаго ~ А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ...* — Ср. у Карамзина: «Мстиславский, еще изнемогая от ран, и Шуйский немедленно двинулись к Севску, где Лжедимитрий не хотел ждать их: смелый отчаянием, вышел из города и встретился с ними в Добрыничах. Силы были несоразмерны: у него 15 000, конных и пеших: у воевод Борисовых 60 или 70 тысяч». Битва состоялась 21 января 1605 г. (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 168–169, 1-я паг.).
- с. 117 *То я тебя (ука зывая на свою саблю) Вотъ этимъ бы смирилъ.* — Дефект текста: в слове «Вот» заглавная буква вместо строчной.
- с. 117 *Не хочешь ли вотъ этаго (по ка зывая кулакъ), Безмозглый.* — Дефект текста: в слове «Безмозглый» заглавная буква вместо строчной.

ЛЪСЪ

Действие сцены происходит сразу после поражения Самозванца в состоявшейся 21 января 1605 г. битве при Добрыничах под Севском.

- с. 118 *Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ ~ И раненый какъ быстро несъ меня.* — Карамзин отмечает, что, возглавив в битве при Добрыничах конницу, Самозванец чуть не добился смелым натиском легкой победы над превосходящими силами противника: «Лжедимитрий сел на борзого,

карего аргамака, держа в руке обнаженный меч, и повел свою конницу долиною, чтобы стремительным нападением разрезать войско Борисово». Сопrotивление войск под командованием Мстиславского, разгадавшего маневр Самозванца, не смутило его: «...Расстрига, как истинный витязь, оказал смелость необыкновенную; сильным ударом смял россиян и погнал их», однако стойкость пехоты москвичей и плотность пушечного и ружейного огня привели к поражению и бегству войск Самозванца, который спасся, ускакав на раненом коне (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 169, 170, 171, 1-я паг.). Близкий к пушкинскому эпизод с раненым конем Самозванца приведен также М. М. Щербатовым: «...на сем побоище лошадь под самим самозванцем была ранена, и он едва мог спастись от пленения» (Щербатов 1790 VII/1: 247; см.: Жданов 1892: 15–16). Ср. также в «Дополнении к деяниям Петра Великого» И. И. Голикова, где сказано, что самозванец «едва сам мог спастись бегством, потому что и лошадь под ним была сильно ранена» (Голиков 1790: 163; см.: Листов, Тархова 1983: 115).

В рецензии на немецкий перевод БГ (СП. 1831. 23 ноября. № 266; ППК 3: 130; см. о ней выше, с. 249–250), Ф. В. Булгарин, пытаясь уязвить Пушкина, заметил, что сцена в лесу напоминает аналогичные сцены в поэме Вальтера Скотта «Дева озера» («Lady of the Lake», 1810) и в поэме Дж. Н. Г. Байрона (Byron) «Мазепа» («Mazeppa», 1819). Поэма Вальтера Скотта открывается описанием охоты на оленя, во время которой под всадником, увлекшимся погоней, падает конь. Герой (позднее выясняется, что это король Шотландии Яков V) сначала пытается «шпорами и уздой» поднять жеребца, а затем, «пронзенный жалостью и раскаянием», печально прощается с «издыхающим конем» («the expiring horse»; ср. то же словосочетание у Пушкина), говоря ему:

I little thought, when first thy rein
I slacked upon the banks of Seine,
That Highland eagle e'er should feed
On thy fleet limbs, my matchless steed!
Woe worth the chase, woe worth the day,
That costs thy life, my gallant gray!

[Едва ли думал я, когда впервые пустил тебя вскачь по берегам Сены, что коршун шотландских гор будет клевать твои быстрые ноги, мой несравненный конь. Горе этой охоте, горе этому дню, стоившему тебе жизни, мой храбрый серко. — *англ.*] (Scott 1900: 158). В начале «Мазепы» Байрона рассказывается о бегстве шведского короля Карла XII после поражения в битве под Полтавой. Отталкиваясь от сведений, приведенных в «Истории Карла XII» («Histoire de Charles XII», 1731) Вольтера, соответствующие фрагменты из которой вынесены в эпиграф к поэме, Байрон упоминает о том, что после того, как под раненым королем пали две лошади, он остановился на ночлег в лесу и заснул под деревом. Пушкин, как кажется, действительно строил сцену не без опоры на указанные Булгариным модели, но никакого заимствования мотивов и образов не совершил.

- с. 120 *Измѣнники, злодѣи Запорожцы, / Проклятые! вы, вы сгубили насъ.* — Согласно Карамзину в сражении под Севском «обратили тыл сперва запорожцы, а после и донцы, и пехота» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 170, 1-я паг.). В примечании 283 сообщалось, что «козаки, подкупленные Годуновым, изменили царевичу, ушли и заставили его также искать спасения в бегстве» (Там же, 95, 2-я паг.).
- с. 120 *Я ихъ ужѣ: десятаго повѣшу...* — Карамзин упоминает, что, когда к Отрепьеву на следующий день явились запорожцы, он не впустил их в город Рылъск, как предателей (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 171–172, 1-я паг.).
- с. 120 *Но все таки мы начисто разбиты, / Истреблены.* — Ср. у Карамзина: «Уже лишенный своей надежды, разбитый наголову, почти истребленный <...> он хотел тайно уйти из Путивля в Литву» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 172, 1-я паг.).
- с. 120 *А дѣло было наше ~ Да Нѣмцы насъ порядкомъ отразили...* — У Карамзина: «5000 россиян и немцы, с кликом: *Hilf Gott (помоги Бог)*, гнали, разили бегущих на пространстве осьми верст, убили тысяч шесть, взяли не мало пленников...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 170, 1-я паг.). В стихе «Я было снял передовую рать» — искажение текста, вместо правильного: «Я было смял передовую рать» (правильное чтение определяется по автографу ПД 891).

- с. 120–121 ...изъ нихъ ужъ непременно / Составлю я почетную дружину. — Ср. последующее повествование Карамзина о Самозванце: «...явно не доверяя москвитянам, снова окружил себя иноплеменниками: выбрал 300 немцев в свои телохранители, разделил их на три особенные дружины» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 4: 233, 1-я паг.).
- с. 121 Чьмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскъ. — Ср. в «Истории государства Российского»: «Самозванец <...> на раненом коне ускакал в Севск и в ту же ночь бежал далее, в город Рыльск» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 171, 1-я паг.).
- с. 121 Хранить его конечно Провидѣнье... — Ср. у Карамзина: «Говорили <...> что Провидение, очевидно, хотело спасти сего витязя и в самой несчастной битве...» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 173, 1-я паг.).

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ

Действие происходит в день смерти Бориса — 13 апреля 1605 г.

- с. 122 Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ? ~ И намъ со стѣнь Путивля угрожаетъ. — Ср. у Карамзина о событиях, следовавших за победой Бориса в битве при Добрыничах: «Не видя для себя безопасности и в Рыльске, Лжедмитрий искал ее в Путивле» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 172, 1-я паг.). В это время «воеводы Борисовы все еще стояли в Добрыничах» и жестоко расправлялись с пленными и местным населением. «Сия жестокость, вместе с оплошностью воевод, спасли злодея» (Там же). Население могло сопоставить великодушие царевича, «который миловал и самых усердных слуг своего неприятеля» (Там же) с жестокостью воевод, которую объясняли приказаниями царя Бориса. Самозванец же «укреплял Путивль», куда стекались «многие люди <...> требуя оружия и чести умереть за Димитрия» (Там же, 173–174, 1-я паг.). «Между тем воеводы царские — сведав, что Самозванец не истреблен, — тронулись с места, приступили к Рыльску <...> стояли две недели под городом», затем «решились дать отдохновение войску <...> отступили в Комарницкую волость и донесли царю, что будут ждать там

- весны в покойных станах. Но Борис, после кратковременной радости встревоженный известиями о спасении Лжедмитрия <...> досадуя на Мстиславского и всех его сподвижников <...> укорял их в нерадении, винил в упущении Самозванца из рук, в бесполезности победы» (Там же, 174–175, 1-я паг.).
- с. 122 *Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши? / Стоять у Кромѣ, гдѣ кучка Козаковъ / Сметется имъ изъ-подъ гнилой ограды.* — Карамзин писал: «Следуя строгому предписанию» Бориса, требовавшего, чтобы были приняты срочные и решительные меры, «Мстиславский и Шуйский снова вывели войско в поле, чтобы удивить Россию ничтожностью своих действий: оставили Лжедмитрия на свободе в Путивле, соединились с запасною ратию Федора Шереметева, уже две или три недели теснившего Кромы, и вместе с ним, в Великий пост, начали осаждать сию крепость. Дело невероятное: тысяч восемьдесят или более ратников, имея множество стенобитных орудий, без успеха приступало к деревянному городку, ибо в нем, сверх жителей, сидело 600 мужественных донцов с храбрым атаманом Корелю!» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 175–176, 1-я паг.). Русское войско продолжало стоять у Кром и после смерти Бориса (см.: Там же, 187, 1-я паг.). Безуспешная осада Кром длилась в течение шести недель (Там же, 195, 1-я паг.). Последний из комментируемых стихов в автографе читался: «Смеются им из-под гнилой ограды». Как и в других аналогичных случаях (см. выше, с. 236 и 238, комментарий к сцене в Чудовом монастыре), Г. О. Винокур восстанавливал здесь в основном тексте чтение автографа, которое в действительности может быть скорее квалифицировано как ошибка, исправленная в печатном тексте.
- с. 122–123 *Пошлю тебя начальствовать надъ ними ~ День этотъ недалёкъ...* — После казни Иваном Грозным его бывших любимцев Алексея и Федора Басмановых — деда и отца будущего воеводы (см. об этом: Карамзин 1815–1829 IX, гл. 3: 156–157, 161, 1-я паг.) — род Басмановых был временно отдален от двора. У Карамзина нигде не упоминается, что Годунову приходила мысль об отмене местничества. В «<Опровержении на критики>» Пушкин сам указывал, что это эпизод вымышленный, не опирающийся на истори-

ческие источники (XI: 154). Местничество — порядок назначения на административные, придворные и военные должности в строгой зависимости от знатности рода и «разряда» в системе заслуг государству. Система местничества сковывала развитие творческих сил даже в высших слоях боярства, закрывала путь к политической активности развивавшемуся дворянству и чрезвычайно затрудняла управление государством. Отменить местничество удалось только в 1682 г., когда были торжественно сожжены Разрядные книги (книги записей о прохождении боярами государственной службы, о наградах и возведении в то или иное достоинство) и всем боярам было приказано не считаться по разрядам, «быть без мест». Следует, однако, отметить, что более поздние размышления Пушкина о русском феодализме («Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827 [XI: 54–55]; «О втором томе „Истории русского народа“ Пелевого», 1830 [Там же, 126–127]; «Начало автобиографии», 1830-е гг. [XII: 311]) содержат весьма сочувственные отзывы о местническом порядке (см.: Винокур 1935: 479).

- с. 123 *Конь иногда сбиваетъ съдока...* — Конь и седок — распространенные в литературе XVIII — начала XIX в. аллегории для обозначения отношений «народ — власть» (см., например, басню И. А. Крылова «Конь и всадник», 1814, басню И. И. Дмитриева «Человек и конь», 1805, его же аполог «Узда и конь», 1826, стихотворение «Верховая лошадь» И. П. Пнина, 1805; см.: Городецкий 1953: 123). К той же аллегории прибегает Димитрий Самозванец в одноименной трагедии Сумарокова (д. III, явл. 5):

Блаженство завсегда весьма народу вредно:
Богат быть должен царь, а государство бедно.
Ликуй, монарх, и все под ним подданство стонь!
Всегда способнее к труду нежирный конь,
Смиряемый бичом и частою ездой
И управляемый крепчайшею уздой.

(Сумароков 1990: 271)

- с. 124 *...Иоаннь, / Смиритель бурь...* — Иван III Васильевич. Карамзин придавал особое значение его деятельности как самодержца, объединившего русские земли, пресекшего

междоусобицы и положившего основание русской государственности.

- с. 124 ...его *свирьпый внукъ* — Иван Грозный.
- с. 124 *Привели гостей иноплеменныхъ?* — Искажение текста, вместо правильного: «Привели гостей иноплеменных» (правильное чтение устанавливается по автографу ПД 891). Пароксизм, вызванный кровоизлиянием в мозг, случился у царя после приема послов.
- с. 125 *Бояре, придворные служители въ беспорядкъ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчуть.* — Искажение текста, вместо правильного: «Бояре, придворные служители в беспорядке бегут, встречаются и шепчутся». Последнее слово в автографе ПД 891 читалось: «шепчутся». Маловероятно, чтобы замена этой глагольной формы на «шепчут» была сознательно сделана Пушкиным.
- с. 126 *Пятый и шестой. Царь занемогъ, Царь умираетъ.* — искажение текста, вместо правильного:

Пятый

Царь занемогъ.

Шестой

Царь умираетъ.

Объединение реплик произошло в результате не разобранной переписчиком правки Пушкина. Первоначально этот стих был записан в автографе ПД 891 в следующем виде:

5

Царь занемог, царь умирает.

Затем в автографе было сделано не очень отчетливое исправление:

5

Царь занемог,

6

Царь умирает.

- с. 126 *На тронъ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ; / Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.* — Ср. у Карамзина: «Борис 13 апреля, в час утра, судил и рядил с вельможами в Думе, принимал знатных иноземцев, обедал с ними в Золотой палате и, едва встав из-за стола, почувствовал дурноту: кровь хлынула у него из носа, ушей и рта; лилась рекою: врачи, столь им любимые, не могли остановить ее» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 179–180, 1-я паг.). Существуют разные версии того, как

проявилась смертельная болезнь царя Бориса. Пушкин избирает самый драматичный вариант изображения рокового пароксизма, предшествовавшего смерти Годунова. Он по дошедшим до Самозванца слухам описан в его письме к Мнишку. В числе других свидетельств Карамзин цитирует данное письмо в примечании 304 к одиннадцатому тому: «...вдруг полилась у него кровь из носу, из ушей, и некая сила <...> свергла его с престола, ударила о землю...» (Там же, 98–99, 2-я паг.).

- с. 126 *Подите всть — оставьте одного...* и след. — Наставление Бориса Годунова сыну — эпизод, не опирающийся на исторические источники, — в каком-то смысле отвечает на размышления Карамзина: «К сожалению, потомство не знает ничего более о сей кончине, разительной для сердца. Кто не хотел бы видеть и слышать Годунова в последние минуты *такой* жизни — читать в его взорах и в душе, смятенной незапным наступлением вечности? Пред ним были трон, венец и могила: супруга, дети, ближние, уже обреченные жертвы судьбы; рабы неблагодарные, уже с готовою изменою в сердце; пред ним и Святое Знамение христианства: образ Того, Кто не отвергает, может быть, и позднего раскаяния!.. Молчание современников, подобно непроницаемой завесе, сокрыло от нас зрелище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя действовать одному воображению» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 180, 1-я паг.). Как неоднократно отмечалось в литературе о БГ, моделью Пушкину послужила сцена из второй части «Генриха IV» Шекспира (акт IV, сц. 4) — прощание с наследником умирающего короля, который когда-то пришел к власти, свергнув правящего монарха, и потому, как Борис, надеется, что законное правление сына не будет обременено памятью об узурпации. Ср. в монологе Генриха:

Come hither, Harry, sit thou by my bed;
And hear, I think, the very lasted counsel
That ever I shall breathe. God knows, my son,
By what by-paths and indirect crookt ways
I met this crown; and I myself know well
How troublesome it sat upon my head;

To thee it shall descend with better quiet,
 Better opinion, better confirmation;
 For all the soil of the achievement goes
 With me into the earth. <...>
 For all my reign hath been but as a scene
 Acting that argument: and now my death
 Changes the mode; for what in me was purchased,
 Falls upon thee in a more fairer sort;
 So thou the garland wear'st successively.
 Yet, though thou stand'st more sure than I could
 Thou art not firm enough, since griefs are green;
 And all my foes, which thou must make thy friends,
 Have but their stings and teeth newly ta'en out...

Во французском переводе Летуэрнера: «*Approche, Henri, assieds-toi près de mon lit, et écoute le dernier conseil, je crois, que je dois jamais te donner. Le ciel sait, mon fils, par quelles voies détournées, par quels obliques et tortueux sentiers je suis parvenu à cette couronne; et je sais, moi, avec combien d'inquiétudes ma tête l'a portée: elle descendra sur la tienne, plus paisible, plus honorée, mieux affermie: car les reproches que m'a coûtés sa conquête, vont s'ensevelir avec moi dans la terre. <...>* Tout mon règne n'a été, pour ainsi dire, qu'une scène où ce même sujet a été continuellement mis en action; mais aujourd'hui, ma mort change l'état de choses. Car ce qui pour moi n'était qu'un bien acquis par la force, tombe sur ta tête par un droit plus légitime; tu reçois et portes le diadème, en vertu d'un titre héréditaire. Cependant, quoique tu sois plus affermi sur le trône que je n'ai pu l'être, tu ne l'es pas assez, tant que les ressentiments sont encore tout frais; et tous tes partisans, dont il faut que tu fasses tes amis, n'ont été que tout récemment depouillés de leur aiguillon et de leurs dents... [Приблизься, Генрих, сядь у моей постели и выслушай самый последний, как мне думается, из моих советов. Небу известно, сын мой, какими окольными путями, какими кривыми и извилистыми тропами я двигался к этой короне; и лишь я знаю, сколько тревог пало вместе с ней на мою голову; теперь она перейдет на твою, более безмятежная, более почитаемая, более надежная, ибо то осуждение, которого мне стоило ее завоевание, будет погребено в земле вместе со мной. <...> Все мое

царствование было, так сказать, сценой, на которой постоянно разыгрывался один и тот же сюжет; но нынче моя смерть изменяет положение дел. Ибо то благо, которое я добыл всего лишь силой, переходит к тебе более законно; ты получаешь и носишь этот венец по праву наследства. Но хотя твой трон будет стоять более прочно, чем когда бы то ни было стоял мой, все же и твой не будет достаточно надежен, поскольку злопамятство еще не остыло, и все твои сторонники, которых ты должен сделать друзьями, лишь совсем недавно лишились жала и зубов...]» (Shakespeare 1821 X: 321–322; см.: Тимофеев С. 1887: 71–72). Следы воздействия этого монолога еще более ощутимы в варианте одного из комментируемых стихов в беловом автографе: «Я за венец один отвечу Богу...»

- с. 126 *Я подданнымъ рождень, и умереть / Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало...* — Ср. слова Карамзина: Годунов «клялся, что никогда, рожденный верным подданным, не мечтал о сане державном» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 226, 1-я паг.).
- с. 127 *Опасень онѣ, сей чудный Самозванецъ. / Онѣ именемъ ужаснымъ ополченъ.* — Ср. у Карамзина о Самозванце: «...сей человек назывался именем ужасным для Бориса и любезным для России!» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 148, 1-я паг.).
- с. 127 *Но Богъ великъ! Онѣ умудряетъ юность...* — Ср. Пс 118: 130: «Явление словес твоих просвещает и вразумляет младенцы» (см.: Фойницкий 2000: 212).
- с. 128 *Для войска нынѣ нуженъ / Искусный вождь: Басманова пошли / И съ твердостью снеси Боярскій ропоть.* — После смерти Бориса Дума назначила Басманова руководить войсками. Карамзин писал: «...всего важнее было избрание главного воеводы: искали уже не старейшего, а способнейшего, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомневаться ни в его воинских дарованиях, ни в верности, доказанной делами блестящими» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 186, 1-я паг.).
- с. 128 *Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣль со мною въ Думѣ, / Ты знаешь ходъ державнаго правленья...* — Карамзин пишет, что Федор «удивлял вельмож даром слова и сведениями необыкновенными в тогдашнее время», что он «рано узнал и науку правления, отроком заседая в Думе» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 185, 1-я паг.).

- с. 128 *Какъ твоего благословляли дядю...* — Дядя Федора Годунова — царь Федор Иоаннович; как уже указывалось, он был женат на сестре Бориса Годунова, Ирине.
- с. 128–129 *Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голось ~ Велику скорбь или великій праздникъ.* — Карамзин, отмечая перемену в поведении Бориса Годунова после избрания его на царство, в частности отказ от встреч с народом, приписывал это «нечистой совести» царя, который «не хотел <...> выходить к народу, выслушивать его жалобы <...> являлся редко, и только в пышности недоступной» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 95, 1-я паг.). Карамзин считал это нарушением обычаев. Как заметил М. М. Покровский (Покровский 1910: 11), у Шекспира в первой части «Генриха IV» король, наставляя сына, рассказывает ему, что он сумел привлечь на свою сторону народ, потому что появлялся перед ним только в исключительных случаях:

By being seldom seen, I could not stir
 But like a comet I was wondered at,
 That men would tell their children, «This is he!»
 Others would say, «Where, which is Bolingbroke?»
 <...>

Thus did I keep my person fresh and new,
 My presence, like a robe pontifical,
 Ne'er seen but wondered at; and so my state,
 Seldom but sumptuous, showed like a feast
 And won by rareness such solemnity.

(III, 2: 46–49, 55–59)

Во французском переводе Летурнера: «Mais, parce que je me montrais rarement, je ne pouvais faire un pas que, semblable à une comète, je n'excitasse l'admiration, que les pères ne dissent à leurs enfants: *C'est lui*; d'autres demandaient: *Où est-il? lequel est Bolingbroke?* <...> Ainsi j'ai coservé la fraîcheur et la nouveauté de ma personne; ma présence, comme une robe pontificale, ne s'est jamais exposée aux regards qu'on ne l'ait vue avec surprise. Aussi l'apparition de ma grandeur, rare mais somptueuse, prenait les apparences d'une fête que sa rareté rendait solennelle [Но поскольку я показывался редко, каждый мой шаг, подобно комете, вызывал изумление, и отцы говорили детям:

Это он; другие же спрашивали: Где он? который Болинзброк? <...> Так я сберег свежесть и новизну собственной особы; мое присутствие, как папская риза, открывалось взглядам, неизменно вызывая изумление. И явление моего величия, нечастое, но пышное, становилось подобным празднику, самая редкость которого сообщала ему торжественность]» (Shakespeare 1821 X: 101–102). Такому типу поведения герой Шекспира противопоставляет заискивание перед толпой своего соперника, короля Ричарда, который слишком часто появлялся на людях и потому потерял их уважение:

He was but as the cuckoo is in June,
Heard, not regarded — seen, but with such eyes
As, sick and blunted with community,
Afford no extraordinary gaze,
Such as is bent on sunlike majesty
When it shines seldom in admiring eyes.

(III, 2: 75–80)

В переводе Летуэнера: «Aussi lorsqu'il avait occasion de se montrer, de même que le coucou au mois de juin, on l'entendait, on ne le regardait plus, on le voyait avec des yeux qui, fatigués et blasés par un spectacle commun, ne lui accordaient aucun de ces regards attentifs et pleins de surprise qu'attire, semblable au soleil, la majesté suprême lorsqu'elle brille rarement aux yeux de ses admirateurs [И когда он появлялся, как кукушка в июне, его слышали, но больше не пытались разглядеть, на него устало обращались глаза, пресыщенные привычным зрелищем, он не удостаивался ни одного из тех пристальных, полных изумления взглядов, которые привлекает к себе, подобно солнцу, верховное величие, когда оно лишь изредка сияет перед глазами своих поклонников]» (Shakespeare 1821 X: 102–103). По замечанию Покровского, шекспировские представления о том, что самодержавная власть должна быть таинственной и недоступной для черни, отразились не только в монологе Годунова, но и в дневниковом отклике Пушкина на появление Николая I перед народом во время холерных бунтов 1831 г. Ср.: «Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть всеу употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обычно-

венному явлению <...> Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти...» («Материалы для заметок в газете „Дневник“», запись от 26 июля 1831 г. [X: 199]).

- с. 129 *Въ семьѣ своей будь всегда главой...* — Возможно, искажение текста, вместо правильного: «В семье своей будь всегда главою». В автографе ПД 891 этот стих и следующий зарифмованы как в первоначальном варианте («В семье своей будь всегда главой; / Мать почитай — но властуй сам собой —»), так и после исправления («В семье своей будь всегда главою; / Мать почитай — но властуй сам собою —»), однако исправление в слове «главою» читается не слишком отчетливо.
- с. 129 *Мать* — Мария Григорьевна Годунова, рожд. Скуратова-Бельская, убита в 1605 г.
- с. 130 *Се тотъ, кому приказываю царство...* — Выражение «приказать царство» встречается у Карамзина. Ср. описание смерти Федора Иоанновича: «Первосвященник Иов дрожащим голосом сказал: „<...> Государь! кому приказываешь царство <...>?“» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 218, 1-я паг.). Ср. также в примечании 304 к одиннадцатому тому «Истории», где приводятся исторические свидетельства о смерти Бориса: «После себя, государя, приказал и благословил на все великие государства Рос<сийского> царствия царем сына своего»; «...приказал и благословил на великие государства сына своего» (Там же, XI, 99, 2-я паг.).

СТАВКА

Карамзин указывает, что Басманов прибыл в стан под Кромами 17 апреля 1605 г., «а через несколько дней узнали его измену!» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 187, 1-я паг.).

- с. 132 *Войди сюда и говори свободно ~ И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.* — Карамзин предполагал, что, «готовя Россию в дар обманщику», Басманов «без сомнения удостоверялся, посредством тайных сношений, в его благодарности» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 190, 1-я паг.). Ср.

316 .

также: Басманов отдал «честь мужа думного и славу знаменитого витязя за прелесть исключительного вельможества под скиптром бродяги» (Там же, 191, 1-я паг.).

- с. 134 *Но знаешь ли, чьямъ сильны мы, Басмановъ? ~ А мнѣнїемъ — да, мнѣнїемъ народнымъ.* — Прямая параллель к этой мысли содержится в первой части «Генриха IV» Шекспира: рассказывая сыну о том, как ему удалось свергнуть законного монарха, Генрих говорит, что получить корону ему помогло общественное мнение: «Opinion, that did help me to the crown» (III, 2: 42). Во французском переводе «opinion» передано как «opinion publique» (Shakespeare 1821 X: 101) — то есть, буквально, «народное мнение». Выражение «мнение народное» неоднократно использовано Булгариным в романе «Димитрий Самозванец» (о плагиате из «Бориса Годунова», совершенном Булгариным, см. выше, с. 128–130), в том числе — в оглавлении романа (примеры приведены в статье: Лотман Л. 1996б: 169–170). «Мнение народное» Булгарин интерпретирует как толки, сплетни, предположения, бытующие в толпе.
- с. 134 *Димитрія ты помнишь торжество / И мирныя его завоеванья, / Когда вездѣ безъ выстрѣла ему / Послушные сдавались города...* — Ср.: «Самозванец ежедневно усиливался и распространял свои мирные завоевания» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 161, 1-я паг.).
- с. 135–136 *Онъ правъ, онъ правъ; вездѣ измѣна зрѣеть ~ Коня! трубите сборъ.* — Момент, когда Басманов решился на предательство, Карамзин считал роковым в истории Смуты. В двенадцатом томе, вышедшем после завершения Пушкиным БГ, эта уверенность высказана кратко и категорично: «...измена Басманова решила судьбу отечества...» (Карамзин 1815–1829 XII, гл. 1: 33, 1-я паг.). В одиннадцатом томе Карамзин обстоятельно анализирует причины, побудившие Басманова нарушить присягу. Его предательство историк считает психологическим феноменом, требующим объяснения. Он пишет: «Удивив современников, дело Басманова удивляет и потомство. Сей человек имел душу, как увидим в роковой час его жизни; не верил Самозванцу; столь ревностно обличал и столь мужественно разил его под стенами

Новгорода-Северского; был осыпан милостями Бориса, удостоен всей доверенности Феодора, избран в спасители царя и царства <...> с надеждою оставить блестящее имя в летописях — и пал к ногам Расстриги в виде гнусного предателя! Изъясним ли такое непонятное действие худым расположением войска? Скажем ли, что Басманов, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотел ускорением измены спасти себя от уничтожения <...>? Но полки еще клялися именем Божиим в верности к Феодору <...>. Нет, верим сказанию летописца, что не общая измена увлекла Басманова, но Басманов произвел общую измену войска» (Там же, XI, гл. 3: 187–188, 1-я паг.). Карамзин объясняет поступок Басманова его честолюбием и враждою к «ненавистной олигархии Годуновых» (Там же, 189, 1-я паг.).

ЛОБНОЕ МЪСТО

Действие происходит, по Карамзину, 1 июня 1605 г. (см. ниже).

- с. 137 *Лобное мѣсто* — каменный помост на Красной площади в Москве. Построен в 1534 г. (в современном виде — с 1786 г.) для объявления царских указов. В XVI–XVIII вв. около Лобного места на специальных помостах иногда совершались казни.
- с. 137 *Пушкинъ идетъ окруженный народомъ*. — Как явствует из примечания 334 к одиннадцатому тому «Истории», в данной сцене изображен Гаврила Григорьевич Пушкин (Карамзин 1815–1829 XI: 106, 2-я паг.). Драматический эпизод с его участием имеет реальную историческую основу. Карамзин сообщает: «Лжедмитрий <...> избрал двух саванников смелых, расторопных, Плещеева и Пушкина: дал им грамоту и велел ехать в Красное Село, чтобы возмутить тамошних жителей, а через них и столицу. Сделалось, как он думал. Купцы и ремесленники красносельские, плененные доверенностию мнимого Дмитрия, присягнули ему с ревностию и торжественно ввели гонцов его (1 июня) в Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные царем для усмирения сих мятежников, бежали назад, не об-

нажив меча; а красносельцы, славя Дмитрия, нашли множество единомышленников в столице, мещан и людей служивых; других силою увлекли за собою; некоторые пристали к ним только из любопытства. Сей шумный сонм стремился к лобному месту, где, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедмитриеву...» (Там же, гл. 3: 198, 1-я паг.).

- с. 137–139 *Вы знаете, какъ промысль небесный ~ Да бьютъ челомъ отцу и Государю.* — Речь Пушкина передает содержание грамоты Самозванца, изложенной Карамзиным: «...обольщенные, вы не верили, что я, спасенный Богом, иду к вам с любовью и кротостию. Драгоценная кровь лилася... Но жалею о том без гнева: неведение и страх извиняют вас. Уже судьба решилась: города и войско мои. Дерзнете ли на брань междоусобную в угодность Марии Годуновой и сыну ее? Им не жаль России: они не своим, а чужим владеют; упитали кровию землю Северскую и хотят разорения Москвы. Вспомните, что было от Годунова вам, бояре, воеводы и все люди знаменитые: сколько опал и бесчестия несносного? А вы, дворяне и дети боярские, чего не претерпели в тягостных службах и в ссылках? А вы, купцы и гости, сколько утеснений имели в торговле и какими неумеренными пошлинами отягощались? Мы же хотим вас жаловать беспримерно: бояр и всех мужей сановитых честию и новыми отчинами, дворян и людей приказных милостию, гостей и купцов льготою в непрерывное течение дней мирных и тихих. Дерзнете ли быть непреклонными? Но от нашей царской руки не избудете: иду и сяду на престоле отца моего; иду с сильным войском, своим и литовским: ибо не только россияне, но и чужеземцы охотно жертвуют мне жизнью. Самые неверные ногаи хотели следовать за мною; я велел им остаться в степях, щадя Россию. Страшитесь гибели, временной и вечной; страшитесь ответа в день суда Божия: смиритесь и немедленно пришлите митрополитов, архиепископов, мужей думных, больших дворян и дьяков, людей воинских и торговых, бить нам челом, как вашему царю законному» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 199–200, 1-я паг.).

с. 139 *Что толковать? Бояринъ правду молвить ~ Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!* — Карамзин сообщает, что на нерешительные увещевания бояр народ ответил криком: «„Да здравствует царь Димитрий! Клятва Борисовой памяти! Гибель племени Годуновых!“ С сим воплем толпы ринулись в Кремль» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 201, 1-я паг.).

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА

Согласно «Истории» Карамзина исторический эпизод, описанный в данной сцене, произошел 10 июня 1605 г. (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 205, 1-я паг.).

с. 140 *Кремль. Домъ Борисовъ. Стража у крыльца.* — Ср. у Карамзина: «Стража и телохранители исчезли вместе с подданными для Феодора: действовали одни буйные мятежники; вломилась во дворец и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юного царя с престола, где он искал безопасности! Мать злосчастливая упала к ногам неистовых и слезно молила не о царстве, а только о жизни милого сына! Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Феодора, его мать и сестру из дворца в Кремлевский собственный дом Борисов и там приставили к ним стражу» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 201, 1-я паг.). Дом Борисов, из которого в 1598 г., став царем, Борис переехал во дворец, упомянут Карамзиным неоднократно (например: «Юный Феодор, Мария и Ксения, сидя под стражею в том доме, откуда властолюбие Борисово извлекло их на феатр гибельного величия, угадывали свой жребий» (Там же, 204, 1-я паг.).

с. 141 *Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шеремединовъ; за ними трое Стрѣльцѣвъ.* — Карамзин свидетельствует, что в то время как народ «в самом неистовстве бунта желал, чтобы мнимый Димитрий <...> оставил жизнь несчастным хотя в уединении какого-нибудь монастыря пустынного», а Басманов занимал осторожную позицию, «другие были смелее»: князя Голицын и Мосальский, чиновники Молчанов и Шеремединов, взяв с собою

трех «зверовидных стрельцов» 10 июня расправились с Федором Борисовичем и Марией Григорьевной (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 204–205, 1-я паг.). В примечаниях историк цитирует Разрядную книгу: «Лжедмитрий с Тулы к Москве послал боярина к<нзя> Вас<илия> Вас<ильевича> Голицына, да к<нзя> Вас<илия> Рубца-Мосальского, да дьяка Богдана Сутупова <...> а велел цареву Борису жену и сына ее убить» (Там же, 107, 2-я паг., примеч. 342). *Голицынъ* Василий Васильевич, кн. (ум. 1619) — боярин и воевода. *Мосальский-Рубец* Василий Михайлович, кн. (ум. 1612) — боярин. *Молчановъ* Михаил Андреевич — выборный дворянин по Вязьме. *Шеремединовъ* Андрей Васильевич — дьяк особого двора Ивана IV, в начале царствования Федора Иоанновича попал в опалу; разжалован в коломенские дворяне; в Смутное время пожалован в дворяне московские.

- с. 142 ...слышишь, какой въ домъ шумъ! Тревога! дерутся! — Ср. у Карамзина: «...в ту же минуту удавили царицу Марию; но юный Феодор, наделенный от природы силою необыкновенною, долго боролся с четырьмя убийцами, которые едва могли одолеть и задушить его» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 205, 1-я паг.; см. также 109, 2-я паг., примеч. 347).
- с. 142 *Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы.* — Ср. у Карамзина: «Москве объявили, что Феодор и Мария сами лишили себя жизни ядом; но трупы их, дерзостно выставленные на позор, имели несомненные признаки удавления <...>. Многие смотрели только с любопытством, но многие и с умилением; жалели о Марии <...> еще более жалели о Феодоре, который цвел добродетелию и надеждою: столько имел и столько обещал прекрасного для счастья России» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 3: 205–206, 1-я паг.).
- с. 142 *Народъ безмолвствуетъ.* — Репарка появилась только в печатном издании трагедии — ее нет в дошедших до нас рукописях; в «михайловской» редакции (автограф ПД 891) действие заканчивается криком народа: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!» (см. Приложение I, с. 93). В снятой с автографа копии ПД 892 финал исправлен не был. Это обстоятельство, а также и существенное значение послед-

ней ремарки для понимания трагедии вызвало многочисленные толкования в критике и научной литературе. Ремарка явилась неожиданным, необычным заключением драматического сочинения, которое традиционно было принято заканчивать эффектным монологом или многозначительной репликой «под занавес».

Как указал Г. Гиффорд (Gifford 1947: 156), близкая параллель к финалу БГ содержится в сцене из «Ричарда III» Шекспира, где Бекингем, приближенный узурпатора Глостера, захватывающего престол, рассказывает будущему королю, как он уговаривал жителей Лондона признать его власть:

R i c h a r d

How now, how now, what say the citizens?

B u c k i n g h a m

Now by the holy mother of our Lord,
The citizens are mum, say not a word.

<...>

And when mine oratory drew toward end,
I bid them that did love their country's good
Cry, «God save Richard, England's royal king!»

R i c h a r d

And did they so?

B u c k i n g h a m

No, so God help me, they spake not a word,
But like dumb statues or breathing stones,
Stared each on other and looked deadly pale.

(III, 7: 1–3, 20–26)

Во французском переводе Летурнера: «G l o c e s t e r. Hé bien? hé bien? Que disent nos bourgeois? B u c k i n g h a m. Par la sainte mère de notre Sauveur, les bourgeois ont la bouche close, et ne disent pas un mot! <...> Et lorsque je suis venu à la fin, j'ai sommé ceux qui aimaient le bien de leur pays, de crier: Dieu conserve Richard, roi d'Angleterre! G l o c e s t e r. Et l'ont-ils fait? B u c k i n g h a m. Non. Que Dieu me soit en aide! ils n'ont pas dit le mot. Mais tous, comme de muettes statues ou des pierres insensibles, sont demeurés à se regarder l'un l'autre, et pâles comme des morts [Г л о с т е р. Ну как? ну как? Что говорят наши горожане? Б е к и н г е м. Клянусь Пречистой Девой, горожа-

не молчат, не говорят ни слова! <...> И когда я дошел до конца, я потребовал, чтобы те, кому дорого благо родины, кричали: Да хранит Господь Ричарда, короля Англии! Г л о с т е р. И они сделали это? Б е к и н г е м. Нет. Да поможет мне Бог! Не сказали ни слова. Но словно безмолвные статуи или бесчувственные камни продолжали глядеть друг на друга, бледные, как мертвецы]» (Shakespeare 1821 XII: 295–296). Значение параллели усиливается сходством ситуаций: как и Самозванец, Ричард после захвата власти отдает приказ убить законных наследников престола.

Выражение «Народ безмолвствует» неоднократно употребляется в «Истории государства Российского». Постоянно прибегая к нему, Карамзин варьирует его содержание. Так, говоря об отношении народа к Елене Глинской, матери Ивана IV, историк замечает: «...тиранство и незаконная, уже всем явная любовь ее к князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждали к ней ненависть и даже презрение, от коего ни власть, ни строгость не спасают венценосца, если святая добродетель отвращает от него лицо свое. Народ безмолвствовал на стогнах: тем более говорили в тесном, для тиранов непроницаемом кругу» (Карамзин 1815–1829 VIII, гл. 1: 43). Ср. описание несостоявшейся казни Василия Шуйского: «...народ безмолвствовал в горести, издавна любя Шуйских» (Там же, XI, гл. 4: 231, 1-я паг.). Ср. также о падении авторитета Годунова: «...молчание народа, служа для царя явною укоризною, возвестило важную перемену в сердцах россиян: *они уже не любили Бориса!*» (Там же, гл. 2: 109, 1-я паг.). «Басманов сел на коня и громогласно объявил Дмитрия царем московским. Тысячи воскликнули, и рязанцы первые: „Да здравствует же отец наш, государь Дмитрий Иоаннович!“ Другие еще безмолвствовали в изумлении» (Там же, гл. 3: 192–193, 1-я паг.; здесь два варианта народной реакции аналогичны двум вариантам окончания трагедии Пушкина). В двенадцатом томе «Истории», вышедшем из печати в 1829 г., Карамзин, говоря о Василии Шуйском, употребил формулу о молчании в смысле, особенно близком к пушкинскому: «Василий, как опытный наблюдатель тридцатилетнего гнусного тиранства, не хотел ужа-

сом произвести безмолвие, которое бывает знаком тайной, всегда опасной ненависти к жестоким властителям» (Там же, XII, гл. 1: 8–9, 1-я паг.). В. С. Листов и Н. А. Тархова подчеркивают, что обращение Пушкина к двенадцатому тому и внесение поправок в текст БГ совпадают по времени: это начало 1830 г. По мнению исследователей, именно процитированная фраза из двенадцатого тома должна была определить понимание Пушкиным формулы о молчании в том смысле, в котором он ввел ее в концовку трагедии (создавая БГ в Михайловском, Пушкин «еще не знает, какой смысл вкладывает Карамзин в рефрен о народном безмолвии. А пять лет спустя, в 1830 г. <...> несомненно, знает» [Листов, Тархова 1982: 98]). Из приведенных выше примеров видно, однако, что в сходном смысле Карамзин употреблял это выражение и в томах, вышедших еще до создания БГ. Данная формула варьируется также в повести Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» (1803) (см.: Коханова 1999: 64–65).

Иная точка зрения была высказана М. П. Алексеевым, считавшим, что заключительная ремарка трагедии Пушкина восходит не к Карамзину, а к трудам о Французской революции таких историков, как Ф. Гизо, П. де Барант (Barante), А. Тьер (Thiers), Ф.-О. Минье (Mignet) и др. Здесь неоднократно приводился рассказ о том, как 15 июля 1789 г., на следующий день после взятия Бастилии, Мирабо (Mirabeau) предложил встретить Людовика XVI в Учредительном собрании мрачным молчанием, ибо «молчание народа — урок королям» («Le silence des peuples est la leçon des rois»). Фраза Мирабо приведена в книге Тьера: Thiers 1828: 83 (книга имела в библиотеке Пушкина: Модзалевский 1910а, № 1434). Пушкин мог знать эту фразу и из других источников, в частности из предисловия Ж. Мерилу к собранию сочинений Мирабо: Merilhou 1827: CXI. В своей реплике Мирабо воспользовался афоризмом Жана Бове, архиепископа Сенезского, проповедника Людовика XV, произнесенным на похороны последнего: «Le peuple n'a pas, sans doute, le droit de murmurer; mais, sans doute aussi, il a le droit de se taire; et son silence est la leçon des rois [Народ, несомненно, не имеет права

роптать, но столь же несомненно и то, что у него есть право молчать, и его молчание — урок для королей. — *фр.*]» (Beauvais 1807: 243). Подробнее см.: Алексеев 1984а: 244–252. Точка зрения М. П. Алексеева возбудила научную полемику. Если В. Сватонь, развивая его взгляд, утверждал, что изменение в тексте связано с серьезным интересом Пушкина к Великой французской революции и осмыслением ее уроков (см.: Svaton 1968: 61–62), то М. Л. Нольман категорически отвергал подобный подход (Нольман 1973: 12).

Выраженное в статье М. П. Алексеева противопоставление афоризма Мирабо—Бове и формул из «Истории» Карамзина в качестве двух альтернативных источников заключительной ремарки трагедии нельзя признать убедительным. Н. М. Карамзин, не только автор «Истории», но и собеседник Пушкина, был очевидцем событий Французской революции. Он прибыл в Париж в марте 1790 г. и сразу посетил Национальное собрание, встретившись там с Рабо де Сент-Этьеном — одним из популярных ораторов, соревновавшихся в красноречии с Мирабо. Карамзин посещал Ассамблею не раз. Афоризмы Мирабо были у всех на устах. Как отмечает Ю. М. Лотман, Карамзин «собирал обильную дань устных слухов» и сведения политического характера, «в десятках разговоров» усваивая ту устную стихию истории, которая нашла свое отражение в «Письмах русского путешественника» (см.: Лотман Ю. 1987: 135–136). Карамзин собирал и читал Публичные листы, содержащие тексты речей, произносимых в Национальной ассамблее, читал новые периодические издания, но заглядывал и в старые, делал выписки и вырезки (см.: Там же, 158–161). За речами Мирабо Карамзин следил с особенным вниманием. Одно из крылатых выражений Мирабо, прозвучавших в Ассамблее в 1789 г., Карамзин употребил в беседе с Пушкиным (см.: Там же, 120). Афоризм о молчании также мог стать известным Пушкину не только из «Истории», но и из непосредственного общения с Карамзиным.

Указывались и другие возможные источники пушкинской ремарки. Так, в московском журнале «Минерва» за 1807 г. в статье «Похвала молчанию» сказано: «Молчание подданных — урок для государей (*Le silence du peuple est la leçon des*

rois)» (без ссылки на Мирабо или Бове, в контексте длинного рассуждения о значении молчания в общественной жизни: Минерва. 1807. Ч. 4. № 15. С. 232). В первой речи Цицерона против Катилины к заговорщику обращены слова: «Quid est, Catilina? ecquid attendis, ecquid animadvertis, horum silentium? Patientur, tacent. Quid expectas auctoritatem loquentium, quorum voluntatem tacitorum perspicis? [Зачем, Катилина? разве ты не слышишь, разве не замечаешь молчания присутствующих? Они терпят, молчат. К чему ждать тебе их приговора, если их воля ясно выражена их молчанием? — *лат.*]» (VIII, 20). Ср. последнюю фразу во французском переводе: «Pourquoi attendre encore qu'ils parlent et qu'ils commandent, lorsque leur volonté s'explique assez par leur silence? [Зачем еще ждать, чтобы они заговорили и вынесли приговор, если их воля достаточно ясно выражается их молчанием?]» (Cicéron 1786: 281). Указывая на сенаторов, Цицерон восклицал: «Quum tacent, clamant [Храня молчание, громко говорят. — *лат.*]» (VIII, 21; см.: Алексеев 1984а: 248). В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха рассказано о народной реакции на убийство Цезаря: «На другой день Брут и его сообщники сошли с Капитолия и говорили речи народу, который не изъявлял неудовольствия на происшедшее и не хвалил его; но молчанием своим показывал, что жалел о Кесаре и стыдился Брута» (Плутарх 1820: 383; см.: Михайлова 1986: 150–151).

Одной из причин изменения финала трагедии могло послужить появление в печати романа Булгарина «Димитрий Самозванец», где дважды народ кричит на площади: «Да здравствует царь <...> Димитрий Иванович!» (Булгарин 1830 IV: 252, 261; см. об этом: Листов, Тархова 1982: 97).

Безмолвие народа в аналогичной ситуации цареубийства впервые упомянуто Пушкиным в оде «Вольность» (1817):

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства.
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...

(Пушкин 1999–2004 II/1: 13)

Указывая данную параллель, М. В. Строганов отмечает, что использование сентенции о молчании народа в разных источниках восходит к хорошо известному и используемому Пушкиным латинскому крылатому выражению «*Vox populi, vox dei*» [«Глас народа — глас Божий»] (Строганов 1989: 127).

Заключительная ремарка трагедии подвергалась весьма противоречивым толкованиям. См., например, наиболее ранний отзыв о ней в анонимной статье, помещенной в «Галатее»: «...народ <...> сам по себе ни добр, ни зол <...> он слепо доверяется тем, которые выше его и в умственном и в политическом отношении; но увидевши, что доверенность его употребляют во зло, он *безмолвствует* от ужаса, от сознания зла, которому прежде бессознательно содействовал; *безмолвствует*, потому что голос его заглушается внутренним голосом проснувшейся, громко заговорившей совести» (Галатей. 1839. Ч. 4. № 27. С. 54). Классическим, многократно цитируемым стал отзыв Белинского в десятой статье о Пушкине: «В этом безмолвии народа слышен страшный, трагический голос новой Немезиды, изрекающей суд свой над новою жертвою — над тем, кто погубил род Годуновых...» (Белинский 1953–1959 VII: 534; впервые: ОЗ. 1845. Т. 43. № 11. Отд. критики. С. 22). Слова о безмолвии и новой Немезиде заимствованы из статьи К. А. Фарнгагена фон Энзе (Varnhagen von Ense 1840: 292; впервые: *Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik*. 1838. October. № 63), хорошо известной Белинскому и в 1839 г. дважды переведенной на русский язык. Высокая оценка Белинским пушкинского финала, в котором он находил достоинства шекспировские, стала хрестоматийной, но это не исключало возникновения прямо противоположных оценок. По мере того как становились известны пушкинские рукописи, в которых комментируемая ремарка отсутствует (впервые изменение финала трагедии было отмечено П. В. Анненковым [Анненков 1855–1857 IV: 457]), в печати начали появляться предположения, что замена концовки трагедии была вынужденной, вызванной цензурными соображениями (см.: Морозов 1887 III: 76) и потому не вполне

КОММЕНТАРИИ

оправданной художественно; сомнения в художественном достоинстве финала наиболее решительно высказал тот же П. О. Морозов (Морозов 1919: 5–7). Наиболее убедительным является мнение Г. О. Винокура, показавшего, что никаких следов цензурного вмешательства в этот фрагмент текста трагедии не имеется и, следовательно, он был изменен Пушкиным исходя из мотивов чисто творческого характера (см.: Винокур 1935: 430–431). Подробный обзор различных истолкований ремарки «Народ безмолвствует» см.: Алексеев 1984а: 221–236.

«Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» («михайловская» редакция 1825 г.)*

Автограф — ПД 891 (описание автографа см. выше, с. 102–103).

Печатается по верхнему слою автографа (без учета правок Жуковского и вычеркиваний Пушкина, сделанных после получения цензурных замечаний). Обозначения действующих лиц над репликами печатаются полностью, без воспроизведения пушкинских сокращений. Написание фамилии «Годунов»/«Гудунов» унифицировано: «Годунов».

Датируется работа над первой редакцией пьесы декабрем 1824 г. — 7 ноября 1825 г. Начало работы определяется по положению подготовительных записей и черновых автографов первых сцен в рабочей тетради Пушкина (см. выше, с. 104). Окончание работы определяется по дате в беловом автографе ПД 891.

с. 3 *Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве*. — Заглавие стилизует название пьес XVII–XVIII вв. Ср., например, названия пьес, опубликованных Н. И. Новиковым в «Древней российской виблиофике» (СПб., 1775; 2-е изд.: М., 1789): «Комидия, притча о блудном сыне» (2-е изд. Ч. 8. С. 34), «Комедия Страшное изображение втораго пришествия Господня на землю» (Там же. Ч. 9. С. 465), «Комедия царство Мира» (Там же. С. 470; см. об этом: Винокур 1935: 498; Бочкарев 1988: 9–10). Рецензент III Отделения, поясняя пушкинское

* В данном разделе комментируются лишь те фрагменты трагедии, которые не вошли в печатный текст «БГ*» или отличаются от него.

заглавие в «Замечаниях на Комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве», приводил список «комедий», находившихся в Посольском приказе 1709 г. (см. выше, с. 119). Эти сведения заимствованы им из статьи Н. И. Греча «Исторический взгляд на русский театр до начала XIX столетия» (РТ 1825: 11–12); список старинных комедий перепечатан Гречем из статьи А. Ф. Малиновского «Историческое известие о русском театре» (см.: СА. 1822. Ч. 4. № 21. С. 183–184); первая редакция статьи Малиновского, не включавшая списка, была опубликована в качестве предисловия к «Собранию некоторых театральных сочинений, с успехом представленных в Московском публичном театре» (М., 1790. Ч. 2); вторая редакция, уже содержавшая список, — в «Русском вестнике» (1808. Ч. 3. № 7; список — на с. 114–115); см.: Винокур 1935: 498–499; Гозенпуд 1969: 255–256. Вероятнее всего, Пушкину была известна статья Греча в «Русской Талии».

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ. НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ

В Новодевичий монастырь после смерти царя Федора Иоанновича удалилась его вдова, Ирина. «В девятый день по кончине царя объявили торжественно, что Ирина отказывается от царства и навеки удаляется в монастырь <...>. В тот же день Ирина выехала из дворца Кремлевского в Новодевичий монастырь и под именем Александры вступила в сан инокинь. Россия осталась без главы, а Москва в тревоге, в волнении...» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 223–224, 1-я паг.). Карамзин описывает далее шествие, состоявшееся 21 февраля 1598 г.: «...за клиром шли синклит, двор, воинство, приказы, *выборы* городов; за ними устремились и все жители московские, граждане и чернь, жены и дети, к Новодевичьему монастырю». Патриарх Иов «пошел в церковь святой обители с духовенством и людьми знатнейшими; другие стояли в ораде; народ вне монастыря, занимая все обширное Девичье поле» (Там же, 233, 234, 1-я паг.).

- с. 8 *Теперь они пошли к царице в келью...* и след. — Ср. у Карамзина: «Собором отпев литургию, патриарх снова, и тщетно, убеждал Бориса не отвергать короны; велел нести иконы

и кресты в келии царицы: там со всеми святителями и вельможами преклонил главу до земли... и в то самое мгновение, по данному знаку, все бесчисленное множество людей, в келиях, в ограде, вне монастыря, упало на колена, с воплем *неслыханным*: все требовали царя, отца, Бориса! <...> Искренность побеждала притворство; вдохновение действовало и на равнодушных, и на самых лицемеров!» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 234, 1-я паг.).

- с. 9 *Все ярусы соборной колокольни...* — Поньине сохранившаяся 72-метровая шестиярусная колокольня Новодевичьего монастыря была построена лишь в 1689–1690 гг. (см.: Овсянников 1968: 30–33). При упоминании о ней, как и при описании ограды, кровель, крестов монастыря, Пушкин, по видимому, опирается на собственные детские воспоминания (он не был в Москве с 1811 по осень 1826 г.) (см.: Листов 2000: 42–44).
- с. 10 *Бросает его обзёмь. Ребенок пищит.* — Ср. у Карамзина: «Матери кинули на землю своих грудных младенцев и не слушали их крика» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 234, 1-я паг.). Этот факт взят Карамзиным из Избирательной Борисовой грамоты, на которую он ссылается в примечании 397: «...жены ссущих младенец на землю с слезным рыданием пометяху» (Там же, 126–127, 2-я паг.).
- с. 10 *Все плачут ~ Нет, я слюней помажу.* — Сообщив в основном тексте, что «искренность побеждала притворство» (Карамзин 1815–1829 X, гл. 3: 234–235, 1-я паг.), в примечании 397 историк отмечает: «В одном Хронографе сказано, что некоторые люди, боясь тогда не плакать, но не умея плакать притворно, мазали себе глаза слюною!» (Там же, 127, 2-я паг.). Этот же эпизод пересказан и прокомментирован М. М. Щербатовым: «Таковое с изумлением оказываемое усердие народное ясно показывает, что оно не искреннее было; ибо прямое усердие таковыя запальчивости не имеет; а обыкновенно, где есть принуждение и страх, тут, дабы сокрыть и самое свое отвращение, люди сияются излишние являть знаки; яко и единый хронограф довольно древнего письма <...> повествует, что множество было между народа, которые били других, дабы они вопияли и плакали, прося себе

Бориса в цари. Не всякий властен испускать слезы, когда сердце его не тронуто: то многие, притворяясь плакать, слюнами глаза свои мазали и являлись издали плачущими пред вдовствующею царицею...» (Щербатов 1790 VII/1: 11–12; см.: Винокур 1935: 467). Ср. также в «Дополнении к деяниям Петра Великого» И. И. Голикова: «Народ <...> приступал к монашествующей царице, которая и сама весьма желала ему <Годунову> царства, прося с воплем, чтоб она его к тому уговорила. Они казались все проливающими слезы, а многие в недостатке оных мочили глаза себе слюнами, дабы казаться плачущими» (Голиков 1790: 58; см. об этом: Листов, Тархова 1983: 114–115). Еще одним возможным источником данного фрагмента мог стать эпизод из драмы Шекспира «Антоний и Клеопатра». В явлении 2 акта 1 Антоний получает весть о смерти своей жены Фульвии. Услышав эту весть, соратник Антония Энобарб заявляет, что «слезы, которыми можно омочить эту печаль, обитают в луке» («... the tears live in an onion that should water this sorrow» (I, 2: 174–176). Ср. во французском переводе Летурнера: «... pour verser des larmes sur un tel chagrin, il faudrait les faire couler avec de l'oignon [... чтобы проливать слезы по поводу такой печали, их нужно заставить течь с помощью лука]» (Shakespeare 1821 III: 33). См.: Перлина 2005: 116–117. Показательно, что, обсуждая с А. М. Горчаковым уместность в трагедии такой грубой детали, как «слюни», Пушкин сослался на Шекспира (см. выше, с. 202).

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ

- с. 19 *Злой чернец*. — В «Истории» Карамзина фигурирует «злой инок», внушивший Отрепьеву мысль о том, «что смелый самозванец может воспользоваться легковерием россиян, умиляемых памятью Димитрия, и в честь Небесного Правосудия казнить святоубийцу!» (Карамзин 1815–1829 XI, гл. 2: 125, 1-я паг.).
- с. 19 *Что за скука, что за горе наше бедное житье!..* и след. — Сцена, возможно, ориентирована на думу К. Ф. Рыльева «Царевич Алексей Петрович в Рождестве» (1823?), в которой

монах уговаривает царевича Алексея подняться против отца. Ср. концовку думы:

«...В рай иль в ад тебе дорога...

Сын мой! слушай чернеца;

Иль отца забудь для Бога,

Или Бога для отца!»

Смолк монах. Царевич юный

Спня поднялся, говоря:

«Так и быть! Сберу перуны

На отца и на царя!..»

(Рылеев 1971: 181)

Кроме сюжетного совпадения, здесь имеется также и совпадение ритмическое (восьмистопный хорей — удвоенный четырехстопный). Дума эта не была пропущена в печать цензурой, но Пушкина мог познакомить с ней И. И. Пущин, который 11 января 1825 г. приехал в Михайловское из Петербурга с письмом от Рылеева; в письме могли быть и рылеевские стихи (см.: Фомичев 1996: 124).

- с. 19 *Вы разгульные, лихие молодые чернецы.* — Ср. в народной песне Нижегородской области: «Нет на свете хуже нам, молодым чернецам, / Молодым, холостым, неженатыим» (Песни 1979: 71, № 101).
- с. 19 *Хоть бы хан опять нагрянул!* — Вероятно, Григорий вспоминает события 1591 г., когда под самой Москвой было разбито крымско-татарское войско хана Казы-Гирея (Буре-Газы-Гирей, Гази-Гирей II; правил в 1588–1607 гг.) — см. выше, с. 229, комментарий к сцене «Кремлевские палаты».
- с. 20 *Племя древнего Варяга* — династия Рюриковичей.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

- с. 25 *Варлаам затягивает песню: «Ты проходишь, дорогая» и пр.* — Ты проходишь, дорогая,
Мимо кельи,
Мимо кельи, где чернец бедной
Горюет;
Где неволей добрый молодец

Пострижен.
 Ты сними с меня, драгая,
 Камилавку;
 Ты сними с меня, любезна,
 Черну ряску;
 Положи ко мне на грудь ты
 Белу руку,
 И пощупай, как трепещет
 Мое сердце,
 Обливаясь всё кровью
 С тяжким вздохом;
 Ты отри с лица румяна
 Горьки слезы;
 И почувствуй сожаленье
 К моей доле.
 Не грехам моим прощенье
 Умоляю,
 Но чтоб ты меня любила,
 Мое сердце!

(СОРС 1815: 282–283; в это издание вошли стихо-
 творения Пушкина «К Лицинию» (СОРС 1816)
 и «Воспоминания в Царском Селе» (СОРС 1817);
 см.: Городецкий 1953: 188)

В другом варианте песни была напечатана в издании Чулкова:

Ты проходишь мимо кельи, дорогая,
 Мимо кельи, где бедняк чернец горюет,
 Где пострижен добрый молодец насильно,
 Ты скажи мне, красна девица, всю правду,
 Или люди-то совсем уже ослепли,
 Для чего меня все старцем называют?
 Ты сними с меня, драгая, камилавку,
 Ты сними с меня, мой свет, и черну рясу,
 Положи ко мне на груди белу руку,
 И пощупай, как трепещет мое сердце,
 Обливаясь всё кровью с тяжким вздохом,
 Ты отри с лица румяна горьки слезы,
 Разгляди ж теперь ты ясными очами,
 Разглядев, скажи, похож ли я на старца,
 Как чернец перед тобой я въздыхаю,

Обливаясь весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенья умоляю,
Да чтоб ты меня любила, мое сердце.

(Чулков 1780: 125, №139)

Н. И. Новиков указал в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (Новиков 1772: 41), что эта песня сочинена знаменитым актером и театральным деятелем XVIII в. Ф. Г. Волковым. Песня более подходила для томившегося в монастыре страстного, «романтичного» авантюриста Отрепьева, чем для пятидесятилетнего Варлаама. Пушкин, очевидно, ощутил это несоответствие и в писарской копии 1826 г. заменил эту песню плясовым припевом: «Ах, любя ты, любя моя. Посмотри-тка ты, любя, на меня...», а затем в издании трагедии 1831 г. вернулся к мотиву скуки и загула молодого чернеца.

- с. 25 «Где неволей добрый молодец». — Ср. выше, ст. 3 песни «Ты проходишь мимо кельи, дорогая...»: «Где пострижен добрый молодец насильно...»
- с. 25 ...*может быть, кобылу нюхал...* — Кобылой называли доску, на которой лежали осужденные во время наказания кнутом или плетью.
- с. 26 ...*пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.* — По воспоминаниям А. Н. Вульфа, источником прибаутки Варлаама является любимая шутка-поговорка игумена Святогорского монастыря Ионы, которому был поручен надзор за Пушкиным и которого поэт был вынужден принимать и угощать в Михайловском во время ссылки:

Наш Фома,
Пьет до дна,
Выпьет — да поворотит,
Да в донушко поколотит...

(см.: Вульф 1974: 414; о посещениях игумена Ионы; см. также: Пущин 1974: 109).

КРАКОВ. ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО

- с. 51 *Musa gloriam coronat, gloriaque musam.* — Муза венчает славу, а слава музу (*лат.*).

ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САНБОРЕ
УБОРНАЯ МАРИНЫ

с. 52 *Рузя* — лицо вымышленное.

ЦАРСКАЯ ДУМА

с. 68 *В глубоком сне, я слышу, детский голос / Мне говор<и>т:*
„Встань, бабушка, поди... — В автографе: «В глубоком сне
я слышу детский голос / Мне говорят: „Встань, бабушка,
поди“».

РАВНИНА БЛИЗ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО

с. 73 *В < а > л ь т е р Р о з е н*. — В автографе было первоначально записано: «Волмар Розен» (имя «Волмар», возможно, восходит к И. И. Голикову — см. выше, с. 166); после замены имени в автографе осталось написание: «Вольтер».

с. 73 *M a r g e r e t* — Маржерет (фр.).

с. 73 *...allons...* — Ну! (фр.).

с. 74 *M a r g e r e t. Quoi? quoi?* — М а р ж е р е т. Что? что? (фр.).

с. 74 *Ква! ква! Тебе любо, заморскому ворону, квакать на русско-го царевича; а мы ведь православные.* — Противоречие в тексте явилось результатом незаконченной правки.

с. 74 *M a r g e r e t. Qu'est-ce à dire pravoslavni?.. ça n'a que des jambes pour f<outr>e le ca<tr>.* — М а р ж е р е т. Что это значит православни?.. Прощельги окаяные, проклятые сволочи! Черт побери, mein Herr [сударь — нем.], я взбешен: можно подумать, у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы дать деру (фр.).

с. 74 *Es ist Schande.* — Позор (нем.).

с. 74 *Ventre-saint-gris! ~ qu'en dites-vous, mein Herr?* — Пропади ты пропадом! Я не сдвинусь ни на шаг — дело начато, надо его кончать, что скажете, mein Herr [сударь — нем.]? (фр.).

с. 74 *Sie haben Recht.* — Вы правы (нем.).

с. 74 *M a r g e r e t. Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de Samozvanetz, comme il l'appellent, est un bougre qui a du poils au cul — qu'en pensez-vous, mein Herr?* — М а р ж е р е т. Дьявольщина, ста-

новится жарко! — Этот чертов Самозванец, как они его называют, не пальцем деланный — как думаете, *mein Herr* [сударь — нем.]? (фр.).

с. 74 *Oh, ja!* — О, да! (нем.).

с. 74 *M a r g e r e t. Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanof, qui aurait fait une sortie.* — М а р ж е р е т. Э, глядите, глядите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это, наверно, наступает смельчак Басманов (фр.).

с. 75 *Ich glaube das.* — Думаю, да (нем.).

с. 75 *M a r g e r e t. Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs!.. mein Herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!* — М а р ж е р е т. Ага! вот и наши немцы. Господа!.. *mein Herr* [сударь — нем.], велите им построиться и, черт нас раздери, пойдем наконец в атаку! (фр.)

с. 75 *Sehr gut. Halt!* — Отлично. Стой! (нем.).

с. 75 *Marsch!* — Марш! (нем.).

с. 75 *Hilf Gott!* — С нами Бог! (нем.).

с. 93 *...в ней же первая персона...* — Формула, вероятнее всего, заимствована из «Описания комедиям, что каких есть в посольском приказе мая по 30-е число 1709-го года», которое представляет собой список из тринадцати заглавий; в нескольких из них употреблена комментируемая формула. «Описание...» было опубликовано А. Ф. Малиновским в статье «Историческое известие о российском театре»; перечень комедий был воспроизведен Н. И. Гречем в статье, помещенной в «Русской Талии на 1825 год» (см. выше, с. 330). Этот альманах имелся у Пушкина в период работы над БГ.

«<Наброски предисловия к „Борису Годунову“>»

Наброски предисловия к «Борису Годунову» создавались в разное время, в основном в 1829–1830 гг., в период, когда планировалось и осуществлялось издание трагедии. Замысел предисловия был упомянут в черновике письма к Н. Н. Раевскому-младшему от 30 января (возможно — от 30 июня или июля) 1829 г. Еще раньше, в январе–феврале 1828 г., Пушкин предполагал выступить в печати с развернутым рассуждением о драматургических принципах, которым он следовал (см. оставшееся неопубликованным «<Письмо к издателю „Московского вестника“>» и упоминание о нем [...пришлю вам прозу...»] в письме к М. П. Погодину от 19 февраля 1828 г.: XIV: 5).

После того как Бенкендорф в письме от 28 апреля 1830 г. уведомил Пушкина о разрешении печатать трагедию, вопрос о предисловии довольно активно обсуждался в переписке с готовившим издание П. А. Плетневым. 4 или 5 мая 1830 г. Пушкин писал ему: «Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал<ександру> Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется не прилично. Как ты думаешь? реши» (Там же, 89; уточнение датировки письма см.: Левкович 2003: 60–61). 21 мая Плетнев отвечал: «Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикую из темы о блудном сыне Булгарине; следовательно (по моему разумению) не стоит тебе якшаться с ним в этом месте: в другом бы для чего не поучить...» (XIV: 93).

По-видимому, эта точка зрения показалась Пушкину убедительной: наброски предисловия к БГ не содержат полемических выпадов против Булгарина, они нашли свое выражение в других текстах — см. «Опровержение на критики» (1830; XI: 150, 154), «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830; Там же, 169) и памфлет «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831; Там же, 209–210).

9 сентября 1830 г. Пушкин сообщил П. А. Плетневу из Болдина, что готов прислать ему уже написанное «элегическое маленькое предисловие» к БГ (XIV: 113). Поскольку никакой завершённый текст предисловия не известен, это сообщение может быть проинтерпретировано по-разному. Возможно, к 9 сентября у Пушкина имелось не дошедшее до нас предисловие, написанное в Болдино или раньше. Но возможно и то, что, отправляя письмо Плетневу, Пушкин располагал лишь окончательно оформившимся замыслом предисловия, которое, однако, так и не было написано. В любом случае известные на сегодняшний день наброски могли явиться не более чем черновыми пробами «элегического маленького предисловия». Тем не менее в исследовательской литературе несколько раз предпринимались непродуктивные попытки квалифицировать один из них как то самое предисловие, о котором Пушкин писал Плетневу. В Справочном томе ПСС 1937–1959 (с. 354) содержится указание на то, что им является набросок <2> («<С> отвращением решаюсь я выдать в свет...»). Данная точка зрения, по-видимому, основана на том, что он записан на отдельном листе (Пушкин не брал с собой в Болдино рабочих тетрадей). На отдельных листах записаны также наброски <6> и <7>. Фрагмент <7>, ошибочно датированный в ПСС 1937–1959 1830 г. (опровержение этой датировки см. ниже, с. 359), написан по-французски и поэтому, очевидно, не рассматривался в качестве текста предисловия, предназначенного к печати. Что же касается фрагмента <6>, то он ошибочно напечатан в ПСС 1937–1959 как окончание записанного в тетради ПД 839 наброска «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...» и при исправлении этой ошибки мог бы рассматриваться в качестве «элегического предисловия» на том же основании, что и набросок <2>. По мнению Я. Л. Левкович, «элегическим маленьким предисловием» мог быть набросок <4>

(«Je me presente ayant renoncé...») (см.: Левкович 1991: 153). Но, как подчеркивает сама исследовательница, этот фрагмент, записанный по-французски в тетради, которой Пушкин не располагал в Болдино, мог служить не более чем одним из предварительных набросков предисловия, о котором говорилось в письме к Плетневу. Гипотеза Ю. Г. Оксмана, считавшего, что Пушкин имел в виду набросок <7> («*Pour une préface...*») (см. комментарий в изд.: Пушкин 1959–1962 VI: 539; см. также: Левкович 1991: 153), несостоятельна хронологически, так как этот набросок датируется 1835 или 1836 г. (см. ниже, с. 359).

В октябре — начале ноября 1831 г., обдумывая возможность переиздания БГ, Пушкин писал Е. Ф. Розену: «...думаю для второго издания написать к вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию» (XIV: 240). Замысел подобного письма перекликается с написанными в 1825 и 1829 гг. письмами к Н. Н. Раевскому-младшему. Традиция оформлять предисловие к драматическому произведению в виде письма, в котором излагаются принципиальные воззрения автора на драматическое искусство, восходит к Вольтеру, предпославшему своей трагедии «Брут» («*Brutus*», опублик. 1731) письмо к Боллингброку (см.: Томашевский 1960: 42–43). Одной из наиболее знаменитых романтических деклараций такого рода явилось «Письмо к лорду ***» А. де Виньи (Vigny) по поводу постановки «Венецианского мавра». В 1835 или 1836 г., все еще планируя переиздание трагедии, Пушкин в последний раз попробовал набросать предисловие к ней.

Сохранившиеся наброски предисловия отражают самую предварительную стадию работы и, по всей видимости, являются не альтернативными версиями задуманного текста, а вариантами развития одних и тех же мыслей, наиболее полно представленными во фрагменте <3> («Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...»). Наброски, записанные по-французски, несомненно, являются заготовками для русского текста.

Как единый комплекс текстов наброски предисловия к БГ были впервые представлены в издании: Анненков 1855 (с. 132–139, 150), где в разделе, посвященном БГ, были напечатаны наброски <2>, <3>, <4> и <7>, письмо к Н. Н. Раевскому-

младшему (вторая половина июля (после 19-го) — август 1825 г.), письмо к нему же от 30 января (возможно — от 30 июня или июля) 1829 г., «<Письмо к издателю „Московского вестника“>» и фрагмент «<Опровержения на критики>» («Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха...»). В изданиях: Геннади 1859–1860 (IV: 59–68) и Геннади 1869–1871 (IV: 431–440) тот же состав текстов был напечатан в томе прозы под общим заглавием «Заметки о Борисе Годунове» (фрагменты <7> и <4> объединены — решение, не повторяющееся больше ни в одном издании). В томе прозы издания Ефремов 1880 (V: 79–88) к этому кругу текстов был добавлен фрагмент <1>, а также заметка «Мнение митрополита Платона о Дмитриии Самозванце...», а в Ефремов 1882 (V: 72–75) из корпуса «Заметок о Борисе Годунове» были изъяты письма к Н. Н. Раевскому-младшему и «<Письмо к издателю „Московского вестника“>». В издании: Ефремов 1887 (V: 73–76) к составу «Заметок о Борисе Годунове» были добавлены фрагменты <5> и <6> (таким образом, здесь был напечатан полный состав набросков предисловия к трагедии, публикуемых в настоящем издании, и еще два фрагмента: «Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха...» и «Мнение митрополита Платона о Дмитриии Самозванце...»). Тот же состав повторен в изданиях Ефремов 1903–1905 и Морозов 1887. В Морозов 1903–1906 (III: 251–256) в этот корпус текстов дополнительно введена заметка «О Гавр<иле> Григ<орьевиче> Пушк<ине>», в предыдущих изданиях печатавшаяся отдельно. Этот же состав сохранен в Венгеров 1907–1915. В Пушкин 1900–1929 к нему добавилась заметка «<О трагедии>» («Изо всех родов сочинений...»). В изданиях Морозова, Пушкин 1900–1929 и Венгеров 1907–1915 данные тексты печатались в томе драматических произведений, в разделе примечаний к БГ. Начиная с ГИХЛ 1931–1933 (V/2: 737–749) комментируемые тексты получили общее редакторское заглавие «<Наброски предисловия к „Борису Годунову“>» и стали печататься в составе томов прозы. В ГИХЛ 1931–1933 к наброскам предисловия вновь были отнесены второе письмо к Н. Н. Раевскому-младшему (1829) и «<Письмо к издателю „Московского вестника“>»; заметки «<О трагедии>», «О Гавр<иле> Григ<орьевиче> Пушк<ине>» и «Мнение митрополита Платона

о Дмитрие Самозванце...» были выведены из состава набросков предисловия, наброски <4> и <5> объединены. Такой состав текстов сохранялся в изданиях: ГИХЛ 1934, ГИХЛ 1935, ГИХЛ 1936, КН 1930–1931, Acad. в 9 т. и Acad. в 6 т. В ГИХЛ 1937–1947 из него были исключены «<Письмо к издателю „Московского вестника“>» и фрагмент «Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха...». Состав текстов, отнесенных к наброскам предисловия в ГИХЛ 1937–1947, был повторен в ПСС 1937–1959, за исключением письма к Н. Н. Раевскому (XI: 140–142; подгот. текста В. В. Гиппиуса). Таким образом, в ПСС 1937–1959 из состава набросков предисловия выведены все тексты, так или иначе связанные с БГ, но имеющие самостоятельное значение и не предназначавшиеся при своем создании для предисловия к трагедии. Фрагмент («С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет Бориса Годунова...») был напечатан здесь как первоначальная редакция наброска <2> («<С> отвращением решаюсь...» [XI: 383]; аналогичное решение — в изданиях Томашевский 1956–1958 [VII: 622; подгот. текста Б. В. Томашевского] и Пушкин 1959–1962 [VI: 431; подгот. текста Ю. Г. Оксмана]). Однако, за исключением первой фразы, наброски <1> и <2> не имеют в своем содержании ничего общего, поэтому в настоящем издании они печатаются как самостоятельные тексты. Набросок («Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...»), записанный на отдельном листе (ПД 1086), по ошибке напечатан в ПСС 1937–1959 как продолжение фрагмента «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...» (XI: 141–142). В результате этой ошибки между разделами основных текстов и «Других редакций, планов, вариантов» возникло несоответствие: в первом из них фигурирует пять, а во втором — шесть набросков, пронумерованных, так же как и в основном корпусе текстов, римскими цифрами. Набросок «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...» подан в вариантах как самостоятельный фрагмент, обозначенный номером <III>, вследствие чего дальнейшая нумерация фрагментов в этом разделе перестает соответствовать номерам, указанным в основном корпусе текстов. Другим следствием допущенной ошибки явилось то, что автограф ПД 1086 (старый шифр: ЛБ 87. Л. 35) остался не указан-

ным в разделе примечаний. В разделе «Дополнения и исправления» Справочного тома ошибка отмечена не была. Там же (с. 61–62) было указано, что в основной текст набросков предисловия должна была быть введена предположительно датируемая 1827 г. историческая заметка «О Гавр<иле> Григ<орьевиче> Пушк<ине>», записанная в тетради ПД 833 (л. 74 об.). Однако не имеется никаких оснований считать, что эта заметка, содержащая биографические сведения о предке поэта, упомянутом в целом ряде пушкинских текстов (см. выше, с. 265–266), предназначалась именно для предисловия к трагедии.

В изданиях: Томашевский 1950–1951 и Томашевский 1956–1958 состав набросков предисловия к БГ и подача их текстов изменены. Не введя в данный раздел тома фрагмент «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...» Томашевский снова включил в число набросков предисловия к трагедии текст чернового письма к Н. Н. Раевскому-младшему 1829 г. В основной корпус текстов были помещены фрагменты <2> и <3>, а фрагменты <1>, <4>, <5> и <7> напечатаны в разделе «Из ранних редакций». Набросок <6> в изданиях Томашевский 1950–1951 и Томашевский 1956–1958 отсутствует. Все эти новации представляются необоснованными. Содержание письма к Раевскому действительно позволяет видеть в нем прообраз задуманного предисловия — но никак не его текст. Имеющаяся в письме фраза о грубых непристойностях, которые исчезнут при первой же переписке, совершенно бессмысленна в предисловии к печатному изданию. Отнесение отдельных фрагментов к ранним редакциям также неправомерно, потому что ни один из набросков не представляет собой сколько-нибудь завершённого текста и все они в равной степени являются черновыми заготовками предисловия.

<1>

(«С ВЕЛИЧАЙШИМ ОТВРАЩЕНИЕМ

РЕШАЮСЬ Я ВЫДАТЬ В СВЕТ БОРИСА ГОДУНОВА...»)

Автограф — в рабочей тетради Пушкина (ПД 841. Л. 12), с пометой: «19 июля Арзр<ум>». Напечатано: Ефремов 1880 V: 85. Факсимильное воспроизведение: Пушкин 1995–1997 VII.

Печатается по автографу.

Датируется 19 июля 1829 г. Число и месяц определяются по помете в автографе, год — по времени пребывания Пушкина в Арзруме.

- с. 94 *Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму...* — Романтической драмой в пушкинском окружении считалась драма, не ориентированная на античные образцы и свободная от нормативных правил трагедии классицизма (см., например, набросок статьи Пушкина «О поэзии классической и романтической», 1825; ср. также определение «школы романтической» в пушкинской заметке «<О трагедии>» [«Изо всех родов сочинений...», 1825]: «отсутств<ие> всяких правил, но не всякого искусства» [XI: 39]).
- с. 94 *...успех «Полтавы»...* — Ср. в «<Опровержении на критику>»: «Полтава, [которую Ж<уковский>, Г<недич>, Д<ельвиг>, В<яземский> предпочитают всему, что я до сих пор ни написал, Полтава] не имела успеха» (Там же, 158). Реакция критики на «Полтаву» не была однозначной, поэтому оба противоречащих друг другу пушкинских высказывания имели определенные основания.

<2>

(«<С> ОТВРАЩЕНИЕМ РЕШАЮСЬ...»)

Автограф — ПД 112. Л. 1–1 об., на четверке фабричного листа. Левый верхний угол оборван вместе с началом первой строки на л. 1; запись на л. 1 об. появилась после того, как угол был оборван. Под записью рисунок топора; на л. 1 об. — черновой набросок ст. 23–24 стихотворения «Кавказ». Напечатано: Анненков 1855: 132 (в качестве чернового письма Пушкина к неизвестному адресату).

Печатается по автографу.

Датируется 1829 г., так как на том же листе расположены черновые строки стихотворения «Кавказ», датированного Пушкиным 1829 г.

При первой публикации наброска П. В. Анненков отметил, что запись сделана «гораздо позднее 1825 г.», поскольку в ней говорится о том, что Карамзин, скончавшийся 22 мая 1826 г., не успел познакомиться с трагедией. В ПСС 1937–1959 (XI: 547, примеч. В. В. Гиппиуса) набросок датирован сентябрем 1829 г. без обоснования датировки. Судя по всему, указание на сентябрь появилось в результате спорной интерпретации даты «20 сентября», стоявшей в несохранившемся автографе стихотворения «Кавказ» (он опубликован Н. О. Лернером: Лернер 1908: 57–60). Черновые строки «Кавказа» в автографе ПД 112 явно предшествовали созданию автографа, опубликованного Лернером. В ПСС 1937–1959 (III: 1196) Т. Г. Зенгер (Цявловская), не оспаривая пушкинскую датировку «Кавказа» 1829 г., интерпретирует дату в несохранившемся автографе как 20 сентября 1830 г., видимо, руководствуясь тем, что на том же листе, как сообщает Лернер, записано стихотворение «Труд», датируемое концом сентября 1830 г. Иначе была истолкована помета «20 сентября» Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским: они датировали черновые строки «Кавказа» (ПД 112) 20 сентября 1829 г., очевидно, основываясь на том, что сам Пушкин датировал «Кавказ» 1829 г., и игнорируя тот факт, что доработка стихотворения в автографе, опубликованном Лернером, была осуществлена позже (см.: Рукоп. П. 1937: 47). На датировку черновых строк «Кавказа» в ПД 112, предложенную Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским, вероятно, и опирался В. В. Гиппиус, датируя расположенный на том же листе набросок предисловия к «Борису Годунову» сентябрем 1829 г. По-видимому, уточненная Т. Г. Зенгер (Цявловской) в т. 3 ПСС 1937–1959 датировка «Кавказа» осталась не учтенной редакторами т. 11 при его подготовке к печати (оба тома вышли в 1949 г.). Позднее Б. В. Томашевский утверждал, что наброски предисловия «писаны в 1830 году, когда вопрос об издании трагедии был уже решен» (Томашевский 1956–1958 VII: 682; о положительном решении этого вопроса Пушкин узнал, вероятно, около 3 мая 1830 г. — см. ниже, с. 347).

с. 94 *Как Монтань, могу сказать о своем сочине<нии>: C'est une oeuvre de bonne foi.* — Перевод фр. части фразы: «Это добро-

совестное произведение». Пушкин приводит по памяти первые строки предисловия Мишеля де Монтеня к «Опытам» (кн. I, 1580): «C'est un Livre de bonne foi, Lecteur [Это добросовестная книга, читатель. — *фр.*]» (Montaigne 1801: LXIII). То же выражение («une œuvre de bonne foi») Пушкин использовал в письме к А. Х. Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г., в очередной раз обращаясь к нему с просьбой о разрешении напечатать трагедию (XIV: 78).

- с. 94 *Писанная в строгом уединении...* — в михайловской ссылке.
- с. 94 *В числе моих слушателей <ей> одного не достало...* — Речь идет о Н. М. Карамзине, который скончался, не успев познакомиться с трагедией Пушкина.
- с. 94 *...чей гений одушевил и поддержал меня...* — Ср. посвящение БГ.

<3>

(«ИЗУЧЕНИЕ ШЕКСПИРА, КАРАМЗИНА
И СТАРЫХ НАШИХ ЛЕТОПИСЕЙ...»)

Автограф — в рабочей тетради Пушкина (ПД 839. Л. 45–47 об.). Напечатано: Анненков 1855: 137–139. Факсимильное воспроизведение: Пушкин 1995–1997: VI.

Печатается по автографу.

Датируется 1829 г. (предположительно после 20 сентября) — 1830 г. (вероятнее всего, до 1 сентября). С 1 мая по 20 сентября 1829 г. Пушкин совершал путешествие в Арзрум (см.: Летопись 1999 III: 48, 93–94), во время которого он не пользовался тетрадью ПД 839. Маловероятно, чтобы набросок был сделан до 1 мая, поскольку перед отъездом Пушкин предпринимал другие шаги, связанные с судьбой трагедии: он в очередной раз пытался получить разрешение на ее публикацию и, возможно, вносил последние исправления в текст (см. настоящий том, с. 134). Осень 1830 г. Пушкин провел в Болдино (выехал из Москвы 1 сентября, вернулся 5 декабря 1830 г. [Летопись 1999 III: 233, 266]), куда вообще не брал никаких рабочих тетрадей. По его возвращении трагедия уже находилась в типографии (22 октября ведавший типографией К. А. Ливен был уведомлен Бен-

кендорфом о разрешении на публикацию; печатание было завершено в начале 20-х чисел декабря — см. выше, с. 141–142 и 143). Едва ли, находясь в Москве с 5 декабря, Пушкин еще мог рассчитывать внести серьезные добавления в рукопись, сданную в петербургскую типографию.

Предпринималась попытка сузить датировку комментируемого наброска началом мая (после 3-го) — началом июня 1830 г. по связи с письмами Пушкина к П. А. Плетневу от 4 или 5 мая 1830 г. и П. А. Плетнева к Пушкину от 21 мая 1830 г. (см.: Левкович 2003: 60–62). 28 апреля 1830 г. Бенкендорф уведомил Пушкина, находившегося в то время в Москве, о высочайшем разрешении печатать БГ. Вероятно, это известие было получено Пушкиным 3 мая, так как, не упомянув о нем 2 мая в письме к Вяземскому, 3 мая в письме к родным он уже сообщает о полученном разрешении и просит брата передать эту новость Плетневу. 4 или 5 мая Пушкин сам пишет Плетневу письмо, где, в частности, говорится: «Думаю написать предисловие» (XIV: 89). 21 мая Плетнев отвечает Пушкину, советуя ввести в предисловие «трактат о Шекспире» с противопоставлением Шекспира «классикам-французам» и объяснить, «зачем перед публикой позволять действующим лицам говорить непристойности» (Там же, 93). По мнению Я. Л. Левкович, именно прислушавшись к этим советам, Пушкин ввел в набросок предисловия упоминание о том, что «нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина», и рассуждение о «шутках грубых» и «сценах простонародных». Письмо от Плетнева должно было идти из Петербурга в Москву дней пять-шесть и, вероятно, было получено Пушкиным 28 мая, по возвращении из Полотняного Завода, где он находился до 27 мая (см.: Летопись 1999 III: 104–105). Предложенное Я. Л. Левкович сужение датировки остается более чем проблематичным: набросок мог быть начат до получения разрешения (как, например, фрагменты <1> и <2>), а темы, под сказанные Плетневым, и раньше варьировались в пушкинских текстах, посвященных БГ (содержание наброска тесно связано с «<Письмом к издателю „Московского вестника“>» [1828] и с черновым письмом к Н. Н. Раевскому-младшему от 30 января (возможно — от 30 июня или июля) 1829 г.).

П. В. Анненков считал, что комментируемый набросок сделан около 1830 г. (см.: Анненков 1855: 137). Во всех изданиях под ред. П. А. Ефремова набросок датируется 1830 г. без обоснования датировки. В ПСС 1937–1959 (XI: 547) набросок датируется осенью 1830 г., также без обоснования датировки. Б. В. Томашевский считал, что этот набросок, в числе других, был сделан в 1830 г. (см. выше). Ю. Г. Оксман датировал его 1830 г. «условно» (Пушкин 1959–1962 VI: 538).

- с. 95 ...*в небрежном и простом составлении типов.* — Возможный, но менее убедительный вариант прочтения последнего слова: «планов» (см.: Томашевский 1956–1958 VIII: 164; Пушкин 1959–1962 VI: 300).
- с. 95 ...*читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения.* — Ср. в «<Опровержении на критики>» (1830): «Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себятвержением» (XI: 143).
- с. 95 *И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifférent [безразлично. — фр.], что такая-то глава «Онеги<на>» выше или ниже другой.* — Пушкина особенно задела рецензия М. А. Дмитриева (за подписью «В») на четвертую и пятую главы «Онегина» в «Атенее» (1828. Ч. 1. № 4. С. 76–89; ППК 2: 47–55), а также рецензия на седьмую главу Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле» (1830. № 35. 22 марта; № 39. 1 апреля; ППК 2: 232–236) и анонимная рецензия в «Московском телеграфе» (1830. Ч. 32. № 6. С. 238–243; ППК 2: 256–258). В последней из них, в частности, говорилось: «Первая глава „Онегина“ и две-три, следовавшие за нею, нравились и пленяли, как превосходный опыт поэтического изображения общественных причуд, как доказательство, что и наш гордый язык, наши московские куклы могут при отзывах поэзии пробуждаться

и составлять стройное, гармоническое целое. Но опыт все еще продолжается, краски и тени одинаковы, и картина все та же. Цена новости исчезла — и тот же „Онегин“ нравится уже не так, как прежде. Надобно прибавить, что поэт и сам утомился. В некоторых местах седьмой главы „Онегина“ он даже повторяет сам себя» (МТ. 1830. Ч. 32. № 6. С. 239–240; ППК 2: 256). Набросав «<Возражение на статью „Атenea“>» в 1828 г., Пушкин вернулся к той же теме в «<Опровержении на критики>» и в примечаниях к полному отдельному изданию «Евгения Онегина» (1833), а на рецензии в «Северной пчеле» и «Московском телеграфе» отвечал 28 ноября 1830 г. в проекте предисловия к восьмой и девятой главам «Евгения Онегина» (VI: 539–542). Сравнение поэтических достоинств разных глав «Онегина» содержалось, однако, и во вполне доброжелательных критических высказываниях. Передавая суждения московской публики, М. П. Погодин сообщал: «Пятой песни отдается преимущество перед четвертою <...>. Нить повествования ведена лучше в первых трех песнях, чем в последних двух, замечают также многие» (Погодин 1828: 464; ППК 2: 44). Ср. также: «Вторая песнь по изобретению и изображению характеров несравненно превосходнее первой» (Веневитинов Д. 1828: 469; ППК 2: 46); «Три новые главы „Евгения Онегина“ (4, 5 и 6), коими оканчивается первая часть сего поэтического романа, заключают в себе более действия, нежели три прежние, и более их раскрывают характеры действующих лиц» (Сомов 1828: 39; ППК 2: 109).

- с. 95 ...нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина... — В незавершенной статье «<О народной драме и драме „Марфа Посадница“>», писавшейся осенью 1830 г., Пушкин более подробно развил те же положения: «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. <...> Драма оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного, избранного общества. Поэт переселился ко двору. Между тем [драма] остается верною первоначальному своему назначению — действовать на множество, занимать его любопытство. Но тут драма оставила язык об-

щепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное. Отселе важная разница между трагедией народной, Шекс<пировой>, и драмой придворной, Рашиновой. Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностью своей возвышенности, [и] признанием публики беспрекословно чувствуемым. — При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере так думали и он и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию <...> — отселе робкая чопорность, смешная надутость <...> привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им странный, не человеческий образ изъяснения» (XI: 178–179). Далее Пушкин указывал на то, что в России генезис театра был иным, чем в Европе: традиции народного театра у нас не сложились, драма завоевала свои права как придворное увеселение, и это наложило на нее неизгладимый отпечаток, сделав почти невозможным для русских авторов создание народной трагедии. Последнее утверждение, впрочем, носило отчасти риторический характер, поскольку предвляло представление драмы М. П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская» (1830), начинавшееся словами: «Перед нами однако ж опыт народной трагедии...» (Там же, 180).

Б. В. Томашевский подчеркивал, что характеристики Шекспира в пушкинском творчестве «создаются на фоне французского классицизма», в постоянном противопоставлении французским драматическим образцам (Томашевский 1960: 91). В. Э. Вацуру, продолжая мысль Томашевского, показал, что одним из источников пушкинских рассуждений о народной драме, Шекспире и французской классической трагедии были высказывания о Шекспире Вольтера и, возможно, его полемика с Х. Уолполом (Walpole). В ходе этой полемики обсуждались, в частности, возможность смешения трагического и смешного в одном произведении, принципы трех единств и правдоподобия, проблемы народного театра и театра только для избранных. В предисловии

ко второму изданию романа «Замок Отранто» («The Castle of Otranto: A Gothic Story», 1765) Уолпол оспаривал представления Вольтера о невозможности введения в трагедию комических элементов, о грубости трагедии «Гамлет», которую во Франции не приняло бы и неотесанное простонародье. При этом он явно отвечал на оставшееся не названным им «Рассуждение о древней и новой трагедии», которое было напечатано Вольтером в качестве предисловия к трагедии «Семирамида» («Sémiramis», 1748) (см.: Walpole 1823: 560—563; Voltaire 1817b: 1–52; обе книги имелись в библиотеке Пушкина [Модзалевский 1910а, № 567, 1491]). Предлагая вернуться к простоте греческих нравов, отказавшись от оков, которыми сковали поэзию изощренные парижские судьи, Уолпол ссылаясь на вольтеровское письмо к Маффеи, предпосланное его трагедии «Меропа» («Mérope», 1743) (Voltaire 1817a: 457–483). Этот круг вопросов, несомненно, волновал Пушкина, поскольку отразился не только в комментируемом наброске предисловия и в статье о «Марфе Посаднице», но также в «<Письме к издателю „Московского вестника“>» (1828) и в письмах к Н. Н. Раевскому-младшему. Поэтому есть все основания предполагать, что предисловие Уолпола к «Замку Отранто» должно было привлечь внимание Пушкина. В собрании сочинений Вольтера, сохранившемся в пушкинской библиотеке, разрезаны предисловия практически ко всем драматическим произведениям (причем порой — только предисловия, как, например, в «Меропе» и «Семирамиде» [см.: Модзалевский 1910а, № 1491]), имевшие, как правило, полемический характер и направленные на защиту принципов французской классической трагедии. Весьма вероятно, что это целенаправленное чтение вольтеровских предисловий к драматическим произведениям было связано с размышлениями над созданием предисловия к собственной трагедии. Подробнее см.: Вацуру 2002: 9–11, 16–21, 36–45.

- с. 95 «Ермак». — Трагедия А. С. Хомякова «Ермак» написана в конце 1825 — начале 1826 г.; отрывки из нее были опубликованы в МВ (1828. Ч. 7. № 4. С. 397–403; 1829. Ч. 1. С. 113–130) и в альманахе «Денница» на 1830 год (с. 250–254), в котором

- были напечатаны две первые сцены из БГ. 27 августа 1829 г. «Ермак» был впервые представлен на сцене петербургского Малого театра. Отдельное издание вышло в Москве в 1832 г. Знакомство Пушкина с трагедией Хомякова состоялось 13 октября 1826 г., на следующий день после чтения БГ в доме Веневитиновых (см. об этом выше, с. 204–205). В статье «<О народной драме и драме „Марфа Посадница“>» Пушкин дал несколько более развернутую, но сходную по оценке характеристику «Ермака»: «Идеализированный Ермак, лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии» (XI: 189). О чтении «Ермака» и о реакции Пушкина на произведение Хомякова см.: Кошелев 1987: 24–27; о соотношении драматургии Пушкина и Хомякова см.: Маймин 1972.
- с. 95 *Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами.* — В России пятистопный ямб (и аналогичные ему размеры) не имел столь длительной традиции, как во французской, итальянской, английской, немецкой поэзии. Отсылая к английскому и немецкому пятистопному ямбу, Пушкин, безусловно, имеет в виду белый бесцезурный драматический стих Шекспира, Шиллера, английских поэтов-«лейкистов» и др.
- с. 95 *У нас первый пример оному находим мы, кажется, в «Аргивянах»...* — «Аргивяне» — трагедия В. К. Кюхельбекера (первая редакция — 1822–1823 гг., вторая, неоконченная редакция — 1825 г.; отрывки были опубликованы в «Мнемозине» [М., 1824. Ч. 2. С. 1–28] и в «Соревнователе просвещения и благотворения» [1825. № 6. С. 301–302; № 7. С. 101–105]). Более ранним опытом введения пятистопного ямба в трагедию является выполненный Жуковским в 1817–1821 гг. перевод «Орлеанской девы» Шиллера (см.: Пушкин 1959–1962 VI: 538).
- с. 95 *А. Жандр в отрывке своей прекра<сной> траг<едии>...* — Имеется в виду перевод классицистической трагедии французского драматурга Ж. де Ротру (Rotrou, 1609–1650) «Венцеслав» («Venceslas», 1648), выполненный русским драматургом и переводчиком А. А. Жандром (1789–1873) в 1824 г.

Первый акт был опубликован в «Русской Талии» на 1825 год (с. 54–73), две сцены из третьего акта — в альманахе «Радуга» на 1830 год (с. 155–160).

- с. 96 *Я сохранил цезурку французского пентаметра на второй стопе — и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия.* — Французский классический декасиллаб был единственным среди аналогичных размеров, в котором употреблялась обязательная цезура после четвертого слога. Большая часть переводов и подражаний, написанных в России пятистопным ямбом, была ориентирована на французскую традицию. О стихе БГ и о новаторстве Пушкина в «консервативном» цезурном пятистопном ямбе БГ см.: Хворостьянова 2000.
- с. 96 *...одного из предков моих...* — Гаврилу Григорьевича Пушкина (см. о нем выше, с. 264–266).
- с. 96 *...con amore...* — с любовью (итал.).
- с. 96 *...Изю всех моих подражаний Байро<ну> дворянск<ая> спесь была самое смешное.* — В «Опровержении на критики» Пушкин писал: «Если быть старинным дворянином значит подража<ть> английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства? Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах» (XI: 161). Развитие мысли здесь то же, что и в комментируемом наброске предисловия. Отсутствие «дворянской спеси» у сотрудников «Литературной газеты», прозванных «литературными аристократами», Пушкин неоднократно подчеркивал (см. «Опровержение на критики» [Там же, 152], «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» [Там же, 172]). Ср. также в «Романе в письмах» (1829), где в письме Владимира изложены взгляды Пушкина на проблемы аристократизма: «Говоря в пользу аристократии, я не корчу англ<ийского> лорда...» (VIII: 53). О Байроне Пушкин писал в 1835 г.: «Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии <...> с честию

упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Б<айрон> своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему и мелочные оскорбления...» («<Байрон>» [XI: 275]).

<4>

(«JE ME PRESENTE...»)

Автограф — в рабочей тетради Пушкина (ПД 842. Л. 4). На том же листе после черты — набросок <5>. Напечатано: Анненков 1855: 150. Факсимильное воспроизведение: Пушкин 1995–1997 VII.

Печатается по автографу.

Датируется осенью 1829 г. (не ранее 20 сентября) — 1830 г. (вероятно, не позднее марта). Набросок мог возникнуть не ранее возвращения Пушкина из Арзрума, когда началась работа в тетради ПД 842. На л. 3–3 об. здесь расположено начало перевода поэмы Р. Саути (Southey) «Медок» («Madoc», 1805), на л. 4 — два наброска предисловия (<4> и <5>), л. 4 об. оставлен свободным, на л. 5–14 об. — черновой автограф поэмы «<Тазит>», на л. 15–16 — черновой автограф «<Разговора о критике>», содержащий отклик на анонимную статью, опубликованную в вышедших в феврале 1830 г. номерах 6 и 8 «Галатеи» (см.: Пушкин 1959–1962 VI: 540–541, примеч. Ю. Г. Оксмана). По-видимому, вскоре после появления этой статьи, т. е. в феврале–марте 1830 г., в тетради ПД 842 возник черновой автограф «<Разговора о критике>» (см.: Левкович 1991: 152). Это время и следует считать верхней границей датировки комментируемого наброска, поскольку нет никаких оснований полагать, что начальная часть тетради заполнялась непоследовательно (иную точку зрения см. ниже).

П. А. Ефремов датировал набросок 1825 г., пояснив такую датировку в примечании к последней содержащейся в нем фразе: «В предисловии к изданию „Стихотворений“ Пушкина 1826 г. говорится, что это досуги первого десятилетия авторской жизни, почему и эту заметку можно отнести к 1825 г.» (Ефре-

мов 1880 V: 80; то же — во всех последующих изданиях под ред. П. А. Ефремова). Однако, как уже было указано, тетрадь ПД 842 была начата в 1829 г. В ПСС 1937–1959 набросок датирован осенью 1829 г. без обоснования — вероятно, по положению в начале тетради. Я. Л. Левкович присоединилась к мнению Б. В. Томашевского, считавшего, что наброски предисловия создавались в 1830 г., после того как было получено разрешение на публикацию трагедии (см. выше, с. 345), и на этом основании сделала вывод о том, что начальные листы тетради ПД 842 заполнялись непоследовательно (см.: Левкович 1991: 152–154). Такой вывод, однако, не имеет достаточных оснований: другие наброски предисловия делались, как было сказано выше, в 1829 г., хотя в то время разрешение печатать трагедию еще не было получено. Ю. Г. Оксман датировал наброски <4> и <5> (которые он опубликовал как единый текст) 1830 г. по связи с наброском <7>, также датированным им 1830 г. (см.: Пушкин 1959–1962 VI: 539). Однако датировка наброска <7> 1830 г. неверна — см. ниже, с. 359.

с. 96 *Je me présente ayant renoncé <à> ma manière première ~ mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.* — Я являюсь, изменив раннюю свою манеру — мне нет необходимости пестовать безвестное имя и раннюю юность, я уже не смею рассчитывать на снисходительность, с какой я был принят. — Я не ищу благосклонной улыбки моды. — Я добровольно покидаю ряды ее любимцев и смиренно благодарю за ту благосклонность, с какой она встречала мои слабые опыты в течение десяти лет моей жизни (*фр.*). Ср. в «<Опровержении на критике>»: «Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны лит<ературного> имени» (XI: 154).

<5>

(«LORSQUE J'ECRIVAIS CETTE TRAGEDIE...»)

Автограф — в рабочей тетради Пушкина (ПД 842. Л. 4). Выше на том же листе — набросок <4>, отделенный чертой от наброска <5>. Напечатано: Якушкин 1884 VIII: 321. Факсимильное воспроизведение: Пушкин 1995–1997 VII.

Печатается по автографу.

Датируется осенью 1829 г. (не ранее 20 сентября) — 1830 г. (вероятнее всего, до 1 сентября). Верхняя граница датировки устанавливается на том же основании, что и для наброска <4>. Судя по перу и чернилам, наброски <4> и <5>, отделенные друг от друга чертой, сделаны в разное время. Нижняя граница датирования комментируемого фрагмента устанавливается на том же основании, что и для наброска <3>. Поскольку в наброске <5> выражен отказ от идеи издать трагедию с предисловием и примечаниями, весьма вероятно, что он писался после 12 мая 1830 г., когда был составлен план собрания сочинений Пушкина, в котором БГ фигурирует как «Трагедия с Notati с предисл<овием>» (см. настоящий том, с. 141). Однако нельзя утверждать с уверенностью, что зафиксированный в тетради ПД 842 отказ от этой идеи был окончательным и Пушкин к ней больше не возвращался.

В изданиях Ефремов 1887 и Ефремов 1903–1905 набросок без всякого обоснования датирован 1829 г. В ПСС 1937–1959, в статье Левкович 1991 и в Пушкин 1959–1962 набросок <5> датирован так же, как набросок <4> (см. выше, с. 354–355).

В изданиях КН 1930–1931, ГИХЛ 1931–1933, ГИХЛ 1934, ГИХЛ 1935, ГИХЛ 1936, ГИХЛ 1937–1947, Асад в 6 т., Асад в 9 т., ПСС 1937–1959, Томашевский 1956–1958 и Пушкин 1959–1962 комментируемый текст квалифицируется как набросок предисловия к БГ, однако это определение не всеми признано бесспорным. Анализируя тон и содержание наброска, Я. Л. Левкович предположила, что, скорее всего, он является черновиком письма к Н. Н. Раевскому-младшему. В 1829 г. Пушкин писал ему о своем намерении снабдить трагедию предисловием, а теперь (возможно, накануне выхода трагедии из печати) извещает его о своем отказе от этого решения (см.: Левкович 1991: 153–154). Предположение выглядит весьма убедительно, однако никаких данных для окончательных и однозначных выводов не имеется.

с. 96 *Lorsque j'écrivais cette tragédie ~ Mais je trouve tout cela fort inutile.* — Когда я писал эту трагедию, я был один в деревне, никого не видал, читал одни журналы и т. д. — тем охотнее, что я всегда полагал романтизм единственно пригодным для

нашей сцены; я убедился, что ошибался. Я испытывал великое отвращение оттого, что моя трагедия будет представлена публике — я хотел по крайней мере предварить ее предисловием и сопроводить примечаниями. — Но нахожу все это совершенно бесполезным (*фр.*). В черновых набросках Пушкин нередко пользовался обозначением «etc.» («и т. д.» — *фр.*) для указания места вставки записанного в другом месте текста, ограничиваясь воспроизведением его начальных слов. Отсутствие связи между двумя частями фразы, в конце первой части которой поставлено «etc.», возможно, указывает на то, что в этом месте тоже предполагалось развитие кратко намеченной темы. Близкий ход мысли содержится в «<Письме к издателю „Московского вестника“>». Ср.: «С 1820 года будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности <...>. Между тем, внимательно рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию» (XI: 66, 67). Не исключено, что Пушкин собирался использовать этот неопубликованный текст при новой разработке той же темы.

<6>

(«ДУХ ВЕКА ТРЕБУЕТ ВАЖНЫХ ПЕРЕМЕН
И НА СЦЕНЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ...»)

Автограф (ПД 1086) — на отдельном фабричном полулисте. Напечатано: Якушкин 1884. № 12: 554.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1829-м — осенью 1830 г. (до 20-х чисел октября 1830 г., когда трагедия была передана в печать, — см. выше, с. 141–142) по связи с большей частью других набросков. По «Описанию бумаги Пушкина в автографах его, хранящихся в Государственной библиотеке СССР

им. В. И. Ленина», выполненному Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским (неизданная рукопись; ПД), набросок записан на бумаге № 72, которой Пушкин пользовался также в 1824–1825 и 1827 гг. Никаких датирующих признаков ни бумага, ни автограф не содержат. В ПСС 1937–1959, где данный набросок напечатан как продолжение текста в тетради ПД 839 («Изучение Шекспира, Карамзина...»), он датирован, как и этот текст, осенью 1830 г. без обоснования датировки.

Без всякого обоснования напечатанный в ПСС 1937–1959 (XI: 141–142) как продолжение наброска <3> («Изучение Шекспира, Карамзина...»), а в изданиях Томашевский 1950–1951 и Томашевский 1956–1958, вероятно по недосмотру, не введенный ни в состав набросков предисловия к трагедии, ни вообще в состав издания, комментируемый текст печатается, как и во всех остальных авторитетных изданиях (см.: Ефремов 1887, Ефремов 1903–1905, Морозов 1887, Морозов 1903–1906, Пушкин 1900–1929, Венгеров 1907–1915, КН 1930–1931, все издания ГИХЛ, издания Acad. в 6 т., Acad. в 9 т., Пушкин 1959–1962), в качестве самостоятельного наброска.

с. 97 *Поэт, живущий на высотах создания...* — Выделенные Пушкиным слова являются неточной цитатой из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе Жуковского (д. 1, явл. 2). Ср.:

Властителю совластвует певец;
Переселясь в обитель неземную,
Из легких снов себе он зиждет трон;
Пусть об руку идет с монархом он:
Они живут на высотах созданья.

(Жуковский 1960 III: 23)

<7>

(«POUR UNE PREFACE...»)

Автограф (ПД 1087. Л. 2) на фабричном полном листе, сложенном пополам. На л. 1–1 об. — записанный рукой Пушкина прозаический перевод двух од Сафо: «Песенка Афродите» и «Дионизии». После того как лист был сложен еще вчетверо, на л. 2,

в его правой верхней четверти, карандашом был записан набросок предисловия. Жандармская помета: «79». Напечатано: Анненков 1855: 150.

Печатается по автографу.

Датируется второй половиной 1835-го–1836 г. Дата определяется по времени появления более ранних записей в ПД 1087, которые, в свою очередь, датируются на основании писем П. А. Катенина к Пушкину от 1 июня и 7 июля 1835 г.: в них Катенин просит Пушкина найти «греколога», способного в прозе переложить стихотворения Сафо. Их перевод, записанный Пушкиным, и занимает л. 1–1 об. автографа ПД 1087 (см.: Ручкою П. 1997: 530, комментарий М. Е. Грабарь-Пассек и М. А. Цявловского).

В ПСС 1937–1959 набросок датируется 1830 г. без обоснования. Б. В. Томашевский относил данный набросок, в числе других, к 1830 г. (см. выше, с. 345). Ю. Г. Оксман датировал его 1830 г. по водяному знаку автографа («1830») (см.: Пушкин 1959–1962 VI: 539). Я. Л. Левкович высказала предположение, что этот набросок был сделан Болдинской осенью 1830 г. (см.: Левкович 1991: 153). Все эти гипотезы не подтверждаются при сопоставлении с временем возникновения других записей в автографе ПД 1087.

с. 97 *Pour une préface ~ leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.* — К предисловию. Так как читатели и критика приняли со *страстным снисхождением* мои первые опыты, и в такое время, когда строгость и недоброжелательство, вероятно, отвратили бы меня от избираемого мной поприща, я обязан им полной признательностью и считаю, что они более не в долгу у меня — их суровость или безразличие ныне оказывают малое влияние на мои труды (*фр.*).

Литература

- АБТ 1921 — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отделения рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1921. Вып. 6.
- Алексеев 1984а — *Алексеев М. П.* Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 221–252.
- Алексеев 1984б — *Алексеев М. П.* Пушкин и Шекспир // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 253–292.
- Алексеев 1987 — *Алексеев М. П.* Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 362–401.
- Амусин 1941 — *Амусин И. Д.* Пушкин и Тацит // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 6. С. 160–180.
- Анненков 1855 — *Анненков П. В.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1.
- Анненков 1855–1857 — *Пушкин.* Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855–1857. Т. 1–7 (1855. Т. 1–6; 1857. Т. 7).
- Аринштейн 1991 — *Аринштейн Л. М.* Сельцо Захарово в биографии и творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 177–191.
- Архипова 1987 — *Архипова А. В.* Литературное дело декабристов. Л.: Наука, 1987.
- Багно 1986 — *Багно В. Е.* Драматургия Кальдерона в творческом восприятии Пушкина // *Iberica: Кальдерон и мировая культура: Сб. статей.* Л.: Наука, 1986. С. 97–110.
- Балашов 1963 — *Балашов Н. И.* Ренессансная проблематика испанской драмы XVII в. на восточнославянские темы // *Славянские литературы: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов.* М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 89–124.

- Балашов 1966 — *Балашов Н. И.* Пушкин и испанская драма XVII в. на славянские темы // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 29–31.
- Барсков 1915 — *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов XVIII-го века, 1780–1792 гг. Пг.: Отделение рус. яз. и словесности Имп. Академии наук, 1915.
- Батюшков К. 1977 — *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977. (Сер. «Лит. памятники»).
- Батюшков Ф. 1900 — *Батюшков Ф. Д.* Пушкин и Расин: («Борис Годунов» и «Athalie»). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900.
- Белинский 1831 — *Белинский В. Г.* О «Борисе Годунове», сочинении Александра Пушкина. Разговор // Листок. 1831. № 45. С. 95–96; раздел «Библиография» (без подписи).
- Белинский 1953–1959 — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959 (1953. Т. 1–3; 1954. Т. 4–5; 1955. Т. 6–9; 1956. Т. 10–12; 1959. Т. 13).
- Бенкендорф 1903 — Выписки из писем графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к императору Николаю I-му о Пушкине // Старина и новизна: Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1903. Кн. 6. С. 2—21.
- Берковский 2002 — *Берковский Н. Я.* Театр Шиллера // Берковский Н. Я. Лекции и статьи по зарубежной литературе. СПб.: Азбука–классика, 2002. С. 374–440.
- Бестужев-Рюмин 1831 — *Бестужев-Рюмин М. А.* [без назв.] // Северный Меркурий. 1831. Т. 3. № 1. 2 января (подпись: «Аристарх Заветный»).
- Благой 1931 — *Благой Д. Д.* Социология творчества Пушкина. М.: Мир, 1931.
- Благой 1936 — *Благой Д. Д.* Академическое издание Пушкина // Литературный критик. 1936. № 5. С. 232–238.
- Благой 1950 — *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина: (1813–1826). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Благой 1975 — *Благой Д. Д.* Пушкин в развитии мировой литературы. Статья третья // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 3. С. 228–247.
- БЛДР 2000 — Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10.
- Бонди 1935 — *Бонди С. М.* «Сцены из рыцарских времен» <Комментарий> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7: Драматические произведения. С. 639–658.
- Бонди 1978 — *Бонди С. М.* Черновики Пушкина. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978.
- Бонди 1983 — *Бонди С. М.* Драматургия Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М.: Худож. лит., 1983. С. 169–214.
- Боровский 1974 — *Боровский Я. М.* Необъясненные латинские тексты у Пушкина // Временник Пушкинской комиссии:

- Сб. науч. тр. 1972. Л.: Наука, 1974. С. 117–119.
- Бочаров 1999 — *Бочаров С. Г.*
О возможном сюжете: «Евгений Онегин». Р. С. Возможные сюжеты Пушкина // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 17–77.
- Бочкарев 1968 — *Бочкарев В. А.*
Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов: (1816–1825 гг.). Куйбышев, 1968. (Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. Вып. 56).
- Бочкарев 1988 — *Бочкарев В. А.*
Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и отечественная литературная традиция // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1988. С. 4–13.
- Брюсов 1929 — *Брюсов В. Я.* Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения. М.; Л.: ГИЗ, 1929.
- Булгарин 1825 — *Булгарин Ф. В.*
Критический взгляд на X и XI томы Истории Государства Российского, сочиненной Н. М. Карамзиным // Северный архив. 1825. Ч. 13. № 1. С. 60–84.
- Булгарин 1830 — *Булгарин Ф. В.*
Димитрий Самозванец, исторический роман. СПб.: Изд. А. Смирдина, 1830. Ч. 1–4.
- Бурнашев 1831 — *Бурнашев В. П.*
«Boris Godounoff», poème dialogué d'Alexandre Pouschkine // Le Furet de St.-Petersbourg. 1831. № 6. 21 января (подпись: «W. — V.»).
- Вацуро 1996 — *Вацуро В. Э.* «Сын Курбского» // Русское подвижничество. М.: Наука, 1996. С. 159–169.
- Вацуро 2000 — *Вацуро В. Э.* Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 559–603.
- Вацуро 2002 — *Вацуро В. Э.* Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Венгеров 1907–1915 — *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг.: Изд. Брокгауза–Ефрона, 1907–1915. Т. 1–6 (1907. Т. 1; 1908. Т. 2; 1909. Т. 3; 1910. Т. 4; 1911. Т. 5; 1915. Т. 6).
- Веневитинов Д. 1828 — *Веневитинов Д. В.* «Об Евгении Онегине» // Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 4. С. 468–469.
- Веневитинов Д. 1831 — *Веневитинов Д. В.* Analyse d'une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin insérée dans un journal de Moscou («Московский вестник») // Веневитинов Д. В. Соч. М.: Тип. С. Селивановского, 1831. Ч. 2. С. 73–78.
- Веневитинов Д. 1934 — *Веневитинов Д. В.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Academia, 1934.
- Веневитинов М. 1899 — *Веневитинов М.* О чтении Пушкиным «Бориса Годунова» в 1826 г. в Москве // Русские ведомости. 1899. № 143. 26 мая.
- Верховский 1937 — *Верховский Н. П.* Западноевропейская историческая драма и «Борис Годунов» Пушкина // Западный сборник. [Вып.] 1 / Под ред. В. М. Жирмунского. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1937. С. 187–226.
- Веселовский 1969а — *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории // Веселовский С. Б. Исследования

- ния по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. С. 39–139.
- Веселовский 1969б — *Веселовский С. Б.* Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. С. 162–195.
- Викери 1971 — *Викери В.* К вопросу о ритме цезурного пятистопного ямба Пушкина // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1971. № 14. P. 134–175.
- Виноградов В. 1934 — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.; Л.: Academia, 1934.
- Виноградов В. 1958 — *Виноградов В. В.* Из истории стилей русского исторического романа: (Пушкин и Гоголь) // *Вопросы литературы*. 1958. № 12. С. 120–149.
- Виноградов В. 1959 — *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
- Виноградов Н. 1908 — *Виноградов Н. Н.* Еще о песне Варлаама: (Поправка к заметке г. В. Чернышева) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1908. Вып. 7. С. 65–67.
- Винокур 1935 — *Винокур Г. О.* «Борис Годунов» <Комментарий> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7: Драматические произведения. С. 385–506.
- Винокур 1936а — *Винокур Г. О.* Кто был цензором «Бориса Годунова»? // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. С. 203–214.
- Винокур 1936б — *Винокур Г. О.* Язык «Бориса Годунова» // «Борис Годунов» А. С. Пушкина / Изд. Государственного академического театра драмы. Л., 1936. С. 127–158.
- Винокур 1941 — *Винокур Г. О.* Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений: (Ответ В. И. Чернышеву) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Вып.] 6. С. 462–494.
- Вишневский 1978 — *Вишневский К. Д.* Архитектоника русского стиха XVIII — первой половины XIX века // Исследования по теории стиха. Л.: Наука, 1978. С. 48–66.
- Вовина-Лебедева 2004 — *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: История текста. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
- Волков 1831 — *Волков П. Г.* «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Эхо. 1831. Ч. 1. № 2. С. 47–57 (подпись: «Ф.-д.-Дик»).
- Вульф 1974 — *Вульф А. Н.* Рассказы о Пушкине, записанные М. И. Семевским // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 412–415. (Серия лит. мемуаров).
- Вяземский 1825 — *Вяземский П. А.* Письмо в Париж // Московский телеграф. 1825. Ч. 6. № 22. С. 175–184 (подпись: «А. М.»).
- Вяземский 1974 — *Вяземский П. А.* Из статьи «Жуковский. — Пушкин. — О новой пиитике

- басен» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 131–132. (Серия лит. ме-муаров).
- Гаспаров 1984 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984.
- Гаспаров 1987 — *Гаспаров М. Л.* Народный стих // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 237.
- Гейченко 1986 — *Гейченко С. С.* У лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. Л.: Лениздат, 1986.
- Геннади 1859–1860 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1859. Т. 1–6; 1860. [Т. 7]: Приложения.
- Геннади 1869–1871 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1869–1971 (1870. Т. 1; 1869. Т. 2–4; 1871. Т. 5–6).
- ГИХЛ 1931–1933 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1933 (1931. Т. 1–3; 1932. Т. 4; 1933. Т. 5, кн. 1–2).
- ГИХЛ 1934 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, М. А. Цявловского, П. Е. Щеголева. 2-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1934.
- ГИХЛ 1935 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. 3-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1935.
- ГИХЛ 1936 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. 4-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1936.
- ГИХЛ 1937–1947 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. 5-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1937–1947 (1937. Т. 1, 3; 1938. Т. 2; 1940. Т. 4; 1946. Т. 6; 1947. Т. 5).
- Глинка 1831 — *Глинка С. Н.* Разговор о «Борисе Годунове» А. С. Пушкина // Дамский журнал. 1831. Ч. 33. № 10. С. 153–154 (подпись: «Мечтатель»).
- Гозенпуд 1967 — *Гозенпуд А. А.* О сценичности и театральной судьбе «Бориса Годунова» // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1967. Т. 5. С. 339–356.
- Гозенпуд 1969 — *Гозенпуд А. А.* Из истории литературно-общественной борьбы 20-х — 30-х годов XIX в.: («Борис Годунов» и «Дмитрий Самозванец») // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1969. Т. 6. С. 252–275.
- Голиков 1790 — *Голиков И. И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. М.: Тип. В. Окорокова, 1790. Т. 1.
- Гордин 1939 — *Гордин А. М.* Пушкин в Михайловском: Литературные экскурсии. Л.: Учпедгиз, 1939.
- Городецкий 1939 — *Городецкий Б. П.* <Рец. на комментарий Г. О. Винокура к «Борису Годунову» в кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 7: Драматические произведения.

- С. 385–506 // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 4–5. С. 529–542.
- Городецкий 1953 — *Городецкий Б. П.* Драматургия Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Городецкий 1967 — *Городецкий Б. П.* Кто же был цензором «Бориса Годунова» в 1826 году? // Русская литература. 1967. № 4. С. 109–119.
- Горфункель 2002 — *Горфункель А. Х.* «Мальчики» в «Борисе Годунове» // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб.: Академический проект, 2002. Вып. 3 (42). С. 307–309.
- Горчаков 1974 — *Горчаков А. М.* О Пушкине: (Из письма А. И. Урусова к издателю «Русского архива») // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 380–381. (Серия лит. мемуаров).
- Гуковский 1941 — *Гуковский Г. А.* Карамзин // История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5. С. 55–105.
- Гуковский 1957 — *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: ГИХЛ, 1957.
- Гуревич 1984 — *Гуревич А. М.* История и современность в «Борисе Годунове» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 3. С. 204–214.
- Дворский 1999 — *Дворский А.* Пушкин и польская культура. СПб.: Визер, 1999.
- Дела III отделения 1905 — Дела III отделения Собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб.: Изд. И. Балашова, 1905.
- Дельвиг 1831a — *Дельвиг А. А.* «Борис Годунов» // Литературная газета. 1831. Т. 3. № 1. С. 7–8 (подпись: «Изд<атель>»).
- Дельвиг 1831b — *Дельвиг А. А.* «Борис Годунов» // Литературная газета. 1831. Т. 3. № 2. С. 15–16 (без подписи, с пометой: «Окончание в следующ<ем> №»).
- Державина 1954 — *Державина О. А.* Трагедия Пушкина «Борис Годунов» и русские исторические повести начала XVII века // Учен. зап. Московского гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1954. Т. 43. Вып. 4. С. 141–162.
- Дмитрий Ростовский 1796 — Книга житий святых (Четьи-Минеи). М., 1796.
- Дмитриева 2003 — *Дмитриева Е. Е.* Петербург, пригрезившийся градом на Неве, или Петербург в судьбе Августа Коцебу // Образ Петербурга в мировой культуре. СПб.: Наука, 2003. С. 324–356.
- Дризен 1917 — *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох: 1825–1881. [Пг.]: Прометей, [1917].
- Дурьлин 1951 — *Дурьлин С. Н.* Пушкин на сцене. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Ефремов 1880 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1878–1881 (1880. Т. 1–4; 1881. Т. 5; 1878. Т. 6).
- Ефремов 1882 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. М.: Изд. Ф. Н. Анского, 1882. Т. 1–7.
- Ефремов 1887 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. М.: Изд. В. В. Комарова, 1887. Т. 1–7.
- Ефремов 1903–1905 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова.

- СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903–1905. Т. 1–8 (1903. Т. 1–7; 1905. Т. 8).
- Жданов 1892 — *Жданов И. Н.* О драме А. С. Пушкина «Борис Годунов». СПб.: Тип. Р. Голике, 1892.
- Жирмунский 1978 — *Жирмунский В. М.* Пушкин и зарубежные литературы // Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и зарубежные литературы. Л.: Наука, 1978. С. 357–396.
- Жирмунский 1981 — *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1981.
- Жуковский 1878 — *Жуковский В. А.* Соч. 7-е изд. СПб.: Изд. И. И. Глазунова, 1878. Т. 6.
- Жуковский 1960 — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 3, 4.
- Зимин 1978 — *Зимин А. А.* Смерть царевича Димитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 92–111.
- Зимин 1986 — *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986.
- Иезуитова 1995 — *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 235–264.
- Иловайский 1890 — *Иловайский Д. И.* История России. М.: Тип. Грачева и К^о, 1890. Т. 3.
- Калитин, Кулагин 1995 — *Калитин П. В., Кулагин А. В.* Об источниках пушкинской заметки «Мнение митрополита Платона...» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. СПб.: Наука, 1995. Вып. 26. С. 157–166.
- Карамзин 1815–1829 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., [1815]–1829. Т. 1–12 (1815. Т. 1; 1816. Т. 2–3; 1817. Т. 4–8; 1821. Т. 9; 1824. Т. 10–11; 1829. Т. 12).
- Карамзин 1982 — *Карамзин Н. М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982.
- Каратыгина 1974 — *Каратыгина А. М.* Мое знакомство с А. С. Пушкиным // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 196–205. (Серия лит. мемуаров).
- Карпов 1988 — *Карпов А. А.* «Борис Годунов» А. С. Пушкина // Анализ драматического произведения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. С. 91–108.
- Катенин 1974 — *Катенин П. А.* Воспоминания о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 183–195. (Серия лит. мемуаров).
- Катенин 1981 — *Катенин П. А.* Размышления и разборы. М.: Искусство, 1981. (Сер. «История эстетики в памятниках и документах»).
- Киреевский 1828 — *Киреевский И. В.* Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 171–196 (подпись: «9. 11.»).
- Киреевский 1832 — *Киреевский И. В.* Обзорение русской литературы за 1831 год // Европеец. 1832. Ч. 1. № 1. С. 102–115.
- Киреевский 1979 — *Киреевский И. В.* Эстетика и критика. М.: Искусство, 1979. (Сер. «История эстетики в памятниках и документах»).
- Клейн 1913 — *Клейн В. К.* Угличское следственное дело о смерти ца-

- ревича Дмитрия 15-го мая 1591 года. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913.
- Ключевский 1987 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1.
- Ключевский 1988 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
- КН 1930–1931 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930–1931. (Приложение к журн. «Красная нива» на 1930 г.).
- Кнабе 1986 — *Кнабе Г. С.* Тацит и Пушкин // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1986. Вып. 20. С. 48–64.
- Козлов 1986 — *Козлов В. П.* Н. М. Карамзин о Борисе Годунове: (К характеристике общественно-политических и исторических взглядов) // Общественная мысль в России XIX века. Л.: Наука, 1986. С. 19–34.
- Козмин 1900 — *Козмин Н. К.* Взгляд Пушкина на драму. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. (Отд. оттиск из кн.: Записки Историко-филологического факультета Имп. С.-Петербургского университета. Ч. 57).
- Колупанов 1889 — [*Колупанов Н.*] Биография А. И. Кошелева. М.: Изд. О. Ф. Кошелевой, 1889. Т. 1. Кн. 2.
- Констан 1982 — *Констан Б.* О тридцатилетней войне. О трагедии Шиллера «Валленштейн» и немецком театре // Эстетика раннего французского романтизма / Пер. с фр. О. Э. Гринберг, В. А. Мильчиной. М.: Искусство, 1982. (Сер. «История эстетики в памятниках и документах»). С. 257–280.
- Корш 1908 — *Корш Ф. Е.* Мелочи // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1908. Вып. 7. С. 51–59.
- Костомаров 1905 — *Костомаров Н. И.* О следственном деле по поводу убийства царевича Дмитрия // Костомаров Н. И. Собр. соч. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. Кн. 5. С. 451–465.
- Коханова 1999 — *Коханова С. Б.* Формула русской истории в повести Н. М. Карамзина «Марфа Посадница» и в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: (К вопросу о ремарке «Народ безмолвствует») // Проблемы современной филологии: Межвуз. сб. науч. тр., посв. памяти проф. Р. Д. Кузнецовой / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1999. С. 64–69.
- Кошелев 1987 — *Кошелев В. А.* Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1987. Вып. 21. С. 24–40.
- Краевский 1836 — *Краевский А. А.* Царь Борис Федорович Годунов. СПб.: Тип. Н. Греча, 1836.
- Краснобородько 1997 — *Краснобородько Т. И.* Творческие пометы. <...>. 3. Хронологические подсчеты к сюжету трагедии «Борис Годунов» // Неизданный Пушкин: Изд. подгот. материалов к новому акад. Полн. собр. соч. А. С. Пушкина / Сост. серии С. А. Фомичев. СПб.: Нотабене, 1997. Вып. 2. С. 10–11.
- Лазарчук 1987 — *Лазарчук Р. М.* «Борис Годунов» А. С. Пушкина: (Проблема соотношения

- стиха и прозы) // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов / Тартуский гос. ун-т. Каф. рус. лит. Таллин, 1987. С. 59–62.
- Лапкина 1965 — *Лапкина Г. А.* На афише — Пушкин. Л.; М.: Искусство, 1965.
- Ларионова 2003 — *Ларионова Е. О.* Пушкин и его читатели в 1831–1833 годах // Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб: Государственный Пушкинский театральный центр, 2003. С. 5–25.
- Ларионова 2005 — *Ларионова Е. О.* «Борис Годунов»: Проблема критического текста // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб.: Академический проект, 2005. Вып. 4 (43). С. 279–302.
- Левин 1974 — *Левин Ю. Д.* Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1974. Т. 7. С. 58–85.
- Левин 1988 — *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988.
- Левкович 1991 — *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 148–162.
- Левкович 2003 — *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина № 839: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб: Наука, 2003. Т. 16–17. С. 57–75.
- Лернер 1908 — *Лернер Н. О.* Незданные стихи Пушкина // Вестн. 1908. № 3. С. 57–60.
- Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Изд. подгот. под рук. Н. А. Тарховой; Сост. М. А. Цявловский (1799—сент. 1826), Н. А. Тархова (сент. 1826–1837); Отв. ред. (т. 2–4 науч. ред.) Я. Л. Левкович / РАН. Пушкинская комиссия. М.: Слово/Slovo, 1999.
- Летопись о многих мятежах 1771 — Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича; а паще о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году. Собрано из древних тех времен описаний. СПб.: Изд. кн. М. М. Щербатова, 1771.
- Линин 1937 — *Линин А.* Историк войска Донского В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин. Ростов-на-Дону: Азчериздат, 1937.
- Листов 2000 — *Листов В. С.* Новое о Пушкине: История, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта. М.: Стройиздат, 2000.
- Листов, Тархова 1982 — *Листов В. С., Тархова Н. А.* К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. 1979. Л.: Наука, 1982. С. 96–102.
- Листов, Тархова 1983 — *Листов В. С., Тархова Н. А.* Труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого <...>» в кругу источников трагедии «Борис Годунов» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. 1980. Л.: Наука, 1983. С. 113–118.

- Лотман Л. 1996а — *Лотман Л. М.* Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб.: Академический проект, 1996. С. 129–359.
- Лотман Л. 1996б — *Лотман Л. М.* Еще раз о «мнении народном» в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 1996. Т. 50. С. 160–170.
- Лотман Л. 2000 — *Лотман Л. М.* Судьбы царей и царств в Библии и трагизм истории в «Борисе Годунове» // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина: Памяти Е. Г. Эткинды / The Center for the Study of Slavic Languages and Literatures at the Hebrew Univ. of Jerusalem, 2000. С. 101–108.
- Лотман М., Шахвердов 1979 — *Лотман М. Ю., Шахвердов С. А.* Метрика и строфика А. С. Пушкина // Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М.: Наука, 1979. С. 145–257.
- Лотман Ю. 1987 — *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987.
- Лузянина 1971 — *Лузянина Л. Н.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина и трагедия Пушкина «Борис Годунов»: (К проблеме характера летописца) // Русская литература. 1971. № 1. С. 45–57.
- Лукьяненко 1904 — *Лукьяненко А. М.* Шиллер, Пушкин и Островский в изображении эпохи Смутного времени на Руси. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1904.
- Мазур 2001 — *Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М.: ОГИ, 2001. С. 54–105.
- Маймин 1972 — *Маймин Е. А.* «Борис Годунов» Пушкина и исторические драмы Хомякова // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 3–16. (Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 483).
- Маржерет 1982 — *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М.: Ин-т истории СССР, 1982. С. 135–218.
- Маскевич 1825а — Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца, называемого Тушинским вором // Северный архив. 1825. Ч. 13. № 2. С. 109–128.
- Маскевич 1825б — Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца, называемого Тушинским вором // Северный архив. 1825. Ч. 13. № 3. С. 221–242.
- Мельников 1897 — *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Гриша // Мельников П. И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. СПб.; М.: Изд-во товарищества М. О. Вольф, 1897. Т. 2.
- Михайлова 1986 — *Михайлова Н. И.* К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1986. Вып. 20. С. 150–153.
- Модзалевский 1909 — *Модзалевский Б. Л.* Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже // Пушкин и его современники:

- Материалы и исследования. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1909. Вып. 12. С. 7–47.
- Модзалевский 1910а — *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1910. (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9–10; Отд. отт.). То же: М.: Книга, 1988. Репринтное изд.
- Модзалевский 1910б — *Модзалевский Б.* Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1910. Вып. 13. С. 90–162.
- Модзалевский 1929 — *Модзалевский Б. Л.* Пушкин / Труды Пушкинского Дома АН СССР. Л.: Прибой, 1929.
- Морозов 1887 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб.: Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1887. Т. 1–7.
- Морозов 1903–1906 — *Пушкин А. С.* Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903–1906. Т. 1–8 (1903. Т. 1–3; 1904. Т. 4–6; 1905. Т. 7; 1906. Т. 8).
- Морозов 1919 — *Морозов П. О.* Безмолвие народа // «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Материалы к постановке / Под ред. В. Мейерхольда и К. Державина; Изд. Театрального отдела нар. комиссариата по просвещению. [Пб.], 1919. С. 5–7.
- Москвичева 1987 — *Москвичева Г. В.* Репарки в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» в связи с жанровой традицией: (К проблеме историзма) // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. С. 139–152.
- Мусоргский 1873 — *Мусоргский М. П.* Борис Годунов: Опера в 4-х действиях с прологом. СПб.: В. Бессель и К°, [1873].
- Надеждин 1831а — *Надеждин Н. И.* Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. Ч. 1. № 1. С. 1–46.
- Надеждин 1831б — *Надеждин Н. И.* «Борис Годунов». Сочинение А. Пушкина. Беседа старых знакомцев // Телескоп. 1831. Ч. 1. № 4. С. 546–574 (подпись: «Н. Надоумко»).
- Незеленов 1892 — *Незеленов А. И.* Шесть статей о Пушкине. СПб.: Тип. Училища глухонемых, 1892.
- Никитин 1984 — *Никитин А. Г.* Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1984.
- Новиков 1772 — *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях: Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. СПб.: Тип. Академии наук, 1772.
- Нольман 1973 — *Нольман М. Л.* Образный строй «Бориса Годунова» // Проблемы теории и истории литературы: Сб. науч. тр. / Яросл. гос. пед. ин-т; Костром. гос. пед. ин-т им. Н. А. Некрасова. Ярославль, 1973. Вып. 36. С. 3–25.
- Нольман 1989 — *Нольман М. Л.* Стоит ли спорить из-за одной буквы? // Пушкин: проблемы

- творчества, текстологии, восприятия: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. С. 73–78.
- Овсянников 1968 — *Овсянников Ю. М.* Ново-Девичий монастырь. М.: Искусство, 1968.
- Одоевский 1825 — *Одоевский А. И.* О трагедии Венцеслав, соч. Ротру, переделанной Г. Жандром // Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 1. С. 100–105 (подпись: «А. О.»).
- Олин 1831 — *Олин В. Н.* «Борис Годунов», сочинение А. Пушкина // Колокольчик. 1831. № 6. С. 23–24.
- Онегин 1882 — *Онегин А. Ф.* Новые стихи Пушкина: Письмо к редактору // Вестник Европы. 1882. № 10. С. 893–894.
- Орлов А. 1913 — *Орлов А. С.* Чаши государевы. М.: Имп. общ-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1913.
- Орлов П. 1981 — *Орлов П. А.* Трагедия Пушкина «Борис Годунов» и «История государства Российского» Карамзина // Филологические науки. 1981. № 6 (126). С. 3–10.
- Палицын 1955 — Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Панченко 1984 — *Панченко А. М.* Смех как зрелище. Древнерусское юродство // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72–153.
- Перлина 2005 — *Перлина Н.* «Борис Годунов» и «Антоний и Клеопатра»: «Бывают странные сближения» // Русская литература. 2005. № 2. С. 109–125.
- Песни 1979 — Песни и сказки Пушкинских мест: Фольклор Горьковской области / Изд. подгот. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. Л.: Наука, 1979. Вып. 1.
- Плаксин 1831а — *Плаксин В. Т.* Замечания на сочинение А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Сын отечества и Северный архив. 1831. Т. 20. № 24. С. 213–230.
- Плаксин 1831б — *Плаксин В. Т.* Замечания на сочинение А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Сын отечества и Северный архив. 1831. Т. 20. № 25/26. С. 218–294.
- Плаксин 1831в — *Плаксин В. Т.* Замечания на сочинение А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Сын отечества и Северный архив. 1831. Т. 21. № 27. С. 22–37.
- Плаксин 1831г — *Плаксин В. Т.* Замечания на сочинение А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Сын отечества и Северный архив. 1831. Т. 21. № 28. С. 85–96.
- Платонов 1999 — *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. М.: Аграф, 1999.
- Плутарх 1820 — Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей. Пер. с греч. Спиридон Дестунис, с историческими и критическими примечаниями, с географическими картами и изображениями славных мужей. СПб.: Имп. тип., 1820. Ч. 9.
- Погодин 1828 — *Погодин М. П.* «Евгений Онегин», роман в стихах, сочинение Александра Пушкина, песнь 4 и 5 // Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 4. С. 461–468 (подпись: «N. N.»).
- Погодин 1829а — *Погодин М. П.* Об участии Годунова в убиении

- царевича Димитрия // Московский вестник. 1829. Ч. 3. С. 90–126 (подпись: «М. П.»).
- Погодин 1829б — *Погодин М. П.* Нечто об Отрепьеве // Московский вестник. 1829. Ч. 3. С. 144–170 (подпись: «М. П.»).
- Погодин 1914 — Пушкин по документам Погодинского архива / Предисл. и публ. М. А. Цявловского // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг.: Тип. Имп. Академии наук, 1914. Вып. 19–20. С. 63–94.
- Погодин 1934 — Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. А. Цявловского // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 679–724.
- Погодин 1974а — *Погодин М. П.* Из «Дневника» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. С. 9–26. (Серия лит. мемуаров).
- Погодин 1974б — *Погодин М. П.* Из «Воспоминаний о Степане Петровиче Шевьреве» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. С. 26–34. (Серия лит. мемуаров).
- Покровский 1910 — *Покровский М. М.* Шекспиризм Пушкина // Пушкин [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауза–Ефрона, 1910. Т. 4. С. 1–20.
- Покровский 1939 — *Покровский М. М.* Пушкин и античность // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 4–5. С. 27–56.
- Полевой К. 1829 — *Полевой Кс. А.* «Полтава», поэма Александра Пушкина // Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 10. С. 219–236 (подпись: «Кс. П.»).
- Полевой Н. 1828 — *Полевой Н.* <Рецензия на поэму И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»> // Московский телеграф. 1828. Ч. 19. № 4. С. 537–554 (подпись: «Н. П.»).
- Полевой Н. 1829 — *Полевой Н. А.* «Чека». Уральская повесть. Сочинение Федора Алексеева // Московский телеграф. 1829. Ч. 26. № 5. С. 77–86 (подпись: «S»).
- Полевой Н. 1831 — *Полевой Н. А.* «Борис Годунов» (Сочинение Александра Пушкина) // Московский телеграф. 1831. Ч. 37. № 2. С. 244–246 (без подписи).
- Полевой Н. 1833а — *Полевой Н. А.* «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 1. С. 117–147 (без подписи).
- Полевой Н. 1833б — *Полевой Н. А.* «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 2. С. 289–327 (без подписи).
- Полевой П. 1900 — *Полевой П. Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней: В 3 т. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1900. Т. 3.
- ППК 1 — Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 2001.
- ППК 2 — Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 2001.
- ППК 3 — Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой.

- СПб: Государственный Пушкинский театральный центр, 2003.
- ПСС 1937–1959 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; 1959. Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели.
- Путеводитель 1931 — Путеводитель по Пушкину // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. (Приложение к журн. «Красная нива» на 1931 г.).
- Пушкин 1829 — *Пушкин А. С.* Стихотворения. СПб.: Тип. Деп. народ. просв., 1829. Ч. 1–2.
- Пушкин 1838–1841 — *Пушкин А.* Соч. СПб.: В тип. Экспедиции заготовления госуд. бумаг, 1838–1841. Т. 1–11 (1838. Т. 1–8; 1841. Т. 9–11).
- Пушкин 1885 — А. С. Пушкин: Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Биографические и критические статьи о нем. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1885. Вып. 2: К биографии А. С. Пушкина.
- Пушкин 1900–1929 — *Пушкин.* Соч. СПб.; Л. 1900–1929. Т. 1–4, 9, 11 (СПб.; Пг: Изд. Импер. Академии наук, 1900. Т. 1 (2-е изд.); 1905. Т. 2; 1912. Т. 3; 1914. Т. 11; 1916. Т. 4; Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 9, кн. 1; 1929. Т. 9, кн. 2).
- Пушкин 1924 — *Пушкин А.* Соч. Л.: ГИЗ, 1924.
- Пушкин 1925 — Письма Пушкина и к Пушкину, не вошедшие в изданную Российской академией наук «Переписку Пушкина» / Сост. М. А. Цявловский. М.: Изд-во Гос. акад. худож. наук, 1925. Вып. 6.
- Пушкин 1935 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7: Драматические произведения.
- Пушкин 1936 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под. общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. 4-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1936.
- Пушкин 1952 — Пушкин в изданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58. С. 3–154.
- Пушкин 1959–1962 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Гослитиздат, 1959–1962 (1959. Т. 1–2; 1960. Т. 3–5; 1961. Т. 6; 1962. Т. 7–10).
- Пушкин 1993 — *Пушкин А. С.* Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. 1825 / Подгот. текста и ст. С. А. Фомичева. Париж; Пб.: Изд-во Гржебина; Нотабене, 1993.
- Пушкин 1995–1997 — *Пушкин А. С.* Рабочие тетради: [В 8 т. Факсим. изд.] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Консорциум сотрудничества с СПб. Руководители совм. проекта Э. Холл, С. А. Фомичев. СПб.; Лондон; Болонья, 1995–1997.
- Пушкин 1999–2004 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука (1999. Т. 1; 2004. Т. 2, кн. 1).
- Пушкин 1974 — *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 71–115. (Серия лит. мемуаров).
- Пяст 1963 — *Пяст В. А.* К «Сцене со злым чернецом» // Dutch

- Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia; The Hague, 1963. P. 156–162.
- Рассадин 1977 — *Рассадин Ст.* Драматург Пушкин: Поэтика. Идеи. Эволюция. [М.]: Искусство, 1977.
- Реизов 1964 — *Реизов Б.* Шекспир и эстетика французского романтизма («Жизнь Шекспира» Ф. Гизо) // Шекспир в мировой литературе. М.; Л.: Худож. лит., 1964. С. 157–197.
- Реизов 1969 — *Реизов Б. Г.* Пушкин, Тацит и «Борис Годунов» // Русская литература. 1969. № 4. С. 75–88.
- Рейтблат 1998 — *Рейтблат А. И.* Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- РЖ 1975 — Реферативный журнал: Общественные науки за рубежом. Серия 7: Литературоведение. 1975. № 3. С. 204–209.
- РЛНС 1791 — Русская летопись по Никонову списку. СПб.: Изд. Имп. Академии наук., 1791. Ч. 7.
- РЛНС 1792 — Русская летопись по Никонову списку. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1792. Ч. 8.
- Рогачевский 1989 — *Рогачевский А. Б.* К вопросу о сценичности «Бориса Годунова» А. С. Пушкина (проблема жанра) // Филологические науки. 1989. № 1. С. 14–19.
- Розен 1836 — *Розен Е. Ф.* О рифме // Современник. 1836. Т. 1. С. 131–154.
- Розов 1908 — *Розов В. А.* Пушкин и Гете. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1908.
- Ронен 1997 — *Ронен И.* Смысловый строй трагедии Пушкина «Борис Годунов». М.: ИЦ-Гарант, 1997.
- РТ 1825 — Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год. СПб., 1824.
- Рукоп. П. 1937 — *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
- Рукою П. 1997 — Рукою Пушкина: Выписки и записки разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [В 17 т.] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Воскресенье, 1997. Т. 17 (дополнительный).
- Рылеев 1971 — *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- Сандлер 1999 — *Сандлер Ст.* Далекие радости: Александр Пушкин и творчество изгнания / Пер. с англ. Г. А. Крылова СПб.: Академический проект, 1999.
- Семевский 1866 — *Семевский М.* Прогулка в Тригорское // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 157, 11 июня.
- Серман 1969 — *Серман И. З.* Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1969. Т. 6. С. 118–149.
- Серман 1981 — *Серман И. З.* Парадоксы народного сознания в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Russian Language Journal. 1981. Т. 35. № 120. С. 83–88.
- Сидяков 1974 — *Сидяков Л. С.* Стихи и проза в текстах Пушкина // Пушкинский сборник.

- Рига, 1974. Вып. 2. (Учен. зап. Латв. гос. ун-та им. П. Стучки. Каф. рус. лит. Т. 215). С. 4–31.
- Синявский, Цявловский 1938 — *Синявский Н., Цявловский М.* [сост.] Пушкин в печати: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М.: Соцэкгиз, 1938.
- Сиповский 1905 — *Сиповский В. В.* Пушкин и Рылеев // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1905. Вып. 3. С. 68–88.
- Скрынников 1971 — *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и царевич Димитрий // Исследования по социально-политической истории России. Л.: Наука, 1971.
- Скрынников 1974 — *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и предки Пушкина // Русская литература. 1974. № 2. С. 131–133.
- Скрынников 1978 — *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М.: Наука, 1978.
- Скрынников 1990 — *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. 2-е изд. Новосибирск: Наука (Сиб. отд.), 1990.
- Слонимский 1963 — *Слонимский А. Л.* Мастерство Пушкина. 2-е изд., испр. М.: ГИХЛ, 1963.
- Смирнов-Сокольский 1962 — *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина, о книгах других авторов, им изданных, о его журнале «Современник», о первом посмертном собрании сочинений, а также о всех газетах, журналах, альманахах, сборниках, хрестоматиях и песенниках, в которых печатались произведения поэта в 1814–1837 годах. М.: Книга, 1962.
- Соболевский 1927 — *Соболевский о Пушкине: (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым) / Публ. М. Д. Беляева // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 35–48.*
- Соловьев 1960 — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Кн. 4.
- Сомов 1828 — *Сомов О. М.* Обзор российской словесности за 1828 год // Северные цветы на 1829 г. СПб., 1828. «Проза». С. 3–110.
- Сорокин 1983 — *Сорокин Ю. С.* «И мальчики кровавые в глазах...»: (Фразеолого-стилистический комментарий к пушкинской строке) // Современная русская лексикография. 1981. Л.: Наука, 1983. С. 129–134.
- СОРС 1815 — *Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб.: Изд. Общества любителей отечественной словесности, 1815. Ч. 2.*
- СОРС 1816 — *Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб.: Изд. Общества любителей отечественной словесности, 1816. Ч. 4.*
- СОРС 1817 — *Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб.: Изд. Общества любителей отечественной словесности, 1817. Ч. 6.*
- Соскин 1975 — *Соскин В.* «Род Пушкиных мятежный...» //

- Наука и жизнь. 1975. № 9.
С. 104–105.
- Средний-Камашев 1831а — *Средний-Камашев И. Н.* Еще о «Борисе Годунове», стихотворении А. С. Пушкина // *Сын отечества* и Северный архив. 1831. Т. 23. № 40. С. 100–115.
- Средний-Камашев 1831б — *Средний-Камашев И. Н.* Еще о «Борисе Годунове», стихотворении А. С. Пушкина // *Сын отечества* и Северный архив. 1831. Т. 23. № 41. С. 170–180.
- Строганов 1989 — *Строганов М. В.* Еще раз о ремарке «Народ безмолвствует» // *Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр.* Л.: Наука, 1989. Вып. 23. С. 126–129.
- Сумароков 1990 — *Сумароков А. П.* *Драматические сочинения.* Л.: Искусство, 1990. (Сер. «Библиотека русской драматургии»).
- Сухомлинов 1884 — *Сухомлинов М. И.* Император Николай Павлович — критик и цензор сочинений Пушкина // *Исторический вестник.* 1884. № 1. С. 55–87.
- Сухомлинов 1889 — *Сухомлинов М. И.* Император Николай Павлович — критик и цензор сочинений Пушкина // *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб.: Изд. А. А. Суворина, 1889. Т. 2. С. 205–246.
- Сухоруков 1824 — *Сухоруков В. Д.* О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия // *Соревнователь просвещения и благотворения.* 1824. Ч. 26. С. 183–200 (подпись: «В. С.»).
- Тимофеев Л. 1958 — *Тимофеев Л. И.* *Очерки теории и истории русского стиха.* М.: Худож. лит., 1958.
- Тимофеев С. 1887 — *Тимофеев С.* *Влияние Шекспира на русскую драму: Историко-критический этюд.* М.: Тип. А. А. Карцева, 1887.
- Тихомиров, Иванов 1967 — *Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н.* *Московский Кремль: История архитектуры.* М.: Стройиздат, 1967.
- Томашевский 1927а — *Томашевский Б. В.* Пушкин и итальянская опера // Пушкин и его современники: *Материалы и исследования.* Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. 31–32. С. 49–60.
- Томашевский 1927б — *Томашевский Б. В.* Французская мелодрама начала XIX века // *Поэтика.* Л.: Academia, 1927. Вып. 2. С. 55–82.
- Томашевский 1929 — *Томашевский Б. В.* *Пятистопный ямб Пушкина // Томашевский Б. В.* *О стихе: Статьи.* Л.: Прибой, 1929. С. 138–253.
- Томашевский 1936 — *Томашевский Б. В.* *За подлинного Пушкина // Литературный современник.* 1936. № 8. С. 171–175.
- Томашевский 1950–1951 — *Пушкин А. С.* *Полн. собр. соч.: В 10 т. / Под ред. Б. В. Томашевского.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1951.
- Томашевский 1954 — *Томашевский Б. В.* *Историзм Пушкина // Учен. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова.* № 173. Серия филол. наук. 1954. Вып. 20. С. 41–85.
- Томашевский 1956–1958 — *Пушкин А. С.* *Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. / Подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского.*

- М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1958.
- Томашевский 1959 — *Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л.: Гослитиздат, 1959.
- Томашевский 1960 — *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л.: Сов. писатель, 1960.
- Турьян 2003 — *Турьян М. А.* О неосуществленном альманахе С. А. Соболевского // Про теория: Памяти академика Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995). СПб.: Наука, 2003. С. 82–86.
- Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 201–235.
- Фельдман 1975 — *Фельдман О.* Судьба драматургии Пушкина: «Борис Годунов», «Маленькие трагедии». М.: Искусство, 1975.
- Филиппова 1972 — *Филиппова Н. Ф.* Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М.: Книга, 1972.
- Филиппова 1984 — *Филиппова Н. Ф.* «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1984.
- Филонов 1899 — *Филонов А. Г.* «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Опыт разбора со стороны исторической и эстетической. СПб.: Тип. Глазунова, 1899.
- Фойницкий 2000 — *Фойницкий В. Н.* О некоторых нераскрытых и непрокомментированных источниках фразеологии произведений Пушкина // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб.: Академический проект, 2000. Вып. 2 (41). С. 211–221.
- Фомичев 1982 — *Фомичев С. А.* Драматургия А. С. Пушкина // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 261–295.
- Фомичев 1995а — *Фомичев С. А.* Праздник жизни: Этюды о Пушкине. СПб.: Наука, 1995.
- Фомичев 1995б — *Фомичев С. А.* «Борис Годунов» как театральный спектакль // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1995. Т. 15. С. 97–108.
- Фомичев 1996 — *Фомичев С. А.* Творческая история пьесы // Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб.: Академический проект, 1996. С. 117–128.
- Фомичев 2007 — *Фомичев С. А.* Смеховой мир «Комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М.: Знак, 2007. С. 62–88.
- Хализев 2000 — *Хализев В. Е.* «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Веяния итальянского Ренессанса и отечественная традиция // Пушкин и русская драматургия. М.: Диалог — МГУ, 2000. С. 3–19.
- Хворостьянова 2000 — *Хворостьянова Е. В.* Ритм трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Онтология стиха: Сб. статей памяти В. Е. Холшевникова / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2000. С. 147–169.
- Хворостьянова 2002 — *Хворостьянова Е. В.* «Русские сонеты» Пушкина: (К проблеме пушкинской строфики) // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 9–29.
- Херасков 1796–1803 — *Херасков М. М.* Творения. М.: Университетская тип. у Хр. Ридиге-

- ра и Хр. Клаудия, 1796–1803. Ч. 5. [б. г.]
- Хомяков 1900–1914 — *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900–1914. Т. 1–5 (1914. Т. 3; 1909. Т. 4).
- Чернышев 1907 — *Чернышев В. И.* Песня Варлаама // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1907. Вып. 5. С. 127–129.
- Чернышев 1941 — *Чернышев В. И.* Замечания о языке и правописании А. С. Пушкина: (По поводу академического издания) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Вып.] 6. С. 433–461.
- Чистяков 1847 — *Чистяков М. Б.* Курс теории словесности. СПб.: Кораблев и Сираков, 1847. Ч. 2.
- Чулков 1780 — < *Чулков М. Д.* > Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий. 3-е изд. М.: В Университетской тип. у Н. Новикова, 1780. Ч. 4.
- Чулков 1787 — < *Чулков М. Д.* > Собрание разных песен. 2-е изд. М.: В тип. у Хр. Клаудия, 1787. Ч. 4.
- Шаликов 1831 — *Шаликов П. И.* «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Дамский журнал. 1831. Ч. 33. № 6. С. 93–95 (подпись: «Изд<атель>»).
- Шевырев 1828 — *Шевырев С. П.* Обзорение русской словесности за 1827-й год // Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 59–84 (без подписи).
- Шевырев 1974 — *Шевырев С. П.* Рассказы о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. С. 37–42. (Серия лит. мемуаров).
- Шервинский 1962 — *Шервинский С. В.* О наименовании действующих лиц в драмах Пушкина // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1962. Т. 21. № 4. С. 302–311.
- Шоу 2002 — *Шоу Дж. Т.* Поэтика неожиданного у Пушкина: Нерифмованные строки в рифмованной поэзии и рифмованные строки в нерифмованной поэзии / Пер. с англ. Т. В. Скулачевой, М. Л. Гаспарова. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Щербатов 1790 — *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб.: При Имп. Академии наук, 1790. Т. 6, 7.
- Щербатов 1793 — *Щербатов М. М.* Краткая повесть о бывших в России самозванцах. 3-е изд. СПб.: Тип. Академии наук, 1793.
- Эткинд 1987 — *Эткинд Е. Г.* «Союз ума и фурий»: (Пушкинские мятежники) // Россия/Russia. 1987. № 5. Р. 55–90.
- Юзефович 1974 — *Юзефович М. В.* Памяти Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. С. 98–110. (Серия лит. мемуаров).
- ЯА 1913 — Языковский архив. СПб.: Изд. Отделения рус. яз. и словесности Академии наук, 1913. Вып. 1.
- Языков 1982 — *Языков Н. М.* Соч. Л.: Худож. лит., 1982.

- Якобсон 1923 — *Якобсон Р. О.*
О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. РСФСР: Гос. изд-во; Берлин, 1923. (Сборники по теории поэтического языка. Вып. 5).
- Яковлев 1831 — *Яковлев М. А.*
«Борис Годунов» // Санкт-Петербургский вестник. 1831. Т. 1. № 2. С. 62–64 (подпись: «Яковлев»).
- Якушкин 1884 — *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 2–12.
- Acad. в 6 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1–5; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 6.
- Acad. в 9 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1935–1938. (1935. Т. 1–6; 1936. Т. 8; 1937. Т. 9; 1938. Т. 7).
- Beauvais 1807 — *Sermons de Messire Jean-Baptiste-Charles-Marie de Beauvais, evec de Senez.* Paris: A. de Clerc, 1807. Т. 4.
- Bowerstock 1999 — *Bowerstock G. W.* The Roman Emperor as Russian Tsar: Tacitus and Pushkin // Proceedings of the American Philosophical Society. 1999. Vol. 143. №. 1, march. P. 130–147.
- Brody 1973 — *Brody E. C.* Schiller's "Demetrius" and Pushkin's "Boris Godunov": A Contemporary Interpretation // The Hague; Paris: Neohelicon, 1973. Т. 1. № 3–4. P. 241–294.
- Chateaubriand 1861 — *Chateaubriand.* Œuvres completes. Paris: Garnier freres, [1861]. Т. 6.
- Cicéron 1786 — *Œuvres de Cicéron.* Paris: Moutard, 1786. Т. 6.
- Clayton 2004 — *Clayton J. D.* Dimityry's Shade: A Reading of Alexander Pushkin's "Boris Godunov". Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2004.
- Constant 1809 — *Wallstein: Tragédie en 5 actes et en vers; précédée de quelques réflexions sur le théâtre allemand; et suivie de notes historiques / Par Benjamin Constant de Rebecque.* Paris; Genève: J.-J. Paschoud, 1809.
- Danilevskij 1998 — *Danilevskij R. Ju.* Schiller in der russischen Literatur. 18. Jahrhundert—erste Hälfte 19. Jahrhundert. Dresden: Dresden University Press, 1998.
- Dunning 2005 — *Dunning Ch.* Did Shiller's "Demetrius" Influence Alexander Pushkin's "Comedy about Tsar Boris and Grishka Otrep'ev"? // Word, Music, History: A Festschrift for Caryl Emerson. Stanford: Stanford University Press, 2005. Part 1. P. 80–92. (Stanford Slavic Studies. Vol. 29–30).
- Dunning 2006a — *Dunning Ch.* The Exiled Poet-Historian and the Creation of His Comedy // The uncensored "Boris Godunov": The Case for Pushkin's Original Comedy, with Annotated Text and Translation. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2006. P. 51–93.
- Dunning 2006b — *Dunning Ch.* The Tragic Fate of Pushkin's Comedy // The uncensored "Boris Godunov": The Case for Pushkin's Original Comedy, with Annotated Text and Translation. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2006. P. 94–135.

- Emerson 1986 — *Emerson C. Boris Godunov*: Transpositions of a Russian Theme. Bloomington: Indiana University Press, 1986.
- Etkind 1987 — *Etkind E.* «Сей патник, вольностью венчанный...»: Гришка Отрепьев, император Наполеон, маршал Ней и другие // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1987. T. 59. Fasc. 1–2: Alexandre Puškin. 1799–1837. P. 55–62.
- Fletcher 1591 — *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth... London, 1591.
- Gifford 1947 — *Gifford H.* Shakespearean Elements in “Boris Godunov” // *The Slavonic and East European Review*. 1947. Vol. 26. № 66. P. 152–160.
- Ginguené 1819 — *Ginguené P. L.* Histoire littéraire d’Italie. Paris: L.-G. Michaud, 1819. T. 8.
- Greenleaf 1994 — *Greenleaf M.* Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony. Stanford, Ca.: Stanford University Press, 1994.
- Guizot 1821 — *Guizot F.* Vie de Shakespeare // *Œuvres complètes de Shakespeare*, traduites de l’anglais par Letourneur... Paris: Ladvocat, 1821. T. 1. P. I–CLII.
- Herford 1925 — *Herford C. H.* A Russian Shakespearean. Manchester, 1925.
- Margeret 1821 — *Margeret J.* Etat de l’Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie. Avec ce qui s’y est passé de plus memorable et tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l’an 1590 jusques en l’an 1606 en Septembre. Par Capitaine Margeret. ... Réimprimé sans changemens sur l’édition de 1669. Paris, 1821.
- Merilhou 1827 — *Merilhou J.* Essai historique sur la vie et les ouvrages de Mirabeau // *Œuvres de Mirabeau*... Paris: Brissot-Thivars, 1827. T. 1.
- Mocha 1980 — *Mocha F.* Polish and Russian Sources of “Boris Godunov” // *Polish Review*. 1980. Vol. 25. № 2. P. 45–51.
- Montaigne 1801 — *Montaigne M.* Essais. Paris: Louis, 1801. T. 1.
- Rosen 1833 — *Rosen G.* “Борис Годунов” etc., d<as> I<st> “Boris Godunow”. St. Petersburg, 1831 // *Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands*. Riga; Dorpat. 1833. Bd. 1. S. 43–59.
- Sandler 1989 — *Sandler St.* Distant Pleasures: Alexander Pushkin and the Writing of Exile. Stanford, CA: Stanford University Press, 1989.
- Schlegel 1814 — *Schlegel A. W.* Cours de littérature dramatique, traduit de l’allemand. Paris: J. J. Paschoud; Genève: Chez le même, 1814. T. 1–3.
- Shakespeare 1821 — *Œuvres complètes de Shakespeare*, traduites de l’anglais par Letourneur... Paris: Ladvocat, 1821. T. 1–13.
- Shaw 1994 — *Shaw J. T.* “Romeo and Juliet”, local color, and “Mniczek’s Sonnet” in “Boris Godunow” // *Shaw J. T.* Pushkin’s Poetics of the Unexpected. The nonrhymed lines in the rhymed poetry and the rhymed lines in the nonrhymed poetry. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1994. P. 191–219.
- Sismondi 1813 — *Sismondi J. C. L. Simonde de.* De la Littérature du midi de l’Europe. Paris; Strasbourg: Treuttel et Wurtz, 1813. T. 2.

ЛИТЕРАТУРА

- Scott 1900 — *Scott W.* The complete Poetical Works. Boston; New York, 1900
- Staël 1800 — *Staël-Holstein G. de.* De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales. Paris: Maradan, [1800]. T. 1.
- Staël 1810 — *Staël-Holstein G. de.* De l'Allemagne. Paris: H. Nicolle, 1810. Vol. 1–3.
- Svaton 1968 — *Svaton V.* (Сватонь В.) Заключительная сцена в «Борисе Годунове» Пушкина // Československá rusistika. Praha, 1968. Roč. 13. Čis. 1. S. 58–70.
- Tacite 1817–1818 — Tacite, traduction nouvelle, avec le texte latin en regard / Par Dureau de Lamalle, de l'Académie Française. Paris, 1817–1818.
- Taruskin 1993 — *Taruskin R.* Musorgsky: Eight Essays and an Epilogue. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Thiers 1828 — *Thiers L. A.* Histoire de la Révolution Française. Liège: Lebeau-Ouwerx, 1828. T. 1.
- Varnhagen von Ense 1840 — *Varnhagen von Ense K. A.* Werke von Alexander Puschkin. T. 1–3. SPb., 1838 // Varnhagen von Ense K. A. Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1840. Bd. 5: Neue Folge. Bd. 1. S. 268–311.
- Voltaire 1817a — *Voltaire.* Œuvres complètes. Paris: Lefèvre et Déterville, 1817. T. 3.
- Voltaire 1817b — *Voltaire.* Œuvres complètes. Paris: Lefèvre et Déterville, 1817. T. 4.
- Wachtel 2005 — *Wachtel M.* Pushkin's Sonnets // Word, Music, History: A Festschrift for Caryl Emerson. Stanford: Stanford University Press, 2005. Part 1. P. 167–178. (Stanford Slavic Studies. Vol. 29–30).
- Walpole 1823 — *Walpole H.* The Castle of Otranto: A Gothic Story. <Preface to the second edition> // The Novels of Sterne, Goldsmith, Dr. Johnson, Mackenzie, Horace Walpole and Clara Reeve. London: Published by Hurst, Robinson and CO, 1823. (Ballantyn's Novelist's Library. Vol. 5).

Принятые сокращения

БГ	«Борис Годунов»
«БГ*»	Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. СПб.: В типографии Департамента народного просвещения, 1831
БЗ	журнал «Библиографические записки»
ВЕ	журнал «Вестник Европы»
ЛГ	«Литературная газета»
ЛН	«Литературное наследство»
ЛПРИ	«Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“»
М	журнал «Москвитянин»
МВ	журнал «Московский вестник»
МТ	журнал «Московский телеграф»
ОЗ	журнал «Отечественные записки»
ПД	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
РА	журнал «Русский архив»
РВ	журнал «Русский вестник»
РЛ	журнал «Русская литература»
С	журнал «Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества любителей российской словесности)»
СА	журнал «Северный архив»
СП	газета «Северная пчела»
СЦ	альманах «Северные цветы»
Т	журнал «Телескоп»
DJ	Dorpat'er Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands (Riga; Dorpat)

Шифры автографов Пушкина (ПД, Ф. 244. Оп. 1) указываются в сокращенной записи: ПД и номер единицы хранения (например: ПД 891).

Указатель

Настоящий указатель, во многом ориентированный на соответствующий индекс в Справочном томе так называемого Большого академического издания сочинений А.С. Пушкина (ПСС 1937–1959), является общим указателем собственных имен, упоминающихся как в тексте Пушкина (в репринтной части и в Приложениях), так и в комментариях к нему. В указатель введены: 1) личные имена (в том числе мифологические); 2) географические названия; 3) названия произведений и органов печати (газет, журналов, альманахов и пр.); 4) имена персонажей, за исключением героев, собственного имени не имеющих.

Все категории имен учтены в указателе не только при прямом упоминании носителя имени, но и в тех случаях, когда данное лицо, место или сочинение названо косвенным способом или подразумевается. Однако в алфавите помещены только основные собственные имена, а иносказательные обозначения даны в скобках при указании номера страницы, соответствующей названному упоминанию.

В указателе проиндексированы также дериваты имен и названий, например: *Англия* («английский»; «англичане»). Эти отыменные дериваты даны при основном имени в скобках и заключены в кавычки.

Если в тексте то или иное лицо обозначено в том числе иноязычным именованием, это иноязычное именование помещено в скобках, рядом с основным именем.

Введенные в указатель имена не аннотируются. В случае неполных сведений о названном лице сообщается идентификационная характеристика такого лица (профессия, социальная

принадлежность и т. д.), например: *Алеха, второй пристав; Булгаков, дворянин*. Имена исторических персонажей, авторов произведений и критических статей приведены полностью; имена позднейших исследователей не раскрываются.

Заглавия произведений, в том числе произведений Пушкина, введены в указатель дважды: в общем алфавите и при имени автора. В том случае, если в тексте встречается соответствующее иноязычное название того или иного сочинения, оно дается в скобках вслед за русским именованием.

Имена героев художественных произведений, за исключением персонажей «Бориса Годунова», введены в указатель с отсылкой к имени автора и названию соответствующего произведения.

Специальным значком ❖ отделены номера страниц второй пагинации — Приложения и собственно Комментариев (также отделены точкой с запятой).

- Август, Октавиан, римский император ❖ 166, 227, 252 («Октавий Цезарь»)
- Агриппа Постум ❖ 166
- Азия ❖ 233
- Александр I ❖ 114 («царь»), 134, 174
- Александр Македонский ❖ 119
- Александр Невский, кн. ❖ 219
- Александра, инокиня
см. Годунова И. Ф.
- Александринский театр, Петербург ❖ 199
- Александровская слобода ❖ 238
- Алексеев М. П. ❖ 168, 169, 178, 182, 324–325, 326, 328, 360, 361
- Алексеев, Федор Александрович ❖ 372; «Чека. Уральская повесть. Сочинение Федора Алексеева» 372
- Алексей Михайлович, царь ❖ 161, 368
- Алексей Петрович, царевич ❖ 193, 332–333
- Алеха, второй пристав 36–37, 39, 43–44; ❖ 27–32
- Амусин И. Д. ❖ 166, 167, 279, 360
«Амфитрион» («Amphitruon») см. Мольер
- Анастасия см. Юрьева А. Н.
- Англия («England», «Angleterre»; «английский»; «англичане») ❖ 95; 178, 179, 185, 186, 192, 193 («англо-немецких драм»), 200, 288, 298, 306, 322–323, 352, 353, 354
- Андрей Боголюбский, кн. ❖ 228, 232
- Андрей Критский ❖ 247
- «Андромаха» см. Катенин П. А.
- «Анекдот» см. Булгарин Ф. В.
- «Анналы» см. Тацит, Гай Корнелий
- Анненков П. В. ❖ 102, 103, 113, 114, 147, 180, 191, 257, 327, 340, 344, 345, 346, 348, 354, 359, 360
- Аннета см. Россини Дж. А., «Сорока-воровка» ❖ 261
- Антониево-Сийский монастырь ❖ 271
- Антоний (Antony) см. Шекспир У., «Антоний и Клеопатра» ❖ 252, 332

- «Антоний и Клеопатра» («Antony and Cleopatra») см. Шекспир У.
- Антоний, монах Кирилло-Белозерского монастыря ☛ 241
- «Арабески» см. Гоголь Н. В.
- «Аргивяне» см. Кюхельбекер В. К.
- Арзрум ☛ 94; 343–344, 346, 354
- Аринштейн Л. М. ☛ 260, 360
- Архангельский собор, Москва 101; ☛ 69; 234 («в храме Св. Михаила»), 290
- Архипова А. В. ☛ 210, 360
- Астрахань («астраханский») 54; ☛ 39; 156, 270, 285
- «Атенеи», журнал ☛ 348, 349
- Аугсбург ☛ 292
- Афродита см. Пушкин А. С., «Песенка Афродите»; Сафо, «Песенка Афродите»
- Багно В. Е. ☛ 168, 360
- Байрон (Byron), Джордж Гордон Ноэль ☛ 96; 305, 306, 353–354, 366; «Мазепа» («Mazepa») 305, 306
- Балашов Н. И. ☛ 168, 360, 361
- Барант (Varante), Амабль Гийом Проспер Брюжьер де, бар. ☛ 324
- Баратынский, Евгений Абрамович ☛ 205, 256; «Эда» 256
- «Баррикады» («Barricades») см. Вите Л.
- Барсков Я. Л. ☛ 255, 361
- «Барышня-крестьянка» см. Пушкин А. С.
- Басманов, Петр Федорович («Basmanoff»; «Basmanoff») 95–96, 114, 122–126, 128, 130, 132–136, 138; ☛ 66, 74, 77, 81–90; 107, 129, 160, 177, 217, 276, 293–294, 299, 300, 303, 313, 316–318, 320, 323, 337
- Басмановы, род ☛ 308
- Бастилия ☛ 324
- Баторий, Стефан 69; ☛ 48; 225, 264, 283, 284
- Батюшков, Константин Николаевич ☛ 287, 361; «Мои пенаты» 287
- Батюшков Ф. Д. ☛ 176, 361
- Башкирия ☛ 283 («в степях Башкирских»)
- Бедный, Демьян ☛ 364
- Бекингем (Buckingham) см. Шекспир У., «Король Ричард III» ☛ 322
- Белинский, Виссарион Григорьевич ☛ 216, 327, 361; «О „Борисе Годунове“, сочинении Александра Пушкина. Разговор» 216, 361; «Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая» 327
- Белое море ☛ 271
- Белоозеро см. также Кирилло-Белозерский монастырь ☛ 246 («в Белозерские пустыни»), 248 («в Белозерские пустыни»), 271, 273
- Белый город, Москва ☛ 253
- Бельский, Богдан Яковлевич ☛ 264
- Беляев М. Д. ☛ 375
- Бенкендорф, Александр Христофорович, гр. ☛ 115, 118–119, 126–127, 130, 136–137, 139, 141–142–143, 199, 338, 346, 347, 361
- Берг Н. В. ☛ 180
- Берковский Н. Я. ☛ 169, 361
- Бестужев, Александр Александрович ☛ 170, 183, 201
- Бестужев-Рюмин, Михаил Алексеевич ☛ 214, 361; «Уже несколько лет неутомимая молва...» 214, 361
- «Библиографические записки», журнал ☛ 199, 382
- Библия ☛ 157, 189 («библейским рассказом»), 218 («библейские <...> сюжеты»), 261 («библейских <...> словосочетаниях»), 296 («библейское сравнение»), 369; I Книга Царств 189; Вторая Книга Паралипомен 261; Псалтирь 296, 313; Книга Пророка Иезекиила 296; Евангелие 158, 255; Евангелие от Матфея 302

- Битяговский, Данило Михайлович 3, 22 («убийцам»; «злодеев»), 23 («злодеи»); ❖ 4, 17 («убийцам»; «злодеев»), 18 («злодеи»); 224–225, 243
- Битяговский, Михаил 3, 22 («Иуда Битяговский»), 23; ❖ 4, 17 («Иуда Битяговский»); 224–225, 243–244, 273
- Благовещенский собор, Москва ❖ 231
- Благой Д. Д. ❖ 151–152, 158, 169, 240, 250, 257, 289, 291, 361, 373
- Блуа (Blois) см. Вите Л., «Лига, исторические сцены»
- Блудов, Дмитрий Николаевич, гр. ❖ 203
- Бове (Beauvais), Жан Батист Шарль Мари ❖ 324–326, 379
- «Богемские песни» («Чехиня») см. Востоков А. Х.
- «Богиня, дщерь божеств, науки основавших...» см. Ломоносов М. В.
- Богородица см. Мария, Пресвятая дева
- Божо, французский офицер см. Скотт В., «Уэверли» ❖ 298
- Болдино ❖ 144, 339–340, 346, 359, 362, 370
- Боллингброк, Генри Сент-Джон, виконт ❖ 340
- Боллингброк (Bolingbroke) см. Генрих IV ❖ 314–315
- Большая Грановитая палата ❖ 218–219, 231
- Большие Вяземы ❖ 260
- Бонди С. М. ❖ 209, 291, 361, 364, 373
- Борецкая, Марфа Ивановна («Марфа Посадница») ❖ 178, 210, 324, 349, 350, 351, 352, 367
- «„Борис Годунов“ (Сочинение Александра Пушкина)» (1831) см. Полевой Н. А.
- «„Борис Годунов“, сочинение» А. Пушкина см. Олин В. Н.
- «„Борис Годунов“. Поэма Пушкина» см. Гоголь Н. В.
- «„Борис Годунов“. Сочинение Александра Пушкина» (1833) см. Полевой Н. А.
- «„Борис Годунов“. Сочинение Александра Пушкина» см. Волков П. Г.; Шаликов П. И.
- «„Борис Годунов“ etc., d<as> I<st> “Boris Godunow”. St. Peterbourg, 1831» см. Розен Е. Ф.
- «Борис Годунов», статья о трагедии см. Дельвиг А. А.; Яковлев М. А.
- «Борис Годунов», опера см. Мусоргский М. П.
- «Борис Годунов», дума см. Рылеев К. Ф.
- Борис, царь см. Годунов Б. Ф.
- Боровский Я. М. ❖ 195, 287, 361
- Боровский, кн. ❖ 256
- Бочаров С. Г. ❖ 146, 362
- Бочкарев В. А. ❖ 164, 169, 210, 296, 329, 362
- Брут, Марк Юний ❖ 326, 340
- «Брут» («Brutus») см. Вольтер
- Брюсов В. Я. ❖ 193, 362
- Брянск ❖ 260, 276
- Булгаков, дворянин ❖ 284
- Булгарин, Фаддей Венедиктович ❖ 127–130, 157, 159, 165, 171, 190, 206, 208, 235, 249–250, 277, 305–306, 317, 326, 338–339, 348, 362, 374; «Анекдот» 129; «Выписка из комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» 121, 122–126, 127; «Димитрий Самозванец» 128–130, 190, 208, 235, 277, 317, 326, 362; «„Евгений Онегин“, Роман в стихах, Глава VII, Сочинение Александра Пушкина» 129, 348; «Замечания на Комедию о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» 119–122, 126, 127, 130, 330; «Иван Выжигин» 129; «Критический взгляд на X и XI томы Истории Государства Российского, сочиненной Н. М. Карамзиным» 157, 159, 362; «Марина Мнишек, супруга Димитрия Самозванца»

- 165; «„Russische Bibliothek für Deutsche“ von Karl von Knoring» 130 («рецензией на немецкий перевод трагедии»), 249–250 («рецензируя немецкий перевод БГ»), 277; («в своей рецензии на немецкий перевод БГ»), 305 («в рецензии на немецкий перевод БГ»)
- Бурнашев, Владимир Петрович
 ♣ 211–212, 362; «„Boris Godounoff“, poème dialogué d’Alexandre Pouschkine» 211–212, 362
- Бутурлин, Иван Михайлович ♣ 275
- Бутурлины, род 57; ♣ 40; 275, 302
- «В 39-м № „Северной пчелы“...»
 см. Дельвиг А. А.
- «В начале жизни школу помню я...» см. Пушкин А. С.
- Валленштейн, Альбрехт
 см. Шиллер Ф., «Валленштейн»
 ♣ 187–188
- «Валленштейн» («Wallstein»)
 см. Констан де Ребекк Б.
- «Валленштейн» см. Шиллер Ф.
- «Валленштейнов лагерь»
 («Wallensteins Lager»)
 см. Шиллер Ф.
- Вальберхова, Мария Ивановна
 ♣ 199
- Варлаам 31–34, 36–38, 40, 42–44;
 ♣ 24–30, 32; 111, 124–125, 131–133,
 145, 165, 196–197, 248, 255–257,
 259, 333, 335, 363, 378
- Варяг см. также Рюрик 7 («наследников Варяга»); ♣ 6 («наследников Варяга»), 20 («племя древнего Варяга»), 132, 228, 333
- Василий I Дмитриевич ♣ 232
- Василий Блаженный, св. ♣ 163–164, 301
- Вахтел (Wachtel) М. ♣ 195, 289, 381
- Вацуро В. Э. ♣ 169, 170, 173, 210, 282, 350–351, 362, 372
- «Великий герцог Московский»
 («El gran duque de Moscovia»)
 см. Лопе де Вера
- Вельяминовы ♣ 226, 303 («чашника Вельяминова»), 363 («Вельяминовых-Зерновых»)
- Венгеров С. А. ♣ 102, 257, 341, 358, 362, 372
- Веневитинов, Алексей Владимирович ♣ 174; («у Веневитиновых»), 207–208, 352 («в доме Веневитиновых»)
- Веневитинов, Дмитрий Владимирович ♣ 117–118, 170, 174 («у Веневитиновых»), 203–205, 207, 349, 352 («в доме Веневитиновых»), 362; «<Об „Евгении Онегине“>» 349, 362; «Analyse d’une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin insérée dans un journal de Moscou („Московский вестник“») 207; («рецензия Д. В. Веневитинова»), 362
- Веневитинов М. А. ♣ 203, 362
 «Венецианский мавр»
 см. Виньи А. де
- Венсенский замок ♣ 175
- «Венцеслав» («Venceslas»)
 см. Ротру Ж. де
- «Венцеслав» см. Жандр А. А.
- Верейский, кн. ♣ 256
- «Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха...»
 см. Пушкин А. С., «<Опровержение на критики>»
- «Верховая лошадь» см. Пнин И. П.
- Верховский Н. П. ♣ 251, 362
- Верхотурье ♣ 275
- Веселовский С. Б. ♣ 226, 264, 276, 302, 362–363
- «Вестник Европы», журнал ♣ 156, 371, 382
- Виельгорский, Михаил Юрьевич, гр. ♣ 203
- Византия («византийский») ♣ 221, 227, 247
- Викери В. ♣ 194, 197, 363
- Виноградов В. В. ♣ 174, 291, 363, 373
- Виноградов Н. Н. ♣ 259, 363

- Винокур Г. О. ♣ 103, 107, 111–116, 122, 127, 129–132, 135–137, 140, 147, 151–152, 161, 162, 164, 165, 170, 171, 174, 176–177, 179, 181, 182, 186, 190, 211, 218, 220, 228, 236, 239–240, 251, 257, 259, 264, 267, 277, 282, 289–290, 291, 298, 301–302, 308, 309, 328, 329, 330, 332, 363, 364
- Виньи (Vigny), Альфред де ♣ 340; «Венецианский мавр» 340; «Письмо к лорду***» 340
- Вите (Vitet), Луи ♣ 209, 216; «Лига, исторические сцены» («La Ligue, scènes historiques»: «Баррикады» [«Barricades»], «Штаты в Блуа» [«Etats de Blois»], «Смерть Генриха III» [«La Mort de Henri III»]) 209, 216 («трилогию Вите»)
- Вифлеем ♣ 302
- Вишневецкий, Адам 49, 66, 74, 77, 87; ♣ 35, 46, 53, 55–57, 62; 113, 144, 146, 150, 165, 190, 194, 265, 266–267, 273 («Вишневецким»), 279, 284, 288, 289, 292, 335
- Вишневецкий, Константин ♣ 267, 273 («Вишневецким»)
- Вишневский К. Д. ♣ 193, 194, 363
- Владимир см. Пушкин А. С.
«<Роман в письмах>» ♣ 353
- Владимир Мономах 5 («венец и бармы Мономаха»), 65 («шапка Мономаха»), 138 («на внука Мономаха»); ♣ 5 («венец и бармы Мономаха»), 45 («шапка Мономаха»), 90 («на внука Мономаха»); 109 («Мономаховым венцом»), 219, 227 (в т.ч. «венец и бармы Мономаха»), 269, 279 («шапка Мономаха»)
- Владимир Святой, кн. ♣ 219
- Владимирское княжество ♣ 232
- Владислав, королевич ♣ 276, 286
- Власев, Афанасий, думный дяк ♣ 231, 286
- Вовина-Лебедева В. Г. ♣ 162, 363
- «<Возражение на статью „Атеня“>» см. Пушкин А. С.
- Волга 55; ♣ 39
- Волков, Платон Григорьевич ♣ 211, 215, 363; «„Борис Годунов“. Сочинение Александра Пушкина» 211, 215, 363
- Волков, Федор Григорьевич ♣ 335
- Волконская, Зинаида Александровна, кн. ♣ 204
- Волохов, Осип 22 («убийцам»; «злодеев»), 23 («злодеи»); ♣ 17 («убийцам»; «злодеев»), 18 («злодеи»); 224–225, 243, 278
- Волохова, Василиса 22 («предательницу-мамку»); ♣ 17 («предательницу-мамку»); 244 («мамка»)
- Волхов ♣ 236
- Вольния (Вольнь) 69; ♣ 48; 283, 286 («городка Вольнского»)
- «Вольность» («Беги, сокройся от очей...») см. Пушкин А. С.
- Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари Аруэ ♣ 174 («послевольтеровский классицизм»), 306, 340, 350–351, 381; «Брут» («Brutus») 340; «История Карла XII» («Histoire de Charles XII») 306; «Меропа» («Mérope») 351; «Рассуждение о древней и новой трагедии» 351; «Семирамида» («Sémiramis») 351
- Вольцоген, Вильгельм фон ♣ 168
- Воронич ♣ 110–111
- Воротынские, кн. ♣ 156, 220–221
- Воротынский, Иван Михайлович, кн. 1–7, 11–12; ♣ 3–6, 11–12; 105, 106–107, 111, 177, 220–221, 229
- Воротынский, Михаил Иванович, кн. ♣ 220, 269
- «Воспоминания в Царском Селе» («Навис покров угрюмой ноши...») см. Пушкин А. С.
- «Воспоминания о Степане Петровиче Шевьере» см. Погодин М. П.
- Востоков, Александр Христофорович ♣ 192, 193;

- «Ифигения в Тавриде» 192;
«Богемские песни» («Чехия») 193–194
- Вральман см. Фонвизин Д. И.,
«Недоросль» ❖ 298
- «Временник» см. Тимофеев И.
- Вульф, Алексей Николаевич ❖ 202, 335, 363
- Выкса ❖ 244
- «Выписка из комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» см. Булгарин Ф. В.
- Вяземская, Вера Федоровна, кн. ❖ 205
- Вяземский, Афанасий, кн. ❖ 238
- Вяземский, Петр Андреевич, кн. ❖ 110, 113, 114, 146, 157, 163–164, 170, 177, 201, 202, 203–204, 205, 206, 211, 255, 344, 347, 363;
«Жуковский. — Пушкин. — О новой пшенице басен» 205, 363–364; «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» 170;
«Письмо в Париж» 177, 206, 363
- Вятка ❖ 271
- «Гавриилиада» см. Пушкин А. С.
- Гаевский В. П. ❖ 147, 149
- «Галатей», журнал ❖ 327, 354
- Галиция ❖ 281
- Галич («галицкий») 25; ❖ 21; 235, 246, 247
- «Гамлет» см. Шекспир У.
- Ганнибал, Мария Алексеевна ❖ 260
- Ганнибалы, род ❖ 266
- Гаспаров М. Л. ❖ 192, 193, 196, 364, 378
- Гаща, волынский городок ❖ 286
- Гейченко С. С. ❖ 256, 364
- Геннади Г. Н. ❖ 341, 364
- Генрих (Henry) III Валуа, французский король см. Вите Л., «Лига, исторические сцены»
- Генрих IV Болингброк, король Англии см. Шекспир У., «Генрих IV» ❖ 182, 311–313, 314, 315 («Болингброк»), 317
- Генрих V, король Англии (принц Генрих; «Гарри»; «Harry»; «Henri») см. Шекспир У., «Генрих IV», «Генрих V» ❖ 182, 251, 311–313, 314 («сына»), 317 («сыну»)
- Георгий (Юрий), св. ❖ 272; см. Юрьев день
- Гердер, Иоганн Готфрид ❖ 216
- Германик (Germanicus), римский полководец ❖ 245
- Германия («немецкий»; «немцы»; «l'Allemagne»; «allemand»; «Allemands») 106, 107, 120; ❖ 75, 81, 95; 130, 147, 148, 154, 166, 187–189, 191, 192, 193 («англо-немецких драм»), 216, 217, 249, 250, 274, 277, 292, 297, 298, 299, 300, 305, 306, 307, 337, 352, 367, 380, 381
- «Герой» («Да, слава в прихотях вольна...») см. Пушкин А. С.
- Гессель, Герритс (Герард) ❖ 274 («немцем Герардом»)
- Гете (Goethe), Иоганн Вольфганг ❖ 120, 170, 177, 187, 189, 192, 366, 374; «Ифигения в Тавриде» («Iphigenie auf Tauris») 192; «Гец фон Берлихинген» («Götz von Berlichingen») 170, 187, 189; «Фауст» 187, 250; «Эгмонт» («Egmont») 170
- «Гец фон Берлихинген» («Götz von Berlichingen») см. Гете И. В.
- Гизо (Guizot), Франсуа Пьер Гийом ❖ 178, 180–181, 324, 374, 380; «Vie de Shakspeare» 178, 180–181
- Гиппиус В. В. ❖ 342, 345
- Гиффорд (Gifford) Г. ❖ 181, 301, 322, 380
- Глинка, Сергей Николаевич ❖ 214, 364; «Разговор о „Борисе Годунове“ А. С. Пушкина» 214, 364
- Глинская, Елена Васильевна ❖ 323
- Глостер (Gloucester) см. также Ричард III ❖ 175, 322–323

- Глухарев, Александр, актер ♣ 192
(«Глухо-рева»)
- Гнедич, Николай Иванович ♣ 344
- Гоголь, Николай Васильевич ♣ 214,
363; «Арабески» 214; «„Борис
Годунов“: Поэма Пушкина»;
«Несколько слов о Пушкине» 214
- Годунов, Борис Федорович
(«царь») 2–7, 8 («он»), 9, 10–11,
12, 21 («царевичу»), 23, 24, 26
(«Отца-Государя»), 27
(«Государь»), 28–30, 39, 42,
45–46 («Государе»), 47, 50–51,
54–65, 71, 81, 88, 90, 94, 95–98,
100–102, 108–109, 111, 113–115,
122–131, 133, 136 («Государя»),
137, 139, 140, 141 («отец»); ♣ 3–6,
7 («он»), 8, 10–11, 12, 17 («царе-
убийцу»), 18, 19–20, 21 («госу-
дарь»), 22–23, 29, 31, 33 («го-
сударь»), 34, 36, 38–45, 49, 59, 63,
64, 66–70, 71, 72–73, 76–77,
81–87, 88, 89 («государя»), 90,
91, 92 («отец»), 93; 102–107,
109–111, 112 (в т. ч. «Гудунов»),
114 (в т. ч. «Гудунов»), 119, 121,
123 (в т. ч. «Царь»), 125, 129, 133
(«царя»), 136, 137, 138, 150
(«Царь»), 155–157, 158–161,
163–169, 172, 173 («русский
царь»), 175, 176, 180–182, 184,
185, 189–191, 197 («царя»), 205,
206, 210, 211, 213, 215–227,
228–234, 238, 243–245, 246
(«царь»), 248–250, 252–255, 260,
262–264, 268–277, 279, 282, 284,
285, 290, 293, 294 (в т. ч. «царь»),
295, 297, 298, 300, 301, 303 (в т. ч.
«царь»), 304–308, 310 (в т. ч.
«царь»), 311, 313–316, 319–321, 323,
329–332, 360, 366, 367, 371, 375
- Годунов, Иван Иванович ♣ 269
- Годунов, Иван Никитич 55–57;
♣ 39, 40 (в т. ч. «Семен Ильич»),
41; 103 («Семен Никитич»), 140,
165, 254, 270, 275
- Годунов, Федор (Феодор)
Борисович («царевич») 53–55,
58, 61, 63 («сына»), 65 («детей
моих»), 125, 126 («мой сын»),
127–130, 132, 133 («юного Царя»),
136 («младого Венценосца»),
139 («Борисова щенка»),
140–142; ♣ 38–39, 41, 43, 44
(«сына»), 45 («детей моих»), 50,
83, 84–88, 89 («младого
венценосца»), 91–93; 104, 150,
157 («сыну»), 182 («с сыном»),
184, 190 («его сына»), 263
(«царския дети»), 273, 274
(«сына»), 311 («сыну»), 313, 314,
318, 319 («сыну ее»), 320, 321
«Годунов» см. Федоров Б. М.
- Годунова, Ирина Федоровна
(инокия Александра;
«царица») 2 («с сестрою»), 8,
29–30; ♣ 3 («с сестрою»), 4
(«сестру»; «монахиня-
царица»), 8, 23; 105, 106, 155, 156,
219, 222 (в т. ч. «монахиня
Александра»), 223, 225, 226, 230,
232, 249, 254, 284, 314, 330, 331
(«царицы»), 332 («царица»)
- Годунова, Ксения Борисовна,
(инокия Ольга, «Ксения») 29
(«дочь мою»), 53–54, 56, 65
(«детей моих»), 129 («сестру»),
130 («Царевна»), 131
(«женщин»), 140–141; 23 («дочь
мою»), ♣ 38–40, 45 («детей
моих»), 86 («сестру»,
«царевна»), 87 («женщин»),
91–92; 103, 147, 150, 191, 193, 196,
253–254, 263 («царския дети»),
273–274, 311 («дети»), 320
- Годунова, Мария Григорьевна 129
(«мать»), 131 («женщин»), 142;
♣ 86 («мать»; «царицу»), 87
(«женщин»), 93; 165 («дочери
Малюты Скуратова»), 226 («до-
чери <...> Малюты <...> Ску-
ратова»), 263 («его царица»), 311
(«супруга»), 316 (в т. ч. «мать»),
319, 320 (в т. ч. «мать»), 321
- Годуновы, род 138, 138; ♣ 90, 91; 155,
226, 265, 275, 303, 318, 320, 327, 363

- Гозенпуд А. А. ♣ 127, 128, 129, 130, 199, 200, 330, 364
- Голиков, Иван Иванович
♣ 165–166, 305, 332, 336, 364, 368; «Дополнение к Деяниям Петра Великого» 165–166, 305, 332, 364, 368
- Голиншед Р. см. Холиншед Р.
- Голицын, Василий Васильевич, кн. 141; ♣ 92, 320–321
- Голицыны, род ♣ 156, 320–321
- Головин, кн. ♣ 256
- Гонзаго, Пьетро ди Готтардо ♣ 200
- Гончарова (Пушкина), Наталья Николаевна ♣ 139 («невесты»)
- Гордин А. М. ♣ 102, 364
- «Горе от ума» см. Грибоедов А. С.
- Городецкий Б. П. ♣ 107–108, 112, 118, 129, 130, 133, 148–149, 158, 159, 163, 218, 220, 242, 256, 257, 274, 289, 291, 309, 334, 364–365
- Горфункель А. Х. ♣ 292, 365
- Горчаков, Александр Михайлович, кн. ♣ 180, 202, 332, 365
- Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Румянцевский музей) ♣ 357–358, 379
- «Государь» («Il Principe») см. Макиавелли Н.
- «Гофолия» («Athalie») см. Расин Ж.
- Грабарь-Пассек М. Е. ♣ 359
- Грановитая палата см. Большая Грановитая палата; Золотая Грановитая палата
- Греч, Николай Иванович ♣ 130, 330, 337; «Исторический взгляд на русский театр до начала XIX столетия» 330, 337
- Грибоедов, Александр Сергеевич ♣ 118, 193, 205, 247; «Горе от ума» 118, 193
- Гринберг О. Э. ♣ 367
- Гришка, слуга Евстафия (Остафья) Пушкина ♣ 276
- Грозный см. Иоанн IV Васильевич
- Гроховский, незуит, поэт 72–73 («Поэт»); ♣ 50–51 («Поэт»); 286
- Грубетон, крепость см. «Комедия о крепости Грубетона, в ней же первая персона Александр, царь македонский»
- Гуковский Г. А. ♣ 158, 174, 177, 191, 365
- Гуревич А. М. ♣ 264, 265, 276–277, 302, 365
- Гюго (Hugo), Виктор ♣ 209, 212; «Кромвель» («Cromwell») 209, 212
- Даль, Владимир Иванович ♣ 223, 255
- Даннинг (Dunning), Ч. ♣ 140, 158, 169, 379
- Дашков, Дмитрий Васильевич ♣ 168
- Дворский А. ♣ 191, 284, 289, 365
- «Дева озера» («Lady of the Lake») см. Скотт В.
- Девичье поле 12; ♣ 8, 12; 103, 107, 108, 122, 131, 133, 144, 145, 146, 147, 164, 197, 202, 234, 330
- Дельвиг (Delwig), Антон Антонович, бар. ♣ 128–129, 130, 148, 202, 214–215, 344, 365; «Борис Годунов» 214–215, 365; «В 39-м № „Северной пчелы“...» 129 («статья Дельвига»); «„Дмитрий Самозванец“. Исторический роман. Сочинение Фаддея Булгарина...» 128 («рецензия А. А. Дельвига»)
- Дельвиг, Софья Михайловна ♣ 202
- «Деметрий Иванович. Царь Московский» («Demetrius Iwannowitsch, Zaar von Moskau») см. Коцебу А. Ф. фон
- «Деметриус» («Demetrius») см. Шиллер Ф.
- «Денница», альманах ♣ 101, 130, 351
- «Деревенский сторож» см. Жуковский В. А.
- Державин К. Н. ♣ 370
- Державина О. А. ♣ 161, 241, 262
- Дерманский монастырь ♣ 110 («в Дермане»)

- Дестунис, Спиридон, переводчик
Плутарха ❖ 371
- Джюльетта (Juliet) см. Шекспир У.,
«Ромео и Джульетта» ❖ 288
- Дикий А. Д. ❖ 200
- Димитрий Ростовский ❖ 164, 254,
365; «Четьи-Минеи» 163, 164,
254, 296, 365
- Димитрий Самозванец (Григорий
Отрепьев; «Григорий»,
«Отрепьев», «Гришка
Отрепьев», «Самозванец»,
«Димитрий», «Лжедмитрий»,
«Лжедмитрий»), «Расстрига») 13,
15–18, 21, 23–26, 31–37, 39–44,
48–49, 51, 59–60, 66–76, 78–94,
95–98, 101 («безбожного
злодея»), 102 («бродяги»),
104–107, 108, 112–116, 118–121,
122 («он»), 124, 127, 127 («он»),
133–136, 137–139, 142; ❖ 12–15,
17–20, 21, 24–29, 30 («беглый
еретик, вор, мошенник»), 31–32,
35–36, 37, 42–43, 46–52, 53
(«царевич»), 54, 55–56, 57–64,
65–70, 71, 73 («царевич»), 74,
75–81, 82 («он»), 83, 85, 88–89, 90
(«царевич»), 91, 93; 102, 104–111,
113, 114, 119–121, 123 («Samozvanets»),
124–125, 126, 129, 136,
137, 146–151, 158, 160, 165, 168,
169, 172, 175–177, 180, 182, 184,
190, 191, 198, 199, 200, 202,
204–206, 210–212, 215–217,
220–222, 227, 231, 235–238, 242,
244, 246–249, 254–256, 259–262,
265–268, 273, 275–277, 279–290,
292–295, 297–300, 302–308,
311, 313, 316 («обманщику»),
317–321, 323, 326, 332, 333, 335, 336,
337, 341–342, 360, 372, 375, 380
- «Димитрий Самозванец». Исторический роман. Сочинение
Фаддея Булгарина...»
см. Дельвиг А. А.
- «Димитрий Самозванец»
см. Булгарин Ф. В.; Нарезный В. Т.; Сумароков А. П.
- Димитрий, царевич 3, 5
(«невинного младенца»), 21–23,
24 («несчастного младенца»),
47, 48, 60–64, 83, 88, 99–101,
108–109 («Царевичу»), 111
(«маленького Царевича»), 133;
❖ 4, 5 («невинного младенца»),
17–18, 19–20, 34–35, 43–45, 49,
60, 63, 68–69, 71, 73, 88; 104, 105,
106, 108, 109 («Царевич»),
110, 123 («маленького
царевича»), 158, 159–160 (в т. ч.
«царевич»), 161, 163 («кровь
Димитриева»), 164, 172, 175, 184,
210, 223–225 (в т. ч. «царевич»),
228, 236 (в т. ч. «царевич
Дмитрий Иванович»), 242–243,
244 (в т. ч. «девятилетний
святой мученик», «царевич»),
245, 253 (в т. ч. «царевич»), 254,
262, 266, 277 («Царевич»), 278,
290, 296 (в т. ч. «царевич»), 300,
332, 366–367, 372, 375
- «Дионизииз» см. Пушкин А. С.;
Сафо
- Дитмер (Dittmer), Адольф
см. Фонжере М. де
- Дмитриев, Иван Иванович
❖ 202–203, 287, 309; «Узда
и конь» 309; «Человек и конь»
309
- Дмитриев, Михаил Александрович
❖ 348; «Евгений Онегин»,
Роман в стихах. Соч. Алек-
сандра Пушкина. Глава IV и V»
348
- Дмитриева Е. Е. ❖ 168, 365
- Дмитрий Донской, кн. ❖ 232, 234
(«Донского»)
- Днепр ❖ 279
- Днепров монастырь ❖ 235
- Днестр ❖ 281
- Добиньи (Бодуэн Добиньи;
Baudouin d'Aubigny), Жан
Мари Теодор ❖ 261; «Сорока-
воровка, или Палезосская
служанка» («Pie voleuse, ou
la Servante de Palaiseau») 261

- Добрыничи ☛ 297, 300, 302, 304, 307
- Долгорукая, Наталья Борисовна, кн. см. Козлов И. И. «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»
- «Домик в Коломне» см. Пушкин А. С.
- Дон 71–72; ☛ 50; 232, 284 («к донским козакам»), 285, 306 («донцы»), 308 («600 мужественных донцев»), 368 («войска Донского»), 376 («донских казаков»)
- Донской монастырь, Москва ☛ 229, 232
- «Дополнение к Деяниям Петра Великого» см. Голиков И. И.
- Дранше, Жан ☛ 200
- Дризен Н. В. ☛ 199, 365
- Дубровицкая, кн. ☛ 283
- Дубровский, Владимир см. Пушкин А. С. «<Дубровский>» ☛ 261 «<Дубровский>» см. Пушкин А. С.
- Дурьлин С. Н. ☛ 183, 199, 365
- «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...» см. Пушкин А. С.
- Дюро де Ламаль (Dugueau de Lamalle), Жан Батист Жозеф Рене ☛ 279, 381
- Евангелие см. Библия
- Евангелик, Герасим, запорожский атаман ☛ 286
- «„Евгений Онегин“, Роман в стихах, Глава VII, Сочинение Александра Пушкина» см. Булгарин Ф. В.
- «„Евгений Онегин“, Роман в стихах, Соч. Александра Пушкина. Глава IV и V» см. Дмитриев М. А.
- «„Евгений Онегин“, Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина», аноним. рец. ☛ 348
- «„Евгений Онегин“, роман в стихах. сочинение Александра Пушкина, песнь 4 и 5» см. Погодин М. П.
- «Евгений Онегин» см. Пушкин А. С.
- Европа («Ешгоре», «европейский») ☛ 168, 176–177, 190, 191, 196, 209, 212, 233, 274, 350, 360, 361, 362, 380
- Евфимьев см. Ефимьев, дьяк
- Евфимьевский монастырь см. Ефимьевский монастырь
- Елена Павловна, вел. кн. ☛ 202
- Елец ☛ 232
- Елецкий, Ондрей, кн. ☛ 276
- Еремин В. И. ☛ 371
- «Ермак» см. Хомяков А. С.
- Ефимьев (Евфимьев), дьяк 26; ☛ 21; 150, 246
- Ефимьевский (Евфимьевский) монастырь, в Суздале 25; ☛ 21; 247
- Ефремов П. А. ☛ 147, 257, 341, 343, 348, 354–355, 356, 358, 365
- «Еще о „Борисе Годунове“, стихотворении А. С. Пушкина» см. Средний-Камашев И. Н.
- «Жакерия» («La Jacquerie») см. Мериме П.
- Жанна д'Арк («Орлеанская дева») см. Жуковский В. А., «Орлеанская дева»; Шиллер Ф., «Орлеанская дева»
- Жандр, Андрей Андреевич ☛ 95, 192, 194, 250–251, 352–353, 371; «Венцеслав» 95 («в отрывке своей прекра<сной> траг<едии>»); 192, 194 («трагедии Жандра»), 250–251, 352–353, 371
- Жданов Н. И. ☛ 165, 242, 305, 366
- Жданова, Ирина 22; ☛ 17; 243, 244
- Железный колпак (Иоанн Большой колпак), юридический ☛ 133, 163–164, 301
- Женгене (Ginguené), Пьер Луи ☛ 167, 380; «История итальянской литературы» («Histoire littéraire d'Italie») 167, 380

- Жирмунский В. М. ❖ 186, 187, 362, 366
- Жуковский (Joukovsky), Василий Андреевич ❖ 103, 104, 113, 114, 130–136, 137 («Mr Joukovsky»), 139, 144, 145, 155, 163, 168, 169, 192, 201–202, 203, 204, 205, 256, 329, 344, 352, 358, 363, 366; «Деревенский сторож» 192; «Орлеанская дева» 192, 352, 358; «Тленность» 192
- Жуковский П. В. ❖ 103
- «Жуковский. – Пушкин. – О новой пиитике бैसे» см. Вяземский П. А.
- Загоскин, Михаил Николаевич ❖ 128; «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» 128
- Загряжский, Владимир ❖ 161, 224
- «Заметки на полях статьи П. А. Вяземского „О жизни и сочинениях В. А. Озерова“» см. Пушкин А. С.
- ««Заметки на полях статьи М. П. Погодина „Об участии Годунова в бегении царевича Димитрия„»» см. Пушкин А. С.
- «Замечания на *Анналы Тацита*» см. Пушкин А. С.
- «Замечания на *Комедию о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве*» см. Булгарин Ф. В.
- «Замечания на сочинение А. С. Пушкина „Борис Годунов“» см. Плаксин В. Т.
- «Замок Отранто» («*The Castle of Otranto: A Gothic Story*») см. Уолпол Х.
- Занеглинье, Москва ❖ 253
- «Записка о древней и новой России» см. Карамзин Н. М.
- Запорожская Сечь ❖ 286 («запорожцев»), 290, 306 («Запорожцы»)
- Захарьево (Захарово) 35; ❖ 27; 260, 360
- Звенигород ❖ 260
- Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
- Зернов, Дмитрий Александрович ❖ 363
- Зимин А. А. ❖ 160, 366
- Золотая Грановитая палата (Золотая Царицына палата) ❖ 218–219
- «Иван Выжигин» см. Булгарин Ф. В.
- Иван Калита ❖ 226, 234
- Иван, внук слепого старца, исцелившегося в Угличе 100; ❖ 69
- Иванов, Аверкий см. Палицын А.
- Иванов В. Н. ❖ 219
- Игнатий Антохийский, св. 66 («святый Игнатий»); ❖ 46 («св<ятый> Игнатий»); 280
- Иезекииль, пророк ❖ 296
- Иезуитова Р. В. ❖ 140, 141, 366
- Израиль ❖ 302
- «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...» см. Пушкин А. С.
- Иисус Христос (Christus) 50; ❖ 36; 126, 245 («неведомого ребенка»), 269, 281, 302
- Иловойский Д. И. ❖ 160, 366
- Иоанн (Иван) III Васильевич 10 («могущим Иоаннам»), 124; ❖ 11 («могущим Иоаннам»); 82; 123, 233, 234, 237 («роскошь Иоаннов»), 238, 309–310
- Иоанн (Иван) IV Васильевич (Грозный) 10 («могущим Иоаннам»); 15, 17, 19–20, 47, 50, 51, 63, 70, 83, 88 («тень Грозного»), 93, 124 («свирепый внук»), 128; ❖ 11 («могущим Иоаннам»); 13, 15, 16, 34, 36–37, 44, 48, 60, 63 («тень Грозного»), 65, 82 («свирепый внук»), 85 («Грозного»); 108, 123 («свирепый внук»), 126, 155, 156, 159, 161, 162, 163, 194 («свирепый внук»), 204, 223, 226, 227, 228, 229, 233, 234, 236–241, 244, 250, 259, 264, 265, 267, 268, 269, 270

- («Грозный»), 275, 281, 283–284, 285, 295, 300, 301, 308, 310, 321, 323, 368
- Иоанн Безземельный, король Англии *см.* Катенин П. А., «Пир Иоанна Безземельного»
- Иоанн Большой колпак *см.* Железный колпак
- Иоанн Дамаскин ☛ 247
- Иоанн Иоаннович, сын Иоанна Грозного ☛ 250
- Иоанн Предтеча ☛ 247
- Иоанн, апостол ☛ 280
- Иоанн, датский герцог 29 («жениха»), 53, 54 («Ивана Королевича»); ☛ 23 («жениха»), 38 («Ивана-королевича»), 39; 150 («Иван королевич»), 254, 274
- Иоасаф, архимандрит Каменский ☛ 241
- Иов, патриарх 1, 2, 8, 9, 10, 25–26, 62, 95, 97–101, 102, 125, 130; ☛ 3, 7, 8, 10, 20–21, 44, 66–67, 70, 83, 86; 111, 162, 164, 189, 191, 194, 197, 205, 211, 219, 221–223, 232–233, 234 («патриарха»), 235, 241–242 (в т. ч. «Иев»), 246, 247 (в т. ч. «Job»), 248, 270, 293, 295 («слуги патриаршие»), 304, 316, 330
- Иона, игумен Святогорского монастыря ☛ 335
- Иона, ростовский митрополит ☛ 246, 248
- Иосиф Волоцкий ☛ 221 «Ипатьевская летопись» ☛ 228
- Ирод 11; ☛ 73; 121, 123, 158, 255, 302
- Испания («испанский») 193, 245, 360–361
- «Испанцы в Перу, или Смерть Роллы» *см.* Коцебу А. Ф. Ф. фон
- «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями на пути к Троице и в сем монастыре» *см.* Карамзин Н. М.
- «Исторический взгляд на русский театр до начала XIX столетия» *см.* Греч Н. И.
- «Историческое известие о российском театре» *см.* Малиновский А. Ф.
- «История государства Российского» *см.* Карамзин Н. М.
- «История итальянской литературы» («Histoire littéraire d'Italie») *см.* Женгене П. Л.
- «История Карла XII» («Histoire de Charles XII») *см.* Вольтер
- «История Российская от древнейших времен» *см.* Щербатов М. М.
- «История русского народа» *см.* Полевой Н. А.
- Италия («итальянский»; «Italie») ☛ 167, 192, 352, 376, 377, 380
- Иуда Искарriot ☛ 243–244
- Иудея («иудейский») ☛ 176, 189, 302
- «Ифигения в Тавриде» («Iphigénie auf Tauris») *см.* Гете И. В.
- «Ифигения в Тавриде» *см.* Востоков А. Х.
- «К Батюшкову» («Философ резвый и прит...») *см.* Пушкин А. С.
- «К Лицинию» («Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице...») *см.* Пушкин А. С.
- Каве (Cavé), Ижен Огюст *см.* Фонжере М. де
- Кавказ ☛ 132, 134, 140, 149, 275
- «Кавказ» («Кавказ подо мною. Один в вышине...») *см.* Пушкин А. С.
- Казань («казанский») 17, 32, 68, 92; ☛ 15, 47, 65; 156, 197, 237, 257–259, 281, 283, 284
- Казы-Гирей (Буре-Гази-Гирей, Гази-Гирей II) ☛ 19 («хан»); 229, 232, 333
- Калайдович, Константин Федорович ☛ 282
- Калитин П. В. ☛ 190
- Кальдерон де ла Барка, Педро ☛ 193, 360
- «Каменный гость» *см.* Пушкин А. С.
- Капитолий ☛ 326

- Капулетти см. Шекспир У., «Ромео и Джульетта» ❖ 288
- Карамзин (Karamsine; Karamzine) Н. М. ❖ 94 («одного»), 95; 102, 104–106, 108–109, 111, 120–122, 129, 140, 144, 154–155, 157–159, 160–169, 180, 184, 188, 201, 202, 208, 210, 212–214, 216, 218–244, 246–250, 252–256, 259–290, 292–311, 313–314, 316–321, 323–325, 330–332, 339, 342, 345, 346, 358, 362, 365, 366, 367, 369, 371; «Записка о древней и новой России» 157; «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями на пути к Троице и в сем монастыре» 156–157; «История государства Российского» 102, 104–106, 120 («сочинение Карамзина»), 121 («у Карамзина»), 122 («у Карамзина»), 129 («следовали Карамзину»), 140 («у Карамзина»), 154–155 («Изучение... Карамзина»), 157–159, 160 («версию Карамзина»), 161 (по «нотам Карамзина»), 162, 163 («рассуждений Карамзина»), 164–167, 169 («десятый том Карамзина»), 180, 184 («морализаторской тенденции Карамзина»), 188 («последний том Карамзина»), 208, 212 («из Карамзина»), 213 («следование Карамзину»), 216 («по версии Карамзина»), 218–244, 246–250, 252–256, 259–290, 292–311, 313–314, 316–321, 323–325, 330–332, 339 («Изучение <...> Карамзина»), 342 («Изучение <...> Карамзина»), 358 («Изучение <...> Карамзина»), 362, 366, 369, 371; «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» 324, 367; «Письма русского путешественника» 325
- Карамзина, Екатерина Николаевна ❖ 144 («дочери Карамзина») Карамзина, Софья Николаевна ❖ 144 («дочери Карамзина») Каратыгин, Василий Андреевич ❖ 198–199 Каратыгина (Колосова), Александра Михайловна ❖ 198–199, 366 Карела (Корела), Андрей, казачий атаман 71; ❖ 50; 285, 308 Карелина, Александра Николаевна ❖ 202 Карл IX Ваза, шведский король 96 («Свейский Государь»); ❖ 67 («свейский государь»); 294 Карл (Charles) XII, шведский король ❖ 306 Карпов А. А. ❖ 185, 366 Карповы, кн. ❖ 270–271 Катенин, Павел Александрович ❖ 170, 192, 198, 199, 210–211, 250, 359, 366; «Андромаха» 170; «Пир Иоанна Безземельного» 192 Катилина (Catilina), Луций Сергий ❖ 326 Качалов, Никита Данилович 22 («убийцам»; «злодеев»), 23 («злодеи»); ❖ 4, 17 («убийцам»; «злодеев»), 18 («злодеи»); 224–225, 243 Кашин, Михаил, кн. 297 Кенье (Caigniez), Луи Шарль ❖ 261 «Сорока-воровка, или Палезосская служанка» («Pie voleuse, ou la Servante de Palaiseau») 261 Киев ❖ 110, 227 («великий князь Киевский»), 284 Киреевский, Иван Васильевич ❖ 172–172, 203, 204, 206, 218, 366; «Обозрение русской литературы за 1831 год» 172–173, 218, 366; «Нечто о характере поэзии Пушкина» 206, 366 Киреевский, Петр Васильевич ❖ 204 Кирилл, игумен Белозерского монастыря ❖ 240–241

- Кирилл многострадальный, инок
19; ♣ 15–16; 240
- Кирилло-Белозерский монастырь
♣ 204 («Кирилово монасты-
ря»), 226, 240–241, 273
- Клейн В. К. ♣ 160, 366
- Клемент, раб Агриппы Постума
♣ 166
- Клеопатра (Cleopatra)
см. Шекспир У., «Антоний
и Клеопатра»
- Клешнин, Андрей ♣ 224, 278
- Ключевский В. О. ♣ 160, 228–229,
367
- Кнабе Г. С. ♣ 167, 367
- Кнорринг (Knorring), Карл фон
♣ 217, 277; «Russische Bib-
liothek für Deutsche» von Karl
Knorring» 217
- «Княгиня Наталья Борисовна
Долгорукая» см. Козлов И. И.
- «Коварство и любовь»
см. Шиллер Ф.
- Ковель ♣ 283
- Кожеозерский монастырь ♣ 271
- Козлов В. П. ♣ 157, 367
- Козлов, Иван Иванович ♣ 122, 240,
372; «Чернец» 122; «Княгиня
Наталья Борисовна Долго-
рукая» 372
- Козмин Н. К. ♣ 179, 367
- Коломна, город ♣ 321 («коломен-
ские дворяне»)
- Коломна, район Петербурга
см. Пушкин А. С., «Домик
в Коломне»
- Колосова, Александра Михайловна
см. Каратыгина А. М.
- Кольчев, Сергей ♣ 241
- Коллюпанов Н. П. ♣ 115, 206, 367
- Комарницкая волость ♣ 307
- «Комедия о крепости Грубетона,
в ней же первая персона
Александр, царь македонский»
♣ 119
- «Комедия о Фронталасе, царе
Эпирском, и Мирандоле, сыне
его, и о прочих» ♣ 119
- «Комедия о честном изменнике,
в ней же первая персона Архуц
Фридерик фон Поплей» ♣ 119
- «Комедия Страшное изображение
второго пришествия Господня
на землю» ♣ 329
- «Комедия царство Мира» ♣ 329
- «Комидия, притча о блудном сыне»
♣ 329
- Комовский, Василий Дмитриевич
♣ 142
- Констан де Ребекк (Constant de
Rebecque), Бенжамен ♣ 187–189,
367, 379; «Валленштейн»
(«Wallstein») 187, 379
- Константин Мономах, византий-
ский император ♣ 227
- «Конь и всадник» см. Крылов И. А.
- «Король Генрих IV» («King Henry IV»)
см. Шекспир У.
- «Король Генрих V» («The Life of
King Henry V») см. Шекспир У.
- «Король Ричард II» см. Шекспир У.
- «Король Ричард III» («The Tragedy
of King Richard III»)
см. Шекспир У.
- Коротких Т. А. ♣ 168
- Корсини, Доминик Антонович
♣ 200
- Корш Ф. Е. ♣ 284, 367
- Костомаров Н. И. ♣ 160, 367
- Коханова С. Б. ♣ 324, 367
- Коцебу (Kotzebue), Август Фридрих
Фердинанд фон ♣ 168, 365;
«Деметрий Иванович. Царь
Московский» («Demetrius
Iwannowitsch, Zaar von
Moskau») 168; «Испанцы
в Перу, или Смерть Роллы»
192
- Кошелев, Александр Иванович
♣ 115, 205–206, 367
- Кошелев В. А. ♣ 174, 352, 367
- Кошелева, Дарья Николаевна ♣ 115
(«А. И. Кошелев <...> в письме
к матери»)
- Краевский, Андрей Александрович
♣ 160, 367

- Краков 47, 56, 59, 61, 66, 67; ♣ 34, 40, 42, 43, 46, 53; 113, 144, 150, 190, 265, 267, 277, 279, 281 («краковских иезуитов»), 286, 292, 335
- Красная площадь, Москва (Торг, Троицкая площадь) 8; ♣ 7; 107, 146, 195, 230, 231 («площади»), 318
- Краснобородько Т. И. ♣ 245, 367
- Красное крыльцо 9; ♣ 7; 231
- Красное Село ♣ 265, 318, 319 («красносельцы»)
- «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» см. Щербатов М. М.
- «Краткая церковная история» см. Платон, митрополит
- Кремлевские палаты 1, 10; ♣ 3, 10; 107, 164, 177, 218, 232, 237, 244, 249, 279, 333
- Кремль 9, 90, 93, 101, 139, 140; ♣ 8, 64, 65, 69, 91; 107, 217, 218–219, 227, 230, 231, 232, 235, 303, 320, 330, 376
- «Критический взгляд на X и XI томы Истории Государства Российского, сочиненной Н. М. Карамзиным» см. Булгарин Ф. В.
- «Кровавая ночь» см. Нарезный В. Т.
- «Кромвель» («Cromwell») см. Гюго В.
- Кромы 122; ♣ 82; 276, 308, 316
- Крылов Г. А. ♣ 374
- Крылов, Иван Андреевич ♣ 198, 205, 309; «Конь и всадник» 309
- Крыпецкий монастырь ♣ 110
- Крюковский, Матвей Васильевич ♣ 170; «Пожарский, или Освобожденная Москва» 170
- Кузнецова Р. Д. ♣ 367
- Кулагин А. В. ♣ 190
- Куликово поле ♣ 232
- Куракины, род ♣ 156
- Курбский, Андрей Михайлович, кн. 68–70, 92–93; ♣ 47–48, 65; 184, 256, 281–284, 362
- Курбский, Александр ♣ 282
- Курбский, Димитрий Андреевич ♣ 184, 281–283
- Курбский, Яков ♣ 282
- Курбский, кн., сын А. М. Курбского, вымышл. 68–70, 92–94, 119–120; ♣ 47–48, 65–66, 80; 281–283, 362
- «Курбский», дума см. Рылеев К. Ф.
- «Курс драматургии» («Cours de littérature dramatique, traduit de l'allemand») см. Шлегель А. В.
- Кутузов, Алексей Михайлович ♣ 255
- Кюхельбекер, Вильгельм Карлович ♣ 192, 352; «Артивяне» 95; 192, 352
- Лаборд, Александр де ♣ 245
- Лаваль, Иван Степанович, гр. ♣ 205
- Лавицкий, Андрей, иезуит ♣ 280
- Лазарчук Р. М. ♣ 182, 367
- Лапкина Г. А. ♣ 199, 368
- Ларионова Е. О. ♣ 140, 177, 208, 218, 368, 372
- Леве-Веймар (Loevé-Veimars), Франсуа Адольф ♣ 209; «Сцены современные и сцены исторические, оставшиеся от г-жи виконтессы де Шамийи» («Scènes contemporaines et scènes historiques laissées par m-me la vicomtesse de Chamilly») 209
- Левин Ю. Д. ♣ 177, 181, 182, 200–201, 368
- Левкович Я. Л. ♣ 139, 338, 339–340, 347, 354, 355, 356, 359, 368, 374
- Левшин, Петр Егорович см. Платон, митрополит
- Леонид, спутник Мисаила ♣ 256
- Леонид, старец ♣ 109–110
- Лернер Н. О. ♣ 345, 368
- «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства...» см. Щербатов М. М.

- Летурнер (Letourneur), Пьер ☛ 178, 179, 251, 288, 312, 314, 315, 322, 332, 380
- Лжедмитрий *см.* Димитрий Самозванец
- Лжедмитрий I *см.* Димитрий Самозванец
- Лжедмитрий II ☛ 281, 369
- Ливен, Карл Андреевич, кн. ☛ 141, 143, 346
- Ливны ☛ 285
- Ливония ☛ 283, 297 («ливонского дворянина»)
- Ливонская война ☛ 225, 281, 284
«Лига, исторические сцены» («La Ligue, scènes historiques») *см.* Вите Л.
- Линин А. М. ☛ 285, 368
- Листов В. С. ☛ 165, 305, 324, 326, 331, 332, 368
- Литва («литовский») 17, 32, 34, 35, 48, 51, 57, 58, 61, 67, 69 («с Литовцами»), 94, 133; ☛ 15, 19, 24, 26, 27, 35, 36, 41, 43, 46, 47 («с литовцами»), 66, 88; 110, 111, 125, 126, 130, 131, 162, 190 («польско-литовских политических кругов»), 225, 235, 237, 246 («литвином»), 256, 259, 267, 273, 277, 280 («Польско-Литовского государства»), 281, 282, 283 («с Литовцами»), 285 («литвина Свирского»), 288, 306, 319
- Литовская граница 31, 42, 60, 92; ☛ 24–32, 43, 65–66; 101, 107, 112, 113, 114, 120, 122, 130, 144, 160, 196, 255, 260, 292, 333
- «Литературная газета» ☛ 128–129, 207, 214, 353, 365, 382
- «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», газета ☛ 103, 147, 148, 216, 217, 382
- Лихачев Д. С. ☛ 371
- Лициний *см.* Пушкин А. С., «К Лицинию»
- Лобанов М. А. ☛ 371
- Лобанов, Михаил Евстафьевич ☛ 169
- Лобное место, Москва 137; ☛ 90; 107, 195, 265, 296, 318–319
- Лойола (Loyola), Игнатий Иниго Лопес де Рекальде ☛ 280
- Ломоносов, Михаил Васильевич ☛ 240, 287; «Российская грамматика» 240; «Богиня, дщерь божеств, науки основавших...» 287
- Лонгинов, Михаил Николаевич ☛ 203, 375
- Лондон ☛ 322
- Лопе де Бера (Vega Carpio; «Lopez de Vega») ☛ 97; 168
«Великий герцог Московский»; («El gran duque de Moscovia») 168
- Лопухин, Иван Владимирович ☛ 255
- Лотман Л. М. ☛ 130, 168, 170, 190, 287, 317, 369
- Лотман М. Ю. ☛ 194, 196, 369
- Лотман Ю. М. ☛ 325, 369
- Луёвы горы 34, 35; ☛ 26, 27; 125, 256, 259–260
- Лузянина Л. Н. ☛ 163, 369
- Лука, евангелист ☛ 232
- Лукьяненко А. М. ☛ 168, 369
- Луначарский А. В. ☛ 364
- Луппол И. К. ☛ 364, 373
- Львов, город ☛ 281, 282
- Любомирские, польский аристократический род ☛ 284
- Людовик XV, французский король ☛ 324
- Людовик XVI, французский король ☛ 324, 326 («Людовик»)
- Людовик XVIII, французский король ☛ 294
- «Мазепа» («Mazepa») *см.* Байрон Дж. Г. Н.
- Мазур Н. Н. ☛ 208, 369
- Маймин Е. А. ☛ 174, 352, 369
- Макбет *см.* Шекспир У., «Макбет» ☛ 201
- «Макбет» («Macbeth») *см.* Шекспир У.

- Макиавелли (Machiavelli), Николо
 ☛ 167–168; «Государь» («Il Principe») 167–168
- Максимович, Михаил
 Александрович ☛ 101
- «Маленькие трагедии»
 см. Пушкин А. С.
- Малиновский, Алексей Федорович
 ☛ 274, 330, 337; «Историческое
 известие о русском театре»
 330, 337
- Малиновский, Иван Васильевич
 ☛ 256
- Малмыж ☛ 271
- Малый театр, Москва ☛ 199
- Малый театр, Петербург ☛ 352
- Мальцев, Иван Сергеевич ☛ 204
- Малюта см. Скуратов-Бельский Г. Л.
- Мангазея ☛ 275
- Маржерет (Margeret), Яков
 104–106; ☛ 73–75; 114, 121
 («Мержерета»), 131, 145, 164,
 166, 203, 286, 297, 298, 299, 300,
 336–337, 369, 380; «État de l’Em-
 pire de Russie et Grand Duché
 de Moscovie...» 164, 369, 380
- Мариинский театр, Петербург
 ☛ 199
- «Марина Мнишек, супруга
 Димитрия Самозванца»
 см. Булгарин Ф. В.
- Мария, Пресвятая Дева,
 Богородица 111; ☛ 73; 123, 222,
 302, 322 («the holy mother of our
 Lord», «la sainte mère de notre
 Saveur», «Пречистой девой»)
- «Марфа Посадница, или
 Покорение Новгорода»
 см. Карамзин Н. М.
- Марфа, инокиня см. Романова К. И.
- «Марфа, Посадница Новгород-
 ская» см. Погодин М. П.
- Маскевич, Самуил ☛ 276, 281, 369
- «Материалы для заметок в газете
 „Дневник“» см. Пушкин А. С.
- Матфей, евангелист ☛ 302
- Матюшкин, Федор Федорович
 ☛ 256
- Маффеи, Шипионе ☛ 351
- «Медный Всадник» см. Пушкин А. С.
- «Медок (Медок в Уаллах)»
 («Попутный ветр. – Идет
 корабль...») см. Пушкин А. С.
- «Медок» («Madox») см. Саути Р.
- «Междудействие, или Разговор
 в театре о драматическом
 искусстве» ☛ 171
- Мейерхольд В. Э. ☛ 200, 370
- Мелентьева, Василиса, шестая жена
 Иоанна Грозного ☛ 265
- Мелентьева, Мария, жена
 Г. Г. Пушкина ☛ 264–265
- Мельгунов, Николай
 Александрович ☛ 207, 208
- Мельников (Печерский) П. И.
 ☛ 258, 369
- Мельпомена ☛ 177
- Мерилу (Merilhou), Жозеф ☛ 324,
 380
- Мериме (Mérimée), Проспер
 ☛ 209; «Жакерия»
 («La Jacquerie») 209
- «Меропа» («Mérope») см. Вольтер
- Милославские, кн. 57; ☛ 40; 275
- Мильчина В. А. ☛ 367
- Миляновичи, поместье А. М. Курб-
 ского ☛ 283
- «Минерва», журнал ☛ 325–326
- Минин, Кузьма (Козьма)
 Захарьевич (Сухорук) ☛ 266
- Минье (Mignet), Франсуа Огюст
 ☛ 324
- Мирабо (Mirabeau), Оноре Габ-
 риэль Рикетти, гр. ☛ 324–326,
 380
- Мирандол см. «Комедия
 о Франталасе, царе Эпирском,
 и Мирандоле, сыне его,
 и о прочих»
- Мисаил 31–33, 36–42; ☛ 24–31; 111,
 124–125 («Мисоил»), 133, 165,
 248, 255–257, 259
- Михайлова Н. И. ☛ 326, 369
- Михайловское ☛ 94 («в строгом
 уединении»), 96 («a la sam-
 pagne»); 111, 116, 117, 118, 164, 167,

- 171, 186, 202, 204 («в деревню»), 324, 333, 335, 246 («в михайловской ссылке»), 356 («в деревне»), 364
- Мицкевич (Mitzkewitsch), Адам
 ❧ 148, 205
- «Мнемозина», альманах ❧ 352
- «Мнение митрополита Платона о Дм<итрии> Сам<озванце>...» см. Пушкин А. С.
- Мнишек (Mnişex), Марина 67, 74–76, 78–91; ❧ 46, 52–64; 103, 106, 109, 113, 114, 120, 134, 144, 146–147, 164–165, 177, 180, 191, 193, 198, 200, 211, 212, 217, 279, 281, 286, 287–288, 292, 336
- Мнишек (Mniczek), Юрий 67, 74–77, 87 («перед моим отцем»), 134; ❧ 46, 52, 53 («род Мнишков»), 55–57, 62 («перед моим отцом»), 88; 113, 146, 160, 165, 191, 195, 267, 281, 284 («Мнишек»), 287–289, 311, 336, 381
- Модзалевский Б. Л. ❧ 144, 159, 164, 166, 202, 324, 351, 369–370
- Модзалевский Л. Б. ❧ 345, 358, 374
- «Мои пенаты» см. Батюшков К. Н.
- Молчанов, Михаил Андреевич 141; ❧ 92; 320–321
- Мольер (Molière), Жан Батист
 Поклен ❧ 189, 193; «Амфитрион» («Amphitryon») 193
- «Монах» («Хочу воспеть, как дух нечистый Ада...») см. Пушкин А. С.
- Мономах см. Владимир Мономах
- Монтень (Montaigne), Мишель де
 ❧ 94 («Монтань»); 345 («Монтань»), 346, 380
- Моор, Франц см. Шиллер Ф., «Разбойники» ❧ 277
- Морозов П. О. ❧ 102, 103, 218, 251, 257, 327, 328, 341, 358, 370
- Морохин В. Н. ❧ 371
- Мосальский-Рубец, Василий Михайлович, кн. 141, 142; ❧ 92, 93; 320–321
- Москва («Moscou», «Moskau»; «московский»; «москвичи») 1, 2, 9, 16, 26, 34, 35, 39, 45, 49, 54, 71, 73, 74, 78, 80, 82, 85, 90, 92–94, 96, 108, 112–114, 117 («Москалей»), 122, 132, 133, 137, 138; ❧ 3, 4, 8, 9, 14, 21, 26, 29, 33, 36, 39, 48, 49, 52–55, 57, 58, 60, 61, 64–66, 71, 76, 77, 79 («москалей»), 81, 87, 88, 90; 106, 107, 109, 113, 115–118, 122, 125, 131–135, 138, 140, 144, 162, 182, 190, 191, 193, 196, 197, 199, 203, 205–208, 211, 212, 219–223, 226–229, 231–233, 235–237, 246–248, 252–254, 256, 259, 260, 262, 265, 266, 268, 270, 273–275, 281, 282, 285, 288, 289, 292, 294–296, 298, 300–303, 305, 307, 316, 318, 319, 321, 323, 325, 330, 331, 333, 346, 347, 348 («московитские куклы»), 349, 352, 357, 361, 362, 369, 379
- «Москвитянин», журнал ❧ 147, 149–150, 151
- Москвичева Г. В. ❧ 176, 370
- Московия («Moscovie», «Moscovia») ❧ 164, 369, 380
- «Московский вестник», журнал ❧ 101, 117–118, 130, 149, 151, 162, 171, 172, 178, 207, 210, 338, 341, 342, 347, 351, 357, 362, 366, 371–372, 378, 382
- «Московский телеграф», журнал ❧ 208, 213, 214, 348–349, 363, 372
- Московское государство ❧ 110, 111, 161, 190, 196, 222, 227, 368
- Моцарт, Вольфганг Амадей см. Пушкин А. С., «Моцарт и Сальери»
- «Моцарт и Сальери» см. Пушкин А. С.
- «Моя родословная» («Смесь жестоко над собратом...») см. Пушкин А. С.
- Мстислав Храбрый ❧ 228
- Мстиславский, Федор Иванович, кн. 113; ❧ 76; 229, 297, 302–303, 304, 305, 308

- Мусоргский (Musorgsky) М. П.
 ♣ 255, 259, 370, 381; «Борис Годунов» 255, 259, 370
- «<Наброски предисловия к „Борису Годунову“>»
 см. Пушкин А. С.
- Нагавский (Цымлянский) городок
 ♣ 285
- Нагая, Мария Федоровна 22
 («Царицы», «Царица мать»);
 ♣ 17 («царицы», «царица мать»); 104, 155–156, 223, 243
 («мать», «в глазах царицы»),
 244, 278 («Царицы»)
- Нагие, род ♣ 224, 253, 268
- Нагой, Афанасий ♣ 253
- Надежин, Николай Иванович
 ♣ 186, 209, 211, 215–216, 240, 277,
 370; «„Борис Годунов“. Сочинение
 А. Пушкина. Беседа старых знакомцев»
 186, 209, 211, 215–216, 277, 370; «Современное
 направление просвещения»
 209, 370
- Наполеон I Бонапарт ♣ 175, 282, 294,
 380
- Нарежный, Василий Трофимович
 ♣ 169, 192; «Дмитрий Самозванец»
 169; «Кровавая ночь» 192
 «<Начало автобиографии>»
 см. Пушкин А. С.
- «Не говорите: „То былое“...»
 см. Хомяков А. С.
- «Не люблю — не слушай, а лгать
 не мешай» см. Шаховской А. А.
- «Невский альманах» ♣ 101
- «Недоросль» см. Фонвизин Д. И.
- Нежакож, Михайло, казачий
 атаман ♣ 285
- Незеленов А. И. ♣ 116, 370
- «Неильские вечера» («Les soirées
 de Neuilly, des esquisses dramati-
 ques et historiques»)
 см. Фонжере М. де
- Ней, Мишель ♣ 294, 380
- Нейи (Neuilly) см. Фонжере М. де,
 «Неильские вечера»
- Немезида ♣ 216, 217, 327
- Немецкий театр, Петербург
 ♣ 168
- Немировский И. В. ♣ 201
- Нерон (Néron), римский
 император ♣ 245
- «Несколько беспристрастных слов
 о новых журналах
 и альманахах на 1827 г.»
 см. Свиный П. П.
- «Несколько слов о Пушкине»
 см. Гоголь Н. В.
- Нестор, летописец ♣ 204
- «Нечто о характере поэзии Пуш-
 кина» см. Киреевский И. В.
- «Нечто об Отрепьеве»
 см. Погодин М. П.
- Нижний Новгород ♣ 333
 («Нижегородской области»)
- Никитин А. Г. ♣ 275, 370
- Никодим, монах 19; ♣ 16; 241
- Никодим, монах Кирилло-
 Белозерского монастыря ♣ 241
- Никола Псковский, св. ♣ 301
- Николай I ♣ 115–116, 118 («без
 разрешения царя»), 119, 126–127
 (в т. ч. «царь»), 133 («к имени
 царя»), 134, 135 («государю
 императору»), 136–137 («царю»,
 «Вашего императорского
 величества повелению»), 138
 («L'Empereur»; «Sa Majesté»;
 «Государь»), 139, 141 («государя
 императора»), 143 («государя
 императора», «царь»), 144, 186,
 199 («доклад царю»), 201–202
 («перед новым царем»), 315,
 361, 376
- Николка, юродивый 109–111;
 ♣ 71–73; 105, 106, 114, 120, 121,
 123, 131, 133–134, 136, 145, 151, 152,
 194, 196, 200, 300–301
- Никольский девичий монастырь,
 Чебоксары ♣ 271
- Никольский монастырь, Киев
 ♣ 110
- Никоновская летопись ♣ 111, 162,
 220, 241, 247, 254, 374

- Новгород 15, 54; ❖ 13 («новгородском Вече»), 39; 236 («новгородцев»), 324 («Новгорода»)
- Новгород-Северский 104, 113 («под Северским»); ❖ 73, 76 («под Северским»); 107, 116, 122, 131, 132, 144, 164, 166, 211, 216, 293, 297–299, 302, 303, 318, 336
- Новиков, Николай Иванович
❖ 329, 335, 370; «Древняя российская виблиофика» 329; «Опыт исторического словаря о российских писателях» 335, 370
- Новодевичий монастырь, Москва 1 («к монастырю»), 2 («в монастыре»); ❖ 3 («к монастырю»); 8, 9; 103, 107, 122, 144, 146, 147, 164, 197, 202, 221, 222, 232, 234, 330–331, 371
- «Новый летописец» ❖ 162, 363
- Нольман М. Л. ❖ 291, 325, 370
- Ныробская волость ❖ 271
- «О „Борисе Годунове“, сочинении Александра Пушкина. Разговор» см. Белинский В. Г.
- «О втором томе „Истории русского народа“ Полевого» см. Пушкин А. С.
- «О Гавр<иле> Григ<орьевиче> Пушк<ине>» см. Пушкин А. С.
- «О Германии» («De l'Allemagne») см. Сталь А. Л. Ж. де
- «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» см. Вяземский П. А.
- «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» («De la littérature...») см. Сталь А. Л. Ж. де
- «О народной драме и драме „Марфа Посадница“» см. Пушкин А. С.
- «О народном воспитании» см. Пушкин А. С.
- «О подражании Христу» («Imitatio Christi») см. Фома Кемпийский
- «О поэзии классической и романтической» см. Пушкин А. С.
- «О рифме» см. Розен Е. Ф.
- «<О романах Вальтера Скотта>» см. Пушкин А. С.
- «О русском государстве...» («Of the Russe Common Wealth...») см. Флетчер Дж.
- «О трагедии Венцеслав, соч. Ротру, переделанной Г. Жандром» см. Одоевский А. И.
- «<О трагедии>» см. Пушкин А. С.
- «<Об „Евгении Онегине“>» см. Веневитинов Д. В.
- «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» см. Погодин М. П.
- «Обзор российской словесности за 1828 год» см. Сомов О. М.
- «Обозрение русской литературы за 1831 год» см. Киреевский И. В.
- «Обозрение русской словесности за 1827-й год» см. Шевырев С. П.
- Оболенский, Василий Иванович ❖ 204
- Овсянников Ю. М. ❖ 331, 371
- Одесса ❖ 261, 284
- Одоевский, Александр Иванович, кн. ❖ 194, 371; «О трагедии Венцеслав, соч. Ротру, переделанной Г. Жандром» 194, 371
- Одоевский, Владимир Федорович, кн. ❖ 118
- Озеров, Владислав Александрович ❖ 170, 197
- Оксман Ю. Г. ❖ 340, 342, 348, 354, 355, 359, 364, 373, 379
- Октавий Цезарь см. Шекспир У., «Антоний и Клеопатра»; см. также Август ❖ 252
- Олин, Валериан Николаевич ❖ 211, 214, 371; «„Борис Годунов“, сочинение» А. Пушкина» 211, 214, 371

- Олончинская, София ☛ 165
 Ольга, инокиня *см.* Годунова К. Ф.
 Ольга, кн. 69 («город Ольгин»);
 ☛ 47 («город Ольгин»); 283
 Ольдекоп, Евстафий Иванович
 (Христиан Вильгельм Август)
 ☛ 199, 217
 Онегин-Отто А. Ф. ☛ 102, 112, 369,
 371
 «<Опровержение на критики>»
см. Пушкин А. С.
 «Опыт отражения некоторых
 нелитературных обвинений»
см. Пушкин А. С.
 Орда ☛ 226
 «Орлеанская дева» («Die Jungfrau
 von Orleans») *см.* Шиллер Ф.
 «Орлеанская дева»
см. Жуковский В. А.
 Орлов, Александр Анфимович
 ☛ 129, 339
 Орлов А. С. ☛ 263, 371
 Орлов П. А. ☛ 158, 371
 Орлова, Екатерина Николаевна
 ☛ 113, 114
 Оружейная палата, Москва ☛ 227
 «Освобожденная Москва»
см. Херасков М. М.
 Островский А. Н. ☛ 369
 «Отечественные записки», журнал
 ☛ 149, 206, 327, 382
 Отранто (Otranto) *см.* Уолпол Х.,
 «Замок Отранто»
 Отрепьев, Богдан-Яков, отец
 Григория ☛ 246
 Отрепьев, Григорий *см.* Димитрий
 Самозванец
 Отрепьев, Замятня, дед Григория
 ☛ 236, 246, 247 («у деда»)
 Отрепьевы, род 25, 41; ☛ 21, 31; 246
 «Отрывки из писем, мысли
 и замечания» *см.* Пушкин А. С.
 Павел I ☛ 175
 Паерле (Peyerle), Ганс Георг ☛ 292
 Палезо (Palaiseau) *см.* «Сорока-
 воровка, или Палезосская
 служанка»
- Палицын, Авраамий ☛ 110–111, 161,
 162, 163, 229, 241, 253, 371; «Ска-
 зание Авраамия Палицына»
 110–111, 161, 162, 229, 241, 253, 371
 Палицын, Валериан, фиктивный
 автор «Комедии о царе
 Борисе...» ☛ 110
 «Памятник отечественных муз»,
 альманах ☛ 169
 Панченко А. М. ☛ 301, 371
 Париж («Paris», «парижский»)
 ☛ 102, 164, 177, 209, 294, 325, 351,
 363, 369
 Пельым ☛ 271
 Переяславль ☛ 275
 Перлина Н. ☛ 252, 332, 371
 Пермь («пермские <...> леса») 55;
 ☛ 39; 271, 275 (в т. ч. «князя
 пермского»)
 Перовский, Алексей Алексеевич
 ☛ 205
 Персия ☛ 285
 «Песенка Афродите»
см. Пушкин А. С.; Сафо
 Пестель, Павел Иванович ☛ 167
 Петербург («петербургский»;
 «St. Peterbourg») ☛ 103, 117, 118,
 132, 134, 135, 140, 147, 168, 205,
 206, 207, 212, 215, 217, 237, 333,
 347, 352, 357, 365
 Петр I ☛ 165, 183 («Медный
 Всадник»), 305, 332, 333 («отца»,
 «царя»), 364, 368
 Петр, апостол 66; ☛ 46; 280
 Печерский монастырь, Киев ☛ 110,
 235
 Пимен, игумен Стодольского
 монастыря ☛ 236
 Пимен, инок Днепра монастыря
 ☛ 235
 Пимен, летописец 13–24, 26;
 ☛ 12–18, 21; 105 («Летописец»),
 107 («Летописец»), 108 (в т. ч.
 «Летописец»), 111 («Пимен
 летописец»), 120, 148, 162, 163,
 164, 191, 197, 202, 204, 205
 («с монахом»), 207, 215, 216,
 235–236, 239, 240, 241

- «Пир во время чумы»
см. Пушкин А. С.
- «Пир Иоанна Безземельного»
см. Катенин П. А.
- «Письма русского путешественника»
см. Карамзин Н. М.
- «Письмо в Париж»
см. Вяземский П. А.
- «<Письмо к издателю „Московского вестника“>»
см. Пушкин А. С.
- «Письмо к лорду ***»
см. Виньи А. де
- Плаксин, Василий Тимофеевич
❖ 212, 277, 371; «Замечания на сочинение А. С. Пушкина „Борис Годунов“» 212, 277, 371
- Платон, митрополит (Левшин, Петр Егорович) ❖ 190, 341, 366; «Краткая церковная история» 190
- Платонов С. Ф. ❖ 160, 161, 371
- Плетнев, Петр Александрович
❖ 134–135, 139, 140, 143, 144, 153, 191, 202, 207, 210, 212, 277, 338–340, 347
- Плещеев, Наум Михайлович
❖ 106, 107, 265, 318
- Плутарх ❖ 326, 371; «Сравнительные жизнеописания» 326
- Пнин, Иван Петрович ❖ 309; «Верховая лошадь» 309
- Погодин, Михаил Петрович ❖ 113, 116, 117–118, 128, 140, 148–149, 151, 157, 159–160, 161, 162 («к издателю „Московского вестника“,»), 170, 171 («к издателю „Московского вестника“»), 172 («к издателю „Московского вестника“»), 175, 178, 180, 203, 204–205, 207–208, 210, 224, 266, 338, 341 («к издателю „Московского вестника“»), 342 («к издателю „Московского вестника“»), 347 («к издателю „Московского вестника“»), 349, 350, 351 («к издателю „Московского вестника“»), 357 («к издателю „Московского вестника“»), 371–372; «Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве» 113, 204–205, 372; «„Евгений Онегин“, роман в стихах, сочинение Александра Пушкина, песнь 4 и 5» 349, 371; «Марфа, Посадница Новгородская» 178, 210, 349–350, 351, 352; «Нечто об Отрепьеве» 148–149, 372; «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» 157, 159–160, 161 («цитированная выше статья Погодина»), 175, 224, 371–372; «Прогулка по Москве» 266
- Пожарский, Дмитрий Михайлович, кн. ❖ 170, 266
- «Пожарский, или Освобожденная Москва» см. Крюковский М. В.
- Покровский М. М. ❖ 166, 167, 181, 298, 314, 315, 372
- Полевой, Ксенофонт Алексеевич
❖ 213, 372; «„Полтава“, поэма Александра Пушкина» 213, 372
- Полевой, Николай Алексеевич
❖ 176, 183, 208, 213–214, 216, 309, 372; «„Борис Годунов“ (Сочинение Александра Пушкина)» (1831) 213, 216 («заметка Н. Полевого 1831 г.»), 372; «„Борис Годунов“. Сочинение Александра Пушкина» (1833) 176, 213, 372; «История русского народа» 208, 309; «<Рецензия на поэму И. Козлова „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“>» 213, 372; «„Чека“. Уральская повесть. Сочинение Федора Алексева» 213, 372
- Полевой П. Н. ❖ 103, 372
- Полотняный Завод ❖ 347
- Полоцк ❖ 283
- Полтава ❖ 306
- «„Полтава“, поэма Александра Пушкина» см. Полевой К. А.
- «Полтава» см. Пушкин А. С.

- Польша («польский»; «поляки», «Polish»; «лях», «ляхи») см. также Речь Посполитая 61, 67, 70, 84, 88 («Полячкой»), 89, 96 («Ляха»), 104 («Ляхи»), 107 («Ляхи»), 117, 119 («Ляхов»), 134; ❖ 43, 46, 48, 53, 60, 63 («полячкой»), 64, 67 («ляха»), 73 («ляхи»), 75 («ляхи»), 79, 80 («Ляхи»), 88; 106, 165, 190–191, 195, 196, 203, 204, 205, 213, 225, 235, 236, 262, 273, 276, 280 («Польско-Литовского государства»), 281, 282, 283, 284, 286, 288, 294, 297, 300 («ляхи»), 365, 380
- Поньрко Н. В. ❖ 371
- Поплей, Фридерик фон см. «Комедия о честном изменнике, в ней же первая персона Арцух Фридерик фон Поплей»
- «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» см. Пушкин А.С.
- Посольский приказ ❖ 119, 330, 337
- Потапова Г. Е. ❖ 206
- «Презрев и голос <?> укоризны...» см. Пушкин А.С.
- Преображения, церковь, в Угличе 99, 100 («святыи Собор»); ❖ 68, 69 («св<ятыи> собор»); 290 («в церкви»)
- «Примечание о памятнике князю Пожарскому и гр<ажданину> Минину» см. Пушкин А.С.
- «Прогулка по Москве» см. Погодин М.П.
- «<Проект предисловия к VIII и IX главам „Евгения Онегина“>» см. Пушкин А.С.
- Псалтирь см. Библия
- Псков 69; ❖ 47 («город Ольгин»); 225–226, 283, 301 («Никола Псковский»)
- Публичная библиотека, Петербург ❖ 103
- Пугачев, Емельян Иванович ❖ 294
- Пустынь Св. Николая на Выксе ❖ 244
- Путивль 122; ❖ 82; 306, 307, 308
- Пушкин, Александр Сергеевич (Pouchkin, Pouschkin, Pouschkin, Puškin, Pushkin, Puschkin) «<Байрон>» ❖ 353–354; «Барышня-крестьянка» 260; «В начале жизни школу помню я...» 286–287; «Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха...» см. «<Опровержение на критики>» 341, 342; «<Возражение на статью „Ате-нея“>» 349; «Вольность» («Беги, сокройся от очей...») 326; «Воспоминания в Царском Селе» («Навис покров угрюмой ночи...») 334; «Гаврилица» 192, 194, 197; «Герой» («Да, слава в прихотях вольна...») 215; «Дионизии» 358; «Домик в Коломне» 153 (в т. ч. «Окт<а-вы>»); «<Дубровский>» 261; «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...» 97; 330 («набросок <6>»), 341, 342, 343, 357–358; «Евгений Онегин» 95; 104, 108, 129, 154 («Онег<ин>»), 289 («к онегинской строфе»), 348–349, 362, 371; «<Заметки на полях статьи М.П. Погодина „Об участии Годунова в убийстве царевича Димитрия“>» 175, 224; «<Заметки на полях статьи П.А. Вяземского „О жизни и сочинениях В. А. Озерова“>» 170; «Замечания на Анналы Тацита» 166–167; «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...» 95–96; 250, 339, 340, 343, 346–354, 356, 358; «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...») 287; «К Лицинию» («Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице...») 334; «Кавказ» («Кавказ подо мною. Один

- в вышине...») 344–345;
 «Каменный гость» 153, 290;
 «Маленькие трагедии» 153
 (в т. ч. «сцены»), 183, 198, 377;
 «<Материалы для заметок
 в газете „Дневник“>» 316;
 «Медный Всадник» 183; «Медок
 (Медок в Уаллах)» («Попутный
 веет ветер. — Идет корабль...») 354;
 «Мнение митрополита
 Платона о Дм<итрии> Сам<о-
 званце>...» 190 («об отклике
 Пушкина»), 341–342, 366;
 «Монах» («Хочу воспеть, как
 дух нечистый Ада...») 192;
 «Моцарт и Сальери» 153; «Моя
 родословная» («Смеясь
 жестоко над собратом...») 266;
 «<Наброски предисловия
 к „Борису Годунову“>» 341;
 «<Начало автобиографии>»
 266, 275, 309; «<О втором томе
 „Истории русского народа“
 Полевого>» 190, 309; «О Гав-
 р<иле> Григ<орьевиче>
 Пушк<ине>» 266, 341, 343;
 «<О народной драме и драме
 „Марфа Посадница“>» 178,
 349–350, 351, 352; «О народном
 воспитании» 166; «О поэзии
 классической и роман-
 тической» 344; «<О романах
 Вальтера Скотта>» 185;
 «<О трагедии>» 170, 341, 344;
 «<Опровержение на критики>»
 129, 210, 239, 264, 266, 277, 308,
 339, 341, 344, 348, 349, 353, 355;
 «Опыт отражения некоторых
 нелитературных обвинений»
 129, 339, 353; «Отрывки из пи-
 сем, мысли и замечания» 309;
 «Песенка Афродите» 358; «Пир
 во время чумы» 153; «<Письмо
 к издателю „Московского вест-
 ника“>» 162, 171, 172, 178, 338,
 341, 342, 347, 351, 357; «Полтава»
 94; 215, 344, 372; «Послушай, де-
 душка, мне каждый раз...» 192;
 «Презрев и голос <?> укориз-
 ны...» 293; «Примечание о па-
 мятнике князю Пожарскому
 и гр<ажданину> Минину» 266;
 «<Проект предисловия к VIII
 и IX главам „Евгения Онеги-
 на“>» 349; «Разговор книго-
 продавца с поэтом» («Стишки
 для вас одна забава...») 193;
 «<Разговор о критике>» 354;
 «<Роман в письмах>» 353; «Ру-
 салка» («Над озером, в глухих
 дубровах...») 122; «С величай-
 шим отвращением решаюсь
 я выдать в свет Бориса Годуно-
 ва...» 94; 341, 342, 343–344, 347;
 «<С> отвращением решаюсь
 я выдать в свет...» 94–95, 339,
 340, 342, 343, 344–346, 347;
 «Сказка о царе Салтане, о сыне
 его славном и могучем богаты-
 ре князе Гвидоне Салтановиче
 и о прекрасной царевне Лебе-
 ди» 153; «Скупой рыцарь» 153;
 «Стихотворения Александра
 Пушкина» (1826) 354; «Стихо-
 творения Александра Пушки-
 на» (1829) 154; «Сцена из Фау-
 ста» («Мне скучно, бес...») 187,
 250; «<Тазит>» 354; «Торже-
 ство дружбы, или Оправдан-
 ный Александр Анфимович
 Орлов» 129, 339; «Труд» («Миг
 вожделенный настал: окончен
 мой труд многолетний...») 345;
 «Цыганы», поэма 104, 202;
 «Элегия» («Я видел смерть;
 она в молчаньи села...») 290;
 «Je me présente...» 96; 339–340,
 341, 342, 343, 354–355, 356;
 «Lorsque j'écrivais cette
 tragédie...» 96; 341, 342, 343, 354,
 355–357; «Pour une préface...» 97;
 339; («фрагмент <7>»), 340, 341,
 343, 355, 358–359; «Table-talk»
 189
 Пушкин, Афанасий Михайлович,
 вымышл. 46–52, 56, 57, 59;

- ❖ 34–37, 40, 42; 133, 145, 264, 268, 269, 302
 Пушкин, Гаврила Григорьевич 47–48, 68, 118–121, 132–135, 137–139; ❖ 34, 35, 47, 51, 79–81, 87–89, 90–91, 96 («одного из предков моих»); 106, 107, 177, 262, 264–266, 302, 318–319, 353
 Пушкин, Евстафий (Остафий) Михайлович ❖ 264, 276
 Пушкин, Лев Сергеевич ❖ 167, 171, 192, 256 («к брату»), 277 («к брату»), 347 («брата»)
 Пушкин, Михайло Никитич (Рожон) ❖ 302
 Пушкин, Николай Сергеевич ❖ 260
 Пушкин, Ивашка ❖ 276
 Пушкин, Левонтий ❖ 276
 Пушкина, Наталья Николаевна см. Гончарова Н. Н.
 Пушкины, род 58; ❖ 41; 275, 276, 302, 375
 Пуцци, Иван Иванович ❖ 164, 256, 296, 333, 335, 373
 Пяст В. А. ❖ 193, 373
 Рабо Сент-Этьен, Жан Поль де ❖ 325
 Радзивиллы, польский аристократический род ❖ 284
 «Радуга», альманах ❖ 353
 Радша ❖ 275, 302
 Раевский, Николай Николаевич, младший ❖ 108, 109, 112, 155, 177, 180, 186, 265–266, 273, 338, 340–343, 347, 351, 356
 «Разбойники» («Die Räuber») см. Шиллер Ф.
 «Разговор о „Борисе Годунове“ А. С. Пушкина» см. Глинка С. Н.
 «<Разговор о критике>» см. Пушкин А. С.
 Рангони, папский нунций ❖ 279, 280
 Расин (Racine), Жан Батист ❖ 95, 97; 176–177, 347, 349, 350, 361; «Гофолия» («Athalie») 176, 361
 Рассадин С. Б. ❖ 183, 374
 «Рассказы о Пушкине» см. Шевырев С. П.
 «Рассуждение о древней и новой трагедии» см. Вольтер
 Реизов Б. Г. ❖ 167, 175, 178, 245, 374
 Рейтблат А. И. ❖ 122, 374
 Репнины, кн. ❖ 270–271
 «<Рецензия на поэму И. Козлова „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“>» см. Полевой Н. А.
 Речь Посполитая ❖ 266, 267 («Республики») см. также Польша
 Ризнич, Амалия ❖ 284
 Ричард II Плантагенет, король Англии см. Шекспир У., «Король Генрих IV» ❖ 315
 Ричард III Плантагенет, король Англии см. Шекспир У., «Ричард III» ❖ 175 («Король Ричард»), 181, 182, 322 («Richard»), 323
 Рогачевский А. Б. ❖ 198, 374
 Рожалин, Николай Матвеевич ❖ 204
 Рождествено см. Рылеев К. Ф., «Царевич Алексей Петрович в Рождествене»
 Рожнов, дворянин 112–117 (в т. ч. «Пленник»); ❖ 75–79 (в т. ч. «Пленник»); 302
 Розен, Вальтер (Волмар) 104–107; ❖ 73–75; 131, 164, 166, 167, 297, 300, 336
 Розен (Rosen), Егор Федорович, бар. ❖ 103, 128, 147, 148, 149, 154, 196, 216–217, 340, 374, 380; «„Борис Годунов“ etc., d<as> I<st> „Boris Godunow“ etc., d<as> St. Peterbourg, 1831» 103, 147, 148, 216–217, 380; «О рифме» 196, 374
 Розов В. А. ❖ 168, 169, 374
 Ролла см. Коцебу А. Ф. Ф. фон, «Испанцы в Перу, или Смерть Роллы»
 «<Роман в письмах>» см. Пушкин А. С.
 Романов, Александр Никитич ❖ 269, 270, 271

- Романов, Василий Никитич ☛ 269, 271
- Романов, Иван Никитич ☛ 269, 271
- Романов, Михаил Никитич ☛ 269, 271
- Романов, Федор Никитич (Филарет) ☛ 269, 271
- Романов, Михаил Федорович ☛ 271
- Романова, Ирина ☛ 269
- Романова, Ксения Ивановна (инокия Марфа) ☛ 271
- Романовы, род 50; ☛ 36; 126, 157, 159, 165, 246–247, 264, 269–271
- Ромео (Romeo) см. Шекспир У., «Ромео и Джульетта» ☛ 288
- «Ромео и Джульетта» («Romeo and Juliet») см. Шекспир У.
- Ронен И. ☛ 191, 374
- «Российская грамматика» см. Ломоносов М. В.
- Россини (Rossini) Джоакино Антонио ☛ 261; «Сорокаворовка» («Gazza ladra») 261
- Россия («Russie») 11, 61, 88, 125, 133, 137; ☛ 11, 43, 63, 83, 88, 90; 105, 108, 111, 120, 122, 157, 159, 162, 165, 169, 173, 189, 190, 192, 203, 206, 209, 219, 221, 222, 225, 228, 229, 234–236, 241, 245, 247, 249, 252, 256, 263, 266, 274, 275, 281–284, 288, 292, 294, 303, 308, 313, 316, 319, 321, 330, 338, 350, 352, 353, 362, 366, 367, 369, 375, 377, 378
- «Россияда» см. Херасков М. М.
- Ростов («ростовский») ☛ 221, 246, 248
- Ростовские, кн. ☛ 105, 220
- Ротру (Rotrou), Жан де ☛ 192, 250–251, 352, 371; «Венцеслав» («Venceslas») 192, 250–251, 352–353, 371
- Рузя, служанка Марины Мнишек, вымысел. ☛ 52–54; 336
- Румянцев Н. П. ☛ 292
- Румянцевский музей см. Государственная библиотека им. В. И. Ленина
- «Русалка» («Над озером, в глухих дубровах...») см. Пушкин А. С.
- «Русская литература», журнал ☛ 201
- «Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра», альманах ☛ 171, 250–251, 330, 337, 353, 374
- «Русский архив», журнал ☛ 128, 147, 159, 174, 217, 365
- «Русский вестник», журнал ☛ 183, 330
- Русь 5, 20, 32, 67, 92, 93, 94; ☛ 5, 16, 24, 46, 65, 66; 155, 227, 232, 233, 241, 242 («всё Руси»), 248, 256, 259, 263, 361, 371
- Руффо (Ruffo), Марко (Марк Фрязин) ☛ 219
- Рылеев, Кондратий Федорович ☛ 193, 251, 282, 332–333, 374, 375; «Царевич Алексей Петрович в Рождестве» 193, 332–333; «Борис Годунов» 251; «Курбский» 282
- Рыльск 121; ☛ 81; 306, 307
- Рюрик 6 («Рюриковой крови»); ☛ 6 («Рюриковой крови»); 105 («Рюр<икова> пл<емени>»), 111 («князя Рюрикова племени»), 219 («племени Рюрика»), 220 («князя Рюрикова племени»), 225 («династия Рюриковичей»), 226 («Рюриковых <...> наследников»), 227 («Рюриковой крови»), 228, 333 («династия Рюриковичей»)
- «С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет Бориса Годунова...» см. Пушкин А. С.
- «<С> отвращением решаюсь я выдать в свет...» ☛ 94–95; 339, 340, 342, 343, 344–346, 347 см. Пушкин А. С.
- Сабуровы, род ☛ 226, 363

- Савицкий А., переводчик статьи
Е. Ф. Розена ☛ 103, 147, 148, 216
- Савицкий, иезуит ☛ 286
- Сакулин П. Н. ☛ 364
- Салтан, царь см. Пушкин А. С.,
«Сказка о царе Салтане...»
- Салтыков, Михаил Глебович 57;
☛ 40; 270, 275–276, 285
- Сальери, Антонио см. Пушкин А. С.,
«Моцарт и Сальери»
- Самбор (Санбор) 67, 74; ☛ 46, 52;
113, 146, 191, 195, 256, 267, 279,
281, 282, 287–289, 336
- Самуил, пророк ☛ 189
- Сандлер (Sandler) Ст. ☛ 185, 201,
374, 380
- Саул ☛ 189
- Саути (Southey), Роберт ☛ 354;
«Медок» («Madoc») 354
- Сафо ☛ 358, 359; «Песенка Афро-
дите» 358; «Дионизиис») 358
- Сватонь (Svaton) В. ☛ 325, 381
- Свиньин, Павел Петрович ☛ 206;
«Несколько беспристрастных
слов о новых журналах
и альманахах на 1827 г.» 206
- Святогорский монастырь ☛ 256,
335
- «Северная пчела», газета
☛ 128–129, 130, 143, 206, 208,
250, 277, 305, 348, 349, 382
- «Северные цветы», альманах ☛ 101,
130, 256 («Цветов»), 375
- «Северный архив», журнал ☛ 165,
282, 330, 369, 371, 376, 382
- Севск 112; ☛ 75; 102, 107, 165, 191,
297, 302, 304, 306, 307
- Семевский М. И. ☛ 202, 363, 374
- Семенова, Екатерина Семеновна
☛ 192
- «Семирамида» («Sémiramis»)
см. Вольтер
- Сена (Seine) ☛ 305, 306
- Сергий, инок 19; ☛ 16; 241
- Серман И. З. ☛ 158, 185, 210, 244,
247, 374
- Сибирь 50, 55; ☛ 36, 39; 126, 264,
275, 276
- Сигизмунд III Ваза, король
Польши и Швеции («король»)
48–49, 59, 87, 89; ☛ 35–36, 42, 53,
62, 64; 266–267, 268, 276, 280,
281, 285, 286, 294
- Сидяков Л. С. ☛ 193, 374
- Синявский Н. А. ☛ 118, 143, 375
- Сиповский В. В. ☛ 251, 375
- Сисмонди (Sismondi), Жан Шарль
Леонар Симонд де ☛ 167, 380;
«De la Littérature du midi
de l'Europe» 167 («труд
Сисмонди»), 380
- Сицкие, кн. 50; ☛ 36; 105, 126, 165,
220, 269, 270–271
- Сицкий, Иван Васильевич, кн.
☛ 270–271
- «Сказание Авраамия Палицына»
см. Палицын А.
- «Сказка о царе Салтане...»
см. Пушкин А. С.
- Скотт (Scott), Вальтер ☛ 120, 127,
136, 185–186, 212, 216, 298,
305–306, 380; «Уэверли, или
Шестьдесят лет назад»
(«Waverley, or 'tis sixty Years
since») 298; «Дева озера» («Lady
of the Lake») 305–306
- Скруп, Ричард, архиепископ
Йоркский см. Шекспир У.,
«Генрих IV» ☛ 251
- Скрынников Р. Г. ☛ 160, 226, 264,
265, 276, 286, 292, 375
- Скулачева Т. В. ☛ 378
- «Скупой рыцарь» см. Пушкин А. С.
- Скуратов-Бельский, Григорий
Лукьянович (Малюта) 5;
☛ 5; 165, 226, 238, 264, 270,
275
- Слонимский А. Л. ☛ 158, 174, 183,
251, 375
- «Смерть Генриха III» («La Mort
de Henri III») см. Виге Л.
- Смирдин, Александр Филиппович
☛ 143
- Смирнов, дьяк 26; ☛ 21; 150, 248
- Смирнов-Сокольский Н. П. ☛ 143,
375

- Собакина, Марфа, третья жена
Ивана Грозного : 155 («цари-
цы Марфы»)
- Собаньская, Каролина : 284
- Собаньский, Александр : 284
- Собаньский, Иероним : 284
- Собаньский, шляхтич 70; : 48; 284
- Соболевский, Сергей
Александрович : 118, 128, 203,
208, 375, 377
- «Собрание некоторых театральных
сочинений, с успехом
представленных в Московском
публичном театре» : 330
- «Современник», журнал : 266,
374, 375
- Соколова Л. В. : 263
- Сокольникови, Москва : 279
- Солари (Solarì), Пьетро Антонио
(Петр Фрязин) : 219
- Соловецкий монастырь 26; : 21;
248
- Соловки : 246, 248
- Соловьев В. И. : 364
- Соловьев С. М. : 160, 375
- Сомов, Орест Михайлович : 199,
349, 375; «Обзор российской
словесности за 1828 год» 349,
375
- «Соревнователь просвещения
и благотворения», журнал
: 206, 352, 376, 382
- «Сорока-воровка, или Палезосская
служанка» («Pie voleuse, ou la
Servante de Palaiseau»)
см. Добиньи Ж. М. Т.
- «Сорока-воровка» («Gazza ladra»)
см. Россини Дж. А.
- Сорокин Ю. С. : 255, 375
- Соскин В. : 302, 375
- «Сочинения Александра Пушкина.
Статья десятая»
см. Белинский В. Г.
- «Сравнительные жизнеописания»
см. Плутарх
- Средний-Камашев, Иван
Николаевич : 209, 211, 212–213,
376; «Еще о „Борисе Годунове“,
стихотворении А. С. Пушкина»
209, 211, 212–213, 376
- Сталь (Staël-Holstein), Анна Луиза
Жермена де : 178, 179–180,
187, 189, 381; «О Германии»
(«De l'Allemagne») 187, 189
(«в своей книге»), 381; «О лите-
ратуре, рассмотренной в связи
с общественными установле-
ниями» («De la littérature...»)
179–180, 381
- Старицкий монастырь : 222
- Стародуб : 256, 260
- Строганов М. В. : 327, 376
- Суздаль 25; : 21; 247
- Сумароков, Александр Петрович
: 169, 170, 197, 309, 376; «Димит-
рий Самозванец» 169, 309
- Сумской острог : 271
- Сутупов, Богдан, дьяк : 321
- Сухомлинов М. И. : 122, 131, 143, 376
- Сухоруков, Василий Дмитриевич
: 285, 368, 376
- «Сцена из Фауста» («Мне скучно,
бес...») см. Пушкин А. С.
- «Сцены современные и сцены
исторические, оставшиеся от
г-жи виконтессы де Шамийи»
(«Scènes contemporaines et
scènes historiques laissées par
m-me la vicomtesse de Chamilly»)
см. Леве-Веймар Ф. А.
- «Сын отечества», журнал : 208,
371, 376
- Таврида (Tauris) см. Гете И. В.
«Ифигения в Тавриде»;
Востоков А. Х., «Ифигения
в Тавриде»
- «<Тазит>» см. Пушкин А. С.
- Тамерлан (Темир-Аксак) : 232
- Тарки : 275
- Тархова Н. А. : 165, 305, 324, 326,
332, 368
- Тацит (Tacite, Tacitus), Гай
Корнелий : 166–167, 245,
278–279, 360, 367, 379, 381;
«Анналы» 166–167, 278–279

- Тверской, кн. ☛ 256
 Телепнев-Оболенский, Иван Федорович, кн. ☛ 323
 «Телескоп», журнал ☛ 129, 210, 215, 370, 382
 Телятевские, кн. ☛ 220
 Телятевский, Андрей Андреевич, кн. ☛ 105
 Тиберий, римский император ☛ 166–167, 245, 278–279
 Тимофеев, Иван ☛ 161; «Временник» 161
 Тимофеев Л. И. ☛ 197, 376
 Тимофеев С. П. ☛ 181, 313, 376
 Титов, Владимир Павлович ☛ 204
 Тихомиров Н. Я. ☛ 219
 «Тленность» см. Жуковский В. А.
 Тобольск ☛ 264
 Томашевский Б. В. ☛ 127, 147, 177, 193, 194, 261, 289–290, 291, 294, 340, 342, 343, 345, 348, 350, 355, 356, 358, 359, 364, 373, 374, 376–377
 Томск ☛ 275
 Торг см. Красная площадь
 «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» см. Пушкин А. С.
 Тригорское ☛ 111, 374
 Трифон, вятский игумен ☛ 238, 246
 Троице-Сергиев монастырь ☛ 111, 156, 162
 Троицкая площадь см. Красная площадь
 Трубецкой, Дмитрий, кн. см. Херасков М. М. «Освобожденная Москва» ☛ 252
 Трубецкой, Никита Романович, кн. 95, 96; ☛ 66; 293–294
 «Труд» («Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...») см. Пушкин А. С.
 Тула ☛ 221, 283, 321
 Тургенев, Александр Иванович ☛ 203, 204, 205, 360
 Туринск ☛ 275
 Турьян М. А. ☛ 118, 377
 Тушино ☛ 276, 369
 Тьер (Thiers), Луи Адольф ☛ 324, 381
 Уаллы (Пушкин А. С., «Медок [Медок в Уаллах]») Углич 3, 21–22, 63, 99–100; ☛ 4, 17, 45, 68–69; 104, 163, 223, 224, 228, 253, 278, 290, 296, 366
 «Уже несколько лет неутомимая молва...» см. Бестужев-Рюмин М. А.
 «Узда и конь» см. Дмитриев И. И.
 Украина («украинцы») 84; ☛ 60; 256, 290
 Уолпол (Walpole), Хорас ☛ 350–351, 381; «Замок Отранто» («The Castle of Otranto: A Gothic Story») 351, 381
 Урал ☛ 370, 372 («уральская повесть»)
 Урусов А. И. ☛ 202, 365
 Усолье-Луда ☛ 271
 Успенский Б. А. ☛ 248, 377
 Успенский собор, Москва ☛ 232–233 (в т. ч. «в храме Успения»), 239 («в Соборной церкви Успения»)
 Уфа ☛ 271
 «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» («Waverley, or 'tis sixty Years since») см. Скотт В.
 Фальстаф см. Шекспир У., «Король Генрих IV» ☛ 182 («фальстафовскими сценами»)
 Фан-Хи см. Пушкин А. С. «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» ☛ 129
 Фан-Хо см. Пушкин А. С. «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» ☛ 129
 Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense), Карл Август ☛ 327, 381
 Фауст см. Пушкин А. С. «Сцена из Фауста»

- Федор (Феодор) Иоаннович 4, 6, 10 («Ангелу-Царю»), 20–21, 29, 128 («дядю»); ♣ 5, 6, 11 («ангелу-царю»), 16–17, 23, 85 («дядю»); 104, 105, 108, 155–156, 159–162, 164, 218–219, 221–223, 225, 230, 233–234, 241–242, 249–250, 253, 254, 267, 268, 269–270, 272, 314, 316, 321, 330, 368
- Федоров, Борис Михайлович ♣ 169, 206; «Годунов» 169, 206
- Федотова С. Б. ♣ 215
- Фельдман О. М. ♣ 199, 200, 377
- Филарет см. Романов Ф. Н.
- Филимонов, Владимир Сергеевич ♣ 211
- Филипп, митрополит Московский (Федор Кольчев) ♣ 239
- Филипка, слуга Евстафия (Остафья) Пушкина ♣ 276
- Филиппова Н. Ф. ♣ 186, 199, 377
- Филонов А. Г. ♣ 218, 220, 377
- Флетчер (Fletcher), Джильс ♣ 301, 380; «О русском государстве...» («Of the Russe Common Wealth...») 301, 380
- Флюэлен см. Шекспир У., «Генрих V» ♣ 298
- Фойницкий В. Н. ♣ 296, 313, 377
- Фок, Петр Яковлевич фон ♣ 134–135, 137
- Фома Кемпийский (Thomas a Kempis) ♣ 281; «О подражании Христу» («Imitatio Christi») 281
- Фома, фольклорный персонаж ♣ 335
- Фомичев С. А. ♣ 103, 177, 193, 197, 255, 256, 273, 333, 367, 372, 373, 374, 377
- Фонвизин, Денис Иванович ♣ 298; «Недоросль» 298
- Фонжере (Fongerey, de), М. де, коллективный псевдоним А. Дитмера и И. О. Каве ♣ 209; «Неильские вечера» («Les soirées de Neuilly, des esquisses dramatiques et historiques») 209
- Франция («французский», «французь») ♣ 53, 96; 140, 145, 146, 164, 166, 170–172, 175, 177, 178, 182, 185–188, 191, 192, 194, 203 («по-французски»), 207, 209, 216, 245, 251, 277, 279, 287, 288, 297–299, 312, 314, 317, 322, 324–326, 332, 339–340 («по-французски»), 347, 350–353, 367, 374, 376, 381
- Франталас, царь эфирский см. «Комедия о Франталасе, царе Эфирском, и Мирандоле, сыне его, и о прочих»
- Фридендер Г. М. ♣ 377
- Фрязин, Алевиз ♣ 219
- Фрязин, Марк см. Руффо М.
- Фрязин, Петр см. Солари П. А.
- Фульвия см. Шекспир У., «Антоний и Клеопатра» ♣ 332
- Хализев В. Е. ♣ 168, 377
- Хворостьянова Е. В. ♣ 195, 289, 353, 377
- Херасков, Михаил Матвеевич ♣ 252–253, 287, 377; «Освобожденная Москва» 252–253; «Россияда» 287
- Хлоино (Хлюино) 35; ♣ 27; 260
- Хлюино см. Хлоино
- Хлюстин, владелец бумажной фабрики ♣ 102
- Холинshed (Holinsshed, Голинshed), Рафаэль ♣ 180, 201
- Холл Э. ♣ 373
- Холопий приказ 51; ♣ 37; 126, 271–272
- Холшевников В. Е. ♣ 377
- Хомяков, Алексей Степанович ♣ 95; 118, 159, 174, 204, 351–352, 367, 369, 378; «Ермак» 95; 118, 174, 351–352; «Не говорите: „То былое“...» 159; «Царь Федор Иоаннович» 159
- Хомяков, Федор Степанович ♣ 174, 204
- Хоткевич, вымысл. ♣ 52
- Хотспер см. Шекспир У., «Король Генрих IV» ♣ 182

- Христиан IV, король датский ☛ 254
 Христос см. Иисус Христос
 «Хронограф» ☛ 262, 267, 296, 331
 Хрушов, Петр Лукич 70–71;
 ☛ 48–50; 151, 254, 279, 284–285
- «Царевич Алексей Петрович в Рождествене» см. Рылеев К. Ф.
 Царское Село см. Пушкин А. С., «Воспоминания в Царском Селе»
 «Царь Феодор Иоаннович» см. Хомяков А. С.
 Царьград ☛ 227, 232
 Цезарь, Гай Юлий («Кесарь») ☛ 181, 326
 Цицерон, Марк Туллий ☛ 284, 326, 379
 «Цыганы», поэма см. Пушкин А. С.
 Цявловская (Зенгер) Т. Г. ☛ 345
 Цявловский М. А. ☛ 117, 118, 143, 359, 364, 368, 372, 373, 375, 379
- Чаадаев, Петр Яковлевич ☛ 203, 233
 Чебоксары ☛ 271
 «Чека. Уральская повесть. Сочинение Федора Алексеева» см. Алексеев Ф. А.
 «„Чека“. Уральская повесть. Сочинение Федора Алексеева» см. Полевой Н. А.
 Чеканский ручей 35; ☛ 27; 260
 «Человек и конь» см. Дмитриев И. И.
 Чепчугов, Никифор Павлович 3; ☛ 4; 161, 224
 Череповец ☛ 244
 Черкасские, кн. ☛ 270
 Черкасский, Борис, кн. ☛ 246–247, 270 («князей Черкасских»), 271
 «Чернец» см. Козлов И. И.
 Чернигов 95; ☛ 66; 260, 293, 294
 Черниковский, Николай, патер 66–67; ☛ 46, 190; 191, 279, 280
 Чернышев В. И. ☛ 153, 240, 258–259, 289, 290, 291, 363, 378
- Чет, татарский мурза ☛ 226
 «Четьи-Минеи» см. Димитрий Ростовский
 Чехов А. П. ☛ 201
 Чистяков М. Б. ☛ 280, 378
 Чудов монастырь 13–24, 25–26, 41; ☛ 12–18, 19, 20–21, 31; 101, 102, 107, 108, 111, 117, 130, 150, 151, 162, 197, 204, 206, 207, 235, 236, 240, 245, 246 (в т. ч. «в обители Чудовой»), 247, 248 («иноками Чудовскими»), 255 («иноками чудовскими»), 308
 Чулков, Михаил Дмитриевич ☛ 258, 334–335, 378
- Шаликов, Петр Иванович, кн. ☛ 214, 378; «„Борис Годунов“. Сочинение Александра Пушкина» 214, 378
 Шамийи (Chamilly) де, виконтесса см. Лева-Веймар Ф. А., «Сцены современные и сцены исторические, оставшиеся от г-жи виконтессы де Шамийи»
 Шатобриан (Chateaubriand) де, Франсуа-Рене, виконт ☛ 245, 379
 Шахвердов С. А. ☛ 194, 196, 369
 Шаховской (Chakovskoi), Александр Александрович, кн. 109, 193; «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» 193
 Швеция («шведский») 96 («Свейский»); ☛ 67 («свейский»); 229, 266, 293, 294, 306
 Шевырев, Дмитрий, кн. ☛ 269
 Шевырев, Степан Петрович ☛ 128, 147, 149–150, 159, 170, 178, 180, 203, 204, 206, 208, 217, 372, 378; «Обозрение русской словесности за 1827-й год» 206, 378; «Рассказы о Пушкине» 178, 180, 203, 206, 378
 Шекспир (Shakespeare, Shakspeare), Уильям («шекспировский», «Шекспиров»; «Shakespearean») ☛ 95, 97; 120, 154, 167, 175, 177,

- 178, 178–183, 185, 186, 189,
195–196, 199, 200–201, 202, 209,
212, 213 (в т.ч. «шекспиризм»),
215, 250, 251, 288–289, 298, 301,
311–313, 314–315, 317, 322–323,
327, 332, 339, 340, 342, 346, 347,
349, 350–351, 352, 358, 360, 368
(в т.ч. «шекспиризм»), 372
(«шекспиризм»), 374, 376, 380;
«Антоний и Клеопатра» («Antony and Cleopatra») 251–252,
332, 371; «Гамлет» 351; «Король
Генрих IV» («King Henry IV») 182,
251, 311–313, 314–315, 317;
«Король Генрих V» («The Life of King Henry V») 251, 298; «Король Ричард II» («The Tragedy of King Richard II») 182; «Король Ричард III» («The Tragedy of King Richard III») 167, 175, 181, 182, 322–323; «Макбет» («Macbeth») 182, 201; «Ромео и Джульетта» («Romeo and Juliet») 195–196, 288, 380; «Юлий Цезарь» («Julius Caesar») 181
- Шемякин, кн. ♣ 256
- Шервинский С. В. ♣ 175, 176, 378
- Шереметев, Петр ♣ 285
- Шереметев, Федор ♣ 308
- Шерефединов, Андрей Васильевич 141; ♣ 92; 320–321
- Шестова, Мария, мать К. И. Романовой ♣ 271
- Шестунов, Владимир, кн. ♣ 271
- Шестунов, Федор, кн. ♣ 270, 271
- Шестуновы, кн. 50; ♣ 36; 126, 165, 269–271
- Шиллер (Schiller), Фридрих ♣ 120, 168–169, 170, 183, 187–188, 192, 213, 277, 352, 358, 361, 367, 369, 379; «Валленштейн» 169, 187–188, 367; «Валленштейнов лагерь» («Wallensteins Lager») 170, 187 («Лагерь Валленштейна»); «Деметриус» («Demetrius») 168–169, 379; «Коварство и любовь» 277; «Орлеанская дева» («Die Jungfrau von Orleans») 192, 352, 358; «Разбойники» («Die Räuber») 277
- Ширияев, Александр Сергеевич ♣ 208
- Шлегель (Schlegel), Август Вильгельм ♣ 171–172, 178–179, 182, 188, 189, 210 («наших Шлегелей»), 288, 301, 380; «Курсы драматургии» («Cours de littérature dramatique, traduit de l'Allemand») 171–172, 178–179, 188, 189, 288, 301, 380
- Шотландия ♣ 298 («горцев-шотландцев»), 305, 306 («шотландских гор»)
- Шоу (Shaw) Дж. Т. ♣ 195–196, 288–289, 378
- «Штаты в Блуа» («Etats de Blois») см. Вите Л.
- Шуйские, бояре ♣ 156, 157, 219–220, 225–226, 323
- Шуйский, Андрей Иванович ♣ 220
- Шуйский, Василий Иванович 1–7, 11–12, 45–52, 56 («Князь-Василья»), 57–64, 101–103, 113, 116, 128; ♣ 3–7, 11–12, 33–37, 40–45, 69–70, 76, 78, 85; 105, 106, 111, 113, 122, 129, 131, 132, 133, 158, 160, 162, 169, 177, 180, 184, 191, 193, 215, 216, 219–220, 221, 222, 223, 224–225, 260, 262, 264, 277, 278, 288, 290, 292, 296, 302–303, 304, 308, 323
- Шуйский, Димитрий ♣ 220, 275, 297
- Шуйский, Иван Петрович 5 («дядю моего»), 17; ♣ 5 («дядю моего»), 15; 220, 225–226, 237 («при Шуйском»)
- Щастный, Василий Николаевич ♣ 149
- Щеголев П. Е. ♣ 364
- Щелкалов, Андрей ♣ 230
- Щелкалов, Василий Яковлевич 9, 96; ♣ 7, 67; 111, 230–231, 293, 295

- Щербатов, Михаил Михайлович, кн. ♣ 160, 161–162, 164–165, 220, 305, 331–332, 368, 379; «История Российская от древнейших времен» 160, 164, 220, 305, 331–332, 379; «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» 165, 379; «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства...» 102, 111, 161–162, 265, 296, 368
- «Эгмонт» («Egmont») см. Гете И. В.
 «Эда» см. Баратынский Е. А.
 «Элегия» («Я видел смерть; она в молчании села...») см. Пушкин А. С.
 Эмерсон (Emerson) К. ♣ 158, 176, 379, 381
 Энгельгардт, Василий Васильевич ♣ 256
 Энгиенский, герцог, Луи Антуан Анри ♣ 175
 Энобарб см. Шекспир У., «Антоний и Клеопатра» ♣ 332
 Эткинд (Etkind) Е. Г. ♣ 185, 294, 369, 378, 380
 «Эхо», журнал ♣ 215, 363
- Юзефович, Михаил Владимирович ♣ 134, 378
 «Юлий Цезарь» («Julius Caesar») см. Шекспир У.
 «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» см. Загоскин М. Н.
 Юрий см. Георгий, св.
 Юрьев день 35, 51; ♣ 26, 37; 121, 125, 126, 131, 260, 272
 Юрьев, Никита Романович ♣ 156, 269
 Юрьева, Анастасия Романовна ♣ 159 («первой жены царя Ивана IV»), 269
- Языков, Александр Михайлович ♣ 169 («братьям»), 378
 Языков, Николай Михайлович ♣ 116, 169, 205, 378
 Языков, Петр Михайлович ♣ 169 («братьям»), 205, 378
 Якобсон Р. О. ♣ 194–195, 379
 Яков V, король Шотландии см. Скотт В., «Дева озера» ♣ 305
 Яковлев, Михаил Алексеевич ♣ 214, 379; «Борис Годунов» 214, 379
 Якубович Д. П. ♣ 290
 Якушкин В. Е. ♣ 102, 103, 355, 379
 Яренск ♣ 271
- Allemagne см. Германия
 «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin insérée dans un journal de Moscou („Московский вестник“») см. Веневитинов Д. В.
 Angleterre см. Англия
 Augsburg см. Аугсбург
 Augustus см. Август, Октавиан
- Varante см. Барант А. Г. П. Б. де
 Vasmanoff см. Басманов П. Ф.
 Baudouin d'Aubigny см. Добиньи
 Beauvais см. Бове Ж. Б. Ш. М.
 Blois см. Блуа
 Bolingbroke см. Болингброк
 «„Boris Godounoff“, poème dialogué d'Alexandre Pouschkine» см. Бурнашев В. П.
 Bowerstock G. W. ♣ 167, 379
 Brody E. C. ♣ 168, 379
 Buckingham см. Бекингем
 Byron см. Байрон Дж. Г. Н.
- Caigniez см. Кенье Л. Ш.
 Catilina см. Катилина, Луций Сергий
 Cavé см. Каве И. О.
 Chakovskoï см. Шаховской А. А.
 Chamilly см. Шамийи де, виконтесса
 Charles XII см. Карл XII
 Chateaubriand см. Шатобриан Ф. Р.

- Christum *см.* Иисус Христос
 Cicéron *см.* Цицерон, Марк Туллий
 Clayton J. D. ❖ 175, 379
 Cleopatra *см.* Клеопатра
 Constant de Rebecque *см.* Костан де Ребекк Б.
 D'Aubigny *см.* Добиньи
 Danilevskij R. Ju. ❖ 168, 380
 «De la Littérature du midi de l'Europe» *см.* Сисмонди Ж. Ш. Л. Симонд де
 Delwig *см.* Дельвиг А. А.
 «Der Russische Merkur», журнал ❖ 217
 Dittmer *см.* Дитмер А.
 «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands», журнал ❖ 103, 147, 148, 380, 382
 Dunning *см.* Даннинг Ч.
 Dureau de Lamalle *см.* Дюро де Ламаль Ж. Б. Ж. Р.
 Emerson *см.* Эмерсон К.
 England *см.* Англия
 «État de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie...» *см.* Маржерет Я.
 Etkind *см.* Эткинд Е. Г.
 Europe *см.* Европа
 Fletcher *см.* Флетчер Дж.
 Fongerey, de *см.* Фонжере М. де
 Germanicus *см.* Германик
 Gifford *см.* Гиффорд Г.
 Ginguéné *см.* Женгене П. Л.
 Gloucester *см.* Глостер
 Godunow *см.* Годунов Б. Ф.
 Goethe *см.* Гете И. В.
 Goldsmith, Oliver ❖ 381
 Greenleaf M. ❖ 168, 181, 380
 Guizot *см.* Гизо Ф. П. Г.
 Harry *см.* Генрих V
 Henri *см.* Генрих V
 Henri III *см.* Генрих III Валуа
 Herford C. H. ❖ 301
 Highland ❖ 305
 Holinshed *см.* Холиншед Р.
 Hugo *см.* Гюго В.
 Ivan *см.* Иоанн III Васильевич;
 Иоанн IV Васильевич
 «Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik», журнал ❖ 327
 «Je me présente...» *см.* Пушкин А. С.
 Job *см.* Иов, патриарх
 Johnson, Samuel ❖ 381
 Joukovsky *см.* Жуковский В. А.
 Karamsine *см.* Карамзин Н. М.
 Karamzine *см.* Карамзин Н. М.
 Knorring *см.* Кнорринг К. фон
 Kotzebue *см.* Коцебу А. Ф. Ф. фон
 Letourneur *см.* Летурнер П.
 «Literarischer Begleiter zum Russischen Merkur», журнал ❖ 217
 Loevé-Veimars *см.* Леве-Веймар Ф. А.
 Lopez de Vega *см.* Лопе де Вега
 «Lorsque j'écrivais cette tragédie...» *см.* Пушкин А. С.
 Loyola *см.* Лойола И.
 Machiavelli *см.* Макиавелли Н.
 Mackenzie H. ❖ 381
 Margeret *см.* Маржерет Я.
 «Mercure», журнал ❖ 245
 Merilhou *см.* Мерилу Ж.
 Mérimée *см.* Мериме П.
 Mignet *см.* Минье Ф. О.
 Mirabeau *см.* Мирабо О. Г. Р.
 Mitzkewitsch *см.* Мицкевич А.
 Mocha F. ❖ 276, 380
 Molière *см.* Мольер
 Montaigne *см.* Монтень М.
 Moscou *см.* Москва
 Moscovia *см.* Московия
 Moscovie *см.* Московия
 Moskau *см.* Москва
 Musorgsky *см.* Мусоргский М. П.

КОММЕНТАРИИ

- Néron *см.* Нерон
 Neuilly *см.* Нейи
- Otranto *см.* Отранто
- Palaiseau *см.* Палезо
 Peyerle *см.* Паерле Г. Г.
 Pimen *см.* Пимен, летописец
 Pouchkin *см.* Пушкин А. С.
 «Pour une préface...»
см. Пушкин А. С.
 Pouschkin *см.* Пушкин А. С.
 Pouschkine *см.* Пушкин А. С.
 Pushkin *см.* Пушкин А. С.
 Puschkin *см.* Пушкин А. С.
 Puškin *см.* Пушкин А. С.
- Racine *см.* Расин Ж.
 Reeve, Clara ❖ 381
 Revel ❖ 217
 Richard *см.* Ричард III
 Rosen *см.* Розен Е. Ф.
 Rossini *см.* Россини Дж. А.
 Rotrou *см.* Ротру Ж. де
 Ruffo *см.* Руффо М.
 Russie *см.* Россия
 «„Russische Bibliothek für Deutsche“
 von Karl von Knorring»
см. Булгарин Ф. В.
 «Russische Bibliothek für Deutsche»
см. Кнорринг К. фон
- Samozvanets *см.* Димитрий
 Самозванец
 Sandler *см.* Сандлер Ст.
- Schiller *см.* Шиллер Ф.
 Schlegel *см.* Шлегель А. В.
 Scott *см.* Скотт В.
 Seine *см.* Сена
 Shakespeare *см.* Шекспир У.
 Shakspeare *см.* Шекспир У.
 Shaw *см.* Шоу Дж. Т.
 Sismondi *см.* Сисмонди Ж. Ш. Л.
 Симонд де
 Solari *см.* Солари П. А.
 Southey *см.* Саути Р.
 St. Peterbourg *см.* Петербург
 Staël-Holstein *см.* Сталь А. Л. Ж. де
 Sterne, Laurence ❖ 381
 Svaton V. *см.* Сватонь В.
- «Table-talk» *см.* Пушкин А. С.
 Tacite *см.* Тацит
 Tacitus *см.* Тацит
 Taruskin R. ❖ 259, 381
 Thiers *см.* Тьер Л. А.
 Thomas a Kempis *см.* Фома
 Кемпийский
- Varnhagen von Ense *см.* Фарнгаген
 фон Энзе К. А.
 Vega Carpio *см.* Лопе де Вега
 «Vie de Shakspeare»
см. Гизо Ф. П. Г.
 Vigny *см.* Виньи А. де
 Vitet *см.* Вите Л.
 Voltaire *см.* Вольтер
- Wachtel *см.* Вахтел М.
 Walpole *см.* Уолпол Х.

Содержание

Борис Годунов
Репринтное воспроизведение

1 Борис Годунов

Приложения

3. Приложение I

«Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»

94. Приложение II

<Наброски предисловия к «Борису Годунову»>

Комментарии

101. «Борис Годунов»

101. Прижизненные издания

101. Журнальные публикации,
предшествовавшие изданию полного текста
трагедии

102. Рукописные источники трагедии

104. История замысла и текста

115. Издание трагедии и проблемы текста

154. Исторические источники «Бориса Годунова»

168. Литературный фон трагедии «Борис Годунов»

191. Стих «Бориса Годунова»

198. Проблема сценичности «Бориса Годунова»

201. Ранняя рецепция «Бориса Годунова»

218. Построчный комментарий

329. «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»

338. <<Наброски предисловия к „Борису Годунову“>>

360. Литература

382. Принятые сокращения

383. Указатель

Пушкин. Сочинения
Выпуск 2: Борис Годунов

Выпускающий редактор Алина Бодрова
Корректоры Ольга Поливанова, Мария Смирнова
Компьютерная верстка Тамара Донскова
Производство Семен Дымант

Новое издательство
119017, Москва, Пятницкая улица 41
Телефон/факс: (495) 951 6050
e-mail: info@novizdat.ru
<http://www.novizdat.ru>

Подписано в печать 24 июля 2008 года
Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура Minion. Объем 36 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Момент»
141406, Московская область
Химки, Библиотечная улица 11